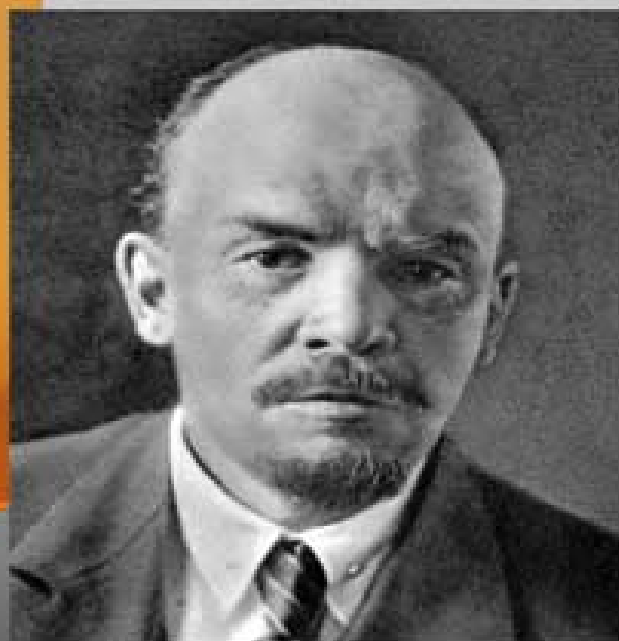

Александр Шубин

МИФЫ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ

Правда о Великой эпохе

Annotation

Эта страна проклята и ославлена. Эта эпоха объявлена самой страшной в истории России. Ее достижения приказано вычеркнуть из памяти. Ее герои густо замазаны грязью.

Заслуженно ли? Стоило ли менять парадные советские мифы на грязные антисоветские? Не поменяли ли мы, как говорится, шило на мыло?

И что в этих легендах было правдой, а что — безусловная ложь?

Q.A. Полная авторская версия. В сокращённом виде издавалась под названием «10 мифов Советской страны».

- [Шубин А.В](#)
 -
 - [Очерк первый](#)
 - [Очерк второй](#)
 - [Очерк третий](#)
 - [Очерк четвертый](#)
 - [Очерк пятый](#)
 - [Очерк шестой](#)
 - [Очерк седьмой](#)
 - [Очерк восьмой](#)
 - [Очерк девятый](#)
 - [Очерк десятый](#)
 - [Очерк одиннадцатый](#)
 - [Вместо заключения](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)

- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)

- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)

- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)

- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)

- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)

- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)

- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)

- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)

- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)

- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)

- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)

- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)

- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)

- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)
- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)
- [522](#)
- [523](#)
- [524](#)
- [525](#)

- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)
- [529](#)
- [530](#)
- [531](#)
- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)
- [538](#)
- [539](#)
- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)
- [544](#)
- [545](#)
- [546](#)
- [547](#)
- [548](#)
- [549](#)
- [550](#)
- [551](#)
- [552](#)
- [553](#)
- [554](#)
- [555](#)
- [556](#)
- [557](#)
- [558](#)
- [559](#)
- [560](#)
- [561](#)
- [562](#)

- [563](#)
- [564](#)
- [565](#)
- [566](#)
- [567](#)
- [568](#)
- [569](#)
- [570](#)
- [571](#)
- [572](#)
- [573](#)
- [574](#)
- [575](#)
- [576](#)
- [577](#)
- [578](#)
- [579](#)
- [580](#)
- [581](#)
- [582](#)
- [583](#)
- [584](#)
- [585](#)
- [586](#)
- [587](#)
- [588](#)
- [589](#)
- [590](#)
- [591](#)
- [592](#)
- [593](#)
- [594](#)
- [595](#)
- [596](#)
- [597](#)
- [598](#)
- [599](#)

- [600](#)
 - [601](#)
 - [602](#)
 - [603](#)
 - [604](#)
 - [605](#)
 - [606](#)
 - [607](#)
 - [608](#)
 - [609](#)
 - [610](#)
 - [611](#)
 - [612](#)
 - [613](#)
 - [614](#)
 - [615](#)
 - [616](#)
 - [617](#)
 - [618](#)
 - [619](#)
 - [620](#)
 - [*](#)
 - [**](#)
-

Шубин А.В

Мифы Советской истории

Война за людское сознание в наше время играет более важную роль, чем война за города и территории. И если мы хотим быть свободными и независимыми, руководствоваться своими интересами, а не внешними сигналами, управляющими нашим сознанием, то первый шаг к свободе — поиск истины, в том числе — реальной картины событий недавнего прошлого, их механизма и смысла.

История — это сфера, в которой закладываются наиболее глубокие стереотипы мышления, сопоставимые разве что с языковыми. Естественно, что манипулирование информацией не может обойтись без строительства исторических мифов. Миф — способ упрощенного мышления. Он опирается на одну часть реальности, игнорируя другую. Вырванные из реальности факты увязаны так, чтобы получилась простая схема, пригодная для управления сознанием человека в его сегодняшней жизни. Ему предлагаются образы героев для подражания и уважения, а злодеев — для негодования. Герои и злодеи должны быть похожи на сегодняшних персонажей, их действия должны быть сопоставимы с нынешней ситуацией. Собственная логика исторической ситуации только мешает мифотворцам. Но они вынуждены как-то считаться с ней. Ведь человек только тогда подчиняется мифу, если считает его правдой. Ведь помочь вам может только реальный исторический опыт, а миф помогает манипулятору вашим сознанием.

Очерк первый «Тоталитарный коммунистический режим» — что осудило ПАСЕ?

Историки озабочены поисками истины, складывают детали единой объемной картины прошлого, ведут сложные споры, опираясь на источники и четкие логические правила. Но публицистов и политиков эта работа мало интересует. Их не интересует истина. Их орудие — мифы. Они уже сделали нужные им обобщения, нужные для политической игры. В истории советского общества нет полутонов. Только одноцветный миф, пригодный для промывания мозгов.

* * *

25 января 2006 г. Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) осудила коммунизм. Формально речь идет о «тоталитарном коммунизме», но из резолюции следует, что всякий коммунистический режим является тоталитарным. Таким образом своего пика достигла маккартистская кампания, развернувшаяся уже в XXI веке. С чего бы это? Вроде бы время разоблачений и осуждений пришлось на 90-е гг., и в XXI веке можно обратиться к историческим событиям без прокурорской риторики.

Мне довелось наблюдать в непосредственной близости формирование официального евростандарта исторической мифологии. Так что начну эту серию очерков с личных впечатлений.

Парламентская ассамблея Совета Европы привыкла изобличать Россию в нарушениях прав человека. Робкие попытки российской дипломатии тоже критиковать государства Запада за нарушения прав человека (например, в Прибалтике или Косово) вызывают благородный гнев в ПАСЕ. Ну кто такие эти российские варвары, чтобы учить просвещенную Европу демократическим стандартам?

Чтобы раз и навсегда отучить нас от намерения напоминать Западу о «двойных стандартах», было решено высечь Россию

капитально — по всей строгости Суда Истории. Привлечь к ответственности за коммунизм — как Германию в свое время привлекли за нацизм в Нюрнберге. Идея «нового Нюрнберга» не нова, но характерно, что она возродилась в XXI веке, когда коммунистические режимы в Европе давно стали достоянием истории.

14 декабря 2004 г. по вопросу осуждения коммунизма состоялись слушания ПАСЕ. Их вела португальский депутат Агиер, явно тяготившаяся своей маккартистской миссией. Но работа есть работа. Зато эксперты «с той стороны» готовы были сражаться не за страх, а за совесть. «Тяжелая артиллерия» — редактор журнала «Коммунизм» и соавтор нашумевшей «Черной книги коммунизма» С. Куртуа и польский профессор Д. Стола. «Гвоздь программы» — бывший диссидент В. Буковский. Собственно — ему отдельное спасибо. То, что было у западноевропейских депутатов на уме, у него было на языке. Из выступления Буковского мы узнали, что цель «осуждения коммунизма» заключается в привлечении «виновной стороны» к ответственности за все безобразия современного мира. Ибо в них виноват коммунизм, а Россия — правопреемник Советского Союза. А Советский Союз — от начала и до самого конца — тоталитарное коммунистическое государство. Так что все вы, русские (кроме героических диссидентов), вышли из тоталитарной шинели, и вам всю жизнь предстоит учиться демократии у Запада, а не поучать его по поводу соблюдения прав человека.

Куртуа и Буковский атаковали без устали: коммунизм — столь же преступная идеология, как и фашизм, потому должна быть осуждена таким же образом. Хотя 90 % аргументов «прокуроров» относились к сталинскому периоду, требовалось осудить весь коммунизм от Маркса до Горбачева включительно. В зале витал дух американского сенатора Маккарти, устроившего в 50-е гг. «охоту на ведьм» в США, направленную против «левых». Маккарти обличал Сталина и искусственно увязывал с его преступлениями всех, кому не нравится капитализм. Также на слушаниях ПАСЕ действовали и эксперты «обвинения».

С. Куртуа обещал сорвать «покров умолчания» с преступлений коммунизма. Я приготовился выслушать какую-то сенсационную новость, сокрытую до сих пор «покровом умолчания». Но ничего нового нам не сообщили. С. Куртуа начал с того, что большевики

арестовали 20 рабочих. Нехорошо конечно, но по этому принципу можно осудить большинство европейских режимов, так как за свою историю они наверняка арестовывали и больше протестующих. В одной кучу докладчики свалили и загадочные дореволюционные планы Ленина прибегнуть к этническим чисткам (на просьбу сообщить, где докладчик это вычитал, Куртуа промолчал), и высылки, и собственно массовые убийства сталинского периода, и «подрывную» деятельность Луиса Корвалана против диктатуры Пиночета в Чили (об этом заговорил Буковский, до сих пор благодарный Пиночету за свое вызволение из заключения в обмен на лидера чилийских коммунистов). Буковский обогатил нашу беседу образом «моральной шизофрении», при которой до сих пор гонятся за нацистскими преступниками, совершавшими преступления 60 лет назад, и не трогают коммунистов. Правда, он тут же заговорил о преступлениях 70-летней давности, так что пришлось спасать от «моральной шизофрении» самого Буковского.

Чтобы разобраться во всей этой куче разнопорядковых исторических явлений, я предложил депутатам честно ответить себе на два простых вопроса. Во-первых, являются ли перечисленные злодеяния исключительным следствием именно коммунистической идеологии, или подобное поведение присуще также другим режимам и вызвано не коммунистической идеологией как таковой, а более глубокими социальными причинами? Во-вторых, является ли массовый террор и тотальные репрессии постоянным спутником коммунистического режима? Если нет, то осуждению подлежит не коммунистическая идеология, а конкретные явления в советской (и не только советской) истории, которые вызвали массовые убийства и репрессии.

Практически все, о чем говорили «обличители», мы легко можем найти в европейской истории вне всякой связи с коммунизмом. Слово «террор» приобрело европейскую известность со времен Французской революции, но Робеспьер не был коммунистом. В современных терминах он был социально ориентированным либералом. Из французского источника пошла добрая половина понятий большевиков, от комиссаров до термина «враг народа» (его якобинцы заимствовали в таком источнике европейской правовой культуры, как

Древний Рим). Так что коммунизм и в своих злодеяниях, и в своих достижениях, тесно связан с европейской культурой.

А откуда пошли концлагеря? Их «изобрела» британская колониальная администрация во время войн в Африке на грани XIX и XX веков. Эта же администрация несет ответственность за массовое вымирание крестьян в Индии из-за голода. Рассказы о высылках напоминают нам о ссылке противников республиканской Франции в Новую Каледонию уже в XIX веке. От голода и болезней ссыльные умирали тысячами. На фоне этих преступлений Маркс выглядел правозащитником.

Его последователь Ленин развязал красный террор, но это кровавое деяние разворачивалось одновременно с белым террором, и тоже не является исключительным следствием именно коммунистической идеологии. Деникин и Колчак были представителями либеральной и консервативной идеологий, но их армия осуществляла массовый террор и творила зверства, которые перекрывала разве что армия японских интервентов — тоже далекая от борьбы за коммунистические идеалы.

Озверение Гражданской войны в России вполне сопоставимо с озверением в Испании, где франкисты лютовали ничуть не меньше коммунистов.

Пакт «Молотова-Риббентропа», о котором говорил Куртуа, тут же освежает в памяти Мюнхенский пакт о разделе Чехословакии, который «либералы» Чемберлен и Даладье заключили с фашистами Гитлером и Муссолини. Осуждать один пакт и не осуждать другой — это ли не моральная шизофрения?

Масштабы уничтожения людей Сталиным колоссальны. Но попытка Буковского приписать ему рекорд по скорости уничтожения людей была нами легко опровергнута. Эта сомнительная честь принадлежит не Сталину, и даже не Гитлеру, а американскому президенту Гарри Трумэну, который за два дня (точнее — за две секунды) в 1945 г. уничтожил более 200 тысяч японцев в Хиросиме и Нагасаки — в подавляющем большинстве мирных жителей.

Сообщения о пытках в застенках НКВД ужасны. Но как не вспомнить при этом свежие цветные фото пыток, осуществленных «либерально-демократическими» оккупантами в Ираке?

Куда ни кинь — везде клин. Преступления Сталина и его сотрудинок, как известно, были осуждены еще XX съездом партии. Это осуждение было непоследовательным, но в период Перестройки, до распада СССР и даже до потери коммунистами монополии на власть к этому вопросу вернулись и провели гораздо более глубокое как правовое, так и историческое осуждение. Чего же еще?

Как чего! — восклицают «прокуроры». Вы не в состоянии сами осудить сталинизм как следует, и не желаете последовательно осудить весь коммунизм (подтекст: а значит — провести люстрацию, уволить из органов власти всех бывших коммунистов). Вообще, при разоблачении сталинизма было мало репрессий против организаторов террора.

И кого сегодня еще нужно арестовать? Ягду, Ежова, Берия и Абакумова? Нет, их уже расстреляли. Теперь надо помучить старичков, которые когда-то служили в НКВД-КГБ?

Прежде, чем устраивать новую «охоту на старичков», нужно наказать организаторов бомбардировок Югославии и войны в Ираке. Они несут общественную угрозу, а старички — нет. Западные либералы становятся тем кровожаднее, чем меньше ранг стрелочника, которого надо наказать. Американского сержанта или советского вертухая — агу его! А вот генерала или Салану — не дай Бог (о советских организаторах террора не говорю — или расстреляны, или померли). Это — лакмусова бумажка отношения к преступлениям против человечности. Под предлогом охоты на стрелочников начинается охота на ведьм, под видом осуждения коммунистических режимов, которые огульно объявлены тоталитарными — охота на коммунистические идеи и теорию классовой борьбы. Если осуждать преступления против человечности, то безотносительно тому, кто их совершал — коммунисты, либералы или националисты. Коммунизм в этом отношении принципиально не хуже и не лучше других.

* * *

«Прокурорам» особенно важно доказать, что коммунистический режим был и после Сталина также чудовищен, как нацизм. Вот

Горбачев по Буковскому — это военный преступник. Ведь при нем продолжалась война в Афганистане. Горбачева — в Нюрнберг. Но не американских генералов, действовавших в Ираке, не западных политиков, организовавших бомбардировки Вьетнама, Югославии и того же Ирака. Опять двойные стандарты, или, говоря словами Буковского, «моральная шизофрения».

Ее приступы то и дело заставляли Буковского возвращаться к любимому Пиночету. Его, беднягу, собирались в Чили судить. При нем по политическим мотивам уничтожили около 30 тысяч граждан. Даже если не все случаи удастся доказать, речь все равно идет о массовых убийствах. Буковский встает на защиту диктатора: ведь десять лет спустя после пиночетовского переворота Корвалан пробрался в Чили с целью проведения террористических операций. Вот он, источник мирового терроризма!

Пришлось спросить Буковского: кого взорвал Корвалан? Молчит Буковский. А вот жертв международного терроризма, осуществлявшегося Пиночетом, назвать несложно — в 1974 г. в Аргентине чилийские спецслужбы взорвали К. Пратса, а в 1976 г. на территории США — О. Летельера. Да и вообще, как то неудобно говорить о коммунизме как корне международного терроризма, когда выяснилось, что Бен Ладен вскармливался американскими спецслужбами во время войны в Афганистане.

Пытаясь как-то спасти Буковского от полного разгрома, Д. Стола взял на вооружение его теорию «моральной шизофрении», и с тем же самоубийственным эффектом. Вот, вы все о Пиночете, да о Сталине. А как же Ярузельский, подавивший движение «Солидарность» в 1981 г.? Говоря об ослаблении диктаторского характера коммунизма после Сталина, не вводите ли вы двойные стандарты — ведь демократии в коммунистическом блоке не было! Вопрос Столе: сколько лидеров «Солидарности» было казнено? Нисколько.

Коммунистические режимы со временем качественно изменились, как и антикоммунистические. Все дело в том, что «прокуроры коммунизма» не понимают различия между тоталитарными и авторитарными режимами. А ведь это — азы политической терминологии. Тоталитарный режим стремится к полному (то есть тотальному — отсюда и термин) контролю над жизнью общества и уничтожает с помощью террора неподконтрольные элементы.

Авторитарный режим не допускает демократии, проводит выборочные репрессии против своих открытых противников, но не претендует на полный контроль над обществом и не осуществляет массового террора против всех недовольных и неподконтрольных. Вполне очевидно, что после середины 50-х гг. советский режим приобрел авторитарный характер. Но ведь авторитарные режимы существовали по всей Европе. Более того, авторитарными были почти все европейские режимы вплоть до конца XIX века.

Если браться за осуждение авторитаризма, то можно начать с запада Европы — с португальского антикоммунистического режима Салазара, и до СССР мы дойдем не скоро. При упоминании Салазара ведущая заседание Агиера напряглась — она тоже жила при авторитаризме. Нет, так расширительно смотреть на этот вопрос она не готова — слишком много «скелетов в шкафу» Запада. Но почему же «расширительное толкование» допускается в отношении коммунизма? Ведь массовое уничтожение людей в СССР было только на протяжении конкретных периодов его истории (как и на протяжении отдельных периодов истории Западной Европы), а в 60-70-е гг. ситуация в СССР была другой. Ни массового террора, ни тотального единомыслия.

Само существование диссидентского движения доказывает, что режим не был тоталитарным. Иначе мы бы с В. Буковским даже не разговаривали, а поставили ему посмертный памятник. В СССР в 60-80-е гг. существовали массовые движения от экологического до песенного, которые не управлялись компартией, там шли дискуссии «либералов» и «почвенников», распространялись анекдоты про Брежнева и других Генсеков. И не будем забывать, что в 1990 г. КПСС потеряла монополию на власть, и Советский Союз стал плюралистичным обществом с многопартийной системой. Так что Россия, ставшая преемником СССР, является преемником тоталитарного режима в меньшей степени, чем современная Испания — наследница франкистской Испании.

Таким образом, попытка осудить коммунизм на основании событий Гражданской войны и сталинизма выглядит не более убедительно, чем стремление объявить преступной католическую веру на основе преступлений инквизиции. Вот это наше замечание вызвало возмущение одного из «депутатов-прокуроров»: «Как можно

сравнивать коммунизм и инквизицию, когда преступления коммунизма совершались в прошлом веке!» Забавно, но всего несколько лет назад то же самое можно было сказать и об инквизиции — последнее аутодафе было совершено в Испании в XIX столетии. Возмущение этих депутатов характерно — они все еще живут проблемами середины XX века и никак не могут научиться жить в веке XXI с его новыми вызовами и угрозами. В том числе и тоталитарными. Ведь манипулирование массовым сознанием, инструментом которого является упрощенный взгляд на историю с делением на черное и белое — это тоже признак авторитаризма, а в перспективе — и тоталитаризма.

Изложенные нами аргументы очевидно переломили ход дискуссии, и ряд депутатов и в своих выступлениях, и затем в частных разговорах поддержали взвешенную позицию — с коммунистами нужно и полезно спорить, преступления коммунистической эпохи никто не собирается замалчивать, равно как и достижений этой эпохи. Но все это — дело историков, а не судей. Поняв, куда дело клонится, польский эксперт «обвинения» Д. Стола с возмущением заговорил о намерении российских коллег «отправить мяч в Академию». Что же — правильно боится — в XXI веке теме преступлений коммунизма самое место на конференциях историков. В новом столетии мы сталкиваемся с преступлениями других сил.

После слушаний разговор продолжился в кулуарах. Здесь Агиера была более уступчива, да и что она могла противопоставить аргументам профессионального историка? Да, конечно, она не хочет использования своего доклада в интересах новых маккартистов. Конечно, после слушаний она сформулирует его осторожней, чем собиралась, со множеством оговорок...

Однако депутат Агиер не была избрана на следующий срок, зная подхватил шведский депутат Горан Линдблад. Он даже немного подредактировал тезисы, рассматривавшиеся в декабре — включив туда необходимость осуждения также и режима Франко. Но потом — после коммунистов. Вернулась формула «тоталитарные коммунистические режимы». Вроде бы хорошо — речь идет не о любых коммунистических режимах, а только о тоталитарных, а не о любых коммунистических режимах. Но нет. Из доклада Линдблада следует, что он так и не понял разницы.

В остальном меморандум Линдблада был столь же абсурден, как и декабрьские тезисы. Как только речь заходит о периоде после 1956 года, становится ясно, что авторы меморандума абсолютно безграмотны (применительно к другим периодам советской истории — малограмотны). Так, в качестве примеров геноцида и применения труда рабов приводятся ввод войск в Чехословакию в 1968 г., и подавление волнений в Польше в 1968 г. и в 1980–1981 гг. Интересно, а знает ли депутат Линдблад, что такое геноцид?

В июне 2005 г. Линдблад выступил перед группой российских ученых, которые придерживаются самых разных взглядов — в том числе и противников коммунистических идей. Они без труда «разнесли» предложенный шведом меморандум, указали ему на ученические ошибки, за которые ему бы поставили двойку в школе (во всяком случае в российской — насчет качества знания истории России в шведской школе судить не берусь).

Было видно, что шведу неудобно чувствовать себя в роли школьника, плохо выучившего урок. Он ссылался на недоработки предшественницы, обещал исправиться. Даже встретился с представителями КПРФ. Но вскоре был опубликован доклад, который лишней раз доказал: голос науки мало кого интересует не только в российских политических элитах, но и в западных.

В проекте Линдблада, который позднее был принят ПАСЕ, говорилось много интересного.

«Тоталитарные коммунистические режимы, которые правили в Центральной и Восточной Европе в прошлом веке, и которые всё ещё находятся у власти в некоторых странах, все без исключения характеризуются массовыми нарушениями прав человека». В принципе режимы самых разных расцветок характеризуются многочисленными нарушениями прав человека. «Буржуазные» режимы — не исключение. Так что коммунистические режимы следует обвинить в чем-то более конкретном: «Они включают отдельные и коллективные убийства, казни, гибель в концентрационных лагерях, голод, депортации, пытки, рабский труд и другие формы массового физического террора». И снова возникает вопрос — это у коммунистов всегда так или на протяжении отдельных периодов? Какие депортации и массовый физический террор происходил в СССР при Брежневе? Если речь идет не обо всей

истории советского общества, а лишь о тоталитарном сталинском периоде, то теряется главная мысль маккартистов — во всем виноват коммунизм. Ведь и в истории США встречались и депортации, и рабство, и геноцид, и казни по политическим мотивам...

Но Линдبلاد настаивает, что коммунистические режимы «характеризуются» преступлениями, о которых идет речь. То есть это — их характеристика. Почему же организаторы слушаний не считают, что, например, «США характеризуются массовым применением рабского труда, депортациями, геноцидом местного индейского населения и применением атомного оружия против мирного населения», хотя все это имело место в истории североамериканского режима. Такую же формулу можно сочинить о половине европейских стран, используя методику «расширительных характеристик», изобретенную евро-маккартистами.

Но может быть, доклад обличает не коммунистическую идеологию, а только практику? Нет уж. Линдبلاد и европейская маккартистская партия, стоящая за ним, категорична: «Оправдательным поводом для совершения преступлений являлась теория классовой борьбы и принцип диктатуры пролетариата».

Истинная цель кампании, таким образом — сама идеология коммунизма. Да что коммунизма — и социологическая теория классовой борьбы становится преступной, ибо «оправдывала» преступления.

Конечно, есть и другие теории, которые оправдывают преступления. Например, идея священной частной собственности оправдывала рабство в США, а идея американской нации — геноцид индейцев. Но ведь индейцы или японцы — чужаки. А вот «в странах с коммунистическим режимом было уничтожено громадное число людей собственной национальности». Другие народы уничтожать — это не так страшно. Японцев там в Хиросиме, арабов в Алжире, сербов в Югославии в 1999 г. Да мало ли примеров. А коммунисты — своих...

Любопытно, что логика маккартистов здесь подозрительно сближается с нацистской. Словно чувствуя это, авторы доклада стремятся провести прямую параллель между нацизмом и коммунизмом, дабы и осуждение прошло по образцу Нюрнберга: «Кроме того, авторы этих преступлений не были приведены к ответственности международным сообществом, как это было в случае

с ужасающими преступлениями, совершёнными во имя национал социализма (нацизма)».

* * *

Вот такая политическая мина. Надо отдать должное европейской общественности — маккартисты оказались под огнем критики. В конечном итоге нам удалось покачнуть чашу весов. Приняв резолюцию, депутаты отклонили рекомендации маккартистов. У резолюции были вырваны зубы. А там были интересные предложения: «развернуть кампанию, направленную на национальное осознание преступлений, совершённых во имя коммунистической идеологии, включая пересмотр школьных учебников...». Еще не хватает — и учебники придется переписывать. Конспект будущих евроучебников приведен в «Объяснительной записке» Линдблада.

Он настаивает, что сама коммунистическая идеология «явилась первопричиной широко распространившегося террора, массовых нарушений прав человека, гибели многих миллионов людей, и бедственного положения целых наций». Честно говоря, я — не сторонник коммунистической идеологии. И готов обсуждать ее отрицательные стороны. Но как историк я не могу не видеть, что ужасы, о которых говорят маккартисты — это результат не только идеологии, и они вполне могут проявиться в условиях совсем других идеологий. Создается впечатление, что нас стремятся с одной стороны отвлечь от корня проблем, а с другой — под видом борьбы с левым тоталитаризмом навязать новый правый манипулятивный тоталитаризм с либеральной упаковкой. Ведь коммунистическая идеология трактуется маккартистами крайне расширительно, и в готовящейся ими охоте на ведьм неизбежно пострадают сторонники любых левых идей — не только марксистско-ленинских: «различные элементы коммунистической идеологии, такие, как равенство и социальная справедливость всё ещё пленяют многих политиков»... Вот как! Равенство и социальная справедливость должны быть искоренены. А обличение тоталитаризма — лишь повод для этого.

Дальше Линдبلاد пытается подсчитать число жертв коммунизма по принципу аукциона: «Кто больше?!» В СССР у него вышло 20 миллионов жертв, из них, «6 миллионов украинцев погибло от голода в ходе хорошо продуманной государственной политики в 1932–1933 годах». Вот как. Сталин со товарищи сидели, думали, как уморить 6 миллионов украинцев. Даже странно, почему Линдبلاد не назвал цифру 10 миллионов. А то, глядишь, иной украинский националист подвергнет докладчика ПАСЕ критике за сокрытие истинного числа жертв голодомора.

Опасаясь критики еще более оголтелых маккартистов, Линдبلاد утверждает: «Цифры, приведённые выше, документированы. Они являются приблизительными подсчётами, существует обоснованная причина для подозрения, что должны быть намного выше». Хотелось бы попросить у Линдблода опубликовать материалы, «документирующие» гибель 6 миллионов украинцев.

Но ему не до того. Он занят осознанием коммунистического дьявольского замысла: «становится понятно, что преступная сторона коммунистических режимов не является результатом обстоятельств, но, скорее всего следствием хорошо продуманной политики, тщательно разработанной основателями таких режимов, даже до того, как они взяли власть в свои руки».

Это Ленин придумал голод 1932–1933 гг. Или Маркс? Не суть. Раз сторонники социальной справедливости заранее планируют все свои зверства, чтобы потом маньячески проводить их в жизнь невзирая на обстоятельства. Так что давить левых надо в зародыше. Таковы естественные выводы из доклада Линдблода. Ведь во имя идеологии, коммунистические режимы убили десятки миллионов богатых крестьян, кулаков, дворян, буржуазию, казаков, украинцев и другие группы. Совершенно непонятно, что коммунистическая идеология имела против украинцев. Впрочем, если бы Линдبلاد почитал марксистско-ленинскую литературу, он к удивлению своему обнаружил бы, что идеологи коммунизма не предусматривали физического уничтожения представителей указанных социальных групп. Речь шла о ликвидации социальных отношений. Так что фраза «Эти преступления являются прямым результатом теории классовой борьбы, необходимости уничтожения людей, которые считались бесполезными

для строительства нового общества» — не более, чем выдумка маккартистов. И ведь эту чушь они хотят включить в учебники.

* * *

Как и следовало ожидать, основные претензии к коммунистическому режиму у Линдблада относятся к периоду до 1953 г. Но нужно как-то доказать, что Россия и левые общественные движения — преемники тоталитаризма. Так что его историю нужно продлить до 1991 г. Отсюда — загадочная формулировка: «С середины 1950-х годов террор в европейских коммунистических странах значительно убавился, но выборочное преследование различных групп и отдельных личностей продолжалось. Оно включало в себя полицейскую слежку, аресты, заключение в тюрьмы, наказания штрафами, насильственное психиатрическое лечение, различные ограничения свободы передвижения, дискриминация на работе, что часто вело к бедности и потере профессионализма, публичные унижения и клевета». Ба, так это до сих пор продолжается. И по всему свету. Особенно наказание штрафами и клевета... Вот он, коммунизм, как распространился. Где тюрьма и насильственная госпитализация в психиатрическую лечебницу — там по Линдбладу — явные признаки коммунистического тоталитаризма.

При всей абсурдности рассуждений Линдблада, в итоге он опроверг сам себя. Указание на то, что в разные периоды нарушения прав человека были разными, обесмысливает идею. Можно сказать, что в истории всех обществ, в том числе капиталистических, были разные нарушения прав человека. Поэтому надо осудить все общества.

Нагородив такие горы, маккартисты претендуют на то, чтобы учить других истории: «Следовательно, общественность мало осведомлена о преступлениях, совершённых тоталитарными коммунистическими режимами». Если кто-то мало осведомлен об этом, то разве что Линдблад и его консультанты. Но их интересует не историческая реальность, а политические выводы и санкции: «Коммунистические партии активны и существуют на законных основаниях в некоторых странах, даже если они и не отделили себя от

преступлений, совершённых тоталитарными коммунистическими режимами в прошлом».

В большом долгу перед миром не только партии, но и страны: «Дебаты и осуждения, которые прошли пока на национальном уровне в некоторых государствах членах Совета Европы, не могут освободить международную общественность от обязательства занять чёткую позицию по отношению к преступлениям, совершённым тоталитарными коммунистическими режимами». Признайте, что ваше государство было преступным. А уж юридические следствия из этого мы сделаем за вас.

Возвращаются времена политического заказа на «правильные идеи». Рамки плюрализма в новой Римской империи сужаются. Не является ли попытка осудить одну из социальных идеологий на уровне ПАСЕ пробным камнем для превращения «европейских стандартов» политкорректности в идеологическое прокрустово ложе?

Советская история не вмещается в догмы «евростандарта». Советское общество так и не стало полностью тоталитарным, потому что режим никогда не управлял всеми сторонами жизни советских людей. При официальной марксистско-ленинской идеологии, например, сохранялось православное сознание, продолжала действовать Церковь (и не одна). Продолжали работать писатели, взгляды которых совсем не укладывались в официальные (классические примеры — Булгаков, Ахматова, Зощенко и др.). И это — в самые «суровые» годы, когда можно говорить о тоталитарном характере режима. А в 60-80-е гг. советское общество полно многообразием идей, общественных движений, культурных течений. История советского общества — это и модернизация, проведенная жестокими тоталитарными средствами, и авторитарный каркас режима, и идеи социальной справедливости, которые вызывают такой ужас в ПАСЕ, и величайшие взлеты науки и культуры, опередившие время, и разгром нацизма, и противостояние империализму западных государств, и надежда на то, что мир неравноправия, господства, массовой нищеты — это не навсегда. Современные маккартисты надеются вбить в эту историю «осиновый кол». Напрасная надежда. Советская культура, советское мировоззрение, левая альтернатива капиталистическому глобализму не просто не похоронены — они и вовсе не умирали.

Очерк второй

Мифы Февральской революции: заговор масонов, массовый психоз, военный путч?

И «белые», и «красные» идеологи недолюбливали эту революцию. Первые — за то, что она разрушила милый их сердцу вековечный деспотизм, вторые — за беспечное презрение к «единственно верным идеям» большевистских вождей. С началом перестройки интеллигенция ухватилась за Февраль как за пример «бескровной революции», победы «парламентской демократии». Но на самом деле Мартовский взрыв не был ни тем, ни другим. Наигравшись новой игрушкой, «властители дум» отбросили ее, так и не поняв ее сути. Теперь в моде «добрейший» царь Николай.

Революция — это и массовые выступления, и стихия, и раскол правящей элиты, и переворот. Раз есть переворот, то уместно заподозрить заговор. События в Петрограде поставили страну на грань гражданской войны, и генералы нашли решение проблемы, фактически арестовав царя.

Не была ли эта комбинация продумана заранее, не была ли вся Февральская революция результатом хорошо продуманного заговора?

С точки зрения мифа, этот вывод напрашивается сам собой. Ведь в Российской империи народу жилось хорошо, и сам по себе он свергнуть любимого царя батюшку не мог. Значит, все было организовано внешними силами — то ли немцами, то ли англичанами, то ли масонами, то ли всеми вместе. Масонский заговор связывают с еврейским. В любом случае масоны — это организация, управляемая «мировой закулисой».

Как видим, подозреваемых немало.

Заговоры и разговоры

Когда речь заходит о причинах Февральской революции 1917 г., мифотворцам скучно рыться в социально-экономических

предпосылках, заниматься изучением положения народа. Российская империя представляется им каким-то сказочным царством, где решены или вот-вот будут решены все основные социальные проблемы. Нынешние легенды о Российской империи дальше от реальности советских легенд о замечательной жизни в СССР. Так что в мифологизированном сознании революция 1917 г. становится такой же непонятной, как Перестройка. Народ жил счастливее некуда. Дальнейшему процветанию помешала война. Но все же народ продолжал любить своего государя. И вдруг, внезапно вышел на улицы, стал творить разные безобразия против властей, и в итоге рухнуло мощное государство. Объяснить это можно только заговором. Хитрые заговорщики обманом натравливают счастливый, но глупый народ, на сильную, добрую, но излишне благородную власть Святого Царя Николая II.

Авторитет Николая II на протяжении его правления падал, а число недовольных его режимом росло. Ходынская давка воспринималась еще как дурное предзнаменование, но трагедия 9 января 1905 года была уже результатом политики императора. Никуда от этого обстоятельства не деться. Приняв под давлением революции манифест 17 октября и согласившись на создание парламента с урезанными правами, Николай перекраивал избирательное законодательство, чтобы обеспечить более выгодный для самодержавия состав депутатского корпуса. Делиться властью с «общественностью» он не желал. Что же удивляться, что «общественность» (то есть интеллигенция и политизированная часть буржуазии) относилась к самодержавию критически, и по мере сил интриговала против имперской бюрократии, эффективность работы которой оставляла желать лучшего. Закрытость круга, где принимались ключевые для страны решения, породила множество слухов, а уж затем оппозиционная пресса могла раздувать реальные и выдуманные сообщения о нечистоплотности царской семьи. Эта ситуация встречается во многих странах, где разлагаются аристократические порядки. Уже повод задуматься об объективных обстоятельствах, которые приводят к революциям. Впрочем, пока мифотворцы задумались (если вдруг), мы попробуем присмотреться к их аргументам о заговорах.

Заговоры-то все-таки были. Просто не следует считать их причиной событий. Они были лишь их промежуточным следствием. И часто — второстепенным, не сыгравшим существенной роли в реальных событиях.

В ходе революции 1905–1907 гг. возникла сеть многообразных связей между общественными деятелями, активистами самых разных, публично противостоящих друг другу организаций, подпольных и легальных. В этой «тусовке» можно было встретить и влиятельного предпринимателя, недовольного властями, и террориста, способного организовать «экс» банка, и либерально мыслящего офицера Генерального штаба, и кадетского депутата. Это — нормальное явление, естественное следствие появления гражданского общества. Оно все состоит из разнообразных контактов, но это не значит, что все люди, причастные этим контактам — участники одного разветвленного заговора. Заговорщики должны согласовывать свои действия, подчиняться единому центру, выполнять его указания. Иначе — никакого заговора нет. А есть только миф о нем.

* * *

Первая мировая война определила развитие всего XX века, исковеркав судьбу Европы, а затем и мира, война предопределила эпоху революций и конфликтов, вылившихся затем во вторую всемирную бойню. Особенно тяжело от последствий войны пострадала Россия.

Для Германии, Австро-Венгрии и России война закончилась революцией. Можно сколько угодно рассуждать о масонах, интригах оппозиции и происках шпионах врага. Но все это было и во Франции, Великобритании. А там революций не произошло. Где слабо, там и рвется.

Война уже через год после своего начала дезорганизовала социально-экономическую жизнь страны. Участились сбои в работе транспорта. Сельское хозяйство сокращало производство продовольствия в условиях, когда нужно было кормить не только город, но и фронт. Царская бюрократия не могла решить эти

сложнейшие задачи, но проявляла свою инициативу в коррупции и других злоупотреблениях, средоточием которых общественность была склонна считать императорский двор. Война активизировала общество, а неудачный ход боевых действий сделал его более оппозиционным.

Либеральные деятели были не прочь воспользоваться ухудшением ситуации, чтобы добиться воплощения в жизнь своей мечты — конституционной монархии, развития страны «по английскому пути». Но ведь ситуация действительно продолжала ухудшаться, и настолько, что это стало вызывать опасения «русского бунта, бессмысленного и беспощадного». «Общественности» приходилось маневрировать перед двумя перспективами — глухой абсолютистской реакции и смуты. Задача либералов в этих условиях заключалась в том, чтобы добиться от императора конституционных уступок до того, как режим доведет дело до социальной революции. «Подразумевалось, что думские политики, не желающие возникновения революционных уличных выступлений, должны критиковать власть в стенах парламента, решительно высказывая претензии от имени народа»^[1], — воспроизводит историк И. Л. Архипов расчеты оппозиции. Они были бы оправданы, окажись власть более гибкой. Но Николай II упрямо отказывался от уступок, чурался перемен, заменяя действия колебаниями.

В 1915 г. представленные в Думе политические партии попытались установить контроль за деятельностью государственного аппарата, выдвинув лозунг ответственного министерства (т. е. кабинета министров, ответственного перед парламентом, а не перед монархом). Однако Николай II считал недопустимым делиться и толикой власти сверх того, что у него вырвали силой в 1905 г.

Стремление императора сосредоточить в своих руках как можно больше полномочий в условия войны еще сильнее «подмочило» его авторитет. Поражения 1915 года, назначение себя на пост главнокомандующего, отказ пойти на уступки даже умеренно-оппозиционному Прогрессивному блоку — все эти известные обстоятельства изолировали самодержца. Что ж тут поделать, такая у правителей планида — чем больше тянут на себя власти, тем сильнее одиночество.

Если правитель не привлекает к сотрудничеству «общественность», она начинает работать в режиме «теневого кабинета» — искать пути воплощения в жизнь своих идей вопреки воле «некомпетентной» и эгоистичной власти.

Пропагандистская кампания «Прогрессивного блока» сделала Думу центром общественного недовольства и снискала ей значительную популярность, в том числе и в армии.

Но все интриги и элитарное возмущение не могут привести к гибели системы, если широкие слои населения довольны жизнью. Охранное отделение сообщало в канун Февральской революции: «Если население еще не устраивает голодные бунты, то это еще не означает, что оно их не устроит в самое ближайшее будущее. Озлобление растет, и конца его росту не видать»^[2].

* * *

Казалось бы, картина событий понятна. Самодержавие своей неэффективностью и неуступчивостью довело страну в условиях войны до глубокого кризиса. Население и не выдержало. В феврале 1917 г. хватило призыва небольших революционных групп, чтобы население Петрограда вышло на улицы. Но мифотворцам такая картина не нравится. Нужна интрига, детектив, заговор тайных сил.

При этом в качестве главных заговорщиков называют людей вполне известных, никак не тайных — Гучкова, Родзянко, Милюкова. Может быть, они жили двойной жизнью. Утром выступали с высоких трибун, а ночью писали закодированные письма?

Каково было соотношение легальных и нелегальных действий либеральной оппозиции? В 1915 г. «общественность» имела вполне легальные структуры, которые занимались поддержкой тыла с одной стороны, и критикой правительства с другой — думский Прогрессивный блок, лидерами которого были спикер думы, октябрист Родзянко и кадет П. Милюков, Центральный военно-промышленный комитет во главе с октябристом А. Гучковым, и земско-городской союз (Земгор), лидерами которого был князь Г. Львов и московский городской голова М. Челноков.

Очевидная неэффективность бюрократического аппарата, особенно проявившаяся в 1915 г., позволила «общественности» активно включиться в дело снабжения армии через «Красный крест», земские организации и военно-промышленные комитеты. Насколько эффективна была эта работа — можно судить по-разному, но интеллигенция и буржуазия отдавали предпочтение своим организациям. Туда привлекались финансовые и интеллектуальные ресурсы. Чиновничество в большинстве своем относилось к сети общественных организаций с недоверием. Это привело к соперничеству, «перетягиванию каната» между чиновничеством и «общественностью» в деле «организации тыла».

Поскольку депутаты были людьми известными, на них выходили все новые недовольные. В условиях военных поражений — и военные, готовые поиграть в «декабристов» ради того, чтобы сделать войну более «толковой» и победоносной. Не удивительно, что потенциальные военные заговорщики обращались к Александру Гучкову, который одно время возглавлял комиссию Думы по вопросам обороны и вообще слыл ведущим военным специалистом в депутатском корпусе. Во время войны он возглавлял Центральный военно-промышленный комитет. По признанию самого Гучкова, он вел секретные беседы о возможности дворцового переворота. Вот, наконец, и заговор. Что и требовалось доказать? Нет, доказать требовалось не это. Привел ли заговор Гучкова к свержению самодержавия, или речь идет о салонных конспирациях, которые так и остались разговорами, а самодержавие рухнуло в результате народных выступлений, с Гучковым никак не связанных?

* * *

Собирать кадры либерально настроенных военных, как их называли после турецкого переворота 1908 г. — «младотурков», Гучков начал практически сразу после первой революции. Сочувствие военных либеральным западным идеям росло по мере дискредитации самодержавия.

Сам Гучков не относился к своим контактам с военными как к заговору, не скрывал их и даже любил бахвалиться ими^[3]. Так что об этих встречах, имевших легальное обоснование по части Военно-промышленного комитета, знала половина Петербургского света. В узком кругу с Некрасовым и Терещенко обсуждали более решительные действия, но практических приготовлений сделано не было. Высокоставленный чиновник-путеец Ю. Ломоносов вспоминал о разговорах подобного рода, которые велись «даже за генеральскими столами. Но всегда, при всех разговорах этого рода наиболее вероятным исходом казалась революция чисто дворцовая, вроде убийства Павла»^[4].

Когда после провала снабжения армии 1915 г. предприниматели создали военно-промышленные комитеты, снабжавшие армию, генералы сотрудничали с их организаторами и продолжали проникаться либеральными идеями. В этом нет ничего сверхъестественного и требующего разыскания заговора.

Либеральные идеи не были чужды великому князю Николаю Николаевичу, генералам М. Алексею, В. Рузскому, А. Лукомскому, А. Брусилову, А. Деникину, Ю. Данилову, А. Поливанову. А ведь они в ходе войны возглавляли фронты и штабы фронтов, занимали и более высокие должности, а Алексей — возглавлял штаб Ставки. Поливанов в 1915–1916 гг. был военным министром, усиливая кадровые позиции либералов.

Благодаря Поливанову военно-промышленные комитеты получили широкие права по распределению государственных военных заказов между заводами.

Военным, раздраженным ситуацией, в которой аристократическая элита не могла обеспечить нужды армии, нравилось потакать либеральной критике. На заседаниях Особого совещания по обороне под председательством Поливанова Родзянко и Гучков могли позволять себе самые ехидные замечания в адрес правительства.

Либерализм военных был оборотной стороной их недовольства правительством и самим Николаем, о котором генерал Лукомский в бытность его заместителем военного министра говорил: «Мало ли что Государь находит достойным одобрения! Всем вам известна неустойчивость его взглядов»^[5].

Алексеев отзывался о правительстве: «Это не люди, а сумасшедшие куклы, которые решительно ничего не понимают»^[6]. Очевидно, что Алексеев предпочел бы такому правительству кабинет либералов, тем более — знакомых ему лично и доказавших свое здравомыслие и патриотическое рвение.

Либеральные военные были не против, чтобы правительство сформировалось из представителей либерального крыла думы. Казалось, что тогда власть будет иметь более прочную опору в обществе, можно будет легче привлечь частные капиталы к делу снабжения армии.

Эти надежды были в значительной степени иллюзорными, но вполне естественными для того времени.

Многие люди во фраках или погонах считали тогда, что было бы неплохо ограничить произвол аристократов правильно организованным представительством «общественности», сделать «как в Англии». Эта простая идея приходила в голову интеллигенции и в начале, и в конце XX века. Люди, которые считают себя интеллектуальной элитой, уверены, что они сохранят эту роль в обществе, устроенном по западному образцу, и не будут отброшены капитализмом в социальный осадок...

Англофильство оппозиции как нельзя лучше стыковало патриотизм, германофобию и либерализм. В знаменитой речи 1 ноября 1916 г. в Думе Милюков предложил только два объяснения негодного руководства самодержавной администрации: «глупость или предательство». Это объяснение затем приглянулось и коммунистам, когда они искали причины неудач собственной политики или даже простых аварий на производстве. Какими не были бы идеологические разногласия, но логика политической борьбы сближает деятелей разных взглядов. Можно было объяснять все неудачи происками скрытого врага, который использует некомпетентных ротозеев.

В канун Февральской революции либералы в патриотическом рвении искали предательство в окружении царя, где по распространенной версии свили гнездо «темные силы». Их оплотом считалась императрица Александра Федоровна. Либералы видели в императрице сильную личность, которая вредно влияет на слабовольного мужа в интересах германофильской партии (немка все-таки). Депутатам казалось, что они будут лучше смотреться у

государственных рычагов. Им не приходило в голову, что источник проблем может крыться в устройстве самой бюрократической машины, которую либералы готовы были запустить «в нужном направлении».

Зато в либеральных салонах оживленно обсуждались составы будущего правительства^[7]. Результаты этих обсуждений впоследствии пригодились.

При этом и многие участники досужих политических разговоров того времени рассуждали так же, как мифотворцы конца XX — начала XXI вв. Начинается с того, кто мог интриговать против царя. А кончается уверенностью, что именно он стоит во главе разветвленного заговора. Михаил Родзянко вспоминал: «Мысль о принудительном отречении царя упорно проводилась в Петрограде в конце 1916 и в начале 1917 года. Ко мне неоднократно и с разных сторон обращались представители высшего общества с заявлением, что Дума и ее председатель обязаны взять на себя эту ответственность перед страной и спасти армию и Россию... Многие при этом были совершенно искренне убеждены, что я подготовляю переворот, и что мне в этом помогают многие гвардейские офицеры и английский посол Бьюкенен»^[8].

В легендах о заговоре упоминается совещание у Родзянко 9 февраля 1917 г. В совещании участвовали Гучков, генерал Рузский и полковник Крымов. Но сам Родзянко в своих мемуарах об этом не вспоминает и вообще подчеркивает, что молва приписывала ему лишнее по заговорщической части. Так что речь скорее всего идет об очередной встрече военно-депутатского кружка Гучкова. Обсуждалась возможность ареста царя во время его пребывания в районе дислокации армии Рузского. Арест, вероятно, должен был осуществить Крымов с группой офицеров. Срок переворота намечался на апрель 1917 г. Это уже больше похоже на то, что произойдет во время Февральской революции. Но за одним исключением — арестовав царя, группа заговорщиков оказывалась один на один с остальной империей, все еще лояльной Николаю II. В Петрограде оставалось назначенное им правительство, в ставке — не посвященный в эти планы Алексеев, рядом — верные пока царю части. Это обрекало попытку переворота на крах.

Разговоров было много, но дело шло медленно. Максимум успеха — группа решительных офицеров во главе с генералом Крымовым, которая надеялась перехватить императорский поезд и заставить царя отречься. Если откажется — тогда поступить как с Павлом I. Но и здесь все осталось на уровне разговоров — боевую группу еще только предстояло сформировать.

Высокопоставленные военные иногда тоже строили абстрактные планы путчей, но отдельно от Гучкова. По рассказам Львова, он консультировался на эту тему с Алексеевым осенью 1916 г. Генерал считал, что все зло — в царице, и нужно ее арестовать и заточить^[9]. Этот план не лучшим образом характеризует умственные способности генерала. Он искренно считал, что все зло — в царице. Споры нет, женщина она была не самая приятная. Но сколько бы она просидела в заточении, а заговорщики, ее арестовавшие — в своих креслах? Ведь Николаю-то Алексеев при этом собирался оставить всю полноту власти. Он был противником широкомасштабного переворота, так как «государственные потрясения» несут «смертельную угрозу фронту»^[10]. Этот эпизод можно расценивать как доказательство раздражения Алексеева ситуацией при дворе, но никак не реальной подготовки переворота. Создав свой смелый план решения всех проблем с помощью ареста царицы, Алексеев явно был не в курсе планов Крымова. Может быть, Алексеев просто водил Львова за нос? Вряд ли. Если бы генерал был вовлечен в заговор Гучкова-Крымова, то мог бы легко перебросить группу офицеров Крымова к царскому поезду, особенно во время Февральской революции. Но этим «инструментом» не воспользовались, так как Алексеев ничего не знал о планах Гучкова, а у Крымова на практике не было никакой реальной группы боевиков.

Контактируя с отдельными офицерами и даже генералами, либеральным политикам не удалось заручиться поддержкой «критической массы» военных руководителей, которые приступили бы к подготовке военного переворота в столице. А без этого можно вести либеральные беседы еще долго, пока кризис самодержавия не вызовет настоящую революцию.

Но эта пропаганда имела важный результат — значительная часть офицерского корпуса склонялась к мысли, что авторитетные гражданские лидеры считают конституционную монархию

оптимальным государственным устройством. Это нужно было учитывать, делая ставку на сотрудничество с либеральной буржуазией при снабжении армии.

Масоны, масоны, кругом одни масоны

Легальная деятельность оппозиции и консультации либералов с военными переплетались с загадочной деятельностью масонов. Не смыкается ли реальная политическая игра кануна революции со средневековыми мистическими играми. Мифотворцы уверены — империю погубил тайный заговор мистического ордена масонов.

Возникнув как оппозиция католическому мировоззрению и европейскому абсолютизму, масоны превратились в накопитель разнообразных нелегальных религиозных, философских и политических идей. На заре Нового времени они приучились скрывать свои цели за ритуалами и шифрами. Понятно и всеобщее недоверие к масонами, которые считают всех остальных профанами, и интерес к их секретам — а вдруг они действительно определяли ход мировой истории или обладали сверхзнанием, которое изменит наш мир. Не будем разочаровывать искателей масонских тайн позапрошлых веков. Но раз уж масонов объявляют творцами истории XX века, давайте разберемся, что известно достоверно. Рассмотрим роль масонов в Февральской революции.

Источники по реальной истории масонских организаций немногочисленны и противоречивы. Историки (не путать с публицистами и драматургами) провели разбор этих источников, указав на очевидно недостоверные и путанные свидетельства, после чего круг достоверных сведений сузился еще сильнее^[11].

Например, писательница Н. Берберова решительно расширяет круг масонов, ссылаясь на эмигрантские слухи, впрочем, сами по себе противоречивые^[12]. К этим свидетельствам следует относиться осторожно уже потому, что свидетельства о дореволюционном масонстве здесь переплетаются с эмигрантскими историями. Если ряд деятелей дореволюционной оппозиции занялись модной масонской

игрой в эмигрантском безделии, это не доказывает их членство в ложах до февраля 1917 г.

Масонство было модной игрой российской элиты в эпоху между двумя революциями, элементом культуры эпохи Серебряного века, заимствованным из Франции (прежде всего от ложи «Великого востока Франции»). Это масонство сохраняло следы традиционного масонства — с мистическими атрибутами, которые могут вызывать улыбку или обвинения в сатанизме. Его политическое влияние было минимальным. В 1909–1910 гг. масоны были замечены охранкой и под давлением властей филиал «Великого Востока Франции» в России формально самораспустился. Ряд бывших членов французского масонства и действующих оппозиционных политиков решили использовать форму масонства для создания независимой от зарубежных масонов подпольной политической организации. В 1910–1912 гг. была создана новая организация «Великий Восток народов России», где уже не было масонских ритуалов, зато под покровом «масонской» секретности велись оппозиционные политические консультации и согласовывались некоторые политические акции. Верховный совет организации был выборным, характерная для настоящих масонов иерархия «градусов» была отменена. В эту организацию вошел ряд деятелей кадетской партии, а также социалисты А. Керенский и Н. Чхеидзе.

Такова «объективка», которая в целом не оспаривается специалистами, как бы они не оценивали роль масонства в событиях начала XX века.

А дальше начинаются многочисленные вопросы. Были ли новые масоны мистическим орденом, враждебным империи не по политическим, а по религиозным мотивам сатанинского или иудаистского неприятия православной империи? Кто входил в состав масонской организации и насколько широки были связи масонства и всеохватен его заговор? Насколько организация управляла своими членами? То есть была она клубом политических консультаций или действенной централизованной организацией? Каковы были конкретные действия масонов во время Февральской революции, которые были продиктованы масонской организацией. Иными словами, организовала ли она Февральскую революцию?

Историк Н. Н. Яковлев, активный защитник советской державы от происков диссидентов, неумолимо расследовал также и подрывную работу масонов против России. Он уверен, что после роспуска ложи «Великого Востока» «другие ложи, неизмеримо усилив конспирацию, продолжили свою работу по овладению ключевыми постами в государственной иерархии Российской империи»^[13]. Что это за ложи и на какие ключевые посты сумели они провести своих членов?

Масоны вроде бы руководили «Прогрессивным блоком» в Государственной Думе. Но он, как известно, не смог добиться контроля над правительством, после чего «те, кто считали себя руководителями русской буржуазии, решили из мозаики лож, орденов и братств отковать единую тайную организацию»^[14]. Здесь Яковлев загадочен, как масон. Кто эти загадочные «те»? Что за мозаика «лож, орденов и братств», и чем они отличаются друг от друга. Впрочем, стоит ли вникать в такие детали, когда вот-вот возникнет единая «откованная» тайная организация, которая заменит собой «мозаику» и будет действовать под руководством «тех» самых вождей буржуазии.

Размах «заговора по типу масонских лож» оказался нешуточным: «организация пронизывает и охватывает высшую структуру Российской империи, особенно двор, бюрократию, технократию и армию»^[15]. Тут бы неплохо привести примеры масонов, руливших двором и правительством. И почему, раз все так «схвачено», Прогрессивный блок не сумел договориться с правительством. Кругом одни загадки, но Н. Н. Яковлева это не пугало. У него была улика — найденная в бумагах депутата А. И. Гучкова и в материалах полиции — «Диспозиция № 1» «Комитета народного спасения» 1915 г. Депутат Гучков, видный предприниматель, мечтавший, как мы видели, о перевороте. Так что он — фигура, во всех отношениях пригодная для того, чтобы объявить его главой заговора масонской буржуазии (или буржуазного масонства — все едино). Да и бумага суровая, составленная с офицерской прямоотой: «немедленно назначить штаб верховного командования из десяти лиц, предоставив сие основной ячейке: кн. Львов, А. И. Гучков и А. Ф. Керенский... Верховное

командование организованное народом в борьбе за свои права принять на себя А. И. Гучкову, как объединяющего в себе доверие армии и Москвы, отныне не только сердца, но и волевого центра России»^[16]. Так что по этому плану Гучкову следовало обосноваться в Москве и командовать оттуда «штабом десяти», армией, прессой и петербургскими депутатами.

Правда, ничего масонского здесь нет. Писано сие скорее офицером, пытавшимся приложить законы казармы к политической сфере. Гучков был более опытным политиком, чтобы писать такие вещи. Во всяком случае, появление «диспозиции» в его архиве еще никак не доказывает, что именно он — автор и даже что он согласен с планом создания «комитета». Мало ли прожектов передают депутату.

Сам текст по стилистике очень сильно отличается от депутатских и масонских документов, и читая его и тем более сопутствующую ему «Диспозицию № 2», трудно не согласиться с А. Я. Аврехом, что это — «типичный образец политической графомании»^[17]. Автор судя по стилю — офицер, который надеется своей диспозицией заставить разношерстных политиков ходить строем под командой Гучкова.

* * *

Пусть забавный «приказ № 1» 1915 г. — исторический курьез. Но ведь Гучков действительно строил планы переворота, хоть и малореальные. Насколько он мог опереться при этом на масонскую организацию? Начнем с того, что нет надежных свидетельств участия Гучкова в масонстве до революции (он стал масоном уже в эмиграции)^[18]. Вспоминая о действиях масонов в канун февральской революции, один из их лидеров Н. Некрасов видит важное достижение в том, что удалось «нащупать» группу Гучкова и связанных с ним военных^[19]. То есть по Некрасову Гучков был союзником масонов, а не участником их организации.

Гучков взаимодействовал с масоном Некрасовым. Но планы их не совпадали. В феврале Гучков рассказал о своем плане апрельского переворота, после которого Крымов должен был быть назначен генерал-губернатором Петербурга и произвести репрессии против

оппозиции: «Левые захотят воспользоваться переворотом, и необходимо в столице иметь человека, который не побоялся бы перевешать кого надо. Крымов такой — он в три дня очистит Питер от всех, кто не нужен»^[20]. Но перспектива такого «нового порядка» масонам не улыбалась. Дело в том, что они делали ставку на союз с левыми (о чем ниже).

С. Мельгунов реконструирует такую структуру заговора от Гучкова до большевиков. Гучков-Терещенко-Крымов планируют напасть на императорский поезд в марте 1917 г. (На самом деле — в апреле, но Мельгунову важно, чтобы план заговорщиков был как можно ближе к реальной картине революции). С этой троицей контактируют масоны, что позволяет рассчитывать на поддержку думской оппозиции. Важную роль играет Терещенко, через которого Гучков контактирует с Родзянко...^[21]

Стоп. Какой-то абсурд получается. Зачем Гучкову и Родзянко общаться через Терещенко, когда они и так прекрасно знакомы по думской деятельности и даже принадлежат к одной фракции октябристов.

А нужно это, чтобы демонизировать фигуру Терещенко, ибо он внезапно «всплывает» в первом составе Временного правительства, что стаёт главным доказательством участия в его формировании неких таинственных закулисных сил.

Но зачем Гучкову нужны масоны, непонятно. Гучков и так связан с думской оппозицией. Масоны связаны с социал-демократами, а Гучков и Крымов собираются в случае успеха переворота провести в этой среде репрессии. Так при чем здесь масонские связи? Может быть, Гучков хотел попользоваться социалистами для провокации волнений, а потом устроить им «ночь длинных ножей»? Тоже не получается. У Гучкова в ВПК есть рабочая группа, и весьма влиятельная. Он собирался налаживать отношения с рабочим классом через эту группу. Но если Гучков надеялся опереться на рабочую группу ВПК, то ничего из этого не вышло. В февральские дни она стала организовывать Совет. А это прямо противоречило планам Гучкова. Более того, он не ждал волнений в Петрограде для осуществления своих планов. Напротив, февральские волнения сорвали весь план Гучкова. Правда, без революции он был тем более нереален.

Итак, Гучков действовал в контакте с масонами, но две эти группы были вполне самостоятельны. Гучков был полон решительных идей, но не имел средств к их осуществлению. Масоны были полны осторожности. Устройство лож было рассчитано не на управление членами, а на организацию благожелательного диалога между ними. Меньшинство не было обязано подчиняться большинству. Стороны стремились найти консенсус^[22]. Так что говорить о централизованной дисциплинированной организации не приходится. Масон А. Гальперн вспоминал о ложе: «главное, что я в ней ценил с самого начала, это атмосфера братских отношений, которая создавалась в ложах между их членами — безусловное доверие друг к другу, стремление к взаимной поддержке, помощи друг другу»^[23].

Масоны не всегда договаривались между собой — большие споры кипели между сторонниками единой и неделимой России и украинским националистом Грушевским.

Собиратель воспоминаний масонов Б. И. Николаевский считал, что они вырабатывали идеологию «заговорщического движения»^[24]. Непонятно только, какие заговорщики просили об этом масонов. Как раз идеологов и без масонов хватало. Политическая идеология российских масонов того времени сводилась прежде всего к сближению либеральных и социал-демократических позиций. Идея, прямо скажем, не оригинальная, в том числе и в России. История русского освободительного движения знает немало примеров, когда социал-демократы правели, а либералы левели без всякого масонства.

Историк С. Мельгунов, которого самого приглашали в масоны, пишет: «Мне кажется, что масонская ячейка и была связующим как бы звеном между отдельными группами „заговорщиков“ — той закулисной дирижерской палочкой, которая пыталась управлять событиями»^[25]. Характерная неуверенность автора в излагаемой им версии: «мне кажется... как бы звеном». Мельгунов и сам не уверен в том, что говорит, а мифотворцы уже ссылаются на него как на источник, не вызывающий сомнений.

Вспоминая уже в советское время о действиях организации во время февральской революции, Некрасов называет ее «своеобразным конспиративным центром „народного фронта“», который помог «объединению прогрессивных сил под знаменем революции»^[26]. Приятно объявить себя «центром» всех прогрессивных сил. Но в чем это проявлялось конкретно?

Наибольших успехов масонская организация добилась на парламентском поприще. По воспоминаниям самих масонов их парламентская ложа стояла левее Прогрессивного блока, так как мало интересовалась октябристами и привлекала в свой состав социал-демократов и трудовиков. Это в целом соответствовало последующей конфигурации Временного правительства первой половины 1917 г. Из-за различия политического курса «Верховный совет был в оппозиции к политике Прогрессивного блока»^[27], что делало масонов не штабом, а левым крылом думского большинства.

Социал-демократы вошли в ложу, потому что сочли, что «эта организация по своим задачам носит определенно революционный характер», а «ее решения нас не связывали»^[28].

Согласование действий кадетов и меньшевиков в Думе, по мнению Б. И. Николаевского, было более выгодно для левых фракций, так как правые были более влиятельны и могли, в частности, обеспечить прохождение запросов социал-демократов^[29].

Литературная ложа включала либеральных и в меньшей степени социал-демократических журналистов. Воображение рисует картину могущественной медиа-корпорации, которая может по сигналу центра смешать с грязью любого и навязать людям любую идею. Но в реальности речь могла идти не об управлении волей публицистов из разных газет, а о согласовании взглядов и обмене информацией. Как только их взгляды расходились, «братья» по ложе публично бросались в атаку друг на друга. Так, А. Гальперн указывает на Н. Суханова как члена организации. Известно, что с началом революции Суханов принялся резко критиковать и Временное правительство, и Чхеидзе. Сам Чхеидзе по воспоминаниям Гальперна стал отходить от масонов уже с началом войны, считая их роль законченной. После Февральской революции он вовсе отошел от ложи^[30].

Некоторую роль масоны сыграли в агитационной кампании против Распутина (хотя явно были не единственными ее

организаторами).

Военная ложа прекратила существование с началом войны, да и прежде была неработоспособной. Но важно, что масоны контактировали с генералом Рузским через его брата Дмитрия, масона. Они не могли управлять генералом, но могли пропагандировать его. Масоны завязывали и другие неформальные связи с военными. Впрочем, это делали и другие либералы — не масоны.

Б. И. Николаевский суммирует доступную информацию о деятельности Верховного совета: «Успешными усилия Совета могли быть только, где речь шла о сравнительно небольших вопросах, о сглаживании углов и т. д.»^[31] Чтобы оспорить этот вывод, авторы сенсационных версий о масонском заговоре должны приводить факты. Это редко случается.

* * *

В мифе все иначе. Разветвленная масонская организация, вобравшая в себя чуть ли не всех известных политиков и военных. В мифе они подчиняются единому центру и дисциплинированы, как сталинские чиновники. Но для сплоченной организации эти «масоны» вели себя странно. Львов беседует с генералом Алексеевым о возможности отстранения царя от власти, а генерал артачится и выдвигает абсурдный план ареста императрицы. У него свои планы, а у масона Львова — свои. Получается, что генерал — не масон. А ведь его роль в действиях военных будет ключевой.

Гучков, на которого по Н. Н. Яковлеву «сделали ставку масоны»^[32], в свою очередь, ведет консультации с решительными офицерами, которые готовы остановить царский поезд и схватить царя. Смело, по-молодецки. Но в февральские дни эти офицеры ничего такого не сделают. События и здесь пройдут мимо этого заговора. Делали ставку масоны на Гучкова или не делали, а ставка эта не сыграла. Сам Гучков признал позднее: «Сделано было много для того, чтобы быть повешенным, но мало для реального осуществления, ибо никого из крупных военных к заговору привлечь не удалось». Н. Н. Яковлев не согласен с таким самоуничижением: «А

Маниковский?»^[33] С ним установил контакт масон Некрасов, знакомый с Гучковым. Это вам не шутки! И что генерал Маниковский сотворил в критические февральские дни?

Может быть, масоны устроили рабочие волнения, с которых началась революция?

Масонами были социал-демократы Чхеидзе, Гегечкори, Чхенкели и Скобелев. Для коллекции вовлекли также большевика Н. Скворцова-Степанова, который был скорее информатором большевиков, чем агентом масонов в большевистской партии.

По Яковлеву масоны дают Чхеидзе прямо обратные команды: «удерживать рабочих от выступлений»^[34]. Тогда у масонов дела совсем плохи. Чхеидзе этим приказам не подчиняется, а действует в русле политики меньшевиков. 14 февраля они организуют рабочие демонстрации в поддержку Государственной Думы. Часть лозунгов были более радикальны, включая «Долой правительство!» Так может быть, Яковлев что-то перепутал, и масоны как раз решили устроить рабочий бунт, который стал поводом к перевороту? Опять не получается. Депутаты — правые социал-демократы ни при чем, так как они не имели отношения к организации выступлений 23 февраля. Какие замыслы не приписывай масонам в отношении рабочего вопроса, в любом случае принадлежность Чхеидзе к масонской ложе не помогает их подтвердить. К организации социальной революции масоны оказались непричастны.

* * *

А. Гальперн признает: «революция застала нас врасплох»^[35]. Рычагов для воздействия на ситуацию у масонов не было. Можно было обмениваться информацией с теми «братьями», которые, подобно Керенскому, бросились в водоворот событий, можно было смотреть из окна на бунтующие толпы и печалиться, что революция свершилась не так, как мечталось.

Даже историк Г. Аронсон, в целом склонный преувеличивать влияние масонов, считает: «цели масонов совпадали с целями политических деятелей-немасонов, да и методы работы были те же,

если не считать конспиративности организации, созданной масонами»^[36]. Но и конспиративность не была отличительной чертой масонов — ведь все революционные партии и группы действовали конспиративно. Масонов можно определить как подпольную организацию части либералов с участием некоторых социал-демократов и трудовиков. В этом отношении они, конечно, не тянут на роль штаба революции, а лишь на часть «народного фронта», совместными усилиями свалившего самодержавие. Структура этого неоформленного фронта включала и собственно революционное подполье, и масонов, и легальных социалистов, и думский «Прогрессивный блок», и фрондирующих генералов, связанных с думским блоком. Одни части этого «фронта» не только не управляли другими, но часто даже не знали об их деятельности. Но все были готовы воспользоваться случаем, чтобы начать действовать сначала против самодержавия, а затем практически сразу — друг против друга.

Рука Берлина. Или Лондона?

Версия масонского заговора все-таки имеет некоторую историческую подоснову. И масонский заговор, и заговорщические планы Гучкова существовали на самом деле. Просто их значение в событиях было незначительно и искусственно раздуто мифотворцами.

Более сенсационная и прямолинейная версия — Февральскую революцию сделали иностранные агенты. Можно — и масоны, но только — по заказу англичан или немцев. Лучше всего, чтобы немцев. Враг сгубил монархию, все, кто против самодержавия — предатели Родины.

Доказательство простое — «кому выгодно». Выгодно немцам. Но тут же выстраивается длинная очередь социальных и политических сил от большевиков до старообрядцев, которые были рады свержению самодержавия. Эмигрантский историк Г. М. Катков пытается спасти «немецкую версию», рассуждая от обратного. Известно, что народные выступления в Петрограде были стихийными. Партии не направляли события, в них все участвовали на свой страх и риск. Каткову непонятно, как такое может быть, и он делает вывод: «вмешательство

немецкой агентуры дает объяснение этому поразительному успеху „революции без революционеров“»^[37]. Если бы Катков вдумался в эту свою мысль, он сам изумился бы ей. Получается, что немецкие агенты пользовались огромным авторитетом на предприятиях. Во всяком случае, большим, чем члены революционных партий. Эти агенты прекрасно умели «глаголом жечь сердца людей», поднимать народ на восстание, зато потом как-то вдруг исчезли, вернув лидерство революционерам. По своей экзотичности эта версия сопоставима разве что с другой такой же — о том, что немецкий десант совершил Октябрьский переворот. Только десантников никто не заметил. И следов агентов, совершивших Февральскую революцию, не осталось даже в германских архивах.

А там тщательно фиксировали попытки воздействовать на политическую ситуацию в России.

Подо всем этим ворохом догадок есть, пожалуй, два реальных факта. Как-то Милюков вскользь высказал обывательское суждение о немецком следе в революции, о котором сам ничего не знал. Второй факт более сенсационен: немецкий коммерсант и социал-демократ, он же бывший русский революционер А. Гельфанд предложил властям своей страны способствовать революции в России. Власти согласились. Помимо мелких подачек русским социал-демократам и сепаратистам, которые помогли им в выпуске небольших тиражей пропагандистской литературы, первым крупным делом Гельфанда на новом поприще стала попытка организовать революцию в России 22 января (то есть 9 января по старому стилю) 1916 г., на что Гельфанду было выделен миллион марок^[38]. Что же, Гельфанд отчитался, что отправил деньги в Петроград. Лучший способ отчетности. Тем более, что стачки состоялись и не могли не состояться — ведь была очередная годовщина 9 января, и положение рабочих за время войны ухудшилось. Уместно напомнить, что стачки на Путиловском после начала войны возобновились уже в августе 1915 г., до всей этой затеи. Так что Гельфанд мог спокойно просто присвоить деньги.

Кстати, роль Гельфанда как раз была двойственной, германские чиновники ему не доверяли, полагая, что он может заботиться об интересах мировой социал-демократии в большей степени, чем Германской империи. Гельфанд, в частности, убеждал немецкие власти воздержаться от наступательных действий против России^[39]. По

мнению Гельфанда, «Русский рынок и участие в индустриализации в России для нас важнее, чем любые территориальные приобретения»^[40].

Чтобы придать Гельфанду хоть какой-то вес в предыстории Российской революции, его биографы высказывают гипотезу (но без доказательств) о связях его с социал-демократами-межрайонцами. Единственный аргумент, который приводится в пользу этой версии — контакты Гельфанда с эмигрантами, которые позднее запишутся в межрайонцы (а не с теми межрайонцами, которые действовали в Петрограде)^[41]. Важно и другое — роль межрайонцев была существенной в начале событий 23 февраля 1917 г., а не 22 января 1916 г., когда революцию планировал Гельфанд.

В любом случае, события февраля 1917 г. явились для Гельфанда (равно как и для немецких властей) полнейшей неожиданностью.

Даже Катков понимал всю склизкость его немецкой версии, выстраивая ее с помощью словечек «как говорили» (кто?), «возможно», «по всей вероятности»... Но он уверен, что 23 февраля не обошлось без немцев. А как же. Ведь выступления начались с листовок социал-демократов-межрайонцев, в которых было написано «Долой войну!» Явная немецкая инструкция^[42].

Катков забывает (или делает вид, что забывает), что лозунг «Долой войну!» был распространен среди левых социалистов (интернационалистов), и направлен он был против обоих воюющих блоков. Так что немцы дали бы другую инструкцию, если бы у них были рычаги влияния на забастовщиков и российских социал-демократов. Ведь даже Катков знает, что началось-то с межрайонцев. А они как раз стояли на интернационалистических, а не оборонческих позициях. Так что Катков безосновательно наводил белоэмигрантскую тень на революционный плетень.

* * *

Раз уж немцы не годятся в организаторы Февральской революции, можно примерить на эту роль англичан. Доказательства? Да тоже никаких. Один принцип «кому выгодно». Так они же не немцы — им

вроде бы невыгодно. Из-за революции русский фронт под угрозой оказался. Однако нет пределов мифотворчеству. Вот Н. Стариков целую книгу посвятил сложно-сочиненному доказыванию, что англичанам было выгодно поражение России в войне. «Именно наши „союзники“ по Антанте убили Российскую империю. Первую скрипку в этом похоронном марше играла британская разведка...»^[43] Очень, понимаете ли, боялись англичане, что Россия усилится после победы над Германией. Одна неувязка — Германию-то еще не победили. Даже США еще не вступили в войну против Германии. Вот англичане дураки какие — обеспечивают немцам возможность выиграть войну, перебросив силы с восточного фронта на западный. В общем, хитро заверчено.

Знание предмета для создания таких веселых версий не требуется. Н. Стариков выясняет, например, каково участие эсеров в событиях Февральской революции. Ознакомиться с известными на этот счет фактами — лениво. Достаточно «полистать мемуары известного нам лидера этой партии Виктора Чернова»^[44]. А там о февральских событиях ничего нет. Н. Стариков забыл, что Чернов находился в эмиграции, а в выступлениях февраля 1917 г. участвовали те эсеры, которые были в России. А ведь на своем незнании вопроса Н. Стариков начинает выстраивать ветвистую теорию: эсеры не организовали революцию. И кадеты. И немцы с большевиками не организовали. Кто организовал? Остаются англичане (куда только японцы подевались?).

Спору нет, британцы симпатизировали конституционным преобразованиям в России, так как считали, что это сделает социальную систему, а значит — и фронт, более эффективными и устойчивыми. Но и этот, вполне понятный мотив еще никак не доказывает причастность англичан к событиям. Нужно найти рычаги. Но их обличители англичан и немцев не нашли. Приходится начать с другой стороны — а кто на самом деле запустил маховик революции в Петрограде, которым затем уже воспользовались разнообразные политические силы.

Пока либералы, масоны, окружавшие царя группировки интриговали, вели разговоры, напоминавшие заговоры, и строили заговоры, не продвигавшиеся дальше разговоров, в стране обострялся застарелый социальный кризис, усиленный войной.

Психоз хулиганов?

Шаткость версии о том, что империя стала жертвой разветвленного, заранее спланированного заговора, не останавливает мифотворцев. У них есть резервный миф, реабилитирующий самодержавие — революция стала стечением случайных обстоятельств. Вообще-то снабжение Петрограда было организовано отменно, население хорошо питалось. Но вот случайные снежные заносы помешали вовремя прийти эшелонам с хлебом. Этим воспользовались хулиганствующие элементы, которые устроили беспорядки. В народе от этого начался массовый психоз. Тут как раз подоспели либеральные, масонские и прочие заговорщики, поднявшие войска на бунт. А вот если бы не заносы и хулиганы — Империя выиграла бы у Германии войну, захватила бы проливы в Средиземное море и жила бы долго и счастливо.

Во время войны в России обострился социальный кризис, сложившийся еще в начале века. В 1917 г. ситуация вновь, как в 1904–1905 гг., стала революционной. Причины недовольства были теми же, что и в 1905 г. — аграрный кризис, тяжелое социальное положение рабочих, отказ режима делиться властью с предпринимателями и интеллигенцией, военные неудачи. Но на этот раз война обострила социальный и политический кризис в гораздо большей степени. За время войны цены выросли в среднем в 3,7 раза. Уровень жизни в среднем упал на четверть. Но это — в среднем. Положение низов обострилось до крайности.

Царское чиновничество пыталось бороться с производственным кризисом, но от этого становилось только хуже. В конце 1916 г. царский министр А. Риттих утвердил твердые цены на хлеб и нормы их продажи государству по губерниям (тогда и прозвучало впервые страшное слово «продразверстка»). Но это не помогло. Правительство не имело аппарата для изъятия хлеба, а хлеботорговцы не торопились продавать его по твердым ценам. Так что заготовить удалось четверть от запланированного.

Не было и аппарата распределения заготовленного хлеба. Чиновники ревниво боролись с земцами и городским самоуправлением, вместо того, чтобы опираться на них. В итоге в России впервые возник дефицит дешевого хлеба.

В обращении к царю председатель думы Михаил Родзянко писал: «Население, опасаясь неумелых распоряжений властей, не везет зерновых продуктов на рынок, останавливая этим мельницы, и угроза недостатка муки встает во весь рост перед армией и населением»^[45]. Кто в этом виноват? Масоны? Англичане? Отныне этот социально-экономический механизм будет потрясать страну вплоть до Второй мировой войны.

Эффективность государственного управления была крайне низкой, так как задачи, стоявшие перед обществом, усложнились, а аристократически-бюрократическая система управления оставалась прежней. Чиновники с неохотой делились полномочиями с «общественностью», даже такой узкой и элитарной. Что до царя, замкнувшего на себя принятие наиболее важных решений, то он если и перетруждался, то не государственными делами. М. Родзянко вспоминает о диалоге с царем: «После одного из докладов, помню, государь имел особенно утомленный вид.

— Я утомил Вас, Ваше величество?

— Да, я не выспался сегодня, ходил на глухарей... Хорошо в лесу было...»^[46]

Утомившись на охоте, Николай с трудом вникал в суть доклада.

* * *

Рабочие волнения в феврале начались внезапно, по стечению обстоятельств? Рассмотрим поподробнее эти обстоятельства.

9 января 1917 г. в Петрограде, Москве и других городах России прокатилась волна забастовок и митингов, приуроченных к годовщине «Кровавого воскресенья» 1905 г. К рабочим присоединились студенты. Демонстранты несли лозунги «Долой войну!», «Да здравствует революция!»

На этот раз Гельфанду не заплатили за организацию волнений. Уже стало ясно, что он ни при чем. Усиление волнений «низов» не могло не беспокоить российские власти. Но действовали они привычными репрессивными методами. 27 января полиция арестовала членов возглавляемой К. Гвоздевым рабочей группы при Центральном военно-промышленном комитете. Представители рабочих организаций были «виноваты» лишь в том, что выдвинули план «мирной революции», которая должна совершиться «не нарушая спокойствие жителей», «не вызывая полицию насилие»^[47]. Но само слово «революция», стремление к изменению существующего строя, в глазах режима уже было преступлением. Вместо того, чтобы вступить в диалог с рабочим движением, правительство и полиция провоцировали конфронтацию. Они подрывали стабильность сильнее всяких масонов.

Император в этих условиях колебался. На совещании нескольких министров он заявил о готовности «даровать» ответственное министерство, но затем переменял решение и уехал в ставку армии, оставив правительству карт-бланш на роспуск Думы. Он следовал советам жены: «только, любовь моя, будь тверд, покажи хозяйскую руку, именно это нужно русским..., дай им иногда почувствовать твой кулак... Они должны научиться бояться тебя — одной любви недостаточно». Николай не мог не согласиться: «Все, что ты пишешь о том, чтобы быть твердым, хозяином, совершенно верно»^[48]. Развивая тему, будущая святая предложила конкретные меры: «Я надеюсь, что Кедринского из Думы повесят за его ужасную речь, — это необходимо (военный закон, военное время), и это будет примером»^[49]. Имеется в виду речь Керенского, где он заявил: «Величайшая ошибка — стремление везде и всюду искать изменников, искать отдельных там немецких агентов, отдельных Штюрмеров... У вас есть гораздо более сильный враг — это система...»^[50] Речь шла о системе самодержавия. Уступать «распоясовшимся» депутатам царь не собирался.

Не таинственные заговорщики, а руководители самодержавного режима оказались главными организаторами социального взрыва.

Очереди за хлебом — «хвосты» превращались в многочасовые митинги, прежде всего женские. «У мелочных лавок и у булочных тысячи обывателей стоят в хвостах, несмотря на трескучие морозы, в надежде получить булку или черный хлеб», — писала «Речь» 14

февраля. При этом более дорогие булки и кондитерские изделия имелись в изобилии, но на них у рабочих не было денег. А министр Риттих все недоумевал по поводу «страшного требования именно на черный хлеб»^[51]. У него-то хватало денег на белый.

В феврале ситуация обострилась. Риттих ссылался на снежные заносы. Вот если бы не заносы — все было бы нормально. Но что мешало наладить полноценное снабжение раньше? Уже в январе 1917 г. продовольственное снабжение Петрограда и Москвы составило 25 % от нормы^[52]. Февральские заносы стали только «последней каплей» транспортного паралича, охватившего Россию. «Железные дороги, главным образом вследствие отчаянного состояния паровозов, начали впадать в паралич»^[53], — характеризовал ситуацию член инженерного совета Министерства путей сообщения, генерал Ю. Ломоносов. «Состояние паровозов» было вызвано развалом машиностроения и ремонтной базы. Падало производство металла, поскольку к домнам не подвозили топливо. Стремительное падение угледобычи усугубляло развал транспортной системы.

Хлебный кризис обострился также из-за «распри по поводу контроля над продовольственным снабжением»^[54] между правительством и городскими властями — следствие неуступчивости правительства в отношениях с «общественностью». Только когда разразится катастрофа, министр Риттих согласится с разумностью предложения о передаче распределения продовольствия городскому самоуправлению. Но будет уже поздно.

Городские власти стали обсуждать введение карточной системы, петроградский градоначальник воспротивился. Нехватка хлеба привела к всплеску ажиотажа, прилавки и вовсе опустели. Власти располагали запасом хлеба, но отказались пустить его в продажу. Рабочие, пришедшие в булочные после работы, остались без еды.

* * *

Свою лепту в начало революции (но не «желательной» для либералов дворцовой, а настоящей, социальной) внесло наступление на социальные права рабочих. 8–9 февраля началась забастовка

рабочих Ижорского завода, где зарплата снизилась в полтора раза. 16 февраля войска заняли завод. 17 февраля началась стихийная забастовка на Путиловском заводе, которая к 21 февраля охватила все предприятие. Забастовщики избрали стачечный комитет, в который вошли большевики, анархисты, левые меньшевики и левые эсеры. Эти «низовые» радикалы и станут «заводилами» событий 23 февраля. 22 февраля администрация приняла решение об увольнении всего коллектива завода. В столице возникла критическая масса недовольных рабочих, которым было нечего терять. В то же время остальные рабочие, измученные нехваткой продовольствия, представляли собой взрывоопасную среду. Не хватало только «детонатора». Один из полицейских доносил: «Среди населяющей вверенный мне участок рабочей массы происходит сильное брожение вследствие недостатка хлеба... Легко можно ожидать крупных уличных беспорядков. Острота положения достигла такого размаха, что некоторые, дождавшись покупки фунтов двух хлеба, крестятся и плачут от радости»^[55]. В этой обстановке малейшая искра могла вызвать взрыв. Так что «случайность» революции — чистый миф.

Однако, по справедливому замечанию Н. Суханова, «ни одна партия не готовилась к великому перевороту. Все мечтали, раздумывали, предчувствовали, ощущали»^[56]. Мечта о революции была абстрактной, но революционные партии не забывали о «дежурных» «красных датах» календаря. 23 февраля по юлианскому календарю (8 марта — по грегорианскому) Междурайонный комитет РСДРП(б) с помощью группы эсеров во главе с будущим левым эсером В. Александровичем решили, объединив свои возможности, напечатать и распространить листовки к Международному женскому дню. В них перечислялись основные проблемы дня, обличалось самодержавие и капиталисты: «Сотни тысяч рабочих убивают они на фронте и получают за это деньги. А в тылу заводчики и фабриканты под предлогом войны хотят обратить рабочих в своих крепостных. Страшная дороговизна растет во всех городах, голод стучится во все окна». И выводы: «Долой самодержавие! Да здравствует Революция! Да здравствует Временное Революционное Правительство! Долой войну! Да здравствует Демократическая Республика!»^[57] Идеология этого документа бесконечно далека от вершущего заговора элиты.

Революция начиналась совсем не так, как мечталось Гучкову и масонам.

В напряженной социальной обстановке не нужно больших ресурсов, чтобы организовать волну уличных выступлений. Достаточно бросить в народ удачные лозунги «на злобу дня», объясняющие, кто виноват и что делать, и собрать критическую массу митингующих. Тогда она станет обрастать народом сама собой. Интересующиеся тем, что происходит, подходят, поддерживают лозунги и становятся демонстрантами, собравшийся народ ощущает свою силу и эмоциональный подъем. Нынешнее поколение могло наблюдать аналогичный процесс во время Перестройки, когда небольшие группы неформалов запустили волну массовых манифестаций. Именно это произошло и в феврале 1917 г., когда небольшая группа социалистов запустила цепную реакцию в Петрограде. Остановить ее мог только страх перед репрессиями. Но возмущение населения было сильнее страха.

В небольшие демонстрации работниц-социалисток быстро вливались потоки женщин, стоявших в «хвостах». Затем к демонстрантам присоединились массы уволенных накануне путиловцев и ижорцев. Работницы Невской текстильной мануфактуры «сняли» с работы тружеников фабрики «Новый Лесснер». К рабочим присоединились студенты. Процесс принял лавинообразный характер.

* * *

Еще один миф, связанный с революцией, можно назвать одним словом — «психоз». Историографическая мода сегодняшнего дня — оставить в сторонке исследование социальных процессов и посвятить исследование массовой психологии. Правда, такие авторы редко предварительно изучают психологическую науку и проводят конкретные психологические исследования. При взгляде на революцию результат исследования известен мифотворцам заранее. Во время революции люди ведут себя не так, как положено добропорядочным и стопроцентно нормальным мещанам. Так что налицо явное буйное помешательство, истерия или психоз. Вот,

историк И. Л. Архипов, рассматривающий события как некий психоз, объясняет причины всплеска митинговой активности в феврале 1917 г. как «эмоциональный стресс, связанный с недостаточным пониманием происходящего»^[58].

Скромное обаяние псевдопсихологического подхода к истории улетучивается, стоит вспомнить о значении терминов. «Стресс» — это всего лишь психологическое напряжение, вызванное внешним воздействием. Какое уж тут «недостаточное понимание», когда людям есть нечего. Понятно — у них стресс. Но высокоумные аналитики убеждают, что если бы петроградцы все «достаточно понимали», то у них никакого стресса бы не возникло, и они этим пониманием, как святым духом бы питались. «Психоз» — другое дело, это — психическая болезнь, приводящая к нарушениям восприятия и поведения. То есть, люди, вышедшие на улицу с лозунгами «Хлеба!» и «Долой самодержавие!» — это психически больные субъекты. Болезнь их заключается в том, что они воспринимают реальность не так, как верноподданные мещане и нынешние благовоспитанные либералы. И поведение у них какое-то странное. И взгляд голодный. В общем — всех в психушку. Там и накормят...

А люди в общем требовали, чтобы была создана власть, не относящаяся к ним как к скоту. С точки зрения элитарного сознания — это явный «психоз».

* * *

Огромные демонстрации, обрастая по дороге все новыми и новыми толпами, двинулись к центру города, громя (но не грабя) дорогие булочные.

Императрица информировала супруга: «Это „хулиганское движение“, юноши и девушки только для подстрекательства бегают с криками, что у них нет хлеба, а рабочие не дают другим работать»^[59]. Писатель А. Солженицын не может не согласиться с будущей Святой и презрительно называет демонстрантов «уличными забияками, бьющими магазинные стекла, оттого что к этому болоту не сумели завезти в завал хлеба». Под «болотом» подразумевается Петроград.

Ссылаясь на министра земледелия Риттиха, Солженицын утверждает, что в Петрограде оставалось 700 тыс. пудов хлеба для гражданского населения. «Это, на потребляющих ржаной, по фунту хлеба в день на человека»^[60]. Но на сколько дней? Делим 700 тыс. пудов на указанное Солженицыным количество жителей Петрограда (2,5 млн.) и получаем, что по фунту в день на человека (а это — две ленинградские блокадные нормы) можно раздавать в течение 11 дней при жесточайшей дисциплине распределения — которой требовало городское самоуправление вопреки воле градоначальника, но которого в столице не было. А была спекуляция.

Но и 11 дней по фунту в день можно было бы теоретически обеспечить при условии, если все 700 тыс. пудов — только ржаной хлеб. Но в том-то все и дело, что при жесточайшем дефиците дешевой «черняшки» витрины ломались от дорогого белого хлеба и кондитерских изделий. А они были не по карману рабочим. В этих условиях негодование рабочих было вполне объяснимо. С началом волнений стал исчезать и белый хлеб — торговцы прятали запасы от возмущенных масс.

Особенно раздражали рабочих случаи, когда хлеб укрывался продавцами с целью спекуляции. Так, 24 февраля рабочие стали громить булочную на Каменоостровском проспекте, где, несмотря на заверения служащих, обнаружился запас. Чтобы остановить погром, полиция принудила распродать его немедленно^[61].

24 февраля командующий войсками Петроградского военного округа генерал С. Хабалов срочно выделил хлеб населению из военных запасов, но это уже не остановило волнений. Людей нельзя было просто успокоить подачками, потому что это были люди, а не животные. Они уже пришли к выводу, что в их бедах виновата Система. Они хотели быть уверенными, что их жизнь наконец изменится. Демонстранты несли лозунги «Долой самодержавие!». «Хулиганы» самоопределялись политически. Они не собирались просто громить булочные. Среди митингующих появились активисты и сторонники парламентских партий, которые стали призывать демонстрантов идти к Таврическому дворцу «с требованиями к Государственной думе об устранении настоящего правительства»^[62].

Попытки полиции рассеивать митинги встречали сопротивление. 23–24 февраля было избито 28 городских^[63]. Иногда рабочим

помогали в этом казаки, которые до сих пор считались опорой порядка. Вот такие «уличные забияки». Прозвучали первые выстрелы. Власти уверяли, что стреляли из толпы. Погибла женщина, был ранен демонстрант, который утверждал, что стрелял городской^[64].

Влияние правящего режима в столице таяло на глазах. «Дело было в том, что во всем этом огромном городе нельзя было найти нескольких сотен людей, которые сочувствовали власти... Дело было в том, что власть сама себе не сочувствовала», — вспоминал депутат В. Шульгин^[65].

«Я вспоминал атмосферу Московского восстания 1905 г., — писал Н. Суханов. — Все штатское население чувствовало себя единым лагерем, сплоченным против военно-полицейского врага. Незнакомые прохожие заговаривали друг с другом, спрашивая и рассказывая о новостях, о столкновениях и о диверсиях противника. Но замечалось и то, чего не было в московском восстании: стена между двумя лагерями — населением и властью — не казалась такой непроницаемой: между ними чувствовалась диффузия. „Силовые структуры“ режима разлагались. То, что царице и нынешним монархистам кажется хулиганством, на деле было стремлением большинства изменить опостылевшую жизнь.»

«Добрый» государь

Сегодня принято любить царей. Особенно таких замечательных, как Николай II. При нем расстреляли народ 9 января? Да что вы говорите! Царь тут ни при чем, он срочно уехал из столицы перед расстрелом. Да и вообще народ сам виноват — нечего было ходить с глупыми требованиями с царем встречаться. А так царь был очень добрый, стрелял только в птиц и животных. И какой был отменный семьянин — вы читали его письма к жене? Обязательно прочитайте — будете плакать всю ночь. Но государю не повезло — ему достался народ-предатель. Когда в Петрограде начались массовые хулиганства, народ не порвал их на части, генералы не стерли столицу в порошок, а Царь-государь был очень добр и не хотел бороться с обществом...

Драматург Э. Радзинский рассказывает своим доверчивым читателям и слушателям, что уезжая в ставку, царь «предполагал возможность бури, о которой ему все твердили, и решил с ней не бороться... И когда она разразилась, он лишь с нетерпением ожидал развязки. Он не хотел и не мог больше воевать с обществом, но он знал — она (императрица — А. Ш.) не даст ему мирно уступить... У него оставался выбор — или она, или трон. Он выбрал ее. Он выбрал частную жизнь с семьей... Он ожидал, что Дума контролирует положение, что переворот, о котором все твердили, подготовлен... Но вскоре он узнал — чернь вышла на улицу. По телеграммам он с ужасом понял: думские говоруны не контролируют положения. Вот тогда он испугался за Аликс, за детей. Беспорядки могли переброситься в любимое Царское. Николаю пришлось начать действовать»^[66].

Эта смелая версия была бы хороша, если бы Николай начал действовать 27–28 февраля, когда обстановка в столице действительно не контролировалась ни Думой, ни Хабаловым. Но в действительности реакция императора на события последовала уже 25 февраля, сразу же после того, как ему сообщили о происходящем. Никакой готовности сдать трон и удалиться в «частную жизнь» император не проявил. Напротив, Николай отправил Хабалову телеграмму, оказавшую огромное влияние на дальнейший ход событий: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны против Германии и Австрии»^[67]. У Николая уже был опыт 9 января 1905 г. Тогда трагедию еще можно было «списать» на плохих исполнителей и стечение обстоятельств. Теперь Николай принял решение, зная, что оно ведет к кровопролитию.

«Эта телеграмма... меняхватила обухом... — вспоминал потом генерал Хабалов, — Как прекратить завтра же?... Государь повелевает прекратить во что бы то ни стало... Что я буду делать? Как мне прекратить? Когда говорили: „Хлеба дать“ — дали хлеба, и кончено. Но когда на флагах надпись „Долой самодержавие“, какой же тут хлеб успокоит! Но что же делать? — царь велел: стрелять надо...»^[68] Телеграмма царя означала конец попыток как-то урезонить доведенные до отчаяния массы.

Вечером 25 февраля демонстранты, привыкшие к относительной безопасности своих действий, были встречены войсками. Первый выстрел утром 25 февраля был, видимо, произведен случайно. В полшестого вечера отряд драгун открыл огонь по митингующим, убив и ранив 11 человек. В демонстрантов стреляли и на Невском проспекте^[69]. Теперь команда стрелять отдавалась вполне сознательно. Ибо исходила она с самого верха самодержавной власти: «Повелеваю завтра же прекратить!»

Расстрелом демонстрантов власти были намерены перейти в наступление. Однако кровопролитие привело к новому витку революции. Начались столкновения рабочих с войсками вокруг заводов. На Выборгской стороне были воздвигнуты баррикады. В результате рабочие кварталы оказались вне контроля властей.

«Продолжая наступление», власти в ночь на 26 февраля арестовали около 100 активистов революционных партий. Но революция развивалась уже независимо от политических активистов. Толпы «рождали» агитаторов из собственной среды сотнями. Организованность движению пытались придать и левые думские лидеры. Думу еще можно использовать как инструмент возможного умиротворения масс.

Еще 26 февраля председатель Думы М. Родзянко, пытаясь как-то спасти ситуацию, которая грозила парламенту катастрофой (как казалось, прежде всего в случае победы самодержавия над «бунтом»), отправил царю телеграмму с предложением создания правительства во главе с популярным деятелем. Родзянко уверял, что «иного выхода нет, и медлить невозможно»^[70]. Во всяком случае второе было верно. Прочитав телеграмму, Николай сказал своему приближенному: «Опять этот толстяк Родзянко мне написал всякий вздор, на который я ему даже отвечать не буду»^[71]. Вместо ответа царя депутаты получили указ о приостановлении заседаний Думы.

27 февраля, протестуя против роспуска думы, Родзянко телеграфировал царю: «Последний оплот порядка устранен»^[72]. Раз Николай глух к умеренным предложениям думских лидеров, им волей неволей пришлось искать другую опору — в народном движении.

Народные избранники подчинились решению о роспуске и разошлись, но «члены Думы, без предварительного сговора, потянулись из залы заседания в соседний полуциркульный зал,» —

вспоминал депутат П. Милюков^[73]. В этом «зале для игры в мяч» Русской революции был создан Временный комитет Государственной Думы (ВКГД) для «водворения порядка в г. Петрограде и сношений с организациями и лицами»^[74]. Примечательная формулировка. Депутаты надеялись выиграть в любом случае. Победит царь — мы водворили порядок. А если процесс пойдет дальше — представители Думы могут, действуя от ее имени, возглавить «общественные организации».

Комитет был создан так, чтобы в случае победы самодержавия депутатов нельзя было обвинить в нарушении закона. Таким образом думский комитет становился единственным легальным органом, в котором бунтовщики могли обрести заступника перед лицом монаршия гнева.

В комитет, который иногда именовал себя также исполнительным комитетом (претензия на административные полномочия), вошли кадеты, октябристы, социалисты. В центре оказались кадеты.

Между депутатами возникли споры относительно дальнейших действий. Характерно, что недавние товарищи по масонской ложе вовсе не сходились во мнениях. Некрасов предлагал создать военную диктатуру, а Чхеидзе выступал против этого^[75].

Милюков, вспоминая о создании комитета, пишет о «самоубийстве Думы». Однако в этот момент Дума еще не прекратила свое существование, а лишь прервала заседания. Убийство (а не самоубийство) Думы лидеры ее либерального большинства произведут позднее.

Более того, в сознании масс Дума продолжала жить полнокровной жизнью. Об официальной приостановке ее деятельности знали немногие (да и какое значение мог иметь указ царя в такой обстановке), и вскоре именно Дума, а точнее место ее расположения — Таврический дворец, стал центром притяжения восставших. Как законное учреждение, Дума обеспечивала какую-то видимость законности всему движению. Таким образом, Николай II своими действиями не только резко обострил ситуацию, но и толкнул парламентский центр ко все более активному участию в революции, исключив возможность достижения компромисса.

Своими действиями Николай II при поддержке супруги наносил такие удары по самодержавию, которые не могли бы нанести никакие

масоны.

Вооруженное восстание или комбинация интриганов?

27 февраля в Петрограде началось уже полноценное вооруженное восстание. Это знают все. Но мифотворцам важно доказать, что оно стало результатом либо закулисных интриг, либо шкурных настроений. Решиться на участие в восстании — это выбор, требующий некоторой смелости. Поэтому важно объявить повстанцев трусами и маньяками бессмысленного разрушения. А раз это хаотическое выступление в Петрограде было легко подавить, то получается, что именно заговорщики — политики и генералы — помешали сделать это, проводя свой заранее спланированный переворот.

Не обнаружив прямой связи дофевральских заговорщиков и февральской революции в Петрограде, сторонники идеи искусственно организованной революции начинают строить замысловатые версии вредительства либералов. В. Кобылин, опираясь на мнение И. Солоневича, видит признаки заговора в том, что в феврале 1917 г. в столице не было «достаточного числа надежных кадровых войсковых частей»^[76]. Явные признаки вредительства в Генеральном штабе. Идет ожесточенная война, на фронте каждая боеспособная часть на счету. А генерал Алексеев оставляет в столице (в тылу) новобранцев и второсортный контингент. Вот В. Кобылин и другие монархические аналитики поступили бы наоборот. Второсортных солдат — на самые опасные участки фронта, а в столицу — самые боеспособные части. Видимо, чтобы дать там последний и решительный бой германцу, когда он, прорвав неустойчивый фронт придет под Петроград...

Недовольство солдат в Петрограде имело объективные причины. Петроград как крупный тыловой город был одним из центров подготовки и размещения новобранцев. «В казармах царила невероятная теснота... Солдатская масса жила столичными слухами, общалась с рабочим населением, настроенным пораженчески... Солдатская масса была проникнута одним страстным желанием —

чуда, которое избавило бы ее от необходимости „идти на убой“,»^[77] — считал С. Ольденбург. Нежелание идти «на убой» видимо играло роль в мотивах, которые двигали солдатской массой в феврале. Но, как показали последующие события, солдаты еще не были настроены «пораженчески». Так что попытки объяснить их поведение исключительно «шкурными» мотивами — присущая мифу односторонность. Приняв участие в восстании, солдаты пошли на большой риск. Позднее значительная часть этих людей будет сражаться в Гражданской войне, защищая «свою» власть. Тогда (в отличие от мировой бойни) они будут знать, ради чего умирают.

Прежде всего на сознание солдат действовали приказы стрелять по толпам населения. Впервые с 1905 г. в столице так обильно лилась кровь. 26 февраля восстала 4-я рота запасного батальона Павловского полка. «Видя картину расстрела безоружных, видя раненых, падающих около них, павловцы открыли огонь через канал по городовым... — писал Н. Суханов, — Павловцы же вернулись к своим казармам уже в качестве бунтовщиков, сжегших свои корабли, и призывали товарищей присоединиться к ним. Тут и произошла перестрелка между верной и восставшей частью полка»^[78]. Восставших окружили, урезонили с помощью священника. 19 «зачинщиков» были арестованы. Но победители не досчитались 21 винтовки. Оружие «ушло» к рабочим.

Восстание павловцев не только показало пример солдатам гарнизона, но и поставило перед ними дилемму — будут ли «зачинщики» «страдать за правду» или их можно «выручить». Можно ли довести дело павловцев до победного конца? Этот вопрос обсуждался в казармах в ночь с 26 на 27 февраля. Унтер-офицер Кирпичников (студент, призванный в армию в 1915 г.) сумел убедить солдат Волынского полка восстать. 27 февраля армия стала переходить на сторону революции. Волынцев поддержали павловцы, решившие «выручать» вчерашних бунтовщиков. Восставшие полки двинулись к центру. Сопrotивление им было оказано только вокруг Невского проспекта. Верные правительству части отходили в к Зимнему Дворцу и Адмиралтейству. Пытаясь приостановить развитие «мятежа», Хабалов направил в район Литейного проспекта отряд полковника А. Кутепова численностью около 1000 штыков. Однако этот отряд быстро смешался с восставшими. Солдаты не хотели стрелять «по своим» ради сохранения самодержавия. И в этом была главная

причина и восстания, и его успеха в Петрограде. Салонные заговорщики на время оказались на обочине истории.

Эмигрантский историк Г. М. Катков склонен преувеличивать роль либеральной пропаганды Гучкова среди офицерства, полагая, что «этим можно объяснить поведение офицеров во время восстания 27 и 28 февраля»^[79]. Но за этой гипотезой нет фактов, доказывающих, что восставших офицеров распропагандировал именно Гучков и его группа. Мифотворцы просто не понимают разницы между переворотом и восстанием. При перевороте солдаты делают то, что им приказывают офицеры-заговорщики. В условиях восстания его участники действуют более сознательно, под влиянием своих побуждений (может быть и эмоциональных, но не слепых). Солдаты 26–28 февраля действовали сами, подчиняясь только тем офицерам, которых считали революционерами. К остальным офицерам они относились враждебно как к представителям режима.

* * *

Восставшие войска освободили политзаключенных, в том числе рабочую группу ВПК во главе с К. Гвоздевым. Эта группа и не собиралась выполнять указания главы ВПК Гучкова. «Гвоздевцы» ничего не обещали либералам, и теперь делали то, что и должны были делать социалисты: включились вместе с другими социал-демократами и эсерами в создание Совета, противостоящего буржуазии.

Рабочие и левые активисты не были сторонниками социального хаоса и понимали, что движению требуется организация. Иначе события так и могли остаться всего лишь хлебным бунтом. 23–24 февраля проходили совещания представителей рабочих организаций и социалистических партий. На них возникла идея обратиться к опыту 1905 г. и создать Советы рабочих депутатов^[80]. Временный исполнительный комитет Совета, который, пополнившись уже избранными депутатами, приступил к организации выборов в Совет по всем заводам. Днем 27 февраля Совет уже проводил свое первое заседание, посвященное организации порядка, военных действий и снабжения войск. Одновременно временный исполком Совета «принял

экстренные меры к организации продовольствия для восставших, отбившихся от казарм, распыленных и бездомных воинских частей,» — вспоминал член исполкома Совета Н. Суханов^[81]. Таким образом, «Таврический дворец превращался не только в боевой штаб, но и в питательный пункт. Это сразу создавало практическую связь между „Советом“ и солдатской массой,» — отмечал Ольденбург^[82]. Вскоре Совет стал пополняться представителями восставших частей.

В исполком прошли прежде всего известные рабочим лично лидеры левосоциалистических группировок, а также те, кто удачно выступил на первом заседании Совета. 28 февраля состав исполкома был дополнен представителями (в большинстве своем более умеренными) революционных партий.

Совет действовал решительно. Он приказал изъять все имеющиеся запасы муки и пустить их в хлебопекарни^[83]. Хранить их дальше не было смысла — либо к городу подойдут уже направленные эшелоны с хлебом, либо разразится голод.

Так в городе возник новый орган власти, тесно связанный с предприятиями, восставшими частями, революционными партиями и организациями рабочих. Теперь речь шла не о бунте и не о политическом перевороте, а о борьбе широких социальных слоев за власть с целью изменения самих принципов формирования социально-политической системы страны, то есть о социальной революции. Но революция — это не синоним хаоса и чистого разрушения. Революция рождала свою организацию, центрами которой были советы.

Дума не противостояла Совету, а пыталась опереться на его авторитет. Совет создал продовольственную комиссию, и «исполнительный комитет Государственной думы» присоединился к этому начинанию, согласившись поставить свой «лейбл» после наименования Совета. Комиссия стала именоваться «продовольственная комиссия Совета рабочих депутатов Петрограда и Исполнительного комитета Государственной Думы»^[84].

Конечно, влияние Думы на ход революции оставалось очень значительным. Так, 28 февраля Петропавловская крепость перешла на сторону революционных сил только после того, как представитель ВКГД переговорил с комендантом^[85]. Но влияние депутатов было только моральным. Конкретных военных сил у них не было. За одним исключением — группы эсеровских «боевиков» были у А. Керенского.

Пользуясь своим внезапно возросшим влиянием, Керенский пытался максимально снизить издержки революции. Он бросил лозунг: «Государственная Дума не проливает крови», который спас многих деятелей старого режима^[86].

Дума, оставаясь символом движения, не контролировала его. Бунтующие солдаты и жители иногда убивали полицейских, особенно после того, как распространились слухи, что полицейские с крыш стреляют по толпам из пулемета. Но среди демонстрантов действительно было много жертв, кто-то по ним стрелял. 28 февраля «движение перекинулось в окрестности столицы. В Кронштадте оно приняло особенно кровавый характер: восставшие матросы убили адмирала Вирена, десятки офицеров были истреблены, остальных заточили в подземные казематы»^[87]. Инициаторами бойни были матросы-арестанты, обозленные на офицеров. Совет и Дума послали делегацию в Кронштадт, и резня прекратилась.

И бескровность Февральской революции, и паталогическая жестокость революционеров — однобокие мифы.

* * *

Когда правительство было разогнано восставшими, в ночь на 28 февраля, ВКГД уведомил командующих фронтами, что «правительственная власть перешла в настоящее время к Временному комитету Государственной Думы». Генералы не приняли никакого участия в свержении действующего правительства. Так что пока никаких признаков их участия в «перевороте» не было.

28 февраля сопротивление сторонников старого режима в столице практически прекратилось. «Государственная Дума стала символом победы и стала объектом общего паломничества»^[88], — вспоминал Милюков. Лидеры ВКГД выступали перед революционными частями, призывая их к дисциплине и подчинению офицерам. 1 марта войска были приведены в порядок, но только подчинялись они теперь только «революционным» указаниям. Действия депутатов в этих условиях направлены не на разжигание революции, а на прекращение конфронтации.

Затем выяснилось, что воинские части, присягая на верность Думе, реально подчиняются Совету, с которым они были связаны организационно через своих делегатов. Тем более власть Совета распространялась на рабочих, которые выполняли распоряжения депутатов только в том случае, если на это имелась санкция Совета^[89]. Опираясь на организованные революционные силы, Совет фактически взял власть в столице в свои руки.

Чтобы перехватить влияние у радикалов, Родзянко под давлением депутатов решился наконец подобрать «валяющуюся на мостовой» правительственную власть. Но, понимая, что это означает открытое участие в «мятеже», он был готов взять власть при условии, что члены ВКГД будут «безусловно и слепо» подчиняться его распоряжениям^[90]. Никаких обязательств ему, впрочем, никто не дал, но вопрос формирования нового правительства встал в повестку дня. М. Родзянко и не подозревал, что лидеры господствовавшего в Думе либерального «Прогрессивного блока» уже готовят другую кандидатуру в премьер-министры — более мягкого и уступчивого лидера земского движения князя Г. Львова. Такой премьер, а не «диктатор» М. Родзянко, и был нужен вождям думского большинства.

* * *

Но очевидно, что победа революции в Петрограде еще не означала успеха в масштабе страны. По мнению депутата А. Бубликова, «достаточно было одной дисциплинированной дивизии с фронта, чтобы восстание было подавлено. Более того, его можно было усмирить простым перерывом железнодорожного движения с Петербургом: голод через три дня заставил бы Петербург сдаться»^[91]. Это мнение авторитетно — ведь именно Бубликов и его сотрудники обеспечили поставку продовольствия в столицу. Но по той же причине у Бубликова есть мотив драматизировать ситуацию. Устроить голод в столице империи — значило только ожесточить ее жителей, вызвать к ним сочувствие провинции. Но все же: могли ли генералы оперативно подавить восстание в столице? Если могли — почему не подавили? Нет ли здесь признаков заранее продуманного заговора?

27 февраля царь отказался согласиться на ответственное перед Думой министерство Г. Львова, о чем его просили великий князь Михаил Александрович, командующие фронтами Н. Рузский и А. Брусилов. Царь считал, что когда идет бунт — уступать нельзя. Но сам факт давления на царя со стороны руководителей армии был для режима чрезвычайно опасен. В условиях начавшейся в столице революции военные решили наконец все же вмешаться в политику.

Начальник штаба Главнокомандующего М. Алексеев тоже обратился к царю с предложением пойти на уступки. М. Алексеев ссылался на генерала Н. Рузского, соглашаясь с ним в том, что «при существующих условиях меры репрессий могут только обострить положение»^[92].

Не обращая внимания на эти тревожные обстоятельства, Николай назначил генерала Н. Иванова командующим карательной экспедицией против столицы с диктаторскими полномочиями. Ему придали три роты георгиевского батальона. Другие фронты должны были выдвинуть к Петрограду 3 кавалерийские и две пехотные бригады.

28 февраля каратели начали движение из Могилева в Царское село. Однако генерал Иванов не смог даже соединиться со всеми частями карательного корпуса.

Мог ли Иванов подавить восстание в Петрограде, если бы действовал более решительно? В Гатчине было сосредоточено около 20 тысяч войск, верных старому режиму. На ст. Александровской высадился пехотный полк. На встречу им генерал Н. Потапов выдвинул шесть тысяч революционных солдат, сохранявших дисциплину. Они стали занимать позиции в шести верстах от столицы со стороны Царского села. В Луге восстал гарнизон и принялся громить город, что не помешало им разоружить подошедший эшелон карателей, которые в общем не желали никого карать. В Петрограде уже 1 марта стали приводиться в порядок части восставшего гарнизона. Их боеспособность была не велика. Зато революционеры имели многократный перевес (более 100 тысяч солдат), на их стороне была сильная оборонительная позиция и симпатия населения столицы.

Но главный удар по карательной экспедиции нанесли железнодорожники. Пути между Семрино и Царским селом разбирались, с железнодорожных стрелок снимали крестовины, что делало движение невозможным, но позволяло революционерам, когда

понадобится, быстро восстановить дорогу. Опасались, что генерал от Царского села продвинется в Гатчину, к своей основной группировке. Но он отступил к Вырице. С 1 на 2 марта Иванов заночевал в Вырице, где арестовал начальника станции за саботаж. Саботаж после этого только усилился. Путь на Гатчину был испорчен, а в паровозах Иванова находчивые железнодорожники слили воду^[93]. Таким образом, атаковать столицу сходу не удалось. А к 1 марта пришлось бы блокировать и штурмовать уже не только Петроград, но и Москву, Тверь, Нижний, Харьков...

Важную роль в этой обстановке сыграли действия как раз депутата Александра Бубликова. В качестве комиссара ВКГД он занял министерство путей сообщения и принялся управлять железными дорогами. В ночь на 1 марта по телеграфу всем станциям железных дорог была отправлена телеграмма: «Железнодорожники! Старая власть, создавшая разруху во всех областях государственной жизни, оказалась бессильной. Комитет государственной думы, взяв в свои руки оборудование новой власти, обращается к вам от имени отечества: от вас теперь зависит спасение Родины»^[94]. Судьба революции зависела от железнодорожников сразу в нескольких отношениях. Они дали зеленую улицу эшелонам с хлебом к столице, они проинформировали страну о том, что власть переменилась, они по требованию Бубликова стали тормозить движение к Петрограду любых военных частей, они взяли под контроль перемещение царского поезда. Железнодорожные служащие в большинстве своем поддержали новую власть. Теперь спасти царя могли только решительные действия генералов. Если бы они этого хотели.

* * *

Что было делать в этих условиях командующим фронтами и Алексееву? Фактический командующий М. Алексеев уже знал, что переворот в столице завершился. По его данным, «в Петрограде наступило полное спокойствие, войска примкнули к Временному правительству в полном составе, приводятся в порядок. Временное правительство под председательством Родзянко заседает в

Государственной Думе...» Алексеев был информирован и о стремлении лидеров думского большинства к сохранению монархии^[95]. Генералам осталось только присоединиться. Поверхностному наблюдателю, который питался слухами и не знал об активности Совета, ситуация в столице могла представляться именно такой. В этих условиях либеральный генералитет не мог поддержать экспедицию Иванова, так как ее успех означал бы разгром представительных учреждений и либеральных партий России вплоть до октябристов, возвращение к глухой реакции. Из этого исходил генерал Алексеев, информируя командующих фронтами. Отчасти верно и мнение С. Ольденбурга о причинах поведения руководителей армии в эти дни: «Они верили, что в Петрограде — правительство Государственной Думы, опирающееся на дисциплинированные полки; ради возможности продолжать внешнюю политику они хотели, прежде всего, избежать междоусобия»^[96].

Но это не значит, что либеральные генералы не возглавляли военный заговор. Они лишь сочувствовали либералам и были раздражены поведением государя. Только когда восстание в Петрограде и волнения в других городах поставили страну на грань гражданской войны, генералы пошли на отстранение обанкротившегося царя, чтобы предотвратить братоубийство. Их действия определялось информацией либералов о готовности взять ситуацию под контроль.

28 февраля массовые демонстрации под красными флагами захлестнули Москву. Начались массовые демонстрации рабочих, столкновения с полицией. Социал-демократами и эсерами из представителей рабочей секции ВПК, кооперативов, профсоюзов и партий был создан Временный революционный комитет, который стал готовить созыв Совета. Вечером 28 февраля на сторону революции стал переходить московский гарнизон. Власть приняла городская дума, по инициативе ее головы М. Челнокова стал формироваться Комитет московских общественных организаций, который стал опорой новой власти.

На следующий день гарнизон «древней столицы» полностью перешел на сторону Временного революционного комитета и городской Думы. Революция распространялась на крупные промышленные центры вместе с телеграфными сообщениями о

событиях в столице. 28 февраля на сторону революции стали переходить гарнизоны в Харькове, Нижнем Новгороде и Твери (здесь толпа убила губернатора).

С этого момента быстрое подавление революции стало невозможным.

«Двоевластие» и «демократическое» правительство

Считается, что в результате Февральской революции установилось «двоевластие», где демократическое правительство «ожесточенно боролось» с Советом, а Совет только и делал, что вставлял палки в колеса правительству, разваливал армию с помощью своего «Приказа № 1». Совет в таких легендах предстает чем-то вроде вертепа разбойников.

Временное правительство — назидательный пример слабости демократии в России. Попробовали разок создать правительство демократически, править по воле народа — вот и получили разор и гражданскую войну. Ничего демократы не могут нормально сделать — ни тогда, ни теперь.

Но закрадывается сомнение: нынешние правители даже в 90-е годы не были настоящими демократами, поскольку действовали явно не по воле народа. Может и тогда, в 1917 году власть была примером не демократии, а чего-то иного?

Из этого следует, что демократия и самоорганизация масс в советы — источник многочисленных бедствий, и допускать их в России нельзя.

События действительно на время вышли из-под контроля ВКГД и военного руководства. Совет добился контроля над войсками гарнизона. Когда представители ВКГД отказались удовлетворить предложения советских представителей о демократизации в армии, совет пошел своим путем. Радикальные группировки смогли установить через Советы тесную связь с солдатской массой — вооруженной силой переворота. 1 марта этот союз был закреплён в

своего рода военной конституции, оформленной как Приказ № 1 Совета. По существу, Приказ был написан самими солдатами.

Для критиков революции Приказ — корень последующих злодейств. Он «развалил армию». А что, собственно, в нем такого, что делает невозможным существование боеспособной армии?

Приказ устанавливал, что во всех частях необходимо «немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов», избрать представителей от рот в Совет (что привело к преимущественному представительству солдат по сравнению с рабочими). Далее Приказ гласил: «Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам». Совет становился не только органом солдатского самоуправления, но и официально закреплял за собой военную силу тылового гарнизона и нейтрализовывал другие влияния на войска: «Приказы военной комиссии Государственной Думы следует исполнять, за исключением тех случаев, когда они противоречат приказам и постановлениям Совета рабочих и солдатских депутатов».

«В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и строя в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, которыми пользуются все граждане». Отменялось отдание чести вне службы, старое титулование офицеров и их право грубо обращаться с солдатами^[97].

В приказе № 2 5 марта исполком Совета разъяснял, что приказ № 1 не предусматривал избрания офицеров. Этот приказ был утвержден военным министром Гучковым. А что ему было возразить — что нужно грубо обращаться с солдатами, или что вся страна получает гражданские права, а солдаты будут лишены их даже вне службы?

* * *

Казалось бы, возникло «двоевластие» — власть и правительства, и Совета. «Двоевластие» является теперь чуть ли не символом хаоса и смуты. Но «двоевластие» предполагает противостояние центров власти. А если они мирно сосуществуют и поддерживают друг друга — то это разделение полномочий, а не «двоевластие». Весной 1917 г. о «двоевластии» говорят как об угрозе, а не о реальности. Временное правительство признавало, что ему придется считаться с мнением Совета, но оно отказывалось допустить прямое вмешательство совета в деятельность правительства, что «было бы недопустимым двоевластием»^[98]. Хорошо ли, плохо ли, а функции общегосударственного правительства исполняло правительство. Советы были гораздо влиятельнее на местах, что вообще характерно для органов самоуправления.

Прибывший в Россию Ленин будет говорить о двоевластии как возможности добиться перехода всей власти к советам. Но как раз Петросовет и большинство советов весной 1917 г. категорически не поддержали позицию Ленина. Этот вопрос уже был обсужден Советом, и решения были приняты другие.

А в первые мартовские дни, обсуждение «вопроса о власти» в Совете выявило три точки зрения. Чхеидзе и Скобелев доказывали, что брать власть нельзя, потому что тогда придется брать на себя ответственность за неизбежные буржуазные меры, включая и продолжение войны. К. Гвоздев и правые меньшевики считали, что войти в правительство можно, чтобы отстаивать точку зрения трудящихся. Большевики, межрайонец К. Юренев и левый эсер В. Александрович предлагали свергнуть временное правительство и создать из партий, входящих в совет, временное революционное правительство. Это предложение было отвергнуто исполкомом 13 голосами против 8. 2 марта на заседании Совета только 19 человек против 400 поддержали большевиков. Предложение Гвоздева тоже не прошло. До мая. Это значило что возникает не двоевластие, а федерализм, нормальная демократическая система, где правительство могло бы опираться на сеть организаций самоуправления.

Лидеры Совета понимали, что управлять страной они не смогут, да и вся страна, не связанная с Петросоветом организационно, не станет подчиняться решениям неизвестных пока России людей, лидирующих в этом революционном органе. Революционерам

необходимо было еще приобрести достаточную известность и опыт легальной работы, чтобы их авторитет превысил влияние думских лидеров. Поэтому Совет, воспринимавшийся в столице как власть, исходил из того, что правительство будет формироваться думским большинством. Но Совет претендовал на роль верховного контрольного органа. Лидеры Совета считали: «Стихию можем сдержать или мы, или никто. Реальная сила, стало быть, или у нас, или ни у кого»^[99]. Это утверждение было не далеко от истины.

При этом Совет и в февральские дни, и позднее показал, что является относительно работоспособной структурой. Журналист В. Розанов, позднее известный консервативными взглядами, признавал, что в Совете «ораторы определенно лучше, нежели как были в Г. Думе», «речи вообще не для красноречия и даже не для впечатления, а именно — деловые, решительные, требовательные или — разъясняющие вопрос»^[100]. Советы стали основной структурой демократии в России. А вот Временное правительство как раз демократическим не было.

* * *

Пока либералы боролись за власть с самодержавием, они выступали за правительство, ответственное перед избранныками народа.

Милюков уже в 1916 г. произвел чуть заметную, но имевшую большое значение сдвигку в лозунгах — от «ответственного правительства» к «правительству народного доверия». Когда от него попросили разъяснений, он прокомментировал: «Как кадет, я стою за ответственное министерство, но, как первый шаг, мы по тактическим соображениям ныне выдвигаем формулу — министерство, ответственное перед народом»^[101]. Перед народом — это ни перед кем. «Первый шаг» вел к безответственному авторитарному правительству во главе с либеральной элитой.

Вероятным премьером все бурные дни революции считался Родзянко, но в решающий момент 2 марта думские лидеры смогли отодвинуть его в сторону изящной комбинацией. Возникла

конфигурация власти, где Родзянко становился больше чем премьером, фактически — президентом, временным главой государства. Эту конструкцию наивный Родзянко излагал Алексееву 3 марта: «предполагается необходимым созыв Учредительного собрания, а до тех пор действие Верховного комитета и Совета министров, уже нами обнаруженного и назначенного, при одновременном действии двух законодательных палат»^[102]. Родзянко не знал, что уже 2 марта Временное правительство взяло всю власть в свои руки, фактически распустив Думу. Не собиралось оно считаться и с «Верховным комитетом», как назвал Родзянко ВКГД.

Теперь идея «ответственного» кабинета была окончательно отвергнута.

2 марта Временное правительство приняло решение: «вся полнота власти, принадлежащая монарху, должна считаться переданной не Государственной думе, а Временному правительству...»^[103] Лукавство этого решения заключалось в том, что после 1905 г. монарх в России не обладал всей полнотой власти. Таким образом, Временное правительство восстанавливало самодержавную диктатуру, только не во главе с монархом, а в своих руках. Такое правительство никак нельзя назвать демократическим.

* * *

2 марта думские лидеры согласовали декларацию правительства с представителями совета. Было решено, что правительство провозгласит в своей декларации амнистию по политическим и религиозным делам, широкие гражданские свободы (в том числе и для военнослужащих), отмену сословных, национальных и религиозных ограничений, замену полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления. Кроме того, правительство провозглашало начало немедленной подготовки к выборам в Учредительное собрание, а также в органы местного самоуправления на основе всеобщего, равного и тайного голосования, нерасоружение и невывод из Петрограда частей гарнизона, распространение на солдат гражданских прав при сохранении строгой

дисциплины на службе^[104]. В этих решениях не было ничего социалистического. Но для либералов, вошедших в правительство, этот демократический курс был вынужденным, принятым под давлением снизу. Либеральное правительство противостояло демократии советов, но советы приняли решение все же поддерживать правительство, избежав противостояния властей, пока правительство соблюдает договоренности. Реальное «двоевластие» возникло осенью, когда Петросовет перешел под контроль большевиков.

Кто вас выбрал? Снова масоны?

Реальное Временное правительство складывалось из представителей различных общественных структур, которые должны были стать опорой правительства (Временный комитет Государственной Думы, Земский и Городской союзы, Военно-промышленный комитет, даже Петросовет).

2 марта Милюков произносил свою первую речь от имени правительства. В ответ он услышал возмущенный вопрос: «Кто Вас выбрал?» «Я ответил: „Нас выбрала русская революция!“ Эта простая ссылка на исторический процесс, приведший нас к власти, закрыла рот самым радикальным оппонентам»^[105]. Отныне даже правые политики признавали право «революции» «выбирать» правительства. Вооруженное революционное меньшинство воспользуется этим правом еще не раз.

Рассматривая механизм формирования первого состава Временного правительства, мы снова вспоминаем о загадочной заговорщической предыстории Февраля. Как мы видели, что роль масонской организации в Февральской революции была ничтожной. Но когда речь зашла о дележе пирога, масонские связи оказались как нельзя кстати. Покинув салоны, масонские комбинаторы отправились в Таврический дворец, чтобы напомнить вовлеченным в большую политику «братьям» о масонском братстве. Насколько этот фактор сыграл свою роль при формировании новой власти?

До начала революции, в условиях борьбы за «ответственное правительство», в политических салонах то и дело раскладывали

грядущие министерские пасьянсы. Если царь согласится призвать к власти «общественность», нужно быть готовыми предложить опытные кандидатуры. Политики готовились к ролям министров. Не остались в стороне от этого и масоны, которые, конечно, также обсуждали свои кандидатуры на кресла в либеральном кабинете. Чем они хуже других?

Поскольку масоны входили в организации, формировавшие правительство, они могли содействовать друг другу в получении постов. Миф упрощает проблему. Могли — значит, действовали заодно. Н. Н. Яковлев как всегда категоричен: «Верность масонской ложе в глазах посвященных была неизмеримо выше партийной дисциплины любой партии. И когда пришло время создавать временное правительство, его формирование нельзя объяснить иначе, как выполнением предначертаний этой организации. Кандидатуры были выдвинуты не лидерами буржуазных партий, ибо только немногие из них были в ложах, а одобрены на тайных собраниях руководящего ядра масонов»^[106]. Здесь бы хотелось доказательств. Н. Н. Яковлев их не привел, поэтому поищем сами. Как формировалось Временное правительство?

Милюков вроде бы подтверждает основные аргументы «антимасонов», утверждая, что Львов оказался во главе правительства именно благодаря своей принадлежности к масонству. Но тут же, в прямом противоречии с этим, признает: «При образовании Временного правительства я потерял 24 часа (тогда ведь почва под ногами горела), чтобы отстоять кн. Г. Е. Львова против кандидатуры М. В. Родзянко, а теперь думаю, что сделал большую ошибку»^[107]. Так при чем здесь масонство. Милюков считал Родзянко слишком властной фигурой, предпочитал слабого Львова, которым был намерен вертеть в новом кабинете, формально не являясь его главой (мало ли как обернется). Это вполне совпадало с интересами других «сильных людей» думской оппозиции совершенно независимо от их принадлежности к масонству. Сам Милюков, сыгравший решающую роль в назначении главой правительства именно Львова, по общему мнению к масонам не принадлежал.

В дальнейшем, когда под напором левых сил Милюкову пришлось оставить правительство, он недоумевал, каким образом его во всех отношениях правильная линия потерпела столь быстрый крах. В своих воспоминаниях Милюков намекал, что он пал жертвой интриг какой-то

группы в правительстве, связано «какой-то личной близостью... политико-морального характера»^[108] (прямо слово «масоны» не было произнесено, а в более строгом исследовании Милюкова «История Второй русской революции» отсутствуют и сами намеки^[109]). Г. Аронсон считает, что намеков этих достаточно, «чтобы получить представление о месте и влиянии масонов в февральской революции и событиях 1917 г.»^[110] Но для того, чтобы согласиться с этим поверхностным выводом, нужно начисто забыть обо всем, что творилось за пределами кабинета министров в апреле 1917 г., когда многотысячные толпы требовали отставки Милюкова, нарушившего соглашение с Советом в вопросе о продолжении войны. Масоны были утлой лодкой, маневрировавшей среди других лодок по бурным волнам революции. Намеки обиженного министра на «истинные» причины его отставки к этому факту ничего не добавляют.

А. Гальперн, на тот момент секретарь Верховного совета, высшее должностное лицо в масонской иерархии, вспоминает, что Совет не собирався в дни Февральской революции и, соответственно, не мог обсуждать состав Временного правительства. Однако влиятельные масоны Коновалов, Керенский, Некрасов, Карташев, Соколов и Гальперн активно контактировали между собой. Поэтому трудно согласиться и с крайним выводом А. Я. Авреха о том, что «масонская организация не имела к их выдвижению никакого отношения»^[111]. Все же имела, хоть и не решающее. Одни сумели стать активными участниками событий, другие давали «братьям» советы. Такой и была роль большинства масонов в событиях — совещательной. Было бы соблазнительно представить себя архитектором первого временного правительства, вполне соответствовавшего вкусам либералов. Но Гальперн честно признает, что «говорить о нашем сознательном участии в формировании правительства нельзя: мы все были очень растеряны...»^[112]

Г. М. Катков уверен: «Партийная принадлежность и партийная дисциплина должны были уступать более прочным масонским узам. Более всего от этого пострадала партия кадетов. Когда настал час формирования Временного правительства, решение выносилось не партийными комитетами, а влиятельными масонскими группами»^[113]. И сколько этих групп, властно отодвинувших кадетский ЦК? И кто его на деле отодвинул от решения «кадрового вопроса»? В горячечной

обстановке первых чисел марта действительно было не до ЦК. Состав правительства формировался на длительных совещаниях политиков разных либеральных фракций. Но центром этих совещаний, как следует из воспоминаний Шелгунова, Милюкова (оба — не масоны) и других свидетелей были не масоны, а... сам Милюков.

Присутствие масонов в правительстве еще не говорит о том, что они попали туда именно благодаря масонским связям. Керенский был одним из лидеров революции, депутатом и членом исполкома Петросовета одновременно. При таком наборе он мог открыть ногой дверь правительства. Там кадеты только повторяли ему «Просим, просим». Некрасов был видным кадетом. Ему для попадания в правительство не нужно было масонской протекции.

Главным призом масонов в правительстве считается М. Терещенко, малоизвестный в Петрограде чиновник и предприниматель. Его включение в правительство вызывало недоумение и даже обиды кадетов — немасонов. А. Я. Аврех отрицает его принадлежность к масонству, поскольку Некрасов не перечисляет его среди министров-масонов^[114] (правда, нет и доказательств, что перечисление Некрасова является исчерпывающим).

Пикантность ситуации заключается еще и в том, что Терещенко потеснил кадета Шингарева, претендовавшего на пост министра финансов. А Шинграев, которому дали менее престижный пост министра продовольствия, как раз был масоном, но «классическим», не в той организации, где состояли Некрасов и Керенский^[115].

Собственно, как раз появление Терещенко в числе министров и является главным доказательством его принадлежности к масонству — а кто еще мог бы его протащить на вершину власти?

Впрочем, есть и другой канал. Располаясь значительными средствами, Терещенко активно включился в работу Красного креста и военно-промышленных комитетов. В 1915 г. он стал председателем Киевского военно-промышленного комитета, для чего масонские связи были не нужны. Тут требовались капиталы. Таким образом для «общественности» Терещенко стал представителем «Юга России», сотрудником Львова и Гучкова. Это и был его канал во власть. Если Терещенко был масоном, то этот фактор мог ему помочь, но он не был единственным и даже главным в возвышении будущего министра иностранных дел России. Он оказался представителем

общественности «Юга России» по должности, а правительство не должно было состоять только из питерцев. Тогда это считалось неудобным.

Судьба Терещенко сложилась так удачно во многом благодаря тихому перевороту, который кадеты совершили против Родзянко. Раз не он возглавил правительство, то на его место перемещался Львов, и в правительстве образовалась важная вакансия. Пришлось снова перекладывать пасьянс. Шингаревым «заткнули» министерство земледелия, а на финансы нужно было поставить еще кого-то, кто в них разбирается. Вот тут и пригодился гучковский «кадр».

Масонство сформировало не правительство, а личные связи, часть которых затем использовалась при формировании правительства и позднее, в середине 1917 г., — его центристской фракции, состоящей из старых знакомых, в том числе по масонству. Но это не значит, что масонская организация могла претендовать на то, чтобы диктовать свою волю правительству. Советовать — пожалуйста. Но если мнение советчиков расходилось с мнением публичных политиков, то последние действовали по своему.

Н. Н. Яковлев считает, что почти все члены первого состава Временного правительства были масонами («десять братьев»^[116]). Кроме Милюкова. Отчего так? Оттого, что сам Милюков категорически отмежевался от участия в масонской ложе и даже туманно намекал на наличие масонской организации. Остальные члены правительства не сообразовали этого сделать. Следовательно — они все масоны и есть.

С Н. Н. Яковлевым не согласен важный свидетель. Бывший министр Временного правительства Николай Некрасов, который, попав в конце жизни в застенки НКВД, решил оставить потомкам память о масонах. Он дал о них подробные показания, благо это уже никак не могло повлиять на судьбу как самого Некрасова, так и его «братьев»-масонов. Некрасов пытается показать значительность влияния ложи. В ней было много влиятельных лиц. «Показательно, что в составе первого Временного правительства оказалось три масона — Керенский, Некрасов и Коновалов»^[117]. И чего Некрасов решил скрыть причастность к масонству остальных министров?

Но не будем впадать в другую крайность: «Расклад реально задействованных политических сил накануне и в ходе Февральской

революции был таков, что масонского присутствия среди них практически не ощущалось. Оно было так мало и ничтожно, что его не заметили даже современники, даже департамент полиции. Поэтому история и историки имеют полное право сбросить со счетов русское политическое масонство в последние 10 лет существования царизма... вывод о масонах как *quantite negligtable* (ничтожная величина) в предфевральских, февральских и постфевральских событиях 1917 г. остается неизменным. Чего не было — того не было»^[118], — заключает свою книгу А. Я. Аврех.

В этой однозначности есть явные признаки идеологической заданности. Не было не потому, что нет свидетельств, а потому, что опасен сам факт признания, что было. Только дай волю этим рассуждениям, и пойдет: враги России установили режим тайной власти, рулили и рулят массой профанов, Сталина убили, СССР развалили...

А. Я. Авреха можно понять, тем более, что полемизировал он с активными участниками общественного противоборства того времени (тема масонства в 70-80-е гг. была очень актуальна в борьбе патриотов и западников). Но сегодня мы уже можем выйти за рамки черно-белой логики и оценить роль масонов без уничижения и без преувеличений.

* * *

В 1917 г. масонская организация решала две задачи — искала кадры для новой власти в первые месяцы, когда расстановка сил была еще неясна: «ложи на местах определенно становятся ячейками будущей местной власти — вернее, резервуарами, из которых будущая, созданная после переворота центральная власть сможет черпать надежных, со своей точки зрения, кандидатов для замещения власти местной»^[119]. Во-вторых, масоны воздействовали «на левые партии в целях удержания их в русле коалиционной политики»^[120]. Преимущественно путем уговаривания лидеров. Таким образом, масоны стали своего рода партией Керенского, опорой коалиции в политической элите. Но в правительстве они были далеко не единственной партией. Большинство в нем составляли открытые

приверженцы кадетов и социалистических партий, по-разному смотревших на ситуацию. Партии, входившие в коалицию, тянули в разные стороны, конфликтовали на фоне растущего давления справа и слева. Украинские националисты не собирались уступать бывшим «братьям»-кадетам. В этих условиях масонская организация оказалась слишком слабой сетью, чтобы стать надежным каркасом власти.

Думаю, можно согласиться с Некрасовым, который два десятилетия спустя признал: «Переходя к роли масонства в февральской революции скажу сразу, что надежды на него оказались крайне преждевременными, в дело вступили столь мощные массовые силы, ... что кучка интеллигентов не могла сыграть большой роли и сама рассыпалась под влиянием столкновения классов»^[121].

Некрасов утверждает, что масонская организация распалась вскоре после создания Временного правительства из-за разногласий правого и левого крыльев^[122]. Он не исключает, что правые масоны продолжили работу, но в этом случае их политическое влияние было ничтожно, поскольку право-либеральный фланг политического спектра имел свой штаб в партии кадетов, и никакой нужды в масонах уже не было.

Можно согласиться с выводом советского историка В. И. Старцева: «Масонские связи быстро рвались под влиянием могучего дыхания революции»^[123]. Единственная масонская связь, которая дожила до октября 1917 г. — это дружба Керенского и Некрасова, основанная на их приверженности принципу коалиции правых социалистов и левых либералов. Но идеология и личные симпатии приверженцев коалиции в середине 1917 г. уже были важнее, чем дореволюционная масонская игра.

Масоны сыграли конкретную историческую роль в событиях 1917 г. До революции они были информационным каналом между левыми либералами и правыми социалистами. При формировании Временного правительства масоны были лишь одной из многих общественных структур, участвовавших в его конструировании, при чем не самой влиятельной. Масоны лоббировали свои интересы, консультировали тех членов своей организации, которые добились реального влияния в ходе февральских событий. Но они не могли определять состав правительства, который оказался правее их либерально-социалистической ниши. В то же время масонские каналы

использовались при подборе кадров слабой вертикали власти Временного правительства. Эти кадры были хорошо приспособлены для диалога с левой общественностью.

Масоны — конспиративная игра либералов, которая после февральской революции стала излишней. Она имела смысл только при организации контактов левых либералов и правых социал-демократов, поскольку формально они следовали курсу своих партий, а реально боролись за коалицию, представляя собой негласную центристскую партию, противостоящую их собственным партиям. Это придавало смысл остаткам масонской традиции до октября 1917 г.

Весной 1917 г. в силу развития революции влево была создана либерально-социалистическая коалиция, что совпало с конфигурацией масонской организации. Ее представители оказались в центре коалиции, и масоны стали таким образом ее ядром, своего рода «партией Керенского», включавшей ряд лево-либеральных и право-социалистических деятелей. По мере дальнейшего развития революции и обострения конфликтов между кадетами и социалистами, масонские связи оказались слишком слабыми и перестали играть роль. Уже независимо от принадлежности к масонству вокруг Керенского сохранились сторонники сохранения коалиции, в то время как в партиях влияние правительства Керенского падало, опора правительства размывалась. Масоны ничем не могли помочь в этой ситуации, и их роль сошла на нет еще до падения Керенского.

Финал империи

Мы уже усвоили, что царь был добрый и тяготился властью, мечтал от нее отказаться. А еще он был очень принципиальным человеком, не мог никак поступиться принципами. Потому, когда заговорщики подступили к нему со всех сторон, предпочел оставить трон, нежели ввести конституционную монархию. Заодно и за сына отрекся. Незаконно, конечно, но очень хотел оставить его при себе...

28 февраля царь покинул Ставку и направился в Царское Село, к семье. По мнению С. Ольденбурга «отъезд из Ставки оказался

роковым»^[124]. Мол, если бы царь остался в Ставке, все сложилось бы иначе. И с чего бы так? Генералы готовились предъявить царю ультиматум об отречении, и не все ли равно, где они сделали это — в Пскове или в Могилеве.

Ночью на 1 марта царский поезд был остановлен на ст. Малая Вишера, поскольку следующая станция уже была в руках «неприятеля». После некоторых железнодорожных перемещений царь оказался в штабе Северного фронта в Пскове. Здесь начались его переговоры с командующим Северным фронтом генералом Рузским. Беседа быстро приобрела не военно-технический, а политический характер. Выражая мнение командующих фронтами, Н. Рузский добивался ответственного министерства. Царь не уступал — принцип кабинета, ответственного перед парламентом, а не перед самодержцем, противоречил основам его представлений о государстве: «Я никогда не буду в состоянии, видя, что делается министрами не ко благу России, с ними соглашаться, утешаясь мыслью, что это не моих рук дело...»^[125] После длительной дискуссии с Н. Рузским Николай согласился на ответственное министерство. С его согласия был подготовлен манифест, в котором говорилось: «я признал необходимым призвать ответственное перед представителями народа министерство, возложив образование его на председателя Государственной Думы Родзянко, из лиц, пользующихся доверием всей России»^[126].

В ночь на 2 марта телеграммой царя завязшие под Лугой войска Н. Иванова были официально «остановлены». Царь отменял решение о посылке подкреплений карательной экспедиции.

Но было поздно. Под впечатлением общения с лидерами Совета М. Родзянко связался со штабом Северного фронта, где находился император. «В Пскове у аппарата Родзянко ждал генерал Рузский, которому председатель и описал состояние дел под впечатлением нашей беседы. Необходимость или по крайней мере неизбежность отречения Николая была указана Родзянкой в подлинных словах. Еще бы! Теперь даже Милюков признал ее необходимость»^[127].

«Ненависть к монархии дошла до крайних пределов... — сообщал Родзянко Рузскому, — раздаются грозные требования отречения...» В случае отречения, утверждал Родзянко, «Наша славная армия не будет ни в чем нуждаться... Железнодорожное сообщение не будет ничем затруднено...» Думским лидерам казалось, что частными уступками

можно взять рабочие массы под контроль. Но, как показали последующие события, массы контролировали вождей не меньше, чем вожди контролировали массы. Родзянко успокоил Н. Рузского сообщением о том, что «правительственная власть перешла в настоящее время к Временному комитету Государственной Думы»^[128]. Это была правда, хотя и не вся (о влиянии Совета генералы не догадывались), и она произвела впечатление. Рузский и Алексеев решили добиваться отречения Николая II. В ночь с 1 на 2 марта Алексеев стал убеждать командующих фронтами поддержать отречение. Алексеева и Рузского поддержали командующие — великий князь Николай Николаевич, Брусилов и Эверт. Именно в этот момент в стране фактически произошел государственный переворот. Но он стал результатом не возникшего заранее заговора, а начавшейся в стране революции, с которой генералы уже не могли справиться без широкомасштабной гражданской войны.

Фактически к этому моменту Николай находился под домашним арестом. После того, как командующие фронтами в большинстве своем высказались за отречение, морально готовый к этому Николай дал согласие. К утру 2 марта Алексеевым, Лукомским и камергером Бразилии был подготовлен проект отречения в пользу Алексея. Утром 2 марта Николай одобрил его и днем подписал. Однако ко времени прибытия думской делегации (Гучков и Шульгин), Николай передумал и решил отречься в пользу брата Михаила. «Не желая расстаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол государства Российского».

Это была существенная разница. По законам Российской империи отречение могло быть произведено только в пользу Алексея. Сам Алексей не мог отречься от престола до совершеннолетия. Михаил был совершеннолетним и вполне был готов также отречься от престола, по существу ликвидировав монархию (что и сделал 3 марта под давлением левых депутатов во главе с Керенским). Но, в то же время, совершив незаконное отречение, Николай мог позднее, когда все уляжется, оспорить его.

То, что Николай совершает тактический ход, первой поняла его супруга: Алике писала Ники: «мы знаем друг друга насквозь, и слова не нужны — и, пока я жива, мы еще увидим тебя опять на своем

престоле, возвращенного твоим народом и войсками к славе твоего царствования»^[129].

«Нельзя не прийти к выводу, что Николай II здесь хитрил... Пройдут тяжелые дни, потом все успокоится, и тогда можно будет взять данное обещание обратно»^[130], — считал П. Милюков.

А пока Николай Романов предпочел претвориться сторонником либеральных идей, с которыми боролся всю жизнь: «Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу»^[131], — говорилось в манифесте об отречении от престола. Уже после отречения, задним числом Николай II утвердил предложенную лидерами Думы кандидатуру премьер-министра — князя Г. Львова, лидера Земского движения. История российской империи завершилась.

Февральская революция заканчивалась. Свержение самодержавия совершилось. Но это было только начало Великой Российской революции 1917–1922 гг., положившей начало советской истории.

Очерк третий

Был ли Ленин немецким шпионом?[*]

Включаю один из центральных телеканалов. Доверчивым зрителям добавляют очередные иштрихи к тому образу Ленина, который в современной России стал общеупотребительным среди медийных лоботрясов. Ленин — беспринципный, истеричный властолюбец, напоминающий Гитлера. С началом Мировой войны Германия обрела в лице Ленина союзника и даже слугу. Ленин стремился разжечь гражданскую войну в России на радость немецкому кайзеру. За это он получал щедрое финансирование. С началом революции 1917 г. Германия переправляет своего шпиона в Россию через Берлин, где Ленина инструктируют, как делать революцию (уж конечно немецкие военные разбираются в этом лучше Ленина). Получив миллиард марок, Ленин приобрел огромное влияние. Без этих денег он оказался бы маловлиятельным политиком. С помощью немецких офицеров Ленин совершил переворот с целью подписать капитуляцию перед Германией и разорить ненавидимую Россию до тла. «Долг платежом красен» — Ленин без необходимости подписывает позорный Брестский мир.

Как всегда, невероятные идеологические мифы опираются на несколько реальных фактов. Что мы знаем доподлинно?

Ленин выступал против поддержки своего правительства в империалистической войне и выдвинул лозунг «превращения мировой войны в гражданскую». При этом он настаивал, что такую же политику должны проводить социал-демократы всех воюющих стран, включая Германию и клеймил немецких коллег за то, что они оказали поддержку кайзеру в войне. Ленин стремился к свержению всех европейских режимов, а не только Российского самодержавия.

Позиция Ленина в той или иной степени получила поддержку левых социалистов на международных конференциях в Циммервальде и Кинтале. Устраивать гражданскую войну союзники Ленина не хотели, но в главном были согласны: никакой поддержки своему правительству, свержение самодержавия и борьба за всеобщий мир без

аннексий и контрибуций. К числу «циммервальдийцев» принадлежали не только большевики, но и многие эсеры во главе с их лидером В. Черновым и один из основных оппонентов Ленина в социал-демократическом движении Ю. Мартов. Мартова, во всяком случае, никому не пришло в голову обвинять в получении немецких денег.

Вагон

С началом Февральской революции Ленин, как и другие революционеры, собрался на родину. Но правительства союзных России Франции, Италии и Великобритании отказали Ленину и другим левым социал-демократам в визе. Так что выбор был не велик — либо сидеть в Швейцарии до тех пор, пока Антанта не сообразовит разрешить возвращение на родину, либо принять предложение немецких социал-демократов организовать переезд из нейтральной Швейцарии в нейтральную Швецию через Германию. То, что немецкие власти согласились на проезд эмигрантов, говорит о том, что в Берлине считали это полезным, но не вяжется с версией о шпионаже Ленина. Все-таки контакты шпионов с резидентами принято прятать, а здесь они выставляются наружу. Более того, стороны потратили много времени на согласование деталей переезда, чтобы репутация Ленина пострадала как можно меньше. Ведь сам факт проезда через Германию эмигранты не собирались скрывать. Если бы Ленин был шпионом, немцы обеспечили бы полную секретность и срочность его переброски в Россию.

Сразу по прибытии Ленина его противники попытались использовать против него «пломбированный вагон». Матросы второго балтийского экипажа, встречавшие Ленина на Финляндском вокзале, на следующий день приняли возмущенную резолюцию. Мол, если бы знали, что Ленин проехал через Германию, отправили бы его назад. В Гельсингфорсе возмущенные матросы даже искупали в море большевистских агитаторов. Эти эпизоды любят приводить нынешние изобличители Ленина^[132]. Но здесь они стыдливо забывают, что уже через несколько месяцев матросы станут одной из опор большевиков. Решив, что сторонники Ленина «говорят дело», матросы уже не

обращали внимания, каким образом он попал в Россию. И в этом отношении они были правы. К тому же не только Ленин, но и многие видные эсеры и меньшевики (от Суханова до Чернова) выступали за скорейший мир без аннексий и контрибуций и против наступательных военных действий. А они не ездили через Германию.

Характерно, что Ю. Мартов, долго колебавшийся по поводу переезда и обставлявший его разнообразными условиями, вернулся в Россию лишь 9 мая, когда события зашли далеко, и влияние Мартова в партии меньшевиков было подорвано. Ленин считал, что надо ковать железо пока горячо, даже если где-то можно запачкать подошвы о немецкую территорию (впрочем, чисто фигурально — вагон считался экстерриториальным, так что эмигранты формально не ступали на германскую землю).

Должок

Настоящая интрига начинается, когда речь заходит о немецких деньгах, полученных большевиками. И здесь важно ответить на несколько конкретных вопросов:

От кого большевики получали деньги фактически и формально?

Сколько денег они получили?

Что они сделали с помощью этих денег, чего были бы лишены без них?

Какие указания Германии большевики выполнили за полученное вознаграждение?

Считается, что Ленин получал деньги от «германского генерального штаба». Но документы представляют нам более скромный источник — имперское казначейство. Эти деньги поступали германским социал-демократам и тем самым «отмывались» — ведь нет ничего предосудительного в том, чтобы социал-демократы давали деньги товарищам из других стран.

Для транзита денег был подобран не случайный казначей — все тот же Александр Гельфанд (Парвус). Для немецкого казначейства он — недавно принятый в германское подданство предприниматель. Для

социал-демократов — бывший товарищ по РСДРП, который разбогател и стал членом германской социал-демократии, оборонцем. Идеино Ленин расходился с Парвусом и при их последней встрече они даже повздорили. Ленин указал Гельфанду на дверь^[133]. Но...

Но дело в том, что Ленин считал, что германская социал-демократия должна ему денег. Об этом почти всегда забывают, когда говорят, что Ленина финансировала Германия. А Ленин считал, что немцы до войны зажали приличную сумму, принадлежащую большевикам. И теперь возникли хорошие условия, чтобы получить свое.

Дело в том, что после Первой российской революции большевикам удалось правдами и неправдами сконцентрировать в своих руках приличный капитал, которого хватало, чтобы наладить нормальную партийную работу. Речь не об «эксах» Камо и Сталина — эти деньги в связи с их явно криминальным происхождением пришлось просто сжечь, иначе можно было быть арестованными прямо в банке при желании воспользоваться «награбленным».

Это только наивные западные публицисты, которых охотно перепечатывают в современной России, думают, что Ленин «после удачной экспроприации в Тифлисе мог прямо-таки купаться в неиссякаемом денежном источнике!»^[134]

Основную часть большевистского фонда составило наследство Николая Шмидта, молодого фабриканта левых взглядов. Шмидт помогал вооружать дружинников во время восстания 1905 года в Москве, был арестован. Фабрика его была сожжена огнем царской артиллерии. Шмидт погиб в тюрьме. Каково же было удивление родственников, когда они узнали, что молодой радикал завещал капиталы неизвестным лицам. Лица эти были предложены Шмидту партией большевиков, чтобы капитал, таким образом, пошел на дело революции. Далее последовал детективно-авантюрный сюжет, для нас здесь излишний, поскольку важен результат: у большевиков оказалось свыше 268000 золотых рублей^[135]. Но надо же такому случиться, что в 1910 г. была предпринята новая попытка русских социал-демократов объединиться под эгидой Второго интернационала. Была создана объединенная касса партии, куда от большевиков поступили на хранение 178000 рублей. Поскольку большевики и меньшевики друг

другу не доверяли, то распорядителями кассы стали почтенные германские социал-демократы К. Каутский, Ф. Меринг и К. Цеткин.

Вскоре большевики и меньшевики опять переругались. Ленин потребовал деньги назад, а позднее и вовсе создал РСДРП большевиков, которую считал правопреемницей всей РСДРП. В условиях политической склоки Каутский и Меринг вышли из числа распорядителей фонда, оставив его в руках Цеткин. А та наотрез отказалась вернуть деньги большевикам «до выяснения».

Ленин был чрезвычайно разгневан на Цеткин, обвинял ее в том, что она в ходе переговоров о деньгах «налгала»^[136]. Но Цеткин стояла насмерть. Видимо, она просто не могла уступить. Не она решала этот вопрос.

Любопытно, что в дальнейшем Цеткин имела хорошие отношения с Лениным, занимала близкие ему позиции (то есть боролась против своего — германского — правительства) и вступила в компартию Германии. Предвоенный эпизод Ленин как бы «простил» и больше о деньгах не вспоминал, хотя во время войны они были ему очень нужны.

Письма Ленина показывают, что в 1915–1916 гг. финансовое положение партии было нестабильным и временами крайне тяжелым^[137]. Это опровергает придумки некоторых мифотворцев о том, что большевики оказались на содержании «немецкого генштаба» вскоре после начала войны^[138].

Цеткин, учитывая их дружбу, могла бы разморозить фонд. Но, по всей видимости, это было не в ее власти, особенно после начала войны. Тут нужна была «виза» властей. И поступила эта «виза» в 1917 г. Примерно полмиллиона марок, «зависшие» в Германии в 1910 г., стали возвращаться в кассу большевиков через социал-демократа Гельфанда. Для немецких дипломатов это была возможность поддержать партию, с которой у Германской империи вдруг совпали интересы. Для Гельфанда — поучаствовать в «большой игре» и прокрутить через свою фирму капиталы (особенно, если имперское казначейство войдет во вкус и увеличит лимиты). Для Ленина — сорвать с империалистов и социал-патриотов то, что они задолжали, а по возможности — получить деньги еще и сверх того на мировую революцию, в том числе — в самой Германии.

Схема переправки денег должна была запутать русскую контрразведку (все-таки должок возвращали из вражеского государства), что было очень выгодно Гельфанду. Финансирование осуществлялось через скандинавскую фирму Гельфанда «Фабиан Клингсланд АО», где работал большевик Я. Ганецкий (Фюрстенберг).

Трансферты шли через отделения «Ниа Банкен» в Копенгагене и Стокгольме в Сибирский банк в Петрограде. Нужно иметь в виду, что «Ниа банкен» был банком нейтральной страны. Он имел дела и с Германией, и с Россией, в 1916 г. при его посредничестве было заключено соглашение об американской кредите для России в 50 млн долл.^[139] То есть формально большевики получали деньги от нейтралов, партнеров бывшего партийного товарища Парвуса. Мы сейчас знаем, что Парвус, он же немецкий подданный Гельфанд, при этом консультировался в собственном МИДе. И что?

В середине 1917 г. общение с социал-демократами Германии не считалась в России чем-то особенно предосудительным. В мае-августе 1917 г. социал-демократы воюющих стран готовили в Стокгольме конференцию социалистов, которая могла бы стать мостом между воюющими блоками и способствовать заключению мира. В рамках этих консультаций Гельфанд встречался 13–14 июля с представителями меньшевиков и эсеров Смирновым и Русановым^[140].

Когда сегодня политики получают финансирование от зарубежных источников, они не всегда могут проследить, проходили ли эти деньги через какие-то арабские счета, которые одновременно финансируют, скажем, чеченских боевиков. Мир финансов взаимосвязан, и денежные потоки пересекаются причудливым образом. В современной многопартийной политической системе, где партия не может существовать без внешнего финансирования, это приводит к удивительным парадоксам. Отрицая право организации финансироваться из-за границы, потому что за граница не любит Россию, вы становитесь защитником интересов именно предпринимательских кругов. Потому что тогда за реальное влияние могут бороться только такие политические силы, которые финансируются отечественными толстосумами. Но фокус в том, что

национальный капитал «зарабатывает» средства путем операций все с той же границей и в результате эксплуатации отечественных работников. Так что во многих отношениях национальная буржуазия ни чем не лучше интернациональной (филиалом которой она является на практике).

Принципиально важно для моральной оценки политика совсем другое: действует ли в его отношениях с источником финансирования правило «кто платит, тот и заказывает музыку», или тому, кто платит, просто нравится та музыка, которую музыкант играл бы при любых условиях? В другой связи А. С. Пушкин так сформулировал это правило: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать».

Национальная буржуазия здесь, рядом, и она всегда может проследить, правильно ли выполняется ее политический заказ, а если нет — применить санкции. Зарубежные спонсоры в этом отношении обычно слабее. Также и в случае с Лениным. Получая свои деньги из Германии — формально от шведов, датчан и Парвуса, Ленин не давал никаких обязательств. Его позиция не менялась. Ему никто не заказывал музыку. Он не торговал «вдохновением».

В Петрограде деньгами распоряжалась сотрудница фирмы Е. Суменсон. Но не будем забывать, что фирма легально торговала медикаментами, продовольствием и т. д. Так что деньги по этому каналу ходили туда-сюда, а не передавались большевикам. Только часть денег Суменсон относила М. Козловскому, от которого они попадали большевикам. Ленин публично не признавал, что получал деньги от Ганецкого (еще бы!), но в 1923 г. было опубликовано письмо, где Ленин упоминает о получении денег через Козловского. Правда, сумма небольшая — 2 тысячи рублей^[141].

После июльских событий Е. Суменсон была арестована и согласилась сотрудничать со следствием. Через руки Суменсон согласно ее показаниям после ареста 8 июля прошло более 2 миллионов рублей, часть которых вернулась назад фирме, и только часть ушла на сторону, Козловскому, которому попало 750 тысяч рублей. Следователь контрразведки Б. Никитин считал, что она передала большевикам 800 тысяч^[142]. Вот реальный максимум немецкого финансирования большевиков в апреле-июне 1917 г. С учетом инфляции (за время войны рубль подешевел в 3–4 раза), сумма,

вполне сопоставимая с большевистской кассой, которую немецкие социал-демократы «зажали» в 1912 году.

* * *

Немцы финансировали не только Ленина, но (через немецких социал-демократов) других противников войны, а также националистов-сепаратистов. Поскольку информации о связях собственно Ленина с немцами маловато, а нужно заполнять книги многочисленными «фактами», то авторы современных сочинений на эту тему посвящают немало места рассказам о самых разных аферистах, кормившихся от немцев. Вот агент Львов в 1915 г. обещает взорвать мост через Волгу и поднять восстание^[143]. Деньги-то горазд получать. А где диверсии, где восстания? Аферист на аферисте. Но при чем здесь Ленин? Документов с его обещаниями кайзеру расследователи не приводят.

Немцы финансировали эстонского националиста А. Кескюлу. Обличители Ленина поэтому пытаются придать Кескюле фантастическое влияние на политику большевиков. Якобы он даже, «финансово подпитывая Ленина» в 1915 г. изменил его точку зрения. В чем же это изменение? Если сначала Ленин мечтал о мировой революции, то теперь он стал выступать за то, чтобы «вначале надо победить Россию»^[144]. Так «интерпретирует» Ленина Э. Хереш. Но где у Ленина она вычитала такую сенсационную мысль, Хереш не поясняет. Из ее книги вообще не видно, читала ли она Ленина, или знакома с этой темой по телепередачам. Но, перефразируя известный анекдот, в данном случае можно сказать, что немец не читатель, а писатель.

Жандармский генерал А. Спиридович, пытаясь доказать, что большевики служили немцам с самого начала войны, вдруг сообщает интересный факт — один из лидеров немецкой социал-демократии Ф. Шейдеман финансировал через Ганецкого газету Горького^[145]. Горький, как известно, не был большевиком и в 1917 г. изрядно критиковал Ленина. Как социал-демократ, он вполне мог претендовать на финансовую поддержку немецких социал-демократов. Так это или

нет, оставим на совести Спиридовича. Но версия наводит на размышление — Ганецкий мог получать часть средств из фондов Второго интернационала, а не германского государства. И деньги через Ганецкого шли не только большевикам, но и их конкурентам в социал-демократическом движении.

Что дали деньги?

Расследователи темы «немецких денег» Г. Шиссер и Й. Траупман утверждают: «Ленин стал фигурой мировой истории, в известном смысле и в результате имперской политики»^[146].

Что смогли сделать большевики с помощью 800 тысяч рублей? Прежде всего, нарастить тиражи «Правды» и других большевистских газет. Была куплена новая типография для «Правды», на которую ушло около трети «немецких» денег.

Часть тиражей оплачивались читателями, но чтобы обрести читателя, нужно раскрутиться, выйти на уровень более популярных изданий эсеров и меньшевиков (о кадетах не говорю — у них были хорошие спонсоры). Денег для этого недостаточно. Издания должны быть интересны читателям.

В стране шла предвыборная кампания. Это требовало больших затрат на печатание газет, листовок и плакатов. В начале весны вперед вырвались партии меньшевиков и эсеров, которые могли пользоваться возможностями Совета бесплатно. К тому же их правое крыло опиралось на поддержку финансовых кругов, которые одновременно делали ставку и на кадетов. Давление буржуазии стало одной из причин установления и сохранения коалиции социалистов и кадетов. Разрыв с кадетами был чреват для правых социалистов серьезными финансовыми проблемами.

Казалось бы, партии правительственной коалиции получали монополию и на финансовые, и на административные ресурсы. Каково же было раздражение лидеров коалиции, когда большевики разрушили их финансовую монополию. У них, оказывается, тоже водились деньги, полученные не у национальной буржуазии. Как не возмутиться

честному великорусскому политику, привыкшему брать деньги у отечественного плутократа.

После июля 1917 г. большевики уже не могли получать существенное финансирование из-за рубежа, но сумели восстановить и тиражи, и массовую поддержку. К тому же, не будем забывать, что в России тогда далеко не все жители читали газеты, и даже не все сторонники большевиков были грамотны. Согласимся с В. Г. Сироткиным, что нельзя преувеличивать «роль антивоенной продукции, в частности, „Окопной правды“ и других пробольшевистских изданий в их воздействии на фронтовые войска, где только четыре процента солдат имели „навык самостоятельного литературного чтения“»^[147]. Большевики агитировали на улицах и на съездах, которых во время революции было множество. Поскольку у правительства не было телевидения, противопоставить большевистской агитации было тяжело, даже если бы у них не было больших тиражей газет.

Таким образом, то, что буржуазная пресса могла делать, потому что ее спонсоры эксплуатируют рабочих, большевики сделали, вернув немецкие долги и сверх того поэксплуатировав Германскую империю. Впрочем, должок германскому народу большевики вернут вскоре после прихода к власти.

Роль денег не была решающей, а уж денег, которые Германия переплатила Ленину по сравнению с фондом Шмидта — еще меньше. И главное — большевики доказали, что могут восстановить силы без финансовой поддержки и после серьезного разгрома их сил в июле 1917 г.

Июльский «мятеж»

Для обывательского сознания непостижимо, что кроме денег могло обеспечить победу радикальной левой партии. Но причина роста влияния большевиков лежит в другой плоскости. Экономический кризис, ухудшавший и без того тяжелое положение трудящихся продолжал углубляться, и Временное правительство ничего не могло с этим поделать. Это порождало массовое отчаяние, стремление

вырваться из сложившегося положения одним скачком, нереальные ожидания и в итоге — стремление к быстрым и решительным мерам, качественно изменяющим общество — социальный радикализм. Большевики стали силой, которая взяла на себя консолидацию радикально настроенных солдатских и рабочих масс. Эта политическая ниша обеспечивала большевикам рост влияния в условиях нараставшего кризиса. Но при условии, что большевики останутся самой радикальной из крупных левых организаций, и в то же время не сорвутся в авантюру, которая позволит правительству разгромить структуру партии. Это были нелегкие условия успеха, не имевшие никакого отношения к германским деньгам.

При этом партия большевиков не была тоталитарной сектой. В ней было правое крыло во главе с Л. Каменевым, стремившееся к союзу с социалистами, а Петербургский комитет и военная организация («военка») иногда занимали более радикальные позиции, чем Ленин. Непонимание этого простого обстоятельства иногда ставит мифотворцев в смешное положение.

* * *

Важная легенда, призванная укрепить миф о шпионаже большевиков в пользу Германии касается июльских событий 1917 г. Якобы большевики ударили в спину наступающей русской армии и сорвали победу русского оружия, которая могла вообще покончить с войной.

Речь идет о наступлении, которое началось 18 июня под Калушем и 6 июля провалилось. Притянуть к этой истории большевиков довольно сложно. Их влияние в войсках Юго-Западного фронта, попытавшегося повторить «Брусиловский прорыв», было в это время не велико. Можно, конечно, посочинять, как Ленин информировал немцев о дате начала русского наступления^[148]. Очень интересно. А Ленин-то откуда узнал. Отсюда, пожалуйста, поподробней... Нет, молчат, тупятся писатели. Еще не придумали.

Солдаты сочувствовали речам большевиков, потому что не хотели воевать. Не видели смысла. Но и на фронтовых съездах, и на митингах

большевики оказывались в меньшинстве. Авторитет командования и Керенского был высок. На фронтовом съезде «само упоминание о том, что Керенский обещал приехать, вызвало такой взрыв восторга..., который не уступал восторгу перед речью Брусилова... Голосование предложенной нами резолюции собрало ровно девять десятых голосов»^[149], — вспоминает комиссар Временного правительства В. Станкевич. Приехавший Керенский сорвал «безграничные овации в полном единодушии». Солдаты соглашались, что выполнять приказы нужно, «общий голос солдатских представителей был за наступление». И даже наиболее авторитетный большевик фронта Николай Крыленко признавал: «Я здесь высказываюсь против наступления... Но если товарищ Керенский или наш главнокомандующий дадут приказ начать наступление, то, хотя бы вся моя рота осталась в окопах, я один пойду на пулеметы и на проволоку противника...». Но в спорах Керенского и его сторонников с большевиками «большинство слушало молча, думая про себя свою думу... Когда дело стало подходить к решительному шагу, настроение солдатских масс быстро падало»^[150]. И хотя часть солдат «были полны решимости наступать», их не могло не смущать, что «наступление было организовано ниже всякой критики»^[151].

Большевики тут ни при чем. Просто провал наступления подтвердил их правоту, что дало толчок к успехам «пораженческой» пропаганды. Раз начальство не может толком организовать наступление, нечего класть солдатские головы. Комиссар Временного правительства В. Станкевич признает эту глубинную причину неудачи наступления и разложения армии: «мы гнали других людей, не понимающих и не могущих понять смысла войны, заставляли их идти убивать каких-то для них совершенно непонятных врагов...»^[152]

Провал наступления стал крахом надежд Керенского укрепить авторитет правительства с помощью победы. Более того, пришлось срочно искать «козла отпущения», и здесь очень удачно случились волнения в Петрограде 3–4 июля. По легенде большевики решили организовать диверсию в тылу наступающей армии и тем сорвали удар.

Мы еще увидим, насколько выступление 3 июля было «организовано большевиками». Но если бы и так, нужно быть большим фантазером, чтобы считать, что демонстрация и даже беспорядки могут сорвать наступление, происходящее в другой части

страны. 3–4 июля демонстранты не нападали на Зимний дворец и Генеральный штаб, что хотя бы теоретически могло нанести ущерб наступлению (хотя реальное руководство им проводилось на месте и из ставки в Могилеве). Войска Петроградского гарнизона, принявшие участие в волнениях, никак не могли переломить ситуацию и спасти Юго-Западный фронт от поражения.

Ближе к Петрограду был Двинск, где планировалось нанести второй удар, если Юго-Западный фронт двинется вперед. Действовать силами Северного фронта планировалось 5 июля, но под предлогом волнений в Петрограде атаку перенесли на 10-е. В действительности ситуация в Петрограде 5 июля уже стабилизировалась, но нужно было как-то объяснить неудачи фронта волнениями в столице. На самом деле Северный фронт не мог помочь Юго-Западному, так как немцы не сняли части из-под Двинска и вполне способны были отразить там удар: «Наступление было вполне безнадежным. Командующий армией генерал Данилов... все время доказывал Ставке, что наступление не имеет никаких шансов»^[153].

Не поражение было вызвано волнениями в Петрограде, а волнения — бессмысленностью наступления (которую и подтвердило поражение). Наступление вызвало возмущение части петроградского гарнизона и левых социалистов, поскольку оно грубо нарушало основы внешней политики временного правительства, согласованные в марте и мае 1917 г., после скандала с «нотой Милюкова». Россия не претендовала на захваты новых территорий, а значит, ей не было никакого смысла проводить наступательные операции. Тем более, что уже «Брусиловский прорыв» показал: каковы бы ни были успехи, русская армия не в состоянии разрушить фронт даже Австро-Венгрии. Частичные успехи, оплаченные сотнями тысяч жизней, принципиально не меняют положение на фронтах. Следовательно, нужно не омыwać кровью окопы противника, а искать пути ко всеобщему миру (что и делалось в это время в Стокгольме социалистами разных стран и направлений, включая большевиков).

Для Керенского кровопролитное сражение было необходимо прежде всего для того, чтобы укрепить престиж правительства. В то же время наступление давало предлог, чтобы вывести из столицы нелояльные части. Это также нарушало соглашения, достигнутые весной с Петросоветом, и вызывало возмущение солдат и левых

социалистов, отлично понимавших, что вывод революционных частей может стать прелюдией к правому перевороту (корниловское выступление показало, что левые в этом вопросе были правы).

Так что взрыв возмущения в начале июля был вполне закономерен. Но при этом как раз большевистское руководство было застигнуто им врасплох.

* * *

Легенда о восстании, организованном большевиками в Петрограде, призвана решить несколько мифологических задач. Это и «удар в спину армии», и репетиция Октябрьского переворота, позволяющая порассуждать о том, что коммунистические путчи следует давить в зародыше, не считаясь с жертвами. Вот, в Германии в 1919 г. «партия порядка» сумела своевременно уничтожить вождей коммунистов Либкнехта и Люксембург — и коммунисты не оправились от удара. А Ленина упустили. Поскольку миф имеет актуально-политическое назначение, мифотворцы намекают, что если левое движение наберет силу, то на радикальные манифестации следует отвечать стрельбой и выжигать левую заразу каленым железом. А вот чем «выжигать» социальные причины, которые вызывают массовые выступления под левыми лозунгами?

Самое обидное для мифотворцев, что такая подходящая для них июльская история вовсе не была восстанием и попыткой захвата власти, организованной большевиками...

Демагогия и методы агитационной кампании большевиков вызывали раздражение у умеренных социалистов. Но в период предвыборной кампании все партии более или менее демагогичны. Еще более радикальны были анархисты, пользовавшиеся в Петрограде растущим влиянием. А большевики как раз показали, что с ними вполне можно договориться. Это показала история с демонстрацией 10 июня.

Демонстрация, замысленная «военкой», должна была оказать воздействие на Съезд советов и правительство, и была направлена прежде всего против «министров капиталистов» (то есть кадетов и

представителей буржуазии) и готовившегося Керенским наступления на фронте. С точки зрения левых социалистов наступление было бессмысленной и преступной авантюрой. Лидеры умеренных социалистов опасались, что демонстрация подвергнется нападению правых организаций (Союза георгиевских кавалеров, казаков и др.). Эти опасения не были лишены оснований — такие нападения действительно произошли во время демонстрации 3–4 июля. В накаленной обстановке провокация правых могла привести к восстанию левых. Держа в голове эту опасную перспективу, лидеры Съезда советов запретили демонстрацию 10 июня и предложили большевикам принять участие в объединенной демонстрации всех левых сил 18 июня.

Уступая требованию «оппортунистов», большевики теряли лицо. Но проводя демонстрацию, перерастающую в вооруженное столкновение, они рисковали оказаться в глазах рабочих виновниками кровопролития, безрассудными авантюристами. В последний момент ЦК большевиков отменил демонстрацию. Это вызвало разочарование наиболее радикальных противников Временного правительства слева. Некоторые рядовые большевики в гневе рвали партбилеты^[154]. В столице росло влияние анархистов. Петроградский комитет и «военка» были разочарованы поведением ЦК.

Ленин в это время считал выступление преждевременным, прежде всего потому, что большевики еще не преобладают в советах^[155]. Более того, если большевики спровоцируют серьезные столкновения, на них наверняка попытаются свалить неизбежную неудачу предстоящего наступления. А вот после провала наступления, в котором большевики мало сомневались, их влияние наверняка вырастет. Так что наращивание конфронтации было невыгодно большевикам.

Однако события развивались не так, как планировал Ленин.

* * *

В июне выросло влияние анархистов, которые стали составлять реальную конкуренцию большевикам в войсках Петроградского

гарнизона и в рабочем Выборгском районе. Конфликт правительства с анархистами сыграл летом 1917 г. роль катализатора социального брожения. Анархисты попытались захватить типографию реакционной газеты «Русская воля». Попытка была ликвидирована без жертв, но в ответ министр юстиции попытался выселить анархистов из их резиденции на даче Дурново, что вызвало забастовки на 28 заводах. Влияние анархистов среди рабочих Выборгской стороны было велико, дача была центром культурно-просветительской работы (правительственные чины пытались представить ее чем-то вроде притона, что совершенно не соответствовало действительности)^[156]. Рабочие получили в этом вопросе поддержку ВЦИК^[157]. Конфликт растянулся на весь июнь и превратил анархистов из относительно конструктивной силы (еще в мае их лидер Н. Солнцев осуждал попытку Кронштадского совета провозгласить самостоятельность города) в детонатор антиправительственных волнений. Радикальная агитация анархистов могла превратить их в лидеров значительной части тех рабочих и солдат, которые прежде шли за большевиками.

Анархисты были популярны в 1-ом пулеметном полку. Несколько подразделений полка были отправлены на фронт, что нарушало мартовские договоренности совета и правительства. Солдаты первого пулеметного полка были наиболее радикальной военной частью, там было велико влияние анархистов и «военки». Пулеметчики считали себя гарантами революции в столице и не собирались отправляться на фронт, тем более, что левые социалисты объяснили им, что война ведется за интересы, чуждые трудящимся.

Пулеметчики уже с 1 июля были готовы выступить против Временного правительства. Эсеро-меньшевистский полковой комитет еле сдерживал их. 2 июля ЦК РСДРП(б) категорически приказал «военке» сдерживать выступление пулеметчиков. Приказ этот «военка» выполняла без энтузиазма.

2 июля в полке имел место митинг, посвященный проводам солдат на фронт. Вот счастье мифотворцев — здесь «от имени ЦК РСДРП(б) перед собравшимися выступили Луначарский и Троцкий. Последний поносил „правительство министров-капиталистов“ за июньское наступление русских войск на Западном фронте и требовал передачи всей власти Советам»^[158]. Сама по себе эта речь обычна для левых социалистов. Да, они считают наступление и отправку революционных

солдат недопустимым. Нет ничего нового и в требовании передачи советам власти, за что уже давно выступают большевики, левые эсеры и левые меньшевики. Но все-таки назавтра солдаты выступят. Наверное, не случайно Троцкий приехал, наверное, прямо с заседания ЦК большевиков. Мифотворцы забывают только, что Троцкий и Луначарский в это время не входили не только в ЦК большевиков, но и вообще в большевистскую партию. До августа они были «межрайонцами».

На этом митинге пулеметчиков «накручивала» ситуация, а не большевики. Местные ораторы клеймили правительство. А на следующий день пришли анархисты, которые призвали к восстанию.

3 июля 1917 г. к тому же стало известно, что и правительство накануне распалось из-за выхода кадетов из кабинета в знак протеста против предоставления широкой автономии Украине. Тут уж Ленин точно был ни при чем. 3 июля он спокойно пребывал за городом.

На митинге 3 июля, где выступил Солнцев, солдаты поддержали лозунг «Вся власть Советам!» Н. Солнцев выступал за переизбрание советов^[159]. По призыву анархистов солдаты двинулись на демонстрацию с оружием. А. Невский вспоминал, что члены «военки» поняли: «сдержать солдат от выступления мы не сможем»^[160]. Так что вопрос состоял только в том, кто будет лидером возбужденной солдатской массы. Перед солдатами-пулеметчиками, входившими в большевистскую «военку», встал выбор — или отдать полк анархистам, или присоединиться к выступлению вопреки линии ЦК. Они выбрали второе. Делегаты были направлены в другие части гарнизона и на фабрики. Вскоре на улицы вышла грандиозная вооруженная демонстрация, противники правительства заняли Финляндский вокзал. Вооруженная демонстрация двинулась к Таврическому дворцу.

ЦК большевиков принялся сдерживать выступление, которое счел авантюрой анархистов. Ленина не было в городе, так что от имени ЦК руководили Каменев и Зиновьев, придерживавшиеся умеренной линии на компромисс с социалистами и руководством советов.

В ночь на 4 июля наличные члены ЦК, ПК большевиков и «военки» выработывали приемлемый компромисс. Нужно было как-то возглавить разбушевавшиеся массы, и в то же время избежать открытого восстания, к которому никто не был готов.

Прибывший в Петроград утром 4 июля В. Ленин опасался радикальных действий без достаточной подготовки. Однако после того, как движение началось, большевики не могли не возглавить выступление. По справедливому замечанию А. Рабиновича, «лидерам петроградских большевиков было чрезвычайно трудно оставить без руководства демонстрантов и недавно завоеванных членов партии. В конце концов, уличные шествия возникли в результате большевистской пропаганды и были реальным свидетельством усилившейся „большевизации“ масс»^[161]. Отказавшись от лидерства в выступлении, большевики потеряли бы репутацию радикалов и связанную с этим поддержку широких слоев населения и войск, радикализированных военной и социальной ситуацией. Тем более, что большевикам уже «дышали в затылок» анархисты, фактически возглавившие выступление в его первые часы. В итоге Петербургский комитет РСДРП(б), а затем и большинство ЦК решили возглавить демонстрацию, чтобы превратить ее «в мирное, организованное выявление воли всего рабочего, солдатского и крестьянского Петрограда»^[162]. Ни о каком восстании речь не шла.

Раскольников вспоминает, как Ленин уклонялся от публичного выступления 4 июля: «Разыскав Владимира Ильича, мы от имени кронштадтцев стали упрашивать его выйти на балкон и произнести хоть несколько слов. Ильич сперва отнекивался, ссылаясь на нездоровье, но потом, когда наши просьбы были веско подкреплены требованием масс на улице, он уступил и согласился»^[163]. Сказав несколько слов о бдительности и конечной правоте лозунга «Вся власть Советам!», вождь удалился с балкона. Когда Ленин на самом деле собирался брать власть, он вел себя иначе. А в этой двойственной ситуации 4 июля было важно не растерять накопленного партией потенциала и, в случае удачи, достичь выгодного компромисса с социалистами, давить на них и не спугнуть их.

Большевики, разумеется, стремились к власти, чего не скрывали. Но в этот период они требовали передать власть Советам, в которых сами не имели большинства. Ленин надеялся, что в случае, если советам придется проводить радикальные преобразования, реальное влияние в них быстро перейдет левым крыльям социалистических партий, то есть к союзу большевиков, левых эсеров (тогда еще не выделившихся из партии эсеров и пытавшихся перетянуть на свою

сторону ее лидера В. Чернова) и левых меньшевиков (в том числе Мартова, Троцкого и Луначарского). Превращение советов в источник власти сделало бы большевиков одной из правящих партий при возможности добиваться радикальной политики без оглядки на кадетов. В условиях, когда большевики не имели в советах большинства, требование «Вся власть Советам!» не давало большевикам единоличной власти и лишь означало замену только что распавшейся коалиции социалистов и кадетов коалицией тех же социалистов и большевиков. Никакого переворота.

* * *

Политолог В. Никонов, попробовавший себя на ниве исторической науки, утверждает: «Большевистские лидеры... никогда официально не признают, что готовили на 3–4 июля захват власти, представляя происшедшее как стихийную демонстрацию, которую они якобы старались направить в мирное русло. Убежден, они пытались взять власть»^[164]. Убеждение это основано на известном рассказе одного из руководителей военной организации большевиков В. Невского о настроениях военной организации большевиков и о том, что он не искренне агитировал против выступления, так как на самом деле был его сторонником^[165]. Если бы В. Никонов ознакомился с более широким кругом источников и научной литературой по этому вопросу, он бы знал, что воспоминания Невского подтверждают только то, о чем давно известно: между военной и ЦК большевиков существовали разногласия. Сдерживая выступление и придавая ему мирный характер, «большевистским лидерам» во главе с Лениным приходилось преодолевать и радикальные настроения части своего актива, в том числе — «военки»^[166]. Понятно, что когда Невскому пришлось подчиниться решению ЦК, он выполнял его без энтузиазма.

В. Никонову неведомо, что «Невский и Подвойский отличались независимостью духа (советские источники трактуют это как нежелание подчиняться линии Центрального комитета)»^[167], так что судить о намерениях большевистского ЦК и Ленина по мемуарам

Невского о его собственных настроениях — это простительно разве что политологу.

Глубокий исследователь событий 1917 г. А. Рабинович пишет: «в то время в Петрограде существовали три в большой степени самостоятельные организации РСДРП(б) — Центральный комитет, Всероссийская военная организация и Петербургский комитет. Каждая из них имела свои собственные интересы и сферы деятельности»^[168]. Военная организация («военка») и Петроградский комитет, находясь под постоянным давлением возбужденных солдат и рабочих и в то же время обладая меньшим опытом, чем высшие руководители партии, были настроены более радикально, чем ЦК.

Есть еще несколько свидетельств обсуждения большевиками возможности взять власть, но все они подтверждают, что Ленин не планировал этого делать в июле.

В разгар событий Ленин стал колебаться, гипотетически обсуждая с Троцким и Зиновьевым, «а не попробовать ли нам сейчас?», но в итоге сам опровергал себя: «нет, сейчас брать власть нельзя; сейчас не выйдет, потому что фронтовики еще не наши; сейчас обманутый Либерданами фронтовик придет и перережет питерских рабочих»^[169].

Суханов пересказывает рассказ Луначарского о том, что 4 июля Ленин, Троцкий и Луначарский планировали захватить власть и вместе создать правительство. Луначарский категорически отрицал достоверность этого рассказа. В версии Суханова, на которой и сам он не настаивал категорически, лежат недостоверные детали (в частности, о решающей роли в событиях 176-го полка), противоречия, на которые указывает сам Суханов, считая их противоречиями в рассказе Луначарского. Наиболее вероятно, что в рассказе Суханова отразились представления Луначарского о возможной конфигурации власти тогда, когда власть будет захвачена. Но — в перспективе, а не 4 июля. Также Луначарский признавал, что рассказывал Суханову о беседе с Троцким, когда тот сказал 4 июля, что в случае перехода власти к большевикам и левым социалистам «массы, конечно, поддержали бы нас»^[170]. Но Троцкий — не Ленин, и пока — даже не член большевистского ЦК.

Таким образом, нет доказательств, что большевики планировали захватить власть сами, или даже пришли к такому решению под давлением событий. Решение о захвате власти они примут только

осенью. Поскольку в итоге, в ноябре, партия большевиков все-таки совершила вооруженный захват власти, ее участникам не было никакого смысла скрывать свои намерения предыдущих месяцев. Тем не менее, они в один голос утверждают, что в июле брать власть в руки именно своей партии не собирались. И лишь мифотворцы выстраивают домыслы, призванные доказать обратное.

* * *

Для объективной оценки требований большевиков нужно учитывать, что их противники в этот момент тоже обсуждали возможность передачи власти социалистическому правительству, опирающемуся на советы.

Уход либералов из правительства и массовое негодование против них создавало для социалистов (меньшевиков и эсеров) идеальную возможность для взятия всей полноты власти и активизации реформ, которые до этого парализовали кадеты^[171]. ВЦИК обсуждал возможность взять власть, но лидеры советского большинства отказались делать это под давлением вооруженной силы большевиков и анархистов^[172]. В этом случае правительство стало бы ответственным не перед советами, а перед своевольным столичным гарнизоном, «преторианской гвардией» революции. Меньшевик И. Церетели предложил провести в ближайшее время II съезд советов в Москве, то есть вне давления радикальных воинских частей и рабочих. Резолюция ВЦИК в ночь на 5 июля не отрицала возможности создания советского правительства^[173]. Выступая в совете, левый социал-демократ Стеклов утверждал: «Девять десятых населения с восторгом встретят социалистическое министерство»^[174].

Под давлением левых (но уже не улицы, так как демонстрация к моменту голосования закончилась) была принята резолюция, сформулированная по компромиссному проекту эсера А. Гоца. В соответствии с ней власть может перейти к советам, но только по решению широкого собрания исполкомов с представителями с мест. Оно планировалось через две недели^[175]. Но так и не было проведено.

Социалисты колебались, и вот-вот могли пойти на компромисс с большевиками на основе социалистической многопартийности.

Но в ходе дальнейших событий шанс, который эта ситуация предоставляла умеренным социалистам, был упущен. Они не перехватили лозунг «Вся власть Советам!» тогда, когда обладали большинством в советах, не втянули большевиков и анархистов в систему власти (что позволило бы связать их ответственностью). Вместо этого умеренные социалисты принялись репрессивными методами отстаивать прежнюю систему коалиции с кадетами, неспособную к проведению социальных преобразований.

Ситуацию обострили столкновения 3–4 июля, произошедшие между сторонниками и противниками демонстрантов (в большинстве случаев именно революционные колонны подвергались обстрелу со стороны казачьих и офицерских формирований). Даже жандармский генерал А. Спиридович, настроенный к большевикам резко враждебно, признает, что 3 июля «публика напала на автомобили, в которых находились солдаты и рабочие с пулеметами»^[176]. Воспользовавшись этими столкновениями, власти объявили, что большевики подняли восстание. Это ощущение усиливалось и отдельными актами применения силы против «соглашателей» (например, арест демонстрантами министра В. Чернова, тут же освобожденного по настоянию Л. Троцкого). В этих условиях Чернов, склонявшийся к идее однородного социалистического правительства, не стал настаивать на ней. Площадь перед ВЦИК была заполнена вооруженными людьми. Время от времени демонстранты проникали в зал заседаний, произносили речи, в которых требовали взять власть, арестовать министров-капиталистов, выйти для объяснений к возбужденной толпе.

В этих условиях противники компромисса с большевиками в правительстве объявили, что большевики подняли восстание. Кто-то стреляет, то ли большевики, то ли по большевикам — явное восстание. Против «восстания» правящая группа считала возможным бороться любыми средствами. 4 июля министром юстиции П. Переверзевым стали распространяться материалы о том, что Ленин является немецким шпионом. Распространенные в июле материалы были крайне не убедительными^[177].

Правительственное сообщение, опубликованное 5 июля в газете «Живое слово», было основано на путанных показаниях некоего Ермоленко, который был в плену завербован немцами и заслан в Россию. Тут он во всем сознался и сообщил стратегическую информацию о том, что большевики финансируются Германией через Гельфанда и Фюрстенберга. С какой стати немецкое командование должно было сообщать эти сведения информацию первому попавшемуся мелкому агенту? Очевидно, что следователи временного правительства не имели доказательств своей агентурной информации и решили «слить» ее таким образом.

Воздействие этой агитации на колеблющуюся часть войск, а также полный тупик, в котором оказались радикалы из-за отказа советских лидеров взять всю власть от имени советов, привели к свертыванию движения уже 5 июля. Подошли части, верные социал-демократам и эсерам. Ленину и некоторым другим лидерам большевиков пришлось уйти в подполье. Шанс добиться компромисса между сторонниками советской демократии и социалистической перспективы был упущен. В конечном итоге это предопределило готовность большевиков захватить власть самим и начать радикальный коммунистический эксперимент.

Миллионы для диктатуры пролетариата

В июле 1917 г. Ленин перестал получать финансирование из-за рубежа, его партия потерпела поражение, сам он был дискредитирован. Но социальный запрос на идеи большевизма был все сильнее, и партия Ленина вернула силы, подобно Антею, восстановила свои структуры и пришла к власти. Это уже само собой показывает, насколько мала была роль немецких денег в победе большевиков.

После июльского скандала финансовые отношения между большевиками и Германией прерываются. Сторонники помощи большевикам вынуждены были признать провал — их партнер потерпел сокрушительное поражение, и вкладываться в него было бы неразумно. Теперь Рейхсбанк не даст денег, тем более, что наследство Шмидта выплачено.

Обжегшись на молоке, большевики затем дули на воду. 24 сентября ЦК РСДРП(б) отклонил предложение К. Моора о финансовой помощи, так как не вполне ясен его источник. Помощь от Моора принимали раньше. После революции Моор попросил ее компенсировать, так как собирал частные пожертвования и вкладывал собственные средства. Большевики сочли просьбу Моора оправданной. Они исходили из того, что переданные им деньги не исходили из германского генштаба (тогда бы не следовало и возвращать).

Зато стоило большевикам прийти к власти, в Берлине началось чрезвычайное возбуждение. Ленин доказал, что является серьезным партнером. Обсуждается передача Ленину 15 миллионов марок для стабилизации положения его правительства^[178]. На эту переписку между германскими чиновниками обычно ссылаются авторы, которые хотят доказать, что революция свершилась на немецкие деньги. Правда, переворот большевики сумели организовать и сами. А вот были ли эти 15 миллионов оперативно переправлены в Петроград, или дело свелось к обсуждению в Берлине? Даже если толика этих 15 миллионов и попала в Петроград, она была потрачена на нужды германского народа, как их понимали большевики.

Сразу после прихода большевиков к власти началось печатание полумиллионным тиражом революционной газеты «Ди Факел», перебрасывавшейся на фронт и за его линию. Первый же посол в Советской России в Германии А. Иоффе привез деньги на революционную пропаганду, которые переключали левым социал-демократам. Так что можно сказать, что излишки денег, переплаченные немцами сверх наследства Шмидта, прошли по цепочке Имперское казначейство — Гельфанд — Ленин — Иоффе — немецкая левая оппозиция. И никаких экспроприаций.

Но опубликованные документы заставляют усомниться, что 15 миллионов пришли в Петроград. Реальные суммы, о получении которых сообщается в тех же документах — 20 000 марок^[179]. То есть это были выплаты агентам, пытавшимся посредничать между большевиками и немцами.

Но большевики вышли из положения, вступив в игру с Антантой. Шантажируя Антанту сближением с немцами, а немцев — сближением с Антантой, Ленин получил поддержку от обоих лагерей, не связав себя никакими обязательствами.

Американские финансовые интересы в России представляла миссия Красного креста, которую спонсировали американские тресты. Пока Красный крест занимался исключительно своими уставными задачами, в этом финансировании не было ничего необычного. Руководителем миссии был полковник У. Томпсон, прежде работавший директором Федерального резервного банка Нью-Йорка. Томпсон мог самостоятельно принимать решения о переводе миллионов долларов. Он начал с того, что передал 2 миллиона Комитету народного образования для нужд пропаганды, фактически — в поддержку Керенского^[180].

Как только победили большевики, Томпсон стал искать контакты с ними. Он считал, что можно ударить по немцам их же оружием — поддержав большевиков и их революционную пропаганду в Германии. В начале декабря 1917 г. Томпсон перевел большевикам миллион долларов^[181], что сняло вопрос о зависимости от немецкой помощи. Впрочем, в ноябре 1917 г. «вопрос о власти» решало количество не долларов, а штыков.

* * *

У сторонников версии о шпионаже Ленина в пользу Германии остается последний аргумент — он подписал мир с Германией, который сам же и назвал «похабным».

История заключения Брестского мира многократно и подробно описана в работах авторов, которые придерживаются самых разных взглядов^[182]. С какой стороны ни посмотри, большевики и их союзники левые эсеры попали в тяжелое положение, и выбор у них был не велик. Был ли Ленин трижды немецкий агент или ультрапатриот, но он не был свободен в своих действиях. В феврале 1918 г. советская власть оказалась перед лицом германского ультиматума, а затем и наступления. Оставшиеся на фронте части и красная гвардия не смогли оказать вторжению достаточного сопротивления. Большевики и левые эсеры горячо спорили, насколько далеко могут пройти немцы, какую часть России смогут оккупировать, но все

аргументы — и Ленина, и его оппонентов, были основаны на предположениях, а на кону была судьба страны и советского проекта.

Ленин, для которого «вопрос о власти» был «ключевым вопросом всякой революции», понимал, что широкое сопротивление вторжению немцев возможно с помощью более широкой поддержки, чем та, которой обладает советская власть. Это означало, что продолжение войны приведет к «сдвигке власти» от большевиков и левых эсеров к более широкой коалиции, где большевики могут потерять господствующие позиции. Поэтому для Ленина продолжение войны с отступлением вглубь России было неприемлемо.

Именно это, а не мифические обязательства перед Германией, определили позицию Ленина в условиях немецкого наступления вглубь России и Украины. Для него подписание мира было таким же вынужденным шагом, как и для других большевиков.

Ленину удалось с большим трудом убедить партийное руководство санкционировать этот мир, но в итоге его аргументы победили — страна жаждала «передышки» в войне. Несмотря на тяжесть Брестского мира, он был заведомо временным и не означал отказа от идеи мировой революции как таковой. Большевистское руководство осознавало, что без революционного взрыва в Германии изолированная Россия не сможет перейти к строительству социализма. Революция в Германии делала мир бессмысленным (он и будет отменен сразу после начала Ноябрьской революции). Большевики оказывали поддержку силам, развернувшим вооруженную борьбу на Украине, оккупированной Германией и ее союзниками.

По Брестскому миру большевики должны были выплатить контрибуцию. Но Ленин организовал дело так, что контрибуцию Советской России стала платить Германия.

В мае-июне 1918 г. германский посол Мирбах с тревогой сигнализирует, что правительство Ленина вот-вот перейдет на сторону Антанты, которая уже оказывает ему материальную помощь. Так что «при сильной конкуренции Антанты» нужно срочно выделить 3 миллиона марок в месяц. До убийства Мирбаха в июле 1918 г. большевики получили миллион. Накануне убийства Мирбаха МИД сообщил ему о готовности направить еще 3 миллиона^[183]. Отправили ли их — неизвестно — германский посол был убит левыми эсерами. Но документы об этой последней выплате показывают, что явным

преувеличением являются неофициальные заявления германских чиновников и социал-демократов, сделанные в 1921 г., о том, что большевики получили от Германии 50–60 миллионов марок^[184]. Весь бюджет, выделенный на пропаганду в стане Антанты, был меньше — 40580977 марок^[185].

Впрочем, фантазиям нынешних мифотворцев нет арифметических пределов. Уже встречаются авторы, которые утверждают, что большевики получили от Германии миллиард марок^[186]. Я не удивлюсь, если скоро «выяснится», что Германия проиграла Первую мировую войну, потому что спустила на большевиков весь свой военный бюджет.

Ленин принимал деньги от Германии, часть которых была просто возвращением старого долга, а часть — результатом временного совпадения интересов. Ленин обещал разжигать революционное движение, и делал это. Сначала — в России, затем — и в Германии, куда «немецкие деньги» были с лихвой возвращены. И уже в 1919 г. германская элита вынуждена была отбиваться от волны коммунистических восстаний. Но, как революция в России не была вызвана немецкими деньгами, восстания немецких левых не были результатом финансовой помощи большевиков. Социальная почва для революционных движений, переворотов и массовых партий возникает внутри страны. Деньги, откуда бы они не пришли, сами по себе могут лишь помочь создать организационный каркас. Если в обществе нет социального запроса на политическое событие, деньги позволяют создать только муляж.

Очерк четвертый

Мифы о гражданской войне: «белые рыцари», «маньяки террора», «анархо-бандиты»

Свергнув царя, народ Российской империи впал в безумие и стал в припадке убивать лучших людей. Во главе этого шабаша встали маньяки террора и уголовники, которые действовали под красным знаменем большевизма и черным флагом анархизма. Этой вакханалии противостояли белые рыцари без страха и упрека, борцы за правовое государство...

Впрочем, есть и другая версия тех же событий. На Советскую Россию, государство рабочих и крестьян, напали 14 государств и остатки свергнутой большевиками буржуазии. К ним присоединились кулаки и сепаратисты, которые подняли восстания по всей стране. Пришлось рабочему классу и крестьянству во главе с Лениным пойти на вынужденные жесткие меры, чтобы защитить власть Советов и обеспечить трудящимся счастье, справедливость и народовластие.

«Поход 14 держав» и ландскнехты мировой революции

Историки скрупулезно разбираются в причинах гражданской войны, изучают те социальные, политические и психологические обстоятельства, которые привели к этому широкомасштабному братоубийству. Но мифотворцам нет дела до их работы. У них — своя война. С одной стороны, советские державники, которые пытаются сохранить старую сказку: рабочие и крестьяне приступили к мирному строительству, а тут на нас напали интервенты. Если бы не они, все было бы тихо и мирно. В общем — все та же рука Запада помешала. С другой стороны — белые державники, которые видят в революции разнуздание дьявольских сил, а в действиях коммунистов — осуществление продуманного плана по превращению России в пустыню (некто подобное нам рассказывают и в ПАСЕ). Поскольку истинно русские люди не могли содействовать

коммунистам, то в «белом» мифе главной опорой большевиков становится многонациональный сброд наемников. Россия в этой картине, нарисованной мифотворцами разных лагерей, оказывается игрушкой в руках внешних сил — еврейского заговора, воплотившегося в марксизме, британской разведки, заславшей в Россию вооруженных чехов, банд многонациональных наемников, оккупантов, составивших чуть ли не главную силу, против которых приходилось сражаться Красной армии. Достаточно послушать, какую внешнюю силу собеседник считает причиной бедствий России — и можно многое сказать о его мировоззрении. Увы, реальных уроков истории из такой картины извлечь нельзя.

Прежде чем искать причины войны во внешних происках, следует обратиться к причинам внутренним. Их может не заметить только слепой. Широкомасштабная Гражданская война, разразившаяся в мае-июне 1918 года, была вызвана тяжелым социально-экономическим и социально-политическим кризисом. Ответственность большевиков за его углубление трудно отрицать. Здесь и неудачная экономическая политика, связанная со стремительной национализацией, и разгон Учредительного собрания, толкнувший к подготовке вооруженного сопротивления большевизму демократические партии, за которые проголосовало большинство населения. Брестский мир уязвил патриотические чувства миллионов людей. Радикальные меры большевиков раскалывали общество на враждующие части. С присущим им радикализмом, большевики развернули наступление на крестьянство. Решающий шаг был сделан в самый канун Гражданской войны. 13 мая 1918 г. был принят декрет «О чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продовольствию», известный как Декрет о продовольственной диктатуре. Формально он конкретизировал принятое еще Временным правительством решение о введении продовольственной монополии, но теперь предусматривал насильственное изъятие продовольственных «излишек» у крестьян. Теперь большевизм нес конкретную угрозу благосостоянию крестьян.

Хотя большевики действовали от имени советской власти, власть Советов в это время становилась фикцией. Попытка части советов сопротивляться продовольственной диктатуре была пресечена. Усилились чистки советов, начались их разгоны. Общество теряло

пути ненасильственного сопротивления действиям правительства. А недовольство усиливалось, и могло прорваться прежде всего в форме вооруженного сопротивления. Эта ситуация сделала практически неизбежной ширококомасштабную гражданскую войну.

Гражданская война была подготовлена политикой большевиков. Большинство коммунистических лидеров недооценивало опасность и возможные масштабы гражданской войны и потому не боялась ее. Но «первыми начали» не большевики, а их противники.

Основные противники большевиков — эсеры, рассчитывали, что продовольственная политика власти скоро вызовет массовые крестьянские восстания в Поволжье. И тогда задача партии будет заключаться в том, чтобы организовать антибольшевистский фронт^[187]. Но планы социалистической оппозиции были сорваны, причем не коммунистами, а... чехословацким корпусом. Вот тут-то на сцену и выходит «рука Антанты».

* * *

Через Сибирь эвакуировались во Францию корпус бывших военнопленных чехов и словаков. Это была военная часть численностью до 50 тыс. бойцов, сформированная во время Первой мировой войны для борьбы за освобождение славян от Австро-Венгрии. Ею руководил Чехословацкий национальный совет (ЧНС), лидеры которого симпатизировали социал-демократам и эсерам. После заключения Брестского мира чехи и словаки потребовали отправки на Западный фронт, где они могли продолжить борьбу с Германией и Австро-Венгрией за независимость своих народов. 29 марта 1918 г. было заключено соглашение Совнаркома и ЧНС, в соответствии с которым чехи и словаки в качестве гражданских лиц через Владивосток будут переправлены в Европу. Корпус должен был быть разоружен, но это условие было выполнено не полностью. Движение корпуса шло медленно, большевики стремились сагитировать как можно больше чехов и словаков для службы в интернациональных отрядах красных. 14 мая на станции в Челябинске произошли столкновения между красными венграми и солдатами чехословацкого

корпуса. Столкновению способствовала национальная неприязнь, корни которой лежали в устройстве Австро-Венгрии, где Словакия входила в состав Венгрии. Ответственность за столкновение советские власти возложили на «чехословаков». Те в ответ освободили арестованных товарищей и захватили арсенал, чтобы лучше вооружиться. Большевики воспринимали вооруженных чехов и словаков как угрозу, попытались блокировать и полностью разоружить их в других городах. Чехи и словаки были готовы оказать сопротивление. К 26 мая эти события постепенно вызвали цепную реакцию.

К «чехословакам» присоединились боевые дружины эсеров. Красные были отброшены до Казани. Удары по ним сопровождались расстрелами сотен коммунистов на местах (после установления власти эсеров эта вспышка террора прекратилась). Но в целом планы эсеров были сорваны. Крестьяне Поволжья не успели достаточно вкусить продовольственной диктатуры. Это произойдет в 1919 г., и тогда более 100 тысяч крестьян Поволжья поднимутся против коммунистов. А в мае 1918 г. крестьяне были еще относительно равнодушны к вооруженной борьбе эсеров и коммунистов. Член ЦК ПСР Е. Тимофеев утверждал: «выступление чехословаков, которое утвердило нашу власть, оно фактически ослабило развитие нашего удара, и выступление вышло скороспелым»^[188].

Сибирь и Урал перешли под власть по преимуществу эсеровского правительства, созданного «Комитетом членов Учредительного собрания» (Комуч). Первоначально сопротивление большевикам возглавили демократы, сражавшиеся под красным знаменем социализма. Но в ноябре 1918 г. они были свергнуты белым офицерством.

А в июне-августе 1918 г. чехословацкий корпус и тридцатитысячная «Народная армия» демократов продвигались к Москве. Положение Советской республики стало еще тяжелее, коммунистическая политика проявилась жестче, провоцируя все более решительное и массовое сопротивление. Цепная реакция насилия стала необратимой. Страна раскололась и вошла в длительный период Гражданской войны.

Итак, чехословацкий корпус действовал под давлением обстоятельств. Его лидеры симпатизировали противникам

большевиков, но их действия не были согласованы. Чехословацкое руководство считало Антанту своим союзником, но пока не найдено доказательств, что восстание «братьев славян» управлялось из-за рубежа. Парадоксальным образом, оно координировалось самими коммунистами. Бунт в Челябинске вызвал ужесточение мер к остальным эшелонам корпуса, и тогда восстание стало повсеместным. А пока Троцкий не начал нажим чехов и словаков, они могли даже не знать, что случилось в Челябинске.

* * *

Если белые обвиняли большевиков в том, что те продались немцам, то большевики показывали, что за спиной белых стоит Антанта. Именно она и воспринималась как главный противник, поскольку свою революцию коммунисты воспринимали как часть мировой.

Считается, что большевики не дождались мировой революции. Но это не совсем верно. В 1917–1923 гг. полмира было охвачено волнениями и восстаниями: Индия, Китай, Египет, Корея, Россия, Германия, Италия, Венгрия... Просто большевики не считали большинство этих движений «своей» революцией. Они оказались в эпицентре мировой революции, которой не управляли. Тем не менее, они направляли средства и оружие на поддержку революционеров от Германии до Ирана, не говоря о территории бывшей Российской империи.

Антанта тоже вела мировую борьбу, но не с большевиками. Было бы наивно считать, что лидеры Антанты уже в 1917 г. увидели в большевизме силу, которая к середине века создаст «социалистический лагерь», угрожающий Западной Европе и США. Нет, большевики воспринимались как досадный курьез, который вывел Россию из войны с Германией в самый неподходящий момент. Для Антанты было важно свести к минимуму издержки Брестского мира. А сделать это можно было по-разному — установив контроль над частью территории России, свергнув большевиков проантантовскими силами, или договорившись с большевиками (как мы видели, Ленин с успехом

использовал эти колебания западных представителей). Далеко идущей задачей было превращение России в зависимую страну, что-то вроде латиноамериканской модели. Может быть, Антанта была готова осуществить завоевание России ради этого? Увидим.

Уже марте англичане высадились в Мурманске, чтобы не допустить захвата города немцами. В апреле под предлогом защиты своих граждан во Владивостоке высадились японцы, американцы, англичане и французы. Небольшой контингент прислал местный китайский губернатор. В августе войска Антанты высадились в Архангельске. При их поддержке было создано антибольшевистское правительство севера России во главе с ветераном народнического движения Н. Чайковским. Но англичанам было удобнее иметь дело не с демократами, а с белыми, и вскоре Чайковский был свергнут. Высадившиеся в Баку англичане свергли большевистскую власть комиссаров, часть которых вскоре была расстреляна. Террор ведь был не только красным. Румыния захватила Бессарабию. Все логично — страна ослаблена междоусобицей, разразившейся по внутренним причинам, другие державы пытаются урвать свой кусок. Но это — не поход на Москву с целью искоренить большевизм.

У. Черчилль упомянул об участии 14 держав в походе против Советской России. Что это за державы? Германия, Австро-Венгрия и Турция воспользовались Брестским миром для того, чтобы оккупировать часть Российской империи, но после поражения в мировой войне пришлось эвакуировать свои войска, уступив место Антанте. Таким образом, они не приняли участие в «походе 14 держав». К уже перечисленным державам Антанты можно добавить их союзников, которые пытались урвать свой кусок территории империи.

В 1919 г. в черноморских портах высадились войска Франции и Греции. Небольшие контингенты в Россию послали Италия и Сербия. Продолжалась вялая война Советской России с новыми государствами, образовавшимися на территории бывшей Российской империи — с Финляндией, Эстонией, Латвией, Литвой и Польшей.

Численность сил «14 держав» выглядит солидно. На Украине действовало около 80 тысяч интервентов, на Дальнем Востоке — более 100 тысяч. Однако это не значит, что все они вели против большевиков полномасштабную войну. Все эти силы не собирались идти на Москву и Петроград.

Каждый преследовал свои цели. Ведущие державы Антанты надеялись, что в России возникнет зависимое либеральное правительство, сопредельные государства от Румынии до Японии рассчитывали что-то отщипнуть в свою пользу от распадающейся Российской империи, новые государства отодвигали границу как можно дальше на восток, вступая в конфликт с другими претендентами на эти земли и с белым движением, которому помогала Антанта.

При этом новые страны вели сложную войну между собой и с белыми формированиями. Так, основная борьба в Латвии во второй половине 1919 г. развернулась между белой армией П. Бермондта, опиравшегося на поддержку немцев, и союзом латышей и эстонцев. Красная армия в это время действовала на окраинах Латвии. Литва воевала с Польшей, которая в свою очередь воевала также с Западной Украиной и немцами.

К числу интервентов иногда относят чехов и словаков. Но их корпус не был отправлен в Россию каким-то государством. Напротив, они стремились покинуть страну при первой возможности. Лидеры легиона сочувствовали социалистам, а не белым. В январе 1920 г. они даже арестовали Колчака.

Вообще после завершения первой мировой войны никто не хотел умирать. Это наглядно подтвердил опыт действий интервентов на Украине в 1919 г.

Когда на Украину вошла Красная армия, один из петлюровских командиров Н. Григорьев в январе 1919 г. объявил себя сторонником советской власти. Бригада Григорьева быстро выросла до нескольких тысяч бойцов, которых вряд ли можно считать первоклассными солдатами. 10 марта Григорьев ударил по французам, грекам и белогвардейцам, после чего победоносная армия Антанты спешно оставила Херсон. Затем интервенты потеряли Никополь, Григорьев разбил их у Березовки и двинулся на Одессу. Антантовские солдаты совсем не желали проливать кровь на этой непонятной «войне после войны». В Париже шли дебаты о скорейшем возвращении контингента домой, и удары советских войск очень способствовали победе партии мира. 8 апреля Григорьев с триумфом вошел в только что оставленную интервентами Одессу. Там ему достались огромные запасы снаряжения, часть которого он раздал крестьянам. Так что

интервенция в некотором смысле даже пошла на пользу местному населению.

Большевицкое командование планировало, что войска Григорьева нанесут удар по Румынии и затем соединятся с красной армией советской Венгрии. Таким образом удастся развернуть революцию в Западной Европе. Но в мае 1919 г. Григорьев восстал, не только похоронив надежды на спасение Советской Венгрии, но и серьезно осложнив положение на Украине.

В середине 1919 г. на окраинах России еще действовали новые национальные государства и Япония, а другие державы Антанты переключились с прямого вмешательства в российскую гражданскую войну на поддержку белых армий оружием и снаряжением. Зимой 1918–1919 гг. Колчак и Деникин получили 800–900 тыс. винтовок и более тысячи орудий.

Таким образом, реального похода 14 держав не было. Уже тогда Запад стремился «таскать каштаны из огня» чужими руками — в данном случае руками «русских патриотов» из белого воинства.

* * *

Белые считали себя патриотами, и им обидно было находиться на «содержании» Антанты. Поскольку теперь, после развала Германии, когда коммунисты развернули там гражданскую войну, было трудно называть Ленина немецким шпионом, главной угрозой стал еврейский заговор и интернациональные отряды. Об отношении белого движения к евреям мы поговорим ниже. Что касается интернациональных отрядов, которые создавались большевиками, то они сыграли в событиях заметную роль, которая также окутана мифами. Сначала в советском мифе они стали героями без страха и упрека, теперь в антисоветском — ландскнехтами, безжалостными карателями русского крестьянства. Как всегда, миф вырывает из реальности только то, что подходит под схему.

Были интернационалисты опорой режима, карали ли они крестьян? Конечно. Часто они даже не знали русского языка, крестьянский мир был им чужд, а идеи мировой революции —

понятны, так как придавали их действиям, даже крайне жестоким, смысл и оправдание.

Мотивы участия в войне были разными. Для одних людей, овладевших военным ремеслом, это был просто способ устроиться в обстановке военной смуты. Но для большинства участников интернациональных частей, остававшихся в них до конца Гражданской войны, важнейшим стимулом была приверженность коммунистической идее. Те, кому смысл борьбы был чужд, могли отсеиваться.

Так, например, когда в 1919 г. знаменитые латышские стрелки вошли в Ригу, большинство личного состава Латышской дивизии решило, что война закончена, и разошлись по хуторам. Некоторые потом служили в национальной армии Латвии. Зато те, кто потом отступил в Советскую Россию, были искренно привержены коммунистическим идеям.

Система в итоге получилась настолько несовершенной, что в СССР официальной стала точка зрения о вынужденном характере «военного коммунизма». Мол, если бы не враги, не гражданская война, никто бы не стал ликвидировать товарно-денежные отношения. В качестве доказательства приводится работа Ленина «Очередные задачи советской власти», написанная в апреле 1918 г. План действий, изложенный в ней Лениным, выдается за прообраз политики НЭПа, умеренной и прагматичной. Но текст «Очередных задач...» не дает основания для таких выводов. Ленин еще до начала Гражданской войны планировал прямой переход к нетоварному обществу, организованному как единая система производства и распределения продуктов, работающая по общему плану: на повестке дня стоит «созидательная работа налаживания чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей»^[189]. Планомерность по Ленину — это никак не рыночные отношения. Ленин после «красногвардейской атаки на капитал» планирует упорядочить лишение капиталистов собственности: «в войне против капитала движения вперед остановить нельзя... продолжать наступление на этого врага трудящихся безусловно необходимо»^[190] — начинается национализация целых отраслей.

На национализированных предприятиях уже вводятся по настоянию Ленина так называемые «Брянские правила» распорядка, устанавливающие режим беспрекословного подчинения начальству. Ленин требовал от рабочих и служащих: «Веди аккуратно и добросовестно счет денег, хозяйничай экономно, не лодырничай, не воруй, соблюдай строжайшую дисциплину в труде...»^[191]. Если рабочий не захочет с энтузиазмом работать на нового хозяина — государство-партию — то он уже не рабочий, а хулиган — в такой же степени враг, как и эксплуататор: «Диктатура есть железная власть, революционно-смелая и быстрая, беспощадная в подавлении как эксплуататоров, так и хулиганов»^[192]. Чтобы не было сомнений в том, как надо их подавлять, Ленин пишет о «поимке и расстреле взяточников и жуликов и т. д.»^[193]

Огромным государственным хозяйством кто-то должен управлять. Саботаж служащих стихает, а бюрократия растет, как на дрожжах. Но, по мнению Ленина, «русский человек — плохой работник, по сравнению с передовыми нациями». Научить его работать может «последнее слово капитализма в этом отношении, система Тэйлора...» (конвейерная система, доводящая до максимума отчуждение человека в процессе производства). «Советская республика во что бы то ни стало должна перенять все ценное из завоеваний науки и техники в этой области»^[194]. Рабочий должен был стать послушным инструментом в руках управленца. Рыночная стихийность и спонтанность должны смениться порядком и управлением в единой государственной экономике, действующей как идеальная фабрика.

Эта стратегия была логичным результатом анализа тенденций индустриальной эпохи, которые превращали человека в придаток машины. Здесь меньше утопии, чем, например, в уверенности либерала о существовании народовластия в странах Запада.

Индустриализм вообще неважно сочетается с народовластием, с участием рядовых людей в принятии политических решений. Индустриальной машине нужен идеальный исполнитель, человеческая деталь, а не существо, любящее порассуждать, отстаивать свое мнение. Начав воплощать в жизнь свой идеал централизованного коммунизма, лидеры большевизма неизбежно входили в конфликт с той народной стихией, которая привела их к власти. И это тоже стало одной из важнейших причин грандиозных масштабов Гражданской войны.

Насколько «военный коммунизм» соответствовал проекту коммунизма? Коммунизм — общество, в котором все люди свободно трудятся на благо всех, имеют равные возможности, безвозмездно обмениваются продуктами своего труда. Теоретически должно существовать изобилие продуктов, но некоторые коммунистические теории (например, концепция П. Кропоткина) предусматривали, что продукты, имеющиеся в недостатке, распределяются поровну. При коммунизме не существует эксплуатации человека человеком. Теоретически коммунизм мог возникнуть только на высокой стадии экономического развития, превышающей достижения капитализма. В то же время первая стадия коммунизма — социализм — должна была стать результатом социальной революции, разрушающей капитализм. Революция разрушает не только общественный строй, она также приводит и к экономическому упадку, что отдаляет возможность построения коммунизма. Это важное противоречие не было убедительно решено теоретиками социализма вплоть до начала революции 1917 г.

Большевики предприняли радикальные меры по созданию коммунистических отношений в России — стране, экономическое развитие которой отставало от уровня ведущих капиталистических стран, которая находилась в состоянии революции и жесточайшей гражданской войны, распада общественных и экономических связей. В результате создаваемое большевиками общество имело мало общего с социализмом, о котором писали мыслители XIX века, включая Маркса и Энгельса. Но все же политика Ленина имела некоторые общие черты с социалистической идеей Маркса — стремление к ликвидации рыночных отношений, к прямому управлению всем производством и распределением из единого центра и по единому плану^[195]. Эта стратегия не была чисто утопической — она соответствовала общемировой тенденции возникновения огосударвленного индустриального общества^[196].

* * *

В условиях, когда промышленность была разрушена, и работали только предприятия, ремонтировавшие транспорт и вооружения, главным ресурсом была продукция сельского хозяйства, продовольствие. Необходимо было накормить бюрократию, рабочих и военных. Большевистская власть опиралась на наиболее обездоленные слои населения, а также на массу красноармейцев, партийных активистов и новых чиновников. Преимущества при распределении продовольствия должны были получать именно они. Торговля была запрещена, вводилась система «пайков», при которой каждый человек мог получать продовольствие только от государства. Эта система создавала абсолютную зависимость человека от государственной власти. Но для многих людей это было спасением от голода.

Но львиная доля продовольствия доставалась армии. Советская республика не считалась с затратами для победы. В этом — генетический исток ее милитаризованности на протяжении многих десятилетий.

Армия потребляла 60 % рыбы и мяса, 40 % хлеба, 100 % табака^[197]. Не удивительно, что голодали рабочие и крестьяне. Продовольственная политика большевиков не была их выдумкой. Они просто довели до логического конца меры царского и Временного правительств, пытаясь с помощью репрессий заставить крестьян выполнять государственный план заготовок. В январе 1919 г. был введен колоссальный продовольственный налог — продразверстка. Важнейшей уязвимой стороной коммунистической продовольственной политики было равнодушие к интересам крестьянства, неумение заинтересовать его в выращивании хлеба и поставках его в города. Коммунисты исходили из потребностей армии и своего аппарата, а крестьяне и остальные жители должны были выкручиваться, как смогут.

Насколько результативны были продовольственные меры, составившие ядро политики «военного коммунизма»? За первый год продовольственной диктатуры (до июня 1919 г.) было собрано 44,6 млн. пудов хлеба, а за второй год (до июня 1920 г.) — 113,9 млн. пудов. Но только за ноябрь 1917 г. еще не разгромленный продовольственный аппарат Временного правительства собрал 33,7 млн. пудов^[198] — без расстрелов и гражданской войны в деревне.

Куда шло это продовольствие? Значительная его часть просто сгнивала: «Из Сибирской, Самарской и Саратовской губернских организаций, закупающих ненормированные продукты, везут мерзлый картофель и всякие овощи. В то же время станции Самаро-златоустовской и Волго-бугульминской железных дорог завалены хлебом в количестве свыше 10 млн. пудов, которые за отсутствием паровозов и вагонов продорганам не удается вывезти в потребляющие районы и которые начинают уже портиться»^[199].

Там, где крестьянам удавалось обмануть продрозверстку, они пытались выменять хлеб на какие-нибудь промтовары у горожан, в том числе и рабочих. Таких «мешочников», заполонивших железные дороги, останавливали и репрессировали заградительные отряды, призванные пресечь неподконтрольный государству продуктообмен. Хлеб не должен уходить в города помимо государства, помимо «львиной доли», принадлежащей армии и бюрократии. Для полного сходства с дофеодальными обществами большевики установили внеэкономическое принуждение к труду. И в дополнение ко всему этому — всепроникающая террористическая сила чрезвычайных комиссий. Такова была картина дороги, которая, как казалась ее вождям, вела к коммунизму.

Попытка «прорыва в будущее» с помощью грубого насилия и тотальной централизации обернулась провалом в прошлое. Вместо посткапиталистического общества получилось дофеодальное — доиндустриальная деспотия, в которой корпорация поработителей собирала дань с крестьян, убивая сопротивляющихся.

Пока шла война, Ленин не обращал внимание на этот парадокс. Его вдохновляло разрушение капитализма, будоражил драматизм военной борьбы. Тем временем разрушение капитализма оборачивалось разрушением индустриальных отношений, без которых модернизация полу-аграрной страны невозможна. А какой коммунизм без современной технологии?

Коммунистический идеал «висел в воздухе», не опираясь на устойчивую производственную базу. Только по окончании гражданской войны Ленин с ужасом осознает, насколько далеко большевики оказались от социализма после рывка в сторону коммунизма.

«Военный коммунизм» кажется вынужденной политикой по двум причинам. Во-первых, его начали строить весной 1918 г. Это стало одной из причин начала Гражданской войны. Но, совпав с ней по времени, «военный коммунизм» выглядел как ее следствие. Во-вторых, во время войны командные методы кажутся естественными и эффективными, даже если в действительности ухудшают ситуацию. Когда война с белыми кончилась, выяснилось, что население и без всяких белых выступает против политики большевиков — в 1921 г. повстанческие движения разрастались. Ленину и его соратникам хватило прагматизма, чтобы скорректировать свою политику, пойти на уступки населению. В этих условиях «военный коммунизм» был объявлен временным курсом, вызванным Гражданской войной.

Однако обстановка «военного коммунизма» порождала не только разочарование, но и романтические надежды, которые продолжали питать культуру советского общества вплоть до самой Перестройки. Даже гуру шестидесятников Б. Окуджава грезил «о той единственной гражданской». Какой бы ужасной ни была реальность того времени, в памяти народа остались и надежды на справедливое мироустройство, ощущение свершений, альтруистичная готовность жертвовать комфортом ради идей. Это тоже был миф, но он был не ложью, а частью реальности. Гражданская война стала временем невиданных возможностей и опасностей. Одни люди пытались осуществить свои идеалы, другие, пользуясь высокой вертикальной мобильностью, делали карьеру, осваивали командование фронтами и отраслями, третьи — несли возбужденным массам новое искусство, четвертые — пользовались мандатом, чтобы осуществлять свои низменные, в том числе садистские наклонности, пытались, убивали и грабили, пятые — прятали свой скарб и молились, чтобы пережить лихолетье. Последних жалко, но без первых общество не может развиваться, обречено на вечное прозябание в социальном болоте, где господствуют карьеристы, бандиты и мещане. Но уже без правдолюбцев, творцов и идеалистов.

Пирь коммунистов

Современный российский телезритель живет в сюрреалистическом мире, где сосуществуют прямо противоположные сказания о прошлом. По одному каналу идет старый советский фильм о рабочем-революционере Максиме, который успешно руководит Национальным банком (на самом деле комиссаром в Банке был Н. Осинский, будущий оппозиционер). Ладно, нам еще во время Перестройки объяснили, что сталинский кинематограф — это сказки. Тогда все-таки была суровая цензура. А сейчас ее нет. Вот-вот выйдут честные фильмы о том времени. Лет двадцать ждем — не дождемся. Уровень киноискусства (в его современной телевизионной оболочке) откатился к тем же 30-м годам. Что ни исторический сюжет — то агитка.

Не со всяким сюжетом легко совладать бойцам современного агитпропа. Вот замахнулись они на Бориса на нашего, на Пастернака. Роман «Доктор Живаго» решили экранизировать. Больших теле-начальников нетрудно было убедить, что роман стоящий — за него же в СССР преследовали автора! Но прочитали — прослезились. Пастернак описал то, что видел. А снять нужно антисоветскую агитку. Пришлось переписывать за Пастернака сюжет, заменяя реальные человеческие отношения вымороченными, курочить сюжет под идеологическую схему. Чтобы злые коммунисты довели до смерти принципиального доктора (кто читал Пастернака, помнят, что там — совсем другой образ и прямо противоположные обстоятельства жизненного финала Живаго). И чтобы мы поняли — революция делается не ради принципов, а ради шкурных интересов революционеров. Тут выделяются две центральные сцены. Во-первых — встреча Живаго с революционером Стрельниковым, который в голодном краю жрет фрукты с сыром (эта деталь выдумана за Пастернака). Во-вторых, картина роскошества номенклатурных спецраспределителей во время «военного коммунизма». Б. Пастернак ничего подобного не писал и, в отличие от нынешних телещелкоперов, осветил эту тему честно: «Юрий Андреевич разыскал спасенного однажды партийца, жертву ограбления. Тот делал, что мог для доктора. Однако началась гражданская война. Его покровитель все время был в разъездах. Кроме того, в согласии со своими убеждениями этот

человек считал тогдашние трудности естественными и скрывал, что сам голодает».

Конечно, во время гражданской войны были шкурники, совершались злоупотребления. Но нынешних мифотворцев не смущает, что Пастернак не считал возможным рисовать с помощью таких красок портрет революционера. Писатель помнил, что для времен Гражданской войны было типично, а что — даже обывателями воспринималось как исключение. Роскошествующий революционер — исключение. Голодающий — типично.

То, что советские бюрократические привилегии возникли при Сталине — старый советский миф. Все началось при Ленине. В снабжении руководящих работников коммунисты, хоть пока и незначительно, отступали от принципов социального равноправия. Побеждали обычные законы социальной иерархии, порождающие привилегии в любом централизованном обществе. Какова была вершина «номенклатурных привилегий» во время «военного коммунизма»? На обед в столовой ВЦИК в 1920 г. в обед можно было получить на выбор 100 грамм мяса, или дичи, или рыбы, или сто пятьдесят грамм селетки. Можно было отказаться от этого роскошества, и тогда съесть около 75 грамм каши, или макарон, или риса. А можно было отказаться от вышеперечисленного и шикануть — съесть аж двести грамм картошки. Еще можно было добавить около 30 грамм гарнира и 8 грамм масла. Отказавшись от масла, можно было претендовать на соль. Хлеба полагалось сто грамм. В «суперэлитной» столовой СНК эти нормы были выше в 2–3 раза^[200]. Тоже не густо — уровень жизни обычного советского человека 70-х гг.

Так что сюжеты теле- и кино-подделок вроде «Доктора Живаго» не правдивее агиток сталинского времени. И когда на основании в общем скромных советских привилегий пытаются оправдать нынешнее социальное расслоение (мол, посмотрите, что было при коммунистах), уместно говорить уже не о мифе, а о промывании мозгов соляной кислотой. Советское государство стремилось обеспечить номенклатурным работникам уровень жизни западного среднего класса даже во время народных бедствий. Это достойно порицания, это нарушает официально провозглашенные коммунистами нормы социальной справедливости, но это не сопоставимо с разгулом

нынешних хозяев жизни на курортах Куршевеля и в подмосковных поместьях.

Советская республика рабочих и крестьян

Устойчивый штамп: коммунисты создали государство советов, власть рабочих (и в какой-то степени крестьян). Даже обличители коммунистов иногда попадают в тенета этого мифа: вот, дорвались «пролы» до власти, смотрите, что получилось. И советы — вредная идея, тоталитарная.

Отношения большевистской правящей элиты с рабочими и крестьянами были сложными. Рабочие были недовольны отменой демократии, урезанием норм питания. Многие рабочие считали, что в их бедствиях виноваты большевики.

Рабочие нескольких крупных предприятий Петрограда выступили против разгона Учредительного собрания, предлагали продолжить его заседания в здании завода.

12-14 мая 1918 г. произошли серьезные рабочие волнения в окрестностях Петрограда, в Колпино. По официальной версии волнения начались из-за опоздания с доставкой хлеба. Не доверяли рабочие «своему» государству. «Группа женщин дала тревожные гудки и пыталась созвать общегородской митинг». Большевики опасались цепной реакции, которая могла вызвать волнения уже в Петрограде. «Красная армия выстрелами в воздух воспрепятствовала созыву митинга». Но рабочих это не остановило, в столкновениях были ранены трое рабочих и один убит. Было также ранено трое красноармейцев. Похороны убитого рабочего Потемкина превратились в многотысячную демонстрацию, Ижорский завод, на котором он работал, встал^[201].

Во второй половине июня забастовочное движение во главе с заводскими активистами, «уполномоченными», охватило десятки городов. Рабочие демонстрации разгонялись, а лидеры арестовывались, как при царе. В ответ на подавление ненасильственного рабочего движения часть рабочих взялась за

оружие. В августе 1918 г. под руководством меньшевиков и эсеров началось восстание рабочих в Ижевске. В первые дни были убиты наиболее ненавистные большевики, но затем контроль над событиями установил Ижевский совет, который запретил смертную казнь и передал власть Комучу. Но большевикам удалось блокировать район рабочего восстания, и повстанцы прорвались из окружения только через несколько месяцев. Выступления рабочих против большевиков происходили и позднее (например, в Астрахани в 1919 г., в Петрограде и Екатеринославе в 1921 г.).

Крестьяне с удовольствием давали бы рабочим хлеб, если бы те предоставляли им в обмен промышленные товары. Попытку такого прямого, в обход власти, товарообмена предприняли в январе — марте 1918 г. махновцы. Большевиков такая практика не устраивала. Во-первых, в таком случае они теряли контроль над экономикой. Во-вторых, промышленность уже не могла полностью обеспечить интересов крестьян. И без того обессиленная войной, она была окончательно развалена национализацией. Рывок к коммунизму был экономически неэффективен, и крестьянину нельзя было доказать, что он должен просто так содержать миллионы «дармоедов».

Заставить людей выполнять заведомо невыгодные указания правительственных учреждений можно было только силой. О демократии советов можно было теперь только мечтать как о светлом будущем. Советам были оставлены отдельные распорядительные функции, да и выборы в них проводились под бдительным контролем репрессивных органов. Так что Советская республика была отныне Республикой советов чисто формально. Даже «Правда» вынуждена была заметить, что лозунг «вся власть Советам» сменяется лозунгом «вся власть чрезвычайкам»^[202], т. е. карательным органом ЧК. Редактор «Известий» Ю. Стеклов признавал среди своих: «Никогда, даже в злейшие времена царского режима, не было такого бесправия на Руси, которое господствует в коммунистической Советской России, такого забитого положения масс не было. Основное зло заключается в том, что никто из нас не знает, чего можно и чего нельзя. Сплошь и рядом совершающие беззакония затем заявляют, что они думали, что это можно. Террор господствует, мы держимся только террором»^[203]. Чего же удивляться — в стране диктатура, а диктатура по Ленину —

это власть, опирающаяся не на закон, а на насилие. В том числе — и насилие над рабочим классом.

«Чистые руки, горячее сердце, холодная голова»

Эта формула, изреченная основателем ЧК Дзержинским, определяла, каким должен быть настоящий чекист. В советское время официальный миф утверждал, что такими чекисты и были чуть ли не поголовно. Соответственно, красный террор изображался как вынужденное уничтожение непримиримых врагов советской власти, выявленных путем скрупулезного сбора доказательств. Картина, мягко говоря, не соответствовала реальности. А раз так — получите новый миф: коммунисты, как пришли к власти, так и принялись методически уничтожать «генофонд нации».

Красный террор стал наиболее мрачным явлением начального этапа советской истории и одним из несмываемых пятен на репутации коммунистов. Получается, вся история коммунистического режима — сплошной террор, сначала ленинский, потом сталинский. В реальности вспышки террора чередовались с затишьями, когда власть обходилась репрессиями, характерными для обычного авторитарного общества.

Октябрьская революция проходила под лозунгом отмены смертной казни. Постановление Второго съезда советов гласило: «Восстановленная Керенским смертная казнь на фронте отменяется». Смертная казнь на остальной территории России была отменена еще Временным правительством. Страшное слово «Революционный трибунал» поначалу прикрывало довольно мягкое отношение к «врагам народа». Кадетке С. В. Паниной, спрятавшей от большевиков средства Министерства просвещения, Ревтрибунал 10 декабря 1917 г. вынес общественное порицание.

Во вкус репрессивной политики большевизм входил постепенно. Несмотря на формальное отсутствие смертной казни, убийства заключенных иногда осуществлялись ВЧК во время «очистки» городов от уголовников.

Более широкое применение казней и тем более проведение их по политическим делам было невозможно как из-за преобладающих демократических настроений, так и из-за присутствия в правительстве левых эсеров — принципиальных противников смертной казни. Нарком юстиции от партии левых эсеров И. Штернберг препятствовал не только казням, но даже арестам по политическим мотивам. Поскольку левые эсеры активно работали в ВЧК, развернуть правительственный террор в это время было трудно. Впрочем, работа в карательных органах влияла на психологию эсеров-чекистов, которые становились все более терпимыми к репрессиям.

Ситуация стала меняться после ухода из правительства левых эсеров и особенно — после начала широкомасштабной гражданской войны в мае-июне 1918 г. Ленин разъяснял своим товарищам, что в условиях гражданской войны отсутствие смертной казни немыслимо. Ведь сторонники противоборствующих сторон не боятся тюремного заключения на любой срок, так как уверены в победе своего движения и освобождении их тюрем.

Первой публичной жертвой политической казни стал А. М. Щастный. Он командовал Балтийским флотом в начале 1918 г. и в сложной ледовой обстановке вывел флот из Гельсингфорса в Кронштадт. Тем самым он спас флот от захвата немцами. Популярность Щастного выросла, большевистское руководство заподозрило его в националистических, антисоветских и бонапартистских настроениях. Наркомвоен Троцкий опасался, что командующий флотом может выступить против советской власти, хотя определенных доказательств подготовки государственного переворота не было. Щастный был арестован и после процесса в Верховном революционном трибунале расстрелян 21 июня 1918 г. Смерть Щастного породила легенду о том, что большевики выполняли заказ Германии, мстившей Щастному, который увел Балтийский флот из под носа немцев. Но тогда коммунистам нужно было бы не Щастного убивать, а просто отдать немцам корабли — чего Ленин, разумеется, не сделал. Просто большевики стремились устранять кандидатов в Наполеоны до того, как те подготовят 18 брюмера. Доказательства вины их интересовали в последнюю очередь.

Переход коммунистов к массовому террору связывают с покушением на Ленина. Это неточно. С началом гражданской войны террор уже стал применяться в прифронтовой зоне, при активной поддержке Ленина. «В Нижнем явно готовится белогвардейское восстание. Надо напрямч все силы, составить тройку диктаторов, навести тотчас массовый террор, расстрелять и вывезти сотни проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров и т. п.»^[204] — телеграфировал Ленин 9 августа. В тот же день он отправил телеграмму и в Пензу: «Провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города»^[205]. 22 августа председатель Совнаркома приказывает «расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты»^[206].

В обострившейся обстановке июня-августа 1918 г. противники большевиков также прибегают к террористическим методам борьбы. 20 июня неизвестным был убит нарком пропаганды В. Володарский. Убийцу найти не смогли. Уже тогда Ленин выступил за развязывание массового террора: «Тов. Зиновьев! Только сегодня мы узнали в ЦК, что в Питере рабочие хотят ответить на убийство Володарского массовым террором, и что вы их удержали. Протестую решительно!.. Надо поощрять энергию и массовидность террора»^[207]. 30 августа юный сторонник эсеров Л. Каннегисер убил руководителя Петроградского ЧК М. Урицкого. В тот же день на митинге был ранен Ленин. Виновной в покушении была объявлена сторонница эсеров Ф. Каплан. Впрочем, конкретные виновники в тот момент были не так важны — за трех большевиков должны были ответить целые классы.

В ответ на эти покушения ВЦИК советов принял резолюцию, в которой говорилось: «ВЦИК дает торжественное предостережение всем холопам российской и союзнической буржуазии, предупреждая их, что за каждое покушение на деятелей Советской власти и носителей идей социалистической революции будут отвечать все контрреволюционеры... На белый террор врагов рабоче-крестьянской власти рабочие и крестьяне ответят массовым красным террором против буржуазии и ее агентов». Это означало введение заложничества, когда за действия одних людей должны отвечать

совершенно другие. 5 сентября было принято постановление ВЦИК о красном терроре.

Оно заложило основы репрессивной политики коммунистического режима: создание концлагерей для изолирования «классовых врагов», уничтожение всех оппозиционеров, «причастных к заговорам и мятежам». ЧК наделялась внесудебными полномочиями брать заложников, выносить приговоры и приводить их в исполнение.

В этот день было объявлено о расстреле 29 «контрреволюционеров», которые были заведомо непричастны к покушениям на Ленина и Урицкого, в том числе бывшего министра внутренних дел Российской империи А. Хвостова, бывшего министра юстиции И. Щегловитова и др. В первый же месяц террора были казнены тысячи людей, большинство из которых было виновато лишь в принадлежности к «контрреволюционным» классам и общественным течениям — предприниматели, помещики, священники, офицеры, члены партии кадетов. Философию красного террора выразил один из руководителей ЧК М. Лацис: «Не ищите в деле обвинительных улик; восстал ли он (обвиняемый — А. Ш.) против совета с оружием или на словах. Первым долгом вы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, какое у него образование и какова его профессия. Вот эти вопросы и должны решить судьбу обвиняемого»^[208]. Но «инициатива с мест» не встречала поддержки в Кремле. Ленин пожурил Лациса за эти слова.

ЧК арестовывала, она же вела следствие, она же судила, и казнила она же. Произвол был абсолютный, возможности для злоупотребления — практически безграничными. Красный террор в реальности не был классовым. Удары наносились по недовольным рабочим, крестьянам, интеллигенции. Впрочем, мифического уничтожения «генофонда нации», ее «лучших людей» тоже не было. Красный террор не отличался систематичностью — под удар мог попасть и поэт Гумилев, причастный к конспирациям против коммунистов, и крестьянин, спрятавший хлебный запас на зиму. Но коммунисты в это время не отличались большой мстительностью, в чем мы убедимся ниже на примере биографии повстанческого лидера А. Долинина. Большинство известных литераторов серебряного века тоже пережили это «уничтожение генофонда».

Модные теперь рассуждения об утраченном «генофонде» являются отголоском расистских идей, распространенных в первой половине века, пока не стало очевидна их близость нацистской идеологии. Белая эмиграция бережно сохранила миф о «генофонде», который в СССР испортился и сохранился разве что в эмигрантском запаснике. Можно подумать, что люди, это породистые собаки, у которых культурный потенциал передается с генами. У дворян — все сплошь гении и таланты в роду, а у беспородных крестьян — тупой и еще тупее.

* * *

В надежде посеять ужас в рядах врагов, разрушить складывающиеся заговоры, не тратя время на расследование, большевистские вожди запустили машину террора, которая уже действовала по инерции, иногда — в соответствии со «шкурными» интересами рядовых чекистов. Впрочем, шкурные интересы были скромны, так как на каждого злоупотребляющего чекиста могла найтись проверка из центра или вооруженный классовым чутьем и наганом товарищ по работе. Идейные коммунисты нередко возмущались эксцессами террора и пытались ограничить его разгул. В марте 1919 г. был проведен процесс над сотрудниками Всеукраинской ЧК, обвиненными во взяточничестве, коррупции и вымогательстве. Обвиняемые были приговорены к смертной казни.

Впрочем, по свидетельству старого большевика Д. Гопнера эти меры не могли улучшить ситуацию, так как наказаны были «стрелочники», которые работали в учреждении, где «все насквозь пропитано уголовщиной, хулиганством, полнейшим произволом и безответственностью опытных негодяев»^[209]. Гопнер докладывал Ленину и своему непосредственному начальнику Чичерину о многочисленных арестах без предъявления обвинений, о неподчинении ЧК советскому правительству Украины, подбрасывании улик и вымогательстве. Один из персонажей, которые попали в докладную Д. Гопнера — руководитель Екатеринославской ЧК Валявка, «человек упрямый, тупой и жестокий. Вспыльчивый,

самонадеянный, лишенный спокойствия, он никогда не слушает собеседников, а только говорит или, вернее, кричит. Имея самое элементарное политическое развитие, он неразборчив, опьянен своим всемогуществом и лишь жаждет „уничтожения“»^[210]. Критика Гопнера не возымела действие, и в условиях обострения военной обстановки вокруг Екатеринослава в мае 1919 г. он устроил бойню в подвалах ЧК: «ночами Валявка непрерывно и торопливо расстреливал содержащихся в ЧК. Выпуская человек по 10–16 в небольшой, специальным забором огороженный двор, Валявка с 2–3 товарищами выходил на середину двора и открывал стрельбу по этим совершенно беззащитным людям. Крики их разносились в тихие майские ночи, а частые револьверные выстрелы умолкали только к рассвету... Страшной тайной остались сотни имен тех людей, которых озверелый Валявка отправил на тот свет»^[211].

Лацис и Валявка — примеры чекистов, бесконечно далеких от идеализированного образа чекиста с «чистыми руками, горячим сердцем, холодной головой». Для грязной работы приходилось привлекать кого придется (ситуация у белых была не лучше). Но противостояние полууголовной чекистской низовки и более интеллектуальных большевистских кадров все же сдерживало безудержность террора. Тот же Валявка получил возможность предаться «уничтожению» только после того, как Екатеринославу стали угрожать деникинцы и григорьевцы.

Террор развивался неровно, вспышками. Поэтому не убедительны попытки подсчитать количество жертв на основании отдельных примеров, умноженных на количество местных чрезвычайок и дней их работы^[212]. Каждая чека работала со своей интенсивностью.

Занимая города, белые начинали методичный учет жертв красного террора, тщательно описывали наиболее яркие примеры: «в Харькове специализировались на скальпировании и „снятии перчаток“»^[213], — повествует А. Деникин о зверствах ЧК. Но когда белые отступили, красным было чем ответить. Вот только одно свидетельство: «Настроение населения Украины в большинстве на стороне Советской власти. Возмутительные действия деникинцев... изменили население в сторону Советской власти лучше всякой агитации. Так, например, в Екатеринославе, помимо массы расстрелов и грабежей и пр., выделяется следующий случай: бедная семья, у которой в рядах армии

сын коммунист, подвергается деникинцами ограблению, избиению, а затем ужасному наказанию. Отрубают руки и ноги, и вот даже у грудного ребенка были отрублены руки и ноги. Эта беспомощная семья, эти пять кусков живого мяса, не могущие без посторонней помощи передвинуться и даже поест, принимаются на социальное обеспечение республики»^[214]. Изощренная рубка пленных «в капусту» (постепенная, мелкими кусками) — фирменная казнь-пытка, применявшаяся белыми, особенно казаками.

Зверства творили солдаты всех сил гражданской войны. Совокупное количество жертв и красного, и белого, и повстанческого террора приближается к миллиону человек, но дать более точные оценки вряд ли возможно, так как полного учета казненных никто не вел.

Чернознаменные бандиты

Государственные зверства красных и белых сопровождалось стихийным разгулом грабежей и убийств «человека с ружьем» и наганом.

Обычно «пальму первенства» здесь отдают анархистам. Согласно мифу «анархист» — это синоним бандита, уголовника, который прикрывается писаниями наивного идеалиста Кропоткина.

Городские анархисты были терпимы к уголовной среде, указывая на то, что уголовник — продукт социальных условий, и когда изменятся условия, он станет лучше. В условиях, когда можно было быстро сделать карьеру, уголовники были вольны выбирать — или пользоваться смутным временем для привычных аполитичных грабежей, или «сменить окраску» на политическую и пойти в ЧК, повстанческий отряд или группу боевиков (уж как повезет — анархистов, эсеров или белых подпольщиков на красной территории и красных — на белой). Решительные люди с навыками обращения с оружием были нужны везде. Но не будем забывать, что они вполне востребованы и в современном обществе, которое не может обходиться без мафии, киллеров и маргинальной криминализованной среды.

В борьбе с анархистами большевики пытались списать разгул преступности именно на них. Ведь обыденное представление об анархии как о хаосе позволяло уголовникам объявлять себя анархистами даже тогда, когда они не имели никакого представления об анархистской идеологии, и идейные анархисты не имели к ним никакого отношения. Обокрали патриаршую ризницу под носом у красной охраны — факт, анархисты виноваты. Нужно разгромить «черную гвардию», занимающую сильные позиции в Москве — объявим ее чисто уголовной организацией. В действительности удар по анархистам в апреле 1918 г. был вызван чисто политическими причинами — советское правительство переехало в Москву. В обстановке нараставших противоречий с левыми эсерами коммунисты опасались, что вооруженные формирования анархистов встанут на сторону оппозиции (а ведь вооруженное столкновение коммунистов и левых эсеров действительно произойдет всего через три месяца).

Характерно, что, приступив 5 марта 1918 г. к формированию «Черной гвардии» с единым командованием, Московская федерация анархических групп как раз и стремилась отсечь от движения неконтролируемые группы уголовников, прикрывающиеся именем анархистов. Для вступления в «Черную гвардию» требовались рекомендации идейных анархистов и рабочих организаций. Запрещалось участие «Черной гвардии» в реквизициях. Анархисты спешили освободиться от компрометирующих их уголовных элементов, к которым прежде анархисты относились терпимо, считая их «жертвами» социального строя. Но некоторых уголовников анархисты считали «перевоспитавшимися» и оставили в своих рядах.

В Москве, куда перебрался Совнарком в марте 1918 г., анархисты контролировали 25 особняков. Некоторые были расположены вблизи важных пунктов столицы. Анархисты не скрывали, что готовятся к столкновению. Они были разочарованы поворотом в политике большевиков и надеялись на поддержку масс. Ж. Содуль вспоминает о беседе с членом ВЦИК А. Ге: «Ге гневно обличает большевиков. Придя к власти, они только и делают, что предают принципы, чистые принципы, они переродились в обыкновенных реформистов, рабочие от них отворачиваются и сплачиваются под черным знаменем... Ге считает, что уже сейчас можно рассчитывать в Москве на несколько тысяч бойцов. Однако для действий момент еще не настал. В движение

проникли монархисты, которые пытаются использовать его в своих целях^[215]. Следует избавиться от этих темных и опасных элементов. Через месяц-два анархисты выкопают могилу для большевиков, „царству варварства придет конец“. Будет основана подлинно коммунистическая Республика»^[216].

В ночь с 11 на 12 апреля ВЧК захватила базы анархистов. На Малой Дмитровке они отстреливались из горной пушки, но у коммунистов был перевес в артиллерии. Из пушек разнесли и верхний этаж особняка на Донской улице. Бои шли и на Поварской. В других местах опорные пункты анархистов удалось взять без значительного сопротивления. Было убито и ранено 40 анархистов и 10–12 чекистов и солдат. Несколько анархистов были расстреляны на месте.

ЧК рассчитывала получить дополнительный компромат на «Черную гвардию» после захвата особняков. Учитывая, что перерегистрация «черногвардейцев» началась лишь месяц назад, в особняках продолжало жить немало уголовников. Были найдено золото. Московская федерация анархистов была обвинена в связях с известным актером Мамонтом Дальским, который с помощью друзей-анархистов провел аферу с продажей опиума (правда, Дальского не стали преследовать), в укрывательстве уголовника Кэбурье (правда, он уже скрылся из Москвы). Всего было задержано около 500 человек, но часть вскоре отпущена.

В апреле-мае 1918 г. такие же операции были проведены и в других городах России.

Даже в официальных сообщениях по поводу разоружения анархистов признавалось, что многочисленные преступления совершались от имени анархистов, а не идейными анархистами. Дзержинский подчеркивал, что «мы ни в коем случае не имели в виду и не желали вести борьбу с идейными анархистами»^[217]. Тем не менее, были закрыты крупнейшие анархистские газеты, а идейные анархисты Лев Черный и другие были привлечены к ответственности за укрывательство. Впрочем, они вскоре тоже оказались на свободе.

Их черед пришел позднее. После взрыва в горкоме РКП(б), организованного анархистами подполья 25 сентября 1919 г.^[218], ВЧК провела зачистки анархистов по всей стране. Без суда и следствия на известных конспиративных квартирах уничтожались и боевики с уголовным прошлым, и идейные анархисты. Чекисты не вдавались в

детали, кто в чем виноват и какого наказания достоин. В 1921 г., во время нового подъема народных выступлений, зачистку повторили. На этот раз был расстрелян и Л. Черный.

Бандитизм — это уголовное преступление — вооруженные грабежи и убийства мирного населения. Занимались этим и белые, и красные, но образ классического бандита времен Гражданской войны легенда приписывает батьке Махно.

* * *

Махно усилиями красных и белых превратился из реального исторического персонажа в ходячий миф, где от реального Нестора Ивановича вообще мало что осталось. За десятилетия, прошедшие со времени событий советские историки и кинематографисты вылепили образ маньяка-убийцы, хитрого предателя и разрушителя. Он носится по Украине во главе банды дегенератов, которую красные и белые бьют в хвост и гриву. Но «оборотень гражданской войны» появляется в самый неподходящий момент, чтобы развалить фронт красных.

Сменился господствующий миф, но место Махно в нем осталось прежним. Все тот же маньяк, классическое лицо безумного революционера-разрушителя.

Что бы ни рассказывали о Махно мифотворцы, среди крестьян своего региона он был очень популярен. Махно возглавил крестьянское движение в районе Гуляйполя, на левобережье Украины еще в 1917 г. По взглядам Махно был анархо-коммунистом. Он выступал за то, чтобы вся земля и все фабрики находились в непосредственном распоряжении тех, кто на них работает, то есть рабочих и крестьян. Махно выступал за создание «вольных советов», которые избираются местными жителями и не подчиняются решениям партийных и государственных структур. Махно считал, что трудящиеся сами могут решить, как им лучше жить. По мысли П. Кропоткина, учеником которого считал себя Махно, после ликвидации государственного принуждения и частной собственности предоставленные сами себя трудящиеся станут жить в

самоуправляющихся общинах и перейдут к свободному коммунистическому строю, при котором не будет власти и эксплуатации. Такой строй Кропоткин и Махно называли анархическим коммунизмом. Идеи Махно были близки лозунгам, которые большевики провозглашали в 1917 г., потому первоначально Махно был настроен на союз с красными.

В 1918 г. Махно успешно партизанил против немцев и приобрел славу непобедимого «батьки». После ухода немцев «батяка» стал контролировать обширный район к северу от Азовского моря. В январе 1919 г. махновский район оказался под ударом белых, наступавших со стороны Донбасса. Тогда Махно заключил союз с РККА и, получив от красных необходимые ему боеприпасы, развернул наступление против деникинцев.

Тут, согласно мифу, от махновцев должны были остаться рожки да ножки. Что может сделать махновская ватага против дисциплинированной белой армии?

Отвечаем: может нанести ей поражение. Пройдя с боями несколько сот верст, махновская бригада окружила и разгромила опорные пункты белых на Азовском побережье и вышла в Донецкий бассейн, взаимодействуя там с частями РККА. Сама бригада Махно быстро росла, потому что в нее тысячами вступали крестьяне. Численность махновской армии достигла 50 тысяч бойцов. Так что представление о махновцах как о «банде» — тоже миф. «Банда» — это формирование поменьше. Раз в сто или тысячу.

Самим фактом своего существования махновская армия опровергает еще один миф — якобы, расширение прав солдата делает армию небоеспособной. У махновцев командиры выбирались бойцами и затем только утверждались штабом. Вместе служили выходцы из одной деревни, хорошо знакомые друг с другом. Ставка делалась не на муштру, а на инициативу бойцов. Махно мог вообще распустить большой отряд и был уверен, что он соберется в назначенном месте.

Именно эта особенность устройства махновской армии заставляет авторов самых разных взглядов доказывать, что махновцы были плохими вояками. Ведь в противном случае пришлось бы признать недостатки существующей казарменной армии. А это — уже вопрос политический. Не учитывая уроки истории повстанческих движений, военные теоретики обрекали советскую армию на то, чтобы после

выдающихся достижений в строевой подготовке получать кровавые уроки в Афганистане. Но и это не убедило в необходимости внимательнее изучить махновский опыт. Пришлось снова проходить те же уроки Чечне.

* * *

В легендах «Махновия» осталась эдаким табором разбойников. В реальности она имела четкую военную и общественную организацию и политическую программу. На территории, которую контролировали махновские войска, не действовала продовольственная диктатура и продразверстка, разрешалась агитация всех социалистических течений, а не только большевиков, советы выбирались свободным голосованием. Съезды считались в Махновском движении высшим авторитетом. Их решения вступали в силу в том или ином районе после одобрения сельскими сходами. Исполнительным политическим органом был Военно-революционный совет. Резолюции съездов советов, принятые после жарких дискуссий, созвучны анархистским идеям: «В нашей повстанческой борьбе нам нужна единая братская семья рабочих и крестьян, защищающая землю, правду и волю. Второй районный съезд фронтовиков настойчиво призывает товарищей крестьян и рабочих, чтоб самим на местах без насильственных указов и приказов, вопреки насильникам и притеснителям всего мира строить новое свободное общество без властителей панов, без подчиненных рабов, без богачей, и без бедняков»^[219]. Резко высказывались делегаты съезда против «дармоедов чиновников», которые являются источником «насильственных указок». Съезды советов на махновской территории остро критиковали большевистский режим за угнетение крестьянства и произвол ЧК. Но главным своим врагом крестьяне-махновцы все же считали белых, потому что они могли отнять землю.

Современные украинские авторы, дотошно перечисляющие населенные пункты, через которые прошла махновская армия, становятся беспомощными, как только речь заходит о внутренней политике махновцев. В. А. Савченко пишет, что в первой половине 1919 г. Махно «стремился к анархистским экспериментам», которые

«приводили к осуществлению на практике григорьевско-зеленовских лозунгов: „Вольные Советы — Советы без коммунистов!“, к недопущению в махновский район продотрядов, коммунистов, чекистов, отказу от колхозного эксперимента и запрета торговли»^[220]. Здесь реальность и ошибки перемешаны также густо, как и в советских книгах о Махно. Во-первых, Махно пускал коммунистов в свой район, и в это время они участвовали в работе органов власти в махновском районе. Соответственно, махновцы не выдвигали в это время лозунг «Советы без коммунистов» (а за вольные советы они выступали прежде всякого Григорьева и Зеленого). Во-вторых, никто не заставлял махновцев и украинских крестьян вообще проводить «колхозный эксперимент». Коммунисты на Украине предпочитали создавать государственные хозяйства, а не колхозы (здесь В. А. Савченко перепутал 1919 год с 1929-м), зато махновцы совершенно добровольно создавали сельскохозяйственные коммуны. Крупнейшая из них — коммуна имени Розы Люксембург насчитывала 285 человек и засеяла 125 десятин земли^[221].

Советский миф представлял махновцев кулацким движением, но сами они были склонны как раз к защите интересов бедняков. Их голос звучит в резолюциях Второго съезда советов Гуляйпольского района (февраль 1919 г.): «Впредь же до разрешения земельного вопроса окончательным образом съезд выносит свое пожелание, чтобы земельные комитеты на местах немедленно взяли на учет все помещичьи, удельные и другие земли и распределяли бы их между безземельными и малоземельными крестьянами, обеспечив и вообще всех граждан посевными материалами»^[222].

Махновский район производил положительное впечатление даже на непредвзятых противников. Большевик В. Антонов-Овсеенко, посетивший район в мае 1919 г., докладывал: «налаживаются детские коммуны, школы, — Гуляй-поле — один из самых культурных центров Новороссии — здесь три средних учебных заведения и т. д. Усилиями Махно открыто десять госпиталей для раненых, организована мастерская, чинящая орудия и выделываются замки к орудиям»^[223]. Детей учили грамоте, занимались военной подготовкой, преимущественно в форме военных игр (подчас весьма жестоких). Но основная просветительская работа проводилась не с детьми, а со взрослыми. Культпросвет ВРС, занимавшийся просвещением и

агитацией населения, был укомплектован прибывшими в район анархистами и левыми эсерами.

* * *

После первого разрыва с махновцами в середине 1919 г. красные обвиняли Махно в предательстве и трусости. Что случилось? Махновская армия представляла инородное тело в РККА, и не удивительно, что уже в феврале Л. Троцкий потребовал ее преобразования по образу и подобию других красных частей. Махно ответил: «Самодержавец Троцкий приказал разоружить созданную самим крестьянством Повстанческую армию на Украине, ибо он хорошо понимает, что пока у крестьян есть своя армия, защищающая их интересы, ему никогда не удастся заставить плясать под свою дудку Украинский трудовой народ. Повстанческая армия, не желая проливать братской крови, избегая столкновения с красноармейцами, но подчиняясь только воле трудящихся, будет стоять на страже интересов трудящихся и сложит оружие только по приказанию свободного трудового Всеукраинского съезда, на котором сами трудящиеся выразят свою волю»^[224]. Прекратилось снабжение махновцев боеприпасами, что создавало угрозу фронту.

Советские легенды повествуют о том, что махновское войско «разложилось», а сам Махно поднял мятеж и открыл фронт белым. Но мемуары участников событий, включая командующего фронтом В. Антонова-Овсеенко, не говоря уж об архивных документах, рисуют совсем другую картину событий.

Большевистская пропаганда сообщала о низкой боеспособности махновцев, но позднее, командарм Антонов-Овсеенко писал: «прежде всего факты свидетельствуют, что утверждения о слабости самого заразного места — района Гуляй-поля, Бердянск — неверны. Наоборот, именно этот угол оказался наиболее жизненным из всего Южного фронта (сводки за апрель-май). И это не потому, конечно, что здесь мы были лучше в военном отношении сорганизованы и обучены, а потому, что войска здесь защищали непосредственно свои очаги»^[225].

Чтобы решить проблему со снабжением, Махно решил преобразовать свою непомерно разросшуюся бригаду хотя бы в дивизию. Это было воспринято большевиками как недисциплинированность, и командование Южного фронта приняло решение о разгроме махновцев. Большевики явно переоценивали свои силы, тем более, что именно в этот момент началось наступление деникинцев^[226]. Они ударили по стыку махновцев и РККА в тот момент, когда большевики напали на махновские тылы. Сопrotивляться напору с двух сторон было невозможно.

6 июня 1919 г. Махно направил телеграмму Ленину, Троцкому, Каменеву и Ворошилову, в которой говорилось: «Пока я чувствую себя революционером, считаю своим долгом, не считаясь ни с какой несправедливостью, обличающей меня в (нечестности?) к нашему общему делу Революции, предложить немедленно же прислать хорошего военного руководителя, который ознакомившись при мне на месте с делом, мог бы принять от меня командование дивизией»^[227].

И на других участках фронта Красная армия не смогла удержать наступление Деникина. Ответственность за поражение большевики возложили на Махно и расстреляли его штаб. Самому Махно удалось бежать, и он развернул партизанскую войну в тылу большевиков. В отместку за гибель махновских командиров анархисты взорвали в Москве здание горкома партии. Погибло несколько десятков большевистских руководителей.

Под давлением Деникина большевики вынуждены были отступить с Украины. Бойцы не хотели уходить в Россию. 5 августа к Махно присоединились его части, оставшиеся под командованием большевиков. В руках «батъки» снова оказалась многотысячная армия.

Превосходящие силы белых отгеснили махновцев в западную Украину, под Умань. Но внезапный удар, нанесенный махновцами под Перегоновкой 26–27 сентября, был сокрушающим. Один полк противника был взят в плен, два полностью вырублены. Махновская армия ворвалась в тылы деникинцев и двинулась через всю Украину тремя колоннами в сторону Гуляйпольского района. «Операции против Махно были чрезвычайно трудными. Особенно хорошо действовала конница Махно, бывшая первое время почти неуловимой, часто нападала на наши обозы, появлялась в тылу и т. п. Вообще же махновские „войска“ отличаются от большевиков своей

боеспособностью и стойкостью»^[228], — рассказывал начальник штаба 4-й дивизии слащевцев полковник Дубего. Под угрозой оказалась ставка Деникина в Таганроге. Инфраструктура Добровольческой армии была изрядно потрепана, что затормозило деникинское наступление на север, к Москве. С фронта срочно пришлось перебрасывать части Шкуро, чтобы локализовать быстро расширяющуюся зону, контролируемую махновцами. Махновский прорыв серьезно ослабил наступление Деникина на Москву.

Оправившись от первого удара, деникинцы отбили прибрежные города и развернулись на Гуляйполе. Но в этот момент Махно взял крупный город Екатеринослав. В это время под командованием Махно сражалось 40 тысяч человек^[229].

Каждую из проходящих в Екатеринослав армий жители оценивали прежде всего по грабежам. Казалось бы, махновцы должны были превзойти всех. Но нет. По свидетельству одного из жителей города «такого повального грабежа, как при добровольцах, при махновцах не было. Большое впечатление произвела на население собственноручная расправа Махно с несколькими грабителями, пойманными на базаре; он тут же расстрелял их из револьвера»^[230].

* * *

Наиболее массовый бандитизм времен гражданской войны исходил не от боевиков-анархистов и даже не от повстанческих батек, которые должны были считаться с местным населением, составлявшим их опору, а от солдат регулярных армий. «В городе грабежи, пьянство, разгул, которые начинают захлестывать армию», — докладывал после занятия Харькова командующий группой войск РККА В. Ауссем^[231]. Другой эпизод: «В конце апреля полк стоял на станции Тетерев, красноармейцы безнаказанно бесчинствовали — грабили, избивали пассажиров, убили несколько евреев»^[232], — вспоминает Антонов-Овсеенко о похождениях 9-го полка красных. Таких примеров было немало и у красных, и у белых (об их поведении мы поговорим ниже).

Другая беда — погромные антисемитские настроения. Они были присущи не только белым и петлюровцам. Здесь уместно привести фрагмент беседы Наркома Украины А. Затонского с красноармейцами, которых пришлось уговаривать не поворачивать на Киев, чтобы «разделаться с Чекой и Коммунией»: «Наконец один уже пожилой дядько спрашивает: „А чи правда, що Раковский жид, бо кажут, що раньше большевики були, а потим жиди коммуниста Раковского посадили...“

Удостоверяю, что товарищ Раковский самого православного происхождения, что коммунисты — это те же большевики...»^[233] — Этот аргумент помог. Известны многочисленные еврейские погромы с участием РККА^[234]. Миф приписывает антисемитизм и Махно, что является чистой клеветой^[235]. Рекордсменами по части антисемитизма являются белое воинство и украинский националист Григорьев.

Если говорить о «революционных войсках», то разгул солдатского бандитизма, принимавшего часто антисемитскую окраску, можно объяснить особой психологической ситуацией, в которой оказался солдат в 1918–1919 годах. Он был силой, добывал партиям власть и считал себя вправе в случае чего восстановить справедливость и наказать виновных. Сила порождала ощущение вседозволенности, постоянные перебои в снабжении и выдаче жалования — ощущение «неблагодарности» со стороны властей. И здесь обстановка социальной катастрофы, маргинализации и радикализма способствовала выходу на поверхность погромных настроений.

Таков был мрачный фон, на котором шла борьба, но бандитизм и грабеж не были ее сутью, ибо противоборство шло между социальными силами и идеями.

«Белые рыцари»

О белых сегодня, как о покойнике — или хорошо, или ничего. На канале «Культура» с пафосом вещают об их замечательных моральных качествах. На ОРТ сериал о настоящих патриотах, которым прямая дорога — к Деникину. Там, у белых собираются истинные рыцари XX столетия, люди чести, глубокого интеллекта,

поборники законности и свободы. Они мужественно противостояли безумию, охватившему страну, схватились в неравном бою с красными ордами. Легендарный эпос, одно слово.

Белое движение выделяется среди противников большевиков как наиболее организованная сила. А раз так, то получается, что именно белые были принципиальной альтернативой большевизму. Но это — только еще один миф. Белые были в той или иной степени заражены всеми основными болезнями красных: авторитаризмом, репрессивной жестокостью, склонностью к подавлению инакомыслия.

Что бы ни говорили их идеологи, на практике белые относились к свободе и демократии не лучше большевиков. В указаниях «либерала» А. Деникина Особому совещанию при главнокомандующем говорилось: «Военная диктатура. Всякое давление политических партий отменить, всякое противодействие власти — и справа, и слева — карать... Суровыми мерами за бунт, руководство анархическими течениями, спекуляцию, грабеж, взяточничество, дезертирство и прочие смертные грехи — не пугать только, но и осуществлять их... Смертная казнь — наиболее соответственное наказание»^[236]. В условиях широкого распространения таких «грехов», как лидерство в «анархических» (то есть левых) течениях, спекуляция (то есть торговля по «завышенным» ценам) и дезертирство — это программа массового террора. В то же время офицерство было связано со старой элитой (высшими классами общества) и поэтому выступали против глубоких социальных преобразований, провозглашенных Февральской революцией. Большинство населения выступало за эти преобразования, и поэтому даже те слои трудящихся, которые враждебно относились к большевикам, в большинстве своем не поддерживали белое движение.

За что сражались белые? За восстановление монархии? Далекое не все. За демократию? Для значительной части из них это было ругательство. За порядок? Мы увидим, как они ценили порядок. Белые защищали интересы старой элиты, и в этом заключалось их хрупкое единство. Аристократия и буржуазия, рафинированная интеллигенция и вешатели 1905 года презирали друг друга, но оказались на этом новом ковчеге белого движения. Остатки его бесславно отбыли в

эмиграцию. Хотя сначала казалось, что белые просто обречены на удачу.

* * *

Белое движение возникло практически сразу после Октябрьского переворота, но само по себе оно не могло развязать широкомасштабную гражданскую войну. В ноябре 1917 г., воспользовавшись неразберихой, генерал Корнилов бежал из-под ареста. Вместе с генералом Алексеевым они создали в Новочеркасске Добровольческую армию, состоявшую преимущественно из офицеров. На юг, к Корнилову, ехали офицеры и контрреволюционно настроенные интеллигенты со всей страны. Добровольцев поддержал казачий атаман Каледин. Но в январе Каледин был разбит рабочими отрядами, и добровольцам под натиском красных пришлось отступить дальше на юг, на Кубань. Небольшая армия белых шла по заснеженным полям, вброд переходила через реки с ледяной водой. Многие умерли не от ран, а от холода и болезней. Скончался старый генерал Алексеев. Этот поход получил название «ледяного». Для строителей «белого мифа» это было героическое деяние. Споры нет, переход потребовал от его участников большого личного мужества. Как и отступление французов в 1812 г. Не будем забывать, что это все-таки было бегство. Корнилову так и не удалось снискать славу полководца, оставив потомкам лишь красивую легенду, как бы он победил своих врагов, если был бы более удачлив.

Сначала белые уступали красным в численности и, что естественно, превосходили в организованности. На 1 августа 1918 г. против 20–25 тысяч солдат Деникина действовало около 60 тысяч красных. Эта неравная борьба придает белым ореол романтических героев, которые противостояли бесчисленным ордам варваров. Но уместно задуматься — почему страна раскололась таким образом, что белая идея увлекла явное меньшинство, и белым удавалось долгое время противостоять поднимавшемуся против них населению прежде всего за счет профессиональной подготовки офицерских частей и помощи Антанты.

Затем соотношение сил стало меняться. Обе стороны привлекали солдат в свои ряды убеждением и силой (нередко насилие с одной стороной было причиной того, что человек присоединялся к другой). Постепенно организованность красных росла (в том числе и за счет притока офицерства в ряды красных), зато белые набирали в числе за счет мобилизаций.

К 1919 г. численность Красной армии достигла почти полутора миллионов человек. Правда, около миллиона красных пришлось держать в тылу, где шла война не с белыми, а с повстанцами. Эта проблема была и у белых. Но красные держали в тылу солдат, которые плохо годились для действий на фронте. Белые направляли в тыл карательные экспедиции, часто отвлекая с фронта первоклассные силы (как это было, например, в ситуации с Махно, против которого бросили части Слащева и Шкуро).

Каково было соотношение сил в 1919 г.? В феврале 1919 г. на фронте находилось 380 тысяч красных, а в белых армиях — 288 тысяч. С учетом интервентов и национальных формирований, направивших с Запада на Советскую Россию и Украину, силы противников красных на фронте достигали 500 тысяч. Но их действия не были согласованы. Во время решающего наступления Колчака весной 1919 г. белым удалось достигнуть превосходства в численности на направлении главного удара. В июне численность противников большевиков превышала на фронте количество красных (656 тысяч против 355 тысяч). Но, находясь в центре театра военных действий, красные могли концентрировать силы на наиболее опасных направлениях. Однако положение все еще было крайне напряженным. В августе 1919 г. Деникин располагал 162 тыс. бойцов против 280 тысяч. В октябре на Москву наступало 75 тысяч, которым противостояло 122 тыс. красных^[237]. Если бы не действия Махно в тылу белых, Деникин мог бы добиться в решающих сражениях почти равного соотношения сил при лучшей технической оснащённости.

Несмотря на то, что насильственная мобилизация не делала солдат враждующих армий вполне надежными, у красных было лучше поставлено дело агитации в войсках. Комиссары звали бойцов на защиту завоеваний Октября, прежде всего земли и равноправия (хотя бы возможности человека из низов стать «начальником»), к неведомому счастливому будущему.

А куда было звать мобилизованного белым? Назад в Российскую империю с какими-то непонятными конституционными поправками? И вожди белого движения еще удивлялись, почему население не разделяет их стремлений. «Пойдет ли народ за нами или по-прежнему останется инертным и пассивным между двумя набегаящими волнами, между двумя враждебными станами»^[238], — рассуждал А. Деникин.

Но большинство населения не считало белых принципиальной альтернативой большевизму. Крестьяне и рабочие чаще видели в них большее из зол. Перед лицом наступления Деникина (как перед этим Колчака) крестьяне повалили в повстанческие отряды на белой территории и даже в Красную армию. Но и те слои населения, которые готовы были пожертвовать завоеваниями революции ради восстановления порядка и прекращения смуты, тоже быстро разочаровывались в белых. Люди, пострадавшие от большевистского террора, ждали добровольцев с надеждой. Однако первый восторг быстро прошел. Действуя под лозунгами порядка и законности, белые оказались не меньшими грабителями, чем большевики, их офицеры и солдаты творили произвол, пороли крестьян шомполами и расстреливали людей без особенных разбирательств. Казаки предавались грабежам. Вот воспоминания антибольшевистски настроенного журналиста З. Арбатова о пребывании в Екатеринославе Добровольческой армии Деникина: «Вся богатейшая торговая часть города, все лучшие магазины были разграблены, тротуары были засыпаны осколками стекла разбитых магазинных окон, железные шторы носили следы ломов, а по улицам конно и пеше бродили казаки, таща на плечах мешки, наполненные всякими товарами... Контрреволюция развивала свою деятельность до безграничного дикого произвола, тюрьмы были переполнены арестованными, а осевшие в городе казаки открыто продолжали грабеж»^[239]. Началось возвращение части захваченных крестьянством земель в руки прежних владельцев, что быстро вызвало в тылу белых массовую крестьянскую войну.

Зверства и грабежи творили солдаты всех сил гражданской войны. Но для белых это было приговором. Никто, кроме них, не ставил в центр своей агитации восстановление «законности». Та часть населения, которая надеялась на белых, ждала от них именно

законности, как от большевиков ждали земли и социальной справедливости, от Махно — воли и защиты крестьянских интересов. Явив вместо законности грабежи и зверства, белые показали населению, что от них нет никакой пользы, кроме вреда.

Порассуждав о бандитской сущности всех своих противников, даже Деникин признает: «набегающая волна казачьих и добровольческих войск оставляла грязную муть в образе насилий, грабежей и еврейских погромов»^[240].

Ничем не лучше были и колчаковцы. При подавлении крестьянских выступлений А. Колчак рекомендовал своим подчиненным уничтожать (то есть казнить) «агитаторов и смутьянов» (такая расплывчатая формулировка позволяла ставить к стенке любого недовольного новой властью), брать заложников, которых расстреливать, а их дома сжигать, если местные жители дают неверные сведения. Колчак предлагает брать пример с японцев, которые сжигают деревни, «поддерживающие» повстанцев^[241].

Методы взаимоотношений белых с крестьянами диктовались логикой военного остервенения и быстро сравнивались в жестокости с красными. Но у белых были и отличия, и не в их пользу. Характеризуя эволюцию белого движения, один из его идеологов В. Шульгин пишет: «„Почти что святые“ и начали это белое дело, но что же из него вышло? Боже мой!.. Начатое „почти святыми“, оно попало в руки „почти бандитов“... Деревне за убийство было приказано доставить к одиннадцати часам утра „контрибуцию“ — столько-то коров и т. д. Контрибуция не явилась, и ровно в одиннадцать открылась бомбардировка.

— Мы, — как немцы, сказано, сделано... Огонь!..

Кого убило? Какую Маруську, Евдоху, Гапку, Приску, Оксану? Чьих сирот сделало навеки непримиримыми, жаждущими мщения... „бандитами“?...

Мы так же относимся к „жидам“, как они к „буржуям“. Они кричат: „Смерть буржуям“, а мы отвечаем: „Бей жидов“»^[242]. Эти заметки — приговор белому делу.

Коммунисты создавали новое общество, а значит и новую элиту. Белые стремились сохранить прежнюю элиту, более культурную, но скованную аристократическими предрассудками и потому менее эффективную в условиях революции.

Белый авторитаризм был лишь менее последовательной моделью того же тоталитарного будущего, играл по большевистским правилам игры и потому проиграл. Шульгин вспоминает о разговоре с офицером перед «профилактическим» обстрелом крестьянской деревни: «Ведь как большевики действуют, они ведь не церемонятся, батенька... — Это мы миндальничаем... Что там с этими бандитами разговаривать?»^[243]

И белые не церемонились, доставляя народу выбор между офицерской и пролетарской диктатурой. Крестьяне в 1919–1920 гг. из двух зол предпочли второе.

В случае гипотетической победы Белого движения развитие нашей страны пошло бы, конечно, не так, как это случилось в Советскую эпоху. В этом смысле альтернатива была, и как показывает опыт Европы, это была альтернатива между коммунизмом и фашизмом. В 20-30-е гг. Европа и Северная Америка шли к индустриальной системе социального государства. Это развитие могло идти тремя путями — коммунистическим, нацистско-фашистским и социал-либеральным (включая сюда и варианты, предлагавшиеся демократическими социалистами). В России последний из этих путей в обход тоталитаризма был возможен в случае победы тех или иных социалистов, кроме коммунистов. Две первые возможности вели по тоталитарному пути. Коммунистический путь нам известен. «Белый» путь уже в период гражданской войны заметно коричневел, как коричневели и другие диктаторские режимы Европы в первой трети XX века. Фашистские тенденции контрреволюционного авторитаризма по мере дальнейшей модернизации имеют тенденцию к усилению.

Крестьянский бунт, бессмысленный или разумный?

Все мы помним из Пушкина: «не дай Бог увидеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Раз во время гражданской войны был бунт, и презестокий (беспощадный), то, значит, был он и бессмысленным. А если был в нем какой-то смысл — то в поддержке реальной антибольшевистской силы — белых. Поднялся народ русский то ли в безумии, то ли за Деникина и Колчака, да и пал под ударами

жестоких красных карателей, не добившись своего. А чего добивался-то?

Гражданская война шла между красными и белыми? Не только. Была еще одна сила, которая по численности превосходила красных и белых вместе взятых — крестьянское повстанчество.

Крестьянство составляло большинство населения России, и от его поведения зависел исход Гражданской войны и революции. Однако крестьянство не было единой силой. Материальное положение сельских тружеников было различным. Большая часть бедняков поддерживала большевиков и левых эсеров, среднее крестьянство — эсеров, кулачество симпатизировало контрреволюции и отчасти эсерам. Впрочем, прямого соответствия материального положения крестьянина и его политической позиции не было. Зажиточный крестьянин мог сражаться в Красной армии, чтобы отомстить белым за убитых родственников, а религиозный бедняк мог поддержать белых, поскольку они защищали церковь от произвола «сатанинской власти».

Отсутствие четких увязок социального положения и политического поведения иногда заводит исследователей в тупик и разочаровывает их в поиске рациональных мотивов поведения вообще. Особенно если это поведение отходит от норм, принятых среди добропорядочных мещан.

Сейчас появилась мода объяснять события Гражданской войны массовым умственным помешательством населения, эдаким всероссийским психозом. Оно и понятно, с точки зрения сторонников «белой» идеи и либерализма народ только по неразумию мог пытаться сбросить со своей выи аристократическую и имущественную элиту. Так что психиатрический взгляд на социальные процессы вытекает не из результатов психологического исследования, а из недовольства того или иного автора поведением неразумного народа.

Так, обнаружив случай, когда крестьянское семейство убило топором и вилами соседа, В. П. Булдаков торопится объявить его примером «революционаризма», «типичного для психопатологии революции»^[244]. Хотя достаточно посмотреть по телевизору уголовную хронику, чтобы обнаружить множество примеров аналогичного поведения озверевших мещан или опустившихся маргиналов — без каких-либо признаков «революционаризма».

Лукавство «психопаталогического» подхода (в котором, разумеется, нет признаков собственно психологического исследования) заключается в том, что революция объясняется патологией сознания априори, без доказательств. А доказательством объявляются все жестокости, которые происходили тогда (хотя аналогичных жестокостей и «ненормальностей» много даже сегодня, в консервативную эпоху).

Повторяя к месту и не к месту слово «психопаталогия», В. П. Булдаков противоречит себе в соседних строках. Признав «общий практицизм крестьянского сознания и поведения» (практицизм предполагает рациональность, «нормальность»), автор «паталогической» методологии тут же настаивает: «Общинная революция протекала в русле общей психопоталогии смуты. Ее можно рассматривать и как одну из форм социального умопомрачения»^[245]. Так практицизм или умопомрачение? Все зависит от того, какой факт «психопаталог» вырвет из контекста. Например, участник белой экспедиции описывает гору трупов и честно признается, что не знает, кто перебил этих людей и предполагает, что «одна часть населения зверски истребляла другую»^[246]. В. П. Булдакову не пришло в голову, что это могли быть жертвы предыдущей белой или красной экспедиции. Во всяком случае, он не намерен углубляться в исследование этой ситуации. И так все ясно — умопомрачение.

Вслед за В. П. Булдаковым, В. Л. Телицин ставит себе задачу: «Целью настоящего исследования является комплексный анализ взаимоотношения, взаимовлияния, взаимозависимости, взаимодействия и взаимопроникновения механизмов, порождающих крестьянское бунтарство, — переплетение подсознательных мотивов общественного восприятия эмоций, иллюзий, поверий, страстей, слухов, предрассудков, представлений, суеверий и прочего, поскольку именно они составляют „ткань бытия“, саму реальность исторического процесса»^[247]. Вот так, уже до всякого исследования автор знает, что найдет: крестьяне выступали против власти (бунтовали) под влиянием не рациональных, а подсознательных мотивов, эмоций и суеверий. Будь они рациональны и рассудительны, нагнули бы шею пониже, с удовольствием надели бы ярмо. Впрочем, побродив вокруг да около крестьянского подсознания (но не дав исследования этой проблемы), В. Л. Телицин все же согласился с теми исследователями, которые

считают: «крестьяне защищали свои собственные интересы»^[248]. То есть действовали вполне рационально, разумно.

А раз крестьянство все же прагматично, появляется еще один соблазн: объяснить события эгоизмом крестьян. Раньше это объяснение читалось в марксистско-ленинских рассуждениях о крестьянстве как о мелкой буржуазии. Раз буржуазия, должна кого-то эксплуатировать. Теперь аналогичный миф берут на вооружение историки-либералы.

Наше мышление — городское, мы привыкли, что город должен быть обеспечен продовольствием. Но нужно понять и наших предков, которые в большинстве своем жили в деревне, пахали и сеяли, и всю свою жизнь были «обязаны». Сначала помещикам и государю, а затем многочисленным городским властям, за которыми стояла масса голодных горожан. А значит, важнейшая задача революции — наделение крестьян землей и волей — противупубличная затея. По мнению С. А. Павлюченкова, «в сущности, в первом полугодии 1918 года оказался полностью проведенным в жизнь лозунг „Земля — крестьянам“, и этот лозунг на практике оказался лозунгом голода... Будучи воплощенным в жизнь, лозунг „Земля — крестьянам“, которым революционеры всегда приманивали на свою сторону крестьянство, привел к отказу крестьян от обязанностей по отношению ко всему обществу»^[249]. Вот так — если крестьянин голодает от безземелья — это ничего, это нормально. А стоит ему начать работать на себя — общество в опасности. Ибо общество в понимании либерала и коммуниста — это не большинство людей, а «высшие интересы», созревшие в голове элиты. А элиту надобно хорошо кормить. И обслуживающие ее городские слои — тоже. Но ведь город должен обслуживать и крестьянское большинство страны. Крестьянство нуждалось в продукции города и было готово обменивать продовольствие на мануфактуру, металлические и иные промышленные изделия. «Земля — крестьянам!» — лозунг всеобщей сытости для тех, кто производит что-то полезное. Голод вытекал не из стремления крестьян работать на свое благо на своей земле, а из остановки промышленности, из неспособности городской элиты организовать производство, из развязанной в стране гражданской войны, которая, в частности, вылилась в войну города и деревни. Передача земли крестьянам могла стимулировать

сельскохозяйственное производство в условиях гражданского мира, сохранения промышленного производства и денежного обращения, автономных общественных организаций, в том числе кооперативного снабжения. Отцами голода были отцы города.

* * *

По мере того, как крестьянство подвергалась поборам то со стороны красных, то со стороны белых, происходили крестьянские восстания против враждующих армий. Иногда крестьянские вожаки помогали красным против белых, иногда способствовали успеху белых. Но часто крестьянские движения занимали самостоятельную позицию, отстаивая принципы, близкие к эсеровским и анархистским. Идеологи повстанцев выступали за сочетание социализма и народовластия, солидарности между людьми и свободы личности (воли).

Массы, протестовавшие против коммунистической политики, нередко шли под советскими лозунгами, защищая от коммунистов идеи Октябрьской революции. Часть участников крестьянских движений были за власть Советов, но против коммунистов и их новых порядков — «коммунии». Другая часть продолжала поддерживать эсеров, тем более, что события доказали правоту их критики большевиков. До осени 1918 г. эти крестьянские выступления не были самостоятельными и ориентировались на революционную демократию, сражавшуюся с большевиками под красным флагом Комуча и затем Директории. Но после того, как Колчак покончил с революционно-демократической альтернативой большевизму, крестьянские движения стали действовать на два фронта — и против красных, и против белых.

Можно говорить о Крестьянской войне 1918–1922 гг. — самой масштабной в истории нашей страны. Ее география и формы были разнообразны.

Наиболее массовым было движение дезертиров. Большинство крестьян не желало воевать за «коммунию». Уклоняясь от мобилизации, крестьянские парни уходили в леса и начинали

партизанить против коммунистов, создавая отряды «зеленых». Они убивали советских работников, нападали на небольшие отряды красной армии. Сотни тысяч «зеленых» партизанили в Московской, Ярославской, Костромской, Вологодской, Владимирской, Тверской и др. губерниях, связываясь кто с левыми эсерами, кто с белыми, чтобы получить оружие и боеприпасы. В январе-июле 1919 г. восстания произошли в 124 уездах европейской части России^[250].

Война «зеленых» и красных была жестокой — убийства совработников перемежались с расстрелами пойманных повстанцев. Но иногда неактивных «зеленых» раскидывали по красным частям и отправляли на фронт — РККА остро нуждалась в пушечном мясе.

Вторым источником потрясений было изъятие хлеба и лошадная повинность. Здесь сильнее всего страдали хлебные и прифронтовые районы Черноземья и Поволжья. Дело было не только в тяжести самой повинности, но и в злоупотреблениях местных коммунистов, которые бандитствовали хуже бесконтрольных атаманов. Так, председатель Сенгилеевского уездного комитета РКП(б) по любому поводу отправлял крестьян в «холодную», избивал их, отнимал понравившиеся ему вещи. Его бойцы следовали за руководством, и грабеж принимал нестерпимые масштабы. Бойцы продотряда, явившегося в уезд не были трезвенниками, а напившись, открывали пальбу на улице^[251]. «Гуляние» продотряда в селе Новодевичьем кончилось плачевно — 5 марта 1919 г. крестьяне ударили в набат (то-то коммунисты потом так торжественно сбрасывали колокола с церковей — не в одной лишь антирелигиозной кампании дело), сбежались да скрутили коммунистов. Председателя Сенгилеевской ЧК убили. Так началось одно из крупнейших в истории Гражданской войны восстаний, известное как «чапанная война» (по названию крестьянской одежды). Она охватила Симбирскую, Пензенскую, Уральскую, Оренбургскую и Казанскую губернии. Только в Сенгилеевском очаге восстания поднялось 25 тыс. крестьян. К ним присоединился пехотный полк в Самаре, но он не сумел овладеть городом.

Потомки пугачевцев взяли Ставрополь на Волге (ныне Тольятти), блокировали Сызрань, угрожали Самаре. 11 марта красные перешли в контрнаступление и 14 марта подавили основные очаги восстания.

В момент наивысшего подъема восстания в нем участвовало 180 тыс. крестьян. Но создать устойчивую организацию повстанцы не смогли, восстание было подавлено. Погибло более 2000 крестьян и несколько сот коммунистов^[252].

«Чапанная война» отличается от «махновщины» и «антоновщины» большими масштабами, но и скоротечностью. Внезапно начавшись, она вскоре и прекратилась. Крестьяне показали коммунистам опасность своего гнева, четко выдвинули требование прекращения злоупотреблений (и Ленин показал на VIII съезде партии, что понял это). Но и содействовать белым «чапанные» не желали. Их больше устроило бы примирение воюющих сторон на какой-то срединной основе, сохраняющей завоевания Октября (как не вспомнить платформу эсеров, которая еще несколько месяцев назад считалась «белой», а еще раньше получила поддержку крестьян на выборах, и почти тогда же легла в основу большевистского «Декрета о земле»). Крестьяне говорили: «Нам надоела война, почему коммунисты не примирятся с белогвардейцами, мы желаем мира»^[253].

Объясняя, почему поднялись на борьбу, крестьяне говорили: «мы с радостью прогоняли чехов и встречали власть Советов, но когда с нас стали требовать все, мы стали обижаться на Советскую власть...»^[254]

В наказах своим делегатам крестьяне писали, что были вынуждены «восстать не против Советской (власти), но против коммунистических банд с грязным прошлым и настоящим», которые «ставят диктатуру», кооптируют в советы своих приспешников и не считаются с нуждами крестьян, грабят и делают всевозможные «пакости». Они требовали «крестьянского самоуправления», выборов в советы от крестьян, «но не только из одних рабочих и коммунистов»^[255].

Суммируя мнения крестьян, повстанческий штаб заявлял в своем воззвании: «Мы объявляем, что Советская власть остается на местах, советы не уничтожаются, но в советах должны быть выборные лица, известные народу — честные, а не те присосавшиеся тираны, которые избивали население плетями, отбирали последнее, выбрасывали иконы и т. п... Да здравствует советская власть на платформе Октябрьской революции»^[256].

Восставшие выступали за Октябрьскую революцию и советы, но против коммунистов, предвосхищая лозунги Кронштадтского

восстания 1921 г.

В воззвании повстанческой комендатуры Ставрополя, который стал центром восстания, также говорилось: «Мы ни на шаг не отступаем от Конституции РСФСР и руководствуемся ею». Восстание направлено против «засилья коммунистов»^[257]. Воззвание подписано комендантом Долининым. Его биография показательна. Алексей Владимирович Долинин родился в семье середняков, воевал на фронтах Мировой войны, дослужился до ротмистра и получил Георгиевский крест. Вернувшись в родное село Ягодное, был избран членом волисполкома и, как человек справедливый, стал народным судьей волости. Руководил разделом помещичьих земель. Типичная биография лидера крестьянского восстания в период гражданской войны. Во время «чапанного» восстания Долинин поднял односельчан, сформировал отряд, двинулся на Ставрополь. Возглавив комендатуру, созвал совещание делегатов, на котором 9 марта был избран Временный исполком Совета повстанцев. После взятия Ставрополя красными 13 марта сумел скрыться, под вымышленным именем вскоре поступил в Красную армию, воевал против Деникина и поляков, дослужился до начштаба бригады Кубанской кавдивизии. Был ранен, из госпиталя написал заявление во ВЦИК, где признался в участии в восстании и просил его помиловать. В апреле 1920 г. был амнистирован, вернулся в родную деревню, где безо всяких преследований прожил до самой кончины в 1951 г.^[258] Долинин был сторонником революции, и «чапанное восстание» было для него революционным актом, призванным исправить политику Советской власти. Не удивительно, что и в дальнейшем он был на стороне красных.

И лозунги этого восстания, и даже сама биография Долинина, опровергают не только коммунистические, но и белогвардейские мифы о гражданской войне, получившие продолжателей в современной историографии. История крестьянских восстаний не оставляет камня на камне, например, от выводов М. Бернштама^[259] об «историческом единородстве повстанчества и всего народного сопротивления с белым движением». Не выдерживает проверки фактами и мнение Т. В. Осиповой о том, что «крестьянское сопротивление носило, вне всяких сомнений, антисоциалистический характер»^[260]. Лозунг «чапанной войны» «Да здравствует советская власть на платформе

Октябрьской революции!» трудно признать антисоциалистическим. Это же касается и других крупнейших очагов крестьянской войны. Махно выступал не только за социализм, но даже за коммунизм, лидеры Тамбовского восстания действовали в русле эсеровских лозунгов. Сама Т. В. Осипова признает значительное влияние на повстанцев эсеров и идеи советов без коммунистического диктата. Справедливости ради укажем на то, что Т. В. Осипова напомнила М. Бернштаму, что крестьянское движение «не поддержало и режим белых»^[261].

Несмотря на то, что некоторые крестьянские отряды переходили на сторону белых, популярность крестьянского вождя могла сохраняться только при условии, если он отмежевывался от белых режимов. Крестьянская масса воспринимала реставрацию царской России как большее зло. Коммунисты отступили от идеалов революции, давшей крестьянам землю, но их безобразия — явление временное, вызванное обстановкой войны и смуты. А вот если победят белые, то землю точно отберут. Не сразу, так потом. Коммунистические начальники — это выбившиеся в люди «свои», они, говорят народным языком. Наиболее «вредных» из них нужно убивать, но в принципе начальники и должны быть «из наших». Белое руководство — это прежняя царская элита, даже если оно и выступает за республику. С победой белых вернуться и помещики, и урядники, и вся унижительная система сословного неравенства, при которой Россия жила испокон. Попробовав жить иначе, крестьянство уже не хотело возврата. Если с большевиками у крестьян возникли социальные противоречия, то с белыми помимо социального существовал и более глубокий социально-культурный конфликт. Это был раскол между народом и элитой, заложенный на уровне мировосприятия еще во времена Российской империи. Две культуры, существовавшие в России со времен Петра, к 1917 г. так и не срослись. Вся культура белого движения — будь то погоны офицеров и стиль газет — все сигнализировало: с победой белых вернуться прежние порядки, прежние опостылевшие иерархия и элита, прежняя несправедливая эпоха.

Весной 1919 г. полыхало Поволжье до Астрахани, Черноземье от Курска до Тамбова, Тверская губерния. И в других уголках Советской России было неспокойно. Ленин на VIII съезде РКП(б) 18–23 марта

заявил о курсе на союз с крестьянами и провозгласил лозунг «не смей командовать!» Впрочем, при сохранении коммунистической диктатуры он имел мало смысла и был прототипом сталинской борьбы с «перегибами». Но на короткое время большевики стали вести себя осторожнее в деревне. До некоторой степени смягчилась политика в отношении социалистических партий.

* * *

Немаловажно, что Крестьянская война, одним своим концом ударившая по коммунистам, другим била по белым. Против Колчака действовали партизаны самых разных направлений от большевиков до эсеров и анархистов. После прихода в Сибирь красной армии и установления порядков военного коммунизма партизанские вожди продолжили борьбу уже и против новой власти. Большевики называли их бандитами, они считали себя настоящими большевиками или анархистами.

Впрочем, мещанское сознание недоверчиво к стремлению людей бороться за свои идеалы. Миф видит в повстанческих движениях лишь авантюризм и уголовщину, которая только прикрывается идейными знаменами. Это позволяет коммунистическим и белым авторам без лишних усилий отмахнуться от анализа тех идей, которые не вписываются в простую красно-белую картину. В. Л. Телицин пишет об одном из повстанческих лидеров, в отрядах которого большим влиянием пользовались анархисты: «Не убедительными представляются попытки подвести под выступления вчерашних крестьян политическую основу... Лозунги об отрицании какой-либо власти еще не означали приверженности анархизму. Тот же Рогов в тех деревнях, через которые следовал его отряд, сохранял всю структуру местного (волостного) управления. Его „анархизм“ объяснялся обидой, нанесенной большевиками, отсюда и эмоциональный порыв. Никакой идеологической подоплеки здесь не было»^[262]. На деле все оказывается сложнее. Стоит внимательнее рассмотреть события, о которых пишет В. Л. Телицин, как в его схеме обнаруживается целый букет нестыковок. Во-первых, анархизм не требует отрицания

местного управления. Во-вторых, Рогов действовал в союзе с анархистами, но себя анархистом не объявлял. Лидером анархистов в этих местах был И. Новоселов, который возглавил повстанцев после гибели Рогова^[263]. Новоселов стал анархистом задолго до того, как большевики нанесли обиду Рогову, так что объяснение В. Л. Телицина «не срабатывает».

Идея власти советов, местного самоуправления, близкая лозунгам не только анархистов, но и большевиков образца 1917 года, была ближе всего народному крестьянскому идеалу с его общинной традицией, сельским миром и недоверием к городской эксплуататорской культуре.

В большинстве своем крестьяне не ждали Колчака и Деникина как освободителей и не желали помогать «помещикам». Наступление белых заставляло крестьян потерпеть со своими претензиями к большевикам, тем более, что мобилизация и продразверстка вычерпали возможности села, и в коммунистическом наступлении на деревню наступила пауза. С конца лета 1919 г. крестьянская война на советской территории временно идет на спад. Крестьяне решили подождать, пока красные справятся с белыми.

* * *

В советское время считалось, что гражданская война в европейской части страны завершилась в 1920 г. с разгромом Врангеля, а на Дальнем Востоке — в октябре 1922 г. В действительности же в 1921 г. почти по всей стране еще шли бои. Это время подъема крестьянской войны и рабочих волнений. В 1921 г. произошел последний всплеск Гражданской войны и революции, который определил их итоги. Крестьянские восстания ширились, охватив Тамбовщину, Сибирь, Северный Кавказ, Украину. Более мелкие отряды действовали практически во всех губерниях России. Эта фаза Российской революции и сопровождавшей ее Гражданской войны оказалась важнейшей, потому что их исход определялся уже после разгрома белого движения.

Одним из крупнейших очагов гражданской войны «после Врангеля» была Тамбовщина. Характерно, что в 1917 г. эти места были одним из очагов выступлений крестьян, которые, не желая дожидаться Учредительного собрания, самочинно захватывали помещичьи земли и уничтожали усадьбы. Теперь на Тамбовщине развернулась жестокая вендетта — коммунисты расстреливали крестьян и разоряли деревни, крестьяне жестоко убивали всех, кто служил коммунистической власти. Повстанцы сформировали три армии с четкой организацией и контролировали сельские районы губернии. Поступления хлеба из нее практически прекратились.

Сегодня тамбовских повстанцев объявляют чуть ли не частью белого движения. Но оно не имеет никакого отношения к белым. Не случайно, прорвавшиеся в 1919 г. на Тамбовщину белогвардейцы-мамонтовцы не смогли закрепиться здесь. Забавно, что современный тамбовский автор Б. В. Сенников, пытавшийся доказать, что лидеры повстанцев стояли «на позициях Белого движения», ничтоже сумняшеся цитирует воззвание их СТК, где прямо говорится о проведении в жизнь эсеровского закона о социализации земли, о рабочем контроле и свободном самоопределении народностей^[264]. Вот такие получаются «позиции белого движения».

Политическое руководство движением осуществлял Союз трудового крестьянства (СТК). Идея создания таких союзов была выдвинута партией эсеров еще в мае. Но эсеры не рассчитывали, что Союзы вступят в жестокую вооруженную борьбу с режимом — ПСР была временно легальна и призывала к ненасильственному давлению на власть. Лидеры ПСР рассчитывали, что в результате возникнет массовое общероссийское движение, способное позднее свергнуть большевиков. Но пока они выступали против «голой партизанщины».

Тамбовский губернский СТК играл роль политического руководства повстанческой армии, которой командовали Петр Токмаков, Александр Антонов и др. лидеры. Местные эсеры приняли активное участие в восстании, убеждали делегатов конференции ПСР поддержать выступление^[265]. Но партия не отказалась от решения о прекращении вооруженной борьбы с большевиками, считая ее преждевременной. В то же время конференция заявила о «неизбежности в будущем возобновления партией вооруженной борьбы с большевиками»^[266].

Тамбовский губернский СТК выступал за свержение власти большевиков насильственным путем и созыв Учредительного собрания. До созыва собрания власть на местах должна была устанавливаться союзами и партиями, участвовавшими в борьбе. Эта власть должна была восстановить гражданские свободы, провести закон о социализации земли в редакции Учредительного собрания, провести частичную денационализацию при сохранении государственного регулирования производства и цен, восстановить рабочий контроль, обеспечить свободное самоопределение народностей^[267]. В СТК совместно действовали как члены ПСР, так и левые эсеры. Поэтому программным требованием некоторых СТК помимо социализации земли было не Учредительное собрание, а созыв Всероссийских съездов трудящихся, которые могли бы определить форму государственного устройства^[268]. Антибольшевистское движение сдвинулось влево, к идейным позициям, преобладавшим в нем в 1918 году.

В начале 1921 г. положение коммунистов, только что победивших белые армии, стремительно ухудшалось. Махно после тяжелой для него зимы готовился к наступлению на Харьков. На Правобережной Украине действовали сторонники Петлюры и Савинкова. На Дону росли отряды Маслакова, на сторону которого переходили полки 1 конной армии. О Маслакове сочувственно высказался прославленный командующий 2 конной армии Миронов, после чего был арестован и расстрелян. Продолжалась гражданская война на Северном Кавказе, в Туркестане и на Дальнем Востоке. 31 января 1921 г. вспыхнуло крестьянское восстание в Западной Сибири. Оно быстро охватило огромную территорию и ряд городов — Ишим, Петропавловск, Тобольск и др. Несмотря на то, что в руководстве восстания преобладали эсеры, оно развивалось под лозунгами «Советы без коммунистов!». Повстанцы во главе с эсером В. Родиным взяли Сургут, атаковали Курган, блокировали железнодорожное сообщение по Транссибу. Это не было возрождением «белого движения» или «Вандеей». Гражданскую войну заканчивала «третья сила», сражавшаяся за первоначальные лозунги советской революции, расхоронившиеся с коммунистическим проектом.

Кульминацией этой фазы Российской революции стало восстание в Кронштадте, которое угрожало перенести борьбу в самый центр

Советской России. Это стало «последней каплей», которая заставила Ленина пойти на уступки народному движению и объявить о новой экономической политике.

Постепенные уступки крестьянству привели к оттоку сельских масс от повстанческого движения против большевиков. После разгрома белых Гражданская война завершилась компромиссом с советской «третьей силой» — большевики сохранили власть ценой уступок крестьянскому большинству страны.

Революция всегда чревата гражданской войной. Но без системных перемен развитие общества невозможно, и народам приходится идти на риск, если они не хотят остаться вечно отстающими. От политических лидеров зависит, удастся ли избежать срыва в братоубийство, которое, как воронка, затягивает общество на путь распада, озверения и отката к прошлому. Увы, в 1918 г. России не удалось избежать этого. Во многом это произошло из-за безответственности большевистского руководства, которое недооценивало опасность гражданской войны, уже выиграв скоротечное вооруженное столкновение осенью 1917 г.

Гражданская война — сложный процесс, в котором распад общества приводит не только к архаизации и озверению, но и к социальному творчеству, стремлению широких масс кардинально изменить свою жизнь, заложить основы новой жизни «после победы», отстаивать свои рациональные интересы и стремления, которые раньше были подавлены правящей элитой. Разрушение основ существующей в России цивилизации коммунисты восприняли как возможность создать новое, более передовое общество, как начало мировой революции. И во многом они действительно продвинулись по пути создания структур советского общества, которое позднее утвердится в СССР. В условиях войны новое общество в основе своей формировалось как милитаризованное, крайне авторитарное.

После поражения демократических социалистов в конце 1918 г. на авансцену борьбы с большевизмом вышло белое движение, отличающееся таким же авторитаризмом, как и большевики, но без присущего большевизму стремления обеспечить людям социальное равноправие. Белое движение

выступало под флагом «порядка», но действия его армий сопровождалось грабежами и насилиями над мирными жителями, на фоне которых приход красных или анархистов-махновцев воспринимался населением как освобождение. В этих условиях белое движение имело мало шансов на победу. Наиболее массовой силой, сопротивлявшейся как «военному коммунизму», так и белой реставрации, стали крестьянские повстанческие движения. Они в той или иной форме поддерживали анархистские, эсеровские и даже большевистские идеи (уличая коммунистов в их искажении и нарушении). Гражданская была многосторонним столкновением, когда по разные стороны баррикад оказались не «хижины и дворцы», но «братья по классу», даже соседние избы.

Но крестьянское движение было разрозненным, а политика коммунистов оказалась достаточно гибкой и в итоге — прагматичной. Разгромив белое движение и приняв часть требований крестьянского движения, коммунисты сумели одержать победу в гражданской войне и революции. Но часть лавров этой победы принадлежит повстанцам, которые заставили коммунистов принять экономические требования трудящихся, недовольных «военным коммунизмом». Этот компромисс коммунистического сверх-индустриального проекта и народной стихии отныне станет основой развития советского общества.

Очерк пятый «Идеальный» НЭП

В «застойные» времена в кругах либеральной интеллигенции существовала легенда о новой экономической политике (НЭПе). В соответствии с этой легендой придуманный Лениным НЭП сочетал все преимущества социализма и рынка и позволил бы постепенно добиться уровня жизни выше, чем на Западе при соблюдении всех социальных гарантий, присущих социализму. Это стал бы российский вариант «шведского социализма» или даже лучше. После смерти Ленина ведущим идеологом НЭПа, истинным наследником идей Вождя стал выдающийся экономист Бухарин, который решил все проблемы, вставшие перед экономикой НЭПа. Но бюрократы, которым не было бы места в этом замечательном обществе, поняли угрозу, сплотились вокруг Сталина, захватили власть, отстранив от нее Бухарина и его сторонников, и навязали стране человеконенавистническую тоталитарную политику.

Чем же был НЭП? Как он был устроен? Что думали о нем сами лидеры большевизма?

Ленинский НЭП

НЭП был результатом открытия Лениным новой модели социализма — рыночной. Перед самой смертью Ленин успел решить проблемы, которые не давались другим социалистическим теоретикам — как заинтересовать людей в работе, если собственность не будет принадлежать капиталистам.

Начнем с того, что идеи рыночного социализма были хорошо известны задолго до Ленина. Рыночные социалистические модели разрабатывали Л. Блан и П-Ж. Прудон. Они доказывали, что не капиталисты и государство, а сами работники должны распоряжаться

производством. Тогда у рабочих будет стимул трудиться как можно лучше. Для обоих этих французских теоретиков социализм был несовместим с авторитаризмом. Затем эти идеи развивали народники и умеренные социал-демократы. Модель Ленина предусматривала регулирование рынка авторитарным государством, которое ставит своей целью создание нетоварного общества — социализма. НЭП для Ленина был переходной системой, которая позволяет прийти к той же системе, к которой во время «военного коммунизма» шли напрямую. Сама идея НЭПа стала результатом не теоретического поиска, а вынужденных обстоятельств.

Переход к НЭПу стал явной уступкой большевиков массовым выступлениям против политики «военного коммунизма». В марте 1921 г. X съезд РКП(б) по предложению Ленина провозгласил переход от продовольственной разверстки к фиксированному продовольственному налогу. Несмотря на то, что продовольственный налог тоже был тяжел, новая модель «смычки» с крестьянством стимулировала сельскохозяйственное производство, так как излишки оставались в руках крестьян и могли продаваться на рынке. Таким образом, отменялась распределительная монополия государства и началось восстановление рыночных отношений.

На протяжении марта-мая 1921 г. большевики уступили почти всем экономическим требованиям народных восстаний, поставивших однопартийную диктатуру на грань катастрофы.

* * *

В своих последних работах Ленин пытается наметить решение важнейшего противоречия НЭПа: с одной стороны, необходимо создать индустриальную экономику, работающую по единому плану, с другой — ресурсы на это должно дать развитие неподконтрольного частного хозяйства, прежде всего крестьянского. А рыночная стихия в крестьянской среде приводит к постоянному выделению и усилению сельской буржуазии, которая смыкается с городским частником и «спецами» (специалистами, представителями старой интеллигенции), составляя конкуренцию неповоротливой, «никуда не годной»

советской бюрократии. Ленин не на шутку опасался хозяйственных успехов крестьянства, и даже после спасительного урожая 1922 г. говорил своим соратникам (по воспоминаниям Каменева): «ох, смотрите, от того, что люди будут временно сытей, нам, как партии, товарищи, будет временно труднее»^[270]. Сытость затрудняет движение к большевистским идеалам, голод — ставит режим на грань крушения. Как сочетать обеспеченность народа, финансирование государственной индустриализации и снизить угрозу возвращения к власти буржуазии? Об этом немало размышляли противник большевизма — народники и меньшевики. Теперь Ленин начинает заимствовать их идейный багаж.

Нужно, чтобы крестьянин не превращался в сельского буржуа, а шел к социализму, причем сам, снизу, без принуждения со стороны коммунистов. Чтобы решить эту задачу, Ленин возвращается к народнической идее сочетания частного и общественного интереса в самоуправляющемся коллективе (кооперативе). Но кооператор должен быть цивилизованным, культурным, иначе кооперация опять превратится в формальную бюрократическую структуру. Поэтому Ленин увязывает воедино две задачи: «задачу переделки нашего аппарата, который ровно никуда не годится» и задачу «культурной работы для крестьянства. А эта культурная работа для крестьянства как экономическую цель преследует именно кооперирование»^[271]. Этот процесс должен быть добровольным и органичным — хозяйственную цивилизованность нельзя насадить. По мере роста производительности крестьянского труда будут расти отчисления в пользу государства, что обеспечит создание производственной базы.

Поворот к культуре и кооперативному самоуправлению означал отказ от прежнего большевизма, игнорирующего культурный уровень страны и социалистический характер крестьянского самоуправления. Ленин признал «коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм»^[272]. Он даже дал новое определение социализма: «строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией»^[273].

Таков был план, который иногда отождествляют с реальностью НЭПа. Но «гладко было на бумаге, да забыли про овраги». Кооперация не получила хозяйственной самостоятельности, так как это могло

создать параллельный государству центр экономической власти. А это подрывало монополизм чиновничества. Кооперация превратилась в распределительную бюрократическую надстройку над селом и не сыграла во время НЭПа решающую роль в его развитии. «Культурная революция» тоже пока не состоялась — специалистам, обладавшим высокой квалификацией, не доверяли, так как они в недавнем прошлом почти поголовно были членами или сторонниками антибольшевистских партий. Подготовка коммунистических специалистов была делом нелегким и нескорым. Из этого следовала целая цепочка последствий. Низкая квалификация управленцев и работников предприятий, отсутствие на практике рыночных стимулов для более эффективной работы — все это исключало быстрый рост производства товаров широкого потребления. А значит, и у крестьян не было дополнительных стимулов нести излишки продовольствия на рынок. Крестьянское большинство страны воспользовалось ситуацией и улучшило собственное питание. Но перед экономикой встала угроза стагнации, что в условиях роста населения означало неминуемое падение уровня жизни.

Повысить производительность труда можно было только развивая производство средств производства. А для этого нужны были средства. Взять их можно было только за счет крестьянства.

Бюрократический рынок: от кризиса к кризису

Мифический НЭП — это рыночное общество, где государственный сектор и частная собственность свободно соревнуются на рынке, крестьяне наращивают производство продуктов, которые каждый желающий может свободно купить. Эпоха изобилия и рыночных свобод.

Казалось бы, во время НЭПа создавалась многоукладная экономика. Была разрешена не только торговля, но и частное предпринимательство. Поскольку именно многоукладная экономика, регулируемая государством, является основной программы части социал-демократов и правых коммунистов, НЭП может стать важным

доказательством продуктивности этой идеи. Поэтому для многих авторов важно сосредоточить внимание на тех моментах НЭПа, когда он был успешен — в 1922 и 1925 гг. А что было в другие годы?

Государство продолжало удерживать «ключевые высоты» экономики — большую часть тяжелой промышленности и транспорт. Формально государственные предприятия переходили на рыночные отношения. Они объединялись в тресты, которые должны были реализовывать свою продукцию на рынке.

Отсутствие жесткой границы между частной и государственной собственностью создавало широкие возможности для коррупции — ситуация, типичная для бюрократического капитализма. Экономическое руководство государственными предприятиями как правило было неэффективно, но правительство не давало обанкротиться трестам, предоставляя им дотации. Получалось, что за счет налогов с крестьян оплачивалась некомпетентность государственной бюрократии и предприимчивость нэпманов.

Государство с помощью налогов регулировало рыночное хозяйство, а с помощью командно-административных методов — оставшуюся в его руках крупную промышленность. Тресты, не говоря уж о предприятиях, не могли сами решать, как и что производить, не были свободны в выборе смежников. Ленинградский историк, проанализировав документы, пишет: «...обыденные представления о безбрежной свободе частного предпринимательства в период нэпа не совсем точны. Если отдел губсовнархоза имел право утверждать или не утверждать программу работы частного предприятия (в том числе арендованного), то, следовательно, он держал в своих руках административный рычаг управления частной промышленностью, имел возможность включать в план всей ленинградской индустрии те объемы и ту номенклатуру, которую в виде программы обязан был представлять частный предприниматель»^[274]. В городе частные предприятия действовали преимущественно в легкой промышленности, где занимали 11 % рабочих и производили 45 % товаров. В других отраслях частный сектор был представлен гораздо слабее.

Сила частного капитала была не в производстве, а в посредничестве, торговле, поскольку государственно-бюрократическое распределение не справлялось с этой задачей. Но внешние формы

«буржуазности» были очень заметны. Снова стали работать дорогие рестораны, на улицах появились модно одетые люди, звучала легкая музыка. «Рынок» проявил себя не в производстве, а в неравномерности распределения. Монополизм государственных трестов обеспечивал их господство над потребителями промышленной продукции, а сектор частной собственности — широкие возможности для злоупотреблений чиновников, перекладывавших часть государственных средств в частные карманы. Эта модель коррупции будет возрождена в период Перестройки и доживет до нашего времени. Очевидно, это имеет мало общего и с рынком, и с социализмом.

Вся экономическая система НЭПа держалась на монополизме, который опирался на политическую монополию компартии. Компетентность управленца была не столь уж важна по сравнению с его «проверенностью», принадлежностью к компартии и, что немаловажно, незамешанностью в ее фракциях. Таков был итог революции и гражданской войны — монополия коммунистов на власть гарантировала курс на создание коммунизма. Правда, пока страдала эффективность управления.

Из всех лозунгов, с которыми жители России поднимались против империи и сражались на фронтах гражданской войны, было выполнено только одно требование. Крестьяне получили землю и теперь, после отмены продовольственной разверстки, могли пользоваться новыми наделами и плодами своего труда. В 1922 г. права крестьян на землю были закреплены законом (формально земля числилась государственной, но крестьяне получили ее в бессрочное владение), а хороший урожай, выращенный поверившими новой власти крестьянами, позволил улучшить экономическое положение страны. Уменьшилось болезненное расслоение крестьян.

Модель НЭПа, как казалось, должна была уравновесить разные интересы, преодолеть образовавшиеся противоречия и вывести страну к решению важнейшей задачи: создания индустриального общества, регулируемого из единого центра — как виделся марксистам-ленинцам социализм.

Вся история НЭПа — это череда обнадеживающих коротких успехов и длительных кризисов.

В 1923–1924 гг. разразился кризис сбыта продукции. Если измерять цену промышленных товаров в пудах зерна, то цены эти выросли по сравнению с 1913 г. в 3–4 раза. Государственные тресты сбывали свою продукцию по монопольным ценам и к тому же через частных перекупщиков. Началась неизбежная в таких условиях спекуляция — цены на промышленную продукцию быстро поползли вверх. Это привело к затовариванию — промышленные продукты были так дороги, что масса населения просто не могла их купить. Кризис сбыта 1923–1924 гг. показал, что НЭП не означал реального перехода промышленности на рыночные рельсы. А после кризиса партийные и хозяйственные органы «подтянули вожжи» управления промышленностью, оставив от рыночных отношений одну видимость. Типичными были такого рода партийные указания: «Обязать управляющего Ижорским заводом тов. Королева в течение 24 часов заключить договор с Петрообласттопом на поставку одного млн. пудов угля на следующих условиях: Ижорский завод вносит задаток в размере 10 % стоимости договора, а Областтоп предоставляет пятимесячный кредит, считая со дня подписания договора. Срок доставки указанного количества угля — два месяца»^[275]. Как видим, самостоятельность хозяйственных организаций была чисто условной.

ВСНХ (Всероссийский, затем всесоюзный совет народного хозяйства — главный орган управления государственной промышленностью) приказал трестам понизить цены. В условиях низкой эффективности производства это значило, что трестов останется меньше средств на закупку нового оборудования. Получался замкнутый круг.

Коммунисты вступили в постоянную борьбу по поводу выхода из кризиса, преследовавшего НЭП на протяжении всей его истории^[276].

В деревне росло перенаселение. Помещичьих земель не хватило, чтобы трудоустроить всех крестьян. Росла деревенская безработица, промышленность росла слишком медленно, чтобы откачивать излишнюю рабочую силу. Это воспроизводило бедность. Несмотря на то, что крестьянство получило землю, раздел ее на множество мелких участков делал хозяйство маломощным. План заготовки хлеба в 1924 г.

был выполнен только на 86 %. Промышленность была по-прежнему нерентабельной, и к тому же восстанавливалась медленно. В 1922 г. уровень промышленного производства составил 21 % довоенного, в 1923 г. — 30 %, 1924 г. — 39 %. И это восстановление требовало большой нагрузки на крестьян. Чтобы повысить рентабельность промышленности, председатель ВСНХ Дзержинский считал, что снизить промышленные цены можно с помощью увеличения производительности труда и всемерной экономии. Но новой техники на предприятиях не было, восстановление металлопромышленности только началось. Поэтому выполнить эти задачи можно было только за счет более интенсивной эксплуатации рабочих, жизненный уровень которых, если учесть систему социального обеспечения СССР, приблизился к довоенному. Но уровень жизни царской России, к которому теперь вернулись рабочие, был явно недостаточным для обеспечения социальной стабильности — малейшее его понижение грозило новыми социальными взрывами.

Если перед вами полные прилавки, это еще не значит, что население хорошо питается. Прилавки могут быть полны потому, что у населения нет денег, чтобы купить, что ему нужно. Уже летом 1923 г. произошли забастовки в Москве, Петрограде, Донбассе и др. местах.

Пределы НЭПа

НЭП допускал частную собственность. Для людей, воспитывавшихся в СССР, частная собственность была «запретным плодом». А запретный плод сладок. Поискав во время Перестройки оптимальное сочетание государственной собственности и рынка, интеллигенция, подобно капризному ребенку, бросила любимую игрушку и увлеклась капитализмом. Потом миллионы бывших советских служащих глядели на «витрину капитализма» через стекло прилавков, грустно пересчитывая рубли в кошельке. Это способствовало возвращению старой мечты — вот если бы частную собственность уравновесить государственной, устроить бы мудрое государственное регулирование. Миф о НЭПе удачно попал в пространство между либеральным экономическим мифом о

благотворности частной собственности и державно-коммунистическим мифом о спасительности государственного управления и регулирования. Узкое экономическое мышление зажато между планками собственности — частной и государственной, и не видит экономических форм, находящихся далеко за их пределами.

Максимальные уступки, которые советское руководство могло сделать капитализму, последовали в 1925 г. В апреле прошли пленум ЦК и XIV конференция ВКП(б), которые приняли «правые» решения. Были снижены налоги на крестьян и цены на машины (все равно доступные только богатым хозяйствам и кооперативам), увеличены кредиты, разрешена аренда (без субаренды), ослаблен контроль за мелкой торговлей и разрешен подсобный наемный труд на селе, то есть, с точки зрения ортодоксальный марксистов — прямо капиталистические отношения. Апрельский пленум ЦК объявил задачей партии «подъем и восстановление всей массы крестьянских хозяйств на основе дальнейшего развертывания товарного оборота страны»^[277]. Впервые речь шла обо всей массе крестьян — включая и зажиточных хозяев, товарность которых была выше, чем у среднего крестьянина. Предполагалось законными экономическими методами бороться «против кулачества, связанного с деревенским ростовщичеством и кабальной эксплуатацией крестьянства». Подобные формулировки уже через три года будут клеймиться как «правый уклон». Ведь в них прямо указывалось, что кулачество можно было вытеснять только путем конкуренции (это еще кто кого вытеснит).

Казалось, судьба благоприятствовала такому курсу. Урожай 1925 г. был хорошим. И вдруг вместо оживления рыночных отношений осенью 1925 г. страну поразил товарный голод. Промышленность не могла удовлетворить потребностей крестьян, и они не стали продавать весь «лишний» хлеб. «После сбора урожая 1925 года у богатых крестьян были большие запасы хлеба. Но и у них не было никакого стимула менять его на деньги. Снижение сельскохозяйственного налога дало крестьянам послабление; снабжение промышленными товарами было скудным, покупать было почти нечего; и хотя формально был установлен твердый валютный курс, куда более заманчивым было иметь запас зерна, чем пачку банкнотов»^[278] —

комментирует Э. Карр. И это был правильный выбор — на следующий год рубль снова стал обесцениваться.

Планы индустриального строительства и экспорта были провалены. Несовершенное бюрократическое планирование не учло потребностей в топливе. «Таким образом, стало ясно, что принятые летом планы бурного развития народного хозяйства не соответствуют финансовым, импортным, топливным, сырьевым, транспортным возможностям страны, не обеспечены в должной мере стройматериалами и квалифицированными кадрами»^[279], — резюмирует историк Ю. Голанд. Начались споры, кто в этом виноват — Бухарин, добившийся уступок крестьянству, или руководящие хозяйством органы: СТО во главе с Каменевым или Совнарком во главе с Рыковым, которые слишком «размахнулись» в своих планах.

* * *

В 1925–1926 гг. был апогеем НЭПа. Победила политика правого большевизма, идеологом которой был Бухарин, а основным организатором — Сталин. Бухарин как бы гарантировал Сталину и стоявшему за ним партаппарату — рост крестьянских хозяйств даст государству достаточное количество средств для строительства промышленных объектов, гарантирующих экономическую независимость и военную безопасность, рост благосостояния трудящихся и укрепления авторитета партии и экономической власти государства. Но это была необоснованная утопия.

В государственном секторе, который в модели НЭПа должен был играть организующую роль, царил хаос. Бюрократический монополизм породил совершенно неэффективную систему управления. Председатель Высшего совета народного хозяйства Ф. Дзержинский писал: «Из поездки своей... я вынес твердое убеждение о непригодности в настоящее время нашей системы управления, базирующейся на всеобщем недоверии, требующей от подчиненных органов всевозможных отчетов, справок, сведений..., губящей всякое живое дело и растрачивающей колоссальные средства и силы»^[280]. Эта картина — естественное проявление общих

закономерностей развития бюрократии, которые при прочих равных условиях определяют неэффективность государственного регулирования экономики. А в СССР к этим общим закономерностям добавлялся еще и низкий культурный уровень чиновничества, пренебрежительное отношение к «буржуазным специалистам» («спецам»), монополизм власти, ограничивающий критику решений государственных органов.

Государственная промышленность не могла произвести достаточное количество товаров, которые устроили бы крестьян. А крестьянин не хотел отдавать хлеб слишком дешево. В этом крылись пределы роста НЭПа — он годился как восстановительная политика, но для превышения уровня 1913 г. требовались новая техника, квалифицированное управление предприятиями либо дополнительные стимулы к труду работников. Этого коммунисты пока предложить не могли. Поэтому они не могли предложить деревне достаточного количества товаров. Поэтому не хватало хлеба и других сельских товаров, чтобы обеспечить дальнейшее развитие промышленности. Поэтому успехи НЭПа были временными, он был обречен на глубокий кризис. Довоенный уровень экономики был для него пределом роста. Официально этот уровень производства был превзойден в 1926 г., но официальная статистика уже тогда несколько преувеличивала успехи промышленности.

Поскольку хозяйство было восстановлено, коммунистическая стратегия предусматривала переход к индустриализации. Уже в 1925 г. было заложено 111 новых предприятий. Нельзя было остановиться — иначе вложенные средства просто пропали бы как недострой. Но для дальнейшего строительства катастрофически не хватало ресурсов. «Замораживание нового капитального строительства, загрузка последних неиспользованных мощностей, водка, рост косвенных налогов, трата валютных и золотых резервов, — такова плата за выход из кризиса 1925 года»^[281], — комментирует ситуацию историк И. Б. Орлов.

Аппетиты коммунистической элиты в 1926 г. снова оказались гораздо выше возможностей нэповской экономики. Апрельский пленум признал неудачи планирования, выразившиеся в преувеличении планов и по сбору зерна, и по экспорту, и по валютным поступлениям, и по капитальному строительству. Одно вытекало из

другого — меньше хлеба — меньше строек, меньше строек — меньше техники и промышленных товаров, меньше товаров производит промышленность — меньше хлеба продает село. В результате — товарный голод. Всем нужны товары, но рынок не работает. Замкнутый круг.

В апреле 1926 г. уже по докладу Рыкова перспективу индустриализации обсудил Пленум ЦК. Опираясь на выводы «спецов», Рыков поддерживал идею роста промышленности по «затухающей кривой»: быстрый рост первоначально и более медленный потом, после рывка. В 30-е гг. произошло нечто подобное. Но Рыков и Бухарин надеялись, что промышленный рывок можно обеспечить, не разрушив крестьянское хозяйство. Соответственно, и масштаб роста был скромным, привязанным к заведомо медленному накоплению крестьянского хозяйства. Троцкий назвал эту идею «черепашьим шагом к социализму». Возражая Рыкову, он утверждал: «Основные хозяйственные трудности проистекают, следовательно, из того, что объем промышленности слишком мал... Было бы в корне неправильно думать, будто к социализму можно идти произвольным темпом, находясь в капиталистическом окружении»^[282]. То есть, по Троцкому нельзя было ставить рост промышленности в зависимость от роста крестьянского хозяйства. «Между тем движение к социализму обеспечено только в том случае, если темп развития промышленности не отстает от общего движения хозяйства, а ведет его за собой, систематически приближая страну к техническому уровню передовых капиталистических стран».^[283] Но за счет каких ресурсов будет обеспечен этот стремительный рост промышленности? Троцкий не нашел ответа на этот вопрос. Позднее его нашел Сталин.

В одном Троцкий был прав. Предложенные «спецами» и поддержанные правыми большевиками планы не позволяли обеспечить техническое перевооружение промышленности.

Дефицит техники был главной экономической проблемой, хорошо осознававшейся лидерами партии. Пленум ЦК признал, что «народное хозяйство подошло к концу восстановительного периода, используя всю технику, доставшуюся от дореволюционного времени»^[284]. Пока нет новой техники, не может быть и новых средств производства, позволяющих качественно повысить производительность труда и преодолеть кризис НЭПа.

Технику можно было бы купить на Западе, но в 1926 г. экспорт СССР был меньше импорта — расширить покупки было не на что.

Несмотря на все эти тревожные обстоятельства XV съезд ВКП(б) в декабре 1927 г. провозглашает курс на индустриализацию. У большевиков просто не было другого выбора. В крестьянской стране их идеи были обречены на поражение.

* * *

То, что планировали осуществить большевики — и Сталин, и Рыков, и Бухарин — затем делалось во многих странах «Третьего мира». Это была импортзамещающая индустриализация. Считалось, что экономика страны будет более устойчива, если она будет менее зависима от импорта. В этом предположении было много справедливого. Колебания конъюнктуры мирового рынка могут быть весьма разрушительными. НЭП умирал в 1929 г. под первые аккорды Великой депрессии, которая больно ударила по всем странам мира. Защититься от разрушительных волн кризисов с помощью своей промышленности, которая позволит создавать собственные технологии и повысить производительность труда хозяйства — это ли не благая цель. Даже «правый» председатель Совнаркома А. И. Рыков говорил на ноябрьском пленуме ЦК: «Уклон получится в том случае, если мы пятилетний план составим так, что его характерной чертой будет являться импорт готовых товаров из-за границы вместо развития промышленности нашей страны»^[285]. Но страны «Третьего мира» во второй половине XX в. могли опереться на внешнюю помощь в деле модернизации (что значило попасть в зависимость либо от СССР, либо от Запада). Большевики в 20-30-е гг. могли получить технологическую помощь только от капиталистического Запада. Но за это нужно было платить либо отказом от коммунистического проекта, либо ресурсами.

НЭП сломали или он сломался?

Нет пределов глупости и коварству Сталина. Только-только страна отдохнула от Гражданской войны, набрала темпы роста, наелась и обулась благодаря рынку, а Сталин тут как тут. Ради мелких эгоистических стремлений, чтобы захватить всю полноту власти у товарищей, у «любимца партии» Бухарина, Сталин разнуздал разрушительные инстинкты бюрократии и разломал НЭП. Опубликованный в 2000 г. сборник документов о партийных дискуссиях 1928–1929 гг. так и называется: «Как ломали НЭП».

Кризис НЭПа назревал уже в 1926 г., но необратимый характер экономическая ситуация приобрела в 1927 г. Неустойчивая система не смогла выдержать небольшого внешнего толчка. В 1927 г. обострились отношения СССР с Великобританией и Польшей, потерпели поражение коммунисты в Китае. Ухудшение международной ситуации вызвало слухи об угрозе войны и товарную панику. Э. Карр комментирует: «В 1927 году кризис во внешних делах СССР, а также первый взрыв увлеченности планированием отвлекли внимание от аграрных проблем. Урожай, хотя и менее обильный, чем в 1926 году, был вполне удовлетворительным, и предполагалось, что хлебозаготовка как и в прошлом году, пройдет спокойно. Эта уверенность была совершенно неоправданной. По сравнению с предыдущим годом настроения изменились. Тревожная международная ситуация, разговоры о войне, об оккупации — все это беспокоило теперь и деревню. После двух урожайных лет крестьянин впервые с начала революции наконец почувствовал себя уверенно у зажиточного крестьянина были запасы зерна и денег. Промышленные товары, которые ему могли бы понадобиться, купить было почти невозможно. Деньги опять обесценивались инфляцией; в такой неопределенной ситуации зерно оказывалось самой надежной валютой. Крестьянам, имевшим большие запасы зерна, не было никакого смысла отправлять их на рынок. Поэтому осенью 1927 года зерна сдали государству чуть не в половину меньше, чем в 1926 году... Зимой 1927/28 года в городах очереди за хлебом стали обычным делом, масло, сыр и молоко — редкостью. Государственные запасы зерна истощились»^[286].

«Военная тревога» стала лишь спусковым крючком давно назревавшего кризиса. Уже с начала года большевистское руководство

предпринимало рискованные шаги, чтобы выйти из «заколдованного круга», заставить зажиточных крестьян сдавать хлеб по более низким ценам. Государство отказалось от традиционного повышения цен весной, когда хлеб продавали владельцы крупных запасов. Считалось, что в условиях государственной монополии «кулаки» никуда не денутся и все равно продадут хлеб осенью. Но они не продали его. Крестьяне не были настолько богаты, чтобы отказываться от продовольствия, которое можно было потребить самим. Более, того, они сами «регулировали» производство, снижая его в соответствии с более чем скромными возможностями купить что-то у города. В 1926–1927 гг. производство хлеба упало на 300 млн. пудов^[287].

Военная тревога пройдет, а кризис останется. А вот оборонная нагрузка на бюджет будет расти, достигнув в 1928 г. размеров вложений в саму индустриализацию.

В начале 1928 г. очередная неудача хлебозаготовок поставила страну на грань голодных бунтов и окончательно убедила Сталина в том, что модель НЭПа, оправдавшая себя в короткий период 1924–1925 гг., не в состоянии дать неповоротливой индустриально-бюрократической машине достаточно средств, чтобы построить мощную индустрию. У крестьян был «лишний» хлеб, который они не могли обменять на качественные промтовары за отсутствием последних. На «просьбы» руководителей отдать хлеб добровольно крестьяне отвечали издевками. Дефицит хлебозаготовок составил около 100 миллионов пудов.

Сначала Сталин схватился за старые опробованные в Гражданскую войну военно-коммунистические методы — просто отобрать «излишки хлеба», раз их не удастся выманить рыночным путем. 6 января 1928 г. от имени Политбюро сталинский секретариат выпускает «чрезвычайные директивы» местным парторганизациям — специальные заградительные отряды блокируют хлебопроизводящие районы и отбирают хлеб. Начинает активно применяться статья 107 уголовного кодекса о «спекуляции» хлебом, под которую «подводили» и попытки реализовать хлеб рыночным путем. Сталин добился восстановления привилегий бедняков — проверенной еще в гражданскую войну опоры большевиков в борьбе с остальным крестьянством за его хлеб. Беднякам, как во время «военного коммунизма», гарантировалось 25 % конфискованного хлеба. Вместе с

бойцами заградительных отрядов они ходили по дворам и показывали — где у соседей припрятано продовольствие.

14 января Политбюро утвердило это решение. Члены Политбюро лично возглавили кампанию в регионах. Сталин выехал в Сибирь. По выражению С. Коэна, «поездка напоминала военную экспедицию»^[288]. Сталин говорил на собраниях партийно-государственного актива о необходимости применять репрессии против саботажников хлебозаготовок, а если прокуроры и судьи не готовы этого делать, то «всех негодных снять с постов и заменить честными, добросовестными советскими людьми»^[289]. Честный и добросовестный советский человек должен уметь карать.

«Чрезвычайные меры» отбили у крестьян желание производить его «излишки». Производство хлеба упало. На Украине и Северном Кавказе случившаяся следующим летом засуха и нежелание крестьян работать привели к резкому падению сбора зерна и сокращению посевов. Заготовительная кампания приводила к открытым восстаниям, которые участились весной, когда количество массовых выступлений подскочило с 36 в апреле до 185 в мае и 225 в июне. Такие выступления жестоко подавлялись, и в июле волна восстаний спала — до 93. Но крестьяне перешли к другим методам борьбы — в сентябре количество терактов на селе подскочило до 103 (в январе — 21) и к ноябрю возросло до 216. В ноябре почти вдвое выросло обнаруженное ОГПУ количество листовок, распространявшихся среди крестьян против коммунистов.

Начался острый конфликт в руководстве страны. Противники сталинских методов главный редактор «Правды» Н. Бухарин, председатель СНК А. Рыков и руководитель профсоюзов М. Томский с февраля критиковали Сталина на заседаниях руководящих органов. Они указывали на крестьянские восстания, вспыхнувшие вслед за действиями продотрядов. Было ясно, что крестьян уже не удастся заставить врасплох, что они произведут меньше хлеба, спрячут «излишки».

Резкие споры развернулись и по поводу планов роста промышленности. Какие темпы роста выдержит крестьянство? И как получить с него необходимые для модернизации ресурсы?

НЭП не «сломали». Он «сломался» сам. Ситуация 1927–1928 гг. подвела развитие НЭПа к точке невозврата. Пришло время выбирать, как выходить из этого тупика, какую новую систему создавать на месте НЭПа. Либо соглашаться с лидерством на селе «крепкого хозяина» (стольпинский путь со всеми последствиями капиталистической экспроприации крестьянства), либо всемерно поддержать самостоятельную от государства кооперацию (народнический путь). Народнический путь был близок изначальной ленинской идее НЭПа, но он не обещал быстрых результатов и был практически невозможен в условиях характерной для НЭПа всеобщей бюрократизации. Так что для создания «строя цивилизованных кооператоров» также нужно было отказываться от сложившейся в период НЭПа социальной модели. Столыпинский путь, равно как и попытки сохранения модели НЭПа, прямиком вели к острому социальному кризису и либо падению большевиков, либо превращению их в популистскую партию, характерную для Третьего мира — когда за фасадом революционных лозунгов проводится политика периферийного, неокOLONиального капитализма.

И тогда Сталин под видом развития кооперативной идеи предложил еще один путь. Крупное сельское хозяйство необходимо, но оно должно принадлежать не сельской буржуазии, а колхозам, контролируемым партией. Сталин считал, что «нужно добиваться того, чтобы в течение ближайших трех-четырёх лет колхозы и совхозы, как сдатчики хлеба, могли дать государству хотя бы третью часть потребного хлеба»^[290]. Эти планы казались очень смелыми в начале 1928 г. и очень скромными, правоопортунистическими в конце 1929 г. Ситуация стремительно менялась.

Бухарин, не понимая замысла Сталина, возражал — коллективизация должна была быть сугубо добровольной, чтобы крестьяне трудились на коллектив лучше, чем на себя. Для этого нужна техника, которой пока нет: «Нас не вывезут колхозы, которые будут еще только „строиться“ несколько лет. Обратного капитала и машин мы им не сможем дать сразу»^[291]. Бухарину и в голову не могло

прийти, что колхозы можно строить без всяких оборотных средств, волевым образом меняя социальные отношения на селе. Бухарин не знал главного сталинского секрета — крупное некапиталистическое хозяйство (колхозы) может обеспечить сдачу продовольствия государству даже без роста производительности труда.

Сталин понимал, что крестьян — самостоятельных хозяев трудно будет заставить сдать хлеб. Опыт гражданской войны показал бесперспективность методов «военного коммунизма». Сталин решил превратить крестьян из самостоятельных хозяев в работников крупных хозяйств, подчиненных государству. В этих «коллективных хозяйствах» («колхозах») крестьяне во всем подчинялись фактически назначаемым партией председателям. Руководителю колхоза можно пригрозить отдачей под суд, и он сдаст столько хлеба, сколько от него потребуют, даже если крестьянам придется после этого голодать. Официально планы ускоренной коллективизации обосновывались необходимостью повышения производительности сельскохозяйственного труда путем внедрения машин — прежде всего тракторов. Но в СССР производилось всего 1200 тракторов в год на Путиловском заводе и еще несколько десятков на других. Так что с механизацией села придется подождать. Колхозы были нужны коммунистической партии, чтобы управлять крестьянством и таким образом получить продовольствие для обеспечения строителей новых заводов, для продажи на внешнем рынке, чтобы получить средства на закупку современной технологии. Сталин предложил болезненный, но реалистичный выход из ситуации. Пользуясь аналогией левого коммуниста Л. Преображенского, он предложил взять с крестьян «дань», провести модернизацию также, как капиталисты — силой изъяс ресурсы у крестьян. Может быть, существовал другой способ модернизации, который позволял сохранить экономическую самостоятельность СССР?

Великий экономист Бухарин и «выход» Сталина

Вы еще спрашиваете! Конечно существовал! Бухарин все замечательно рассчитал. Нужно было брать с крестьян понемножку,

вкладывать в легкую промышленность. Она стала бы давать прибыль, и можно было бы откладывать на тяжелую промышленность. Построив несколько заводов тяжелой промышленности, модернизировать легкую и сельское хозяйство. Они станут работать лучше, прибыль станет больше, и можно будет построить уже все, что нужно. И так, как барон Мюнхгаузен за кошку, вытащить экономику из болота. Одно странно: почему это не получалось делать в 1924–1927 гг.?

Бухарин верил, что государственное плановое хозяйство и полугосударственная кооперативная организация эффективнее частного хозяйства, и смогут вытеснить его: «Постепенно, с вытеснением частных предпринимателей всевозможного типа и их частных хозяйств и по мере роста организованности и стройности хозяйства государственно-кооперативного, мы будем все более и более приближаться к социализму, т. е. к плановому хозяйству, где все принадлежит всем трудящимся и где все производство направлено на удовлетворение потребностей этих трудящихся»^[292]. То, что бюрократизированное хозяйство может так и остаться менее эффективным, чем частное, Бухарин не учитывал. В 1927 г., наблюдая очевидные сбои в системе НЭПа, Бухарин полевел, стал признавать необходимость «нажима на кулака». Но дальнейшие сталинские действия, тяжелые последствия которых для крестьян были очевидны, вызвали у Бухарина неприятие. Может быть, он считал нужным отказаться от модернизации и развивать хозяйство эволюционным путем, как предлагали «спецы»-народники Н. Кондратьев и А. Чаянов? Нет, Бухарин был большевик и не боялся трудностей. Он выдвинул план преодоления кризиса НЭПа и ускоренной модернизации получше сталинской.

Повод дать идейный бой Сталину у Бухарина появился в сентябре 1928 г., когда были опубликованы контрольные цифры на грядущий хозяйственный год. Основные затраты должны были быть направлены на развитие тяжелой промышленности, на «производство средств производства». Готовился и пятилетний план на 1928–1933 гг., в котором проводилась та же идея, но с разными темпами роста: отправной и «оптимальный» (рассчитанный на благоприятные условия). Член президиума Госплана разъяснял: «Мы должны в

артиллерийскую вилку поймать действительность, следовательно, отправной вариант должен давать недолет, оптимальный вариант должен давать перелет»^[293].

Отправной план предполагал ускорить обновление промышленности по мере возможности, «оптимальный» — построить базу новой индустрии, которая позднее позволит обновить всю промышленность. Проблема заключалась в том, что при скромных бюджетных возможностях в качественной модернизации нуждались практически все отрасли.

Председатель Госплана Г. Кржижановский показывал, что нехватка техники была связана с нехваткой машиностроительных предприятий, которые не могли строиться и работать из-за нехватки металла, который нельзя было произвести из-за нехватки электроэнергии (план ГОЭЛРО был почти выполнен, но в условиях роста промышленности электроэнергии все равно не хватало). Бухарин язвительно замечал, что фабрики планируется строить из кирпича, который еще не произведен. Началом всей цепочки были энергетика и чугун. Дальше следовали машиностроительные предприятия и транспорт.

Решено было сэкономить за счет интересов рядового потребителя — за счет легкой промышленности, производящей товары широкого потребления. Выбор между тяжелой и легкой промышленностью был стратегическим. Развитие легкой промышленности должно было предоставить товары, которые крестьяне купят. Таким образом в ходе рыночного товарооборота появятся средства для развития тяжелой промышленности, производящей технику и оборудование. Эта техника позволит модернизировать пока крайне отсталую легкую промышленность, не говоря уже о сельском хозяйстве. Такова была экономическая философия НЭПа. Но она показала свою нежизнеспособность в условиях господства коммунистической бюрократии. В 1927–1928 гг. стало ясно, что крестьянское хозяйство не дает достаточного количества товарного хлеба, чтобы решить все стоящие перед государством задачи. Нужно было выбирать — или продолжать распылять средства между отраслями, или вложить львиную долю средств в тяжелую промышленность, то есть в базу, которая потом, позднее позволит модернизировать все отрасли. Но лишение средств легкой промышленности в пользу тяжелой означало,

что у крестьян будут не выкупать продовольствие в обмен на ширпотреб, а просто отбирать его.

30 сентября Бухарин выступил в «Правде» со статьей «Заметки экономиста». В ней под видом троцкизма Бухарин критиковал политику Сталина и защищал легкую промышленность, которая быстрее дает прибыль.

Бухарин признал, что лидеры партии запаздывали с осознанием новых задач, которые поставил перед страной «реконструктивный период» (то есть модернизация промышленности). Нужно ускорить коллективизацию и создание совхозов, нужно организовать техническую базу не хуже, чем у американцев. Рассказав о первых успехах «реконструктивного периода», Бухарин с тревогой обнаруживает, что советское хозяйство в «вогнутом зеркале» повторяет кризисы капитализма: «там — перепроизводство, здесь — товарный голод; там спрос со стороны масс гораздо меньше предложения, здесь — этот спрос больше предложения»^[294]. Преодолеть эти кризисы можно, установив правильные пропорции хозяйственного развития. Эту задачу должен решить план. Но план должен соответствовать возможностям крестьянской стихии: «нельзя переоценивать планового начала и не видеть очень значительных элементов стихийности»^[295]. Приходится подстраиваться под стихию, в то же время направляя ее в нужное государству русло. «В своей наивности идеологи троцкизма полагают, что максимум годовой перекачки из крестьянского хозяйства в индустрию обеспечивает максимальный темп развития индустрии вообще. Но это явно неверно. Наивысший длительно темп получается при таком сочетании, когда индустрия поднимается на быстро растущем сельском хозяйстве»^[296]. Так прямо «наивные» троцкисты не формулировали мысль, с которой спорит Бухарин. Но теперь именно эту идею отстаивает Сталин. Не получается быстрого роста сельского хозяйства. Не выходит на крестьянской телеге быстро догнать США. Придется пожертвовать телегой, чтобы уцепиться за подножку уходящего вперед технологического поезда XX века.

Бухарин не может открыто спорить со Сталиным, поэтому он спорит с Троцким (благо, тот уже сослан в Среднюю Азию и не может ответить в прессе). Приводя оптимистические цифры быстрого роста советской промышленности за последние годы (этот рост был преувеличен, так как не учитывал низкого качества советских товаров

и искусственности ценообразования) и сравнивая их с цифрами, указывающими на стагнацию сельского хозяйства, Бухарин делает вывод: «при бурном росте индустрии... количество хлеба в стране не растёт»^[297], из чего вытекает задача выправить эту диспропорцию, поднимать индивидуальное крестьянское хозяйство параллельно со строительством колхозов и совхозов. Но если партия облегчит развитие индивидуального крестьянского хозяйства, то с крестьян нужно меньше брать на индустриализацию, которая, как пишет Бухарин, «есть для нас закон»^[298]. Средств от крестьян будем получать меньше, даже помощь им оказывать, а запросы промышленности — больше. Выход один — промышленность должна зарабатывать сама, выпуская товары, нужные потребителю. Это может сделать легкая промышленность. Бухарин критикует контрольные цифры будущей пятилетки за нехватку и потребительских товаров, и строительных материалов.

Может быть, Бухарин предлагает сэкономить на тяжелой промышленности? Ничуть не бывало. Его возмущает нарастание дефицита продукции тяжелой промышленности. «Таким образом, дефицит (дефицит!!) быстро возрастает (возрастает!!) по всем решительно категориям потребителей!»^[299] Эти кричащие строки не могли не вызвать вопрос к Бухарину: раз все запросы удовлетворить нельзя, а тяжелую промышленность строить нужно, то на ком экономить или где взять средства? Но Бухарин повторяет все те же предложения, которые не удалось выполнить со времен писем Ленина: экономить, строить быстрее, не планировать того, что не построим, управлять культурно. Но не умеет бюрократия СССР управлять культурно и экономить, не умеют российские рабочие строить быстрее и притом качественнее, чем в США. И не скоро научатся.

В конкретной обстановке дефицита ресурсов одновременная защита сельского хозяйства и легкой промышленности на деле была нападением на промышленность тяжелую. Курс на модернизацию хозяйства по всем направлениям, на распыление сил, уже показал свою нереальность. Модернизация невозможна без строительства машиностроительных, металлургических и других предприятий именно тяжелой промышленности.

Предложения Бухарина были заведомо нереализуемыми: ликвидировать товарный голод (то есть одновременно ускорить

развитие тяжелой и легкой промышленности) и снизить нагрузку на крестьянство. Ставя перед плановыми органами такие невероятные задачи, Бухарин в то же время критикует ведомство Куйбышева, за которым стоит Сталин: «чиновники „чего изволите?“ готовы выработать какой угодно, хотя б и сверхиндустриалистический план...»^[300] Это — уже прямой выпад, отождествление сталинцев с троцкистами.

Сталин возмущался тем, что Бухарин с одной стороны, призывает к «переносу центра тяжести на производство средств производства», а с другой — «обставляет капитальное строительство и капитальные вложения такими лимитами (решительное усиление легкой индустрии, предварительное устранение дефицитности... строительной промышленности, ликвидация напряженности госбюджета и т. д., и т. п.), что так и напрашивается вывод: снизить нынешний темп развития индустрии, закрыть ДнепрогЭС, притушить Свирьстрой, прекратить строительство Турксиба, не начинать строительство автомобильного завода»^[301].

* * *

На объединенном пленуме ЦК и ЦКК 16–23 апреля 1929 г. произошла решающая дискуссия между Бухариным и большинством ЦК, поддержавшим Сталина. Бухарин укорял своих противников за «полную идейную капитуляцию перед троцкистами» и напоминал, что еще недавно сталинцы стояли на его, Бухарина, позициях, а иногда были и правее: «как на XV съезде Молотов критиковал меня справа за лозунг „форсированного наступления на кулака“? ...Теперьшний Молотов должен исключить из партии Молотова от XV съезда...»^[302] Но экономическая обстановка изменилась, и позиция Молотова, как и позиция Сталина не могла остаться прежней.

Сталин говорил на пленуме: «нам не всякий союз с крестьянством нужен, и нам нужен союз не со всем крестьянством, а только с его большинством, с бедняцкими и середняцкими массами, против кулака, который составляет тоже часть крестьянства»^[303] Формально здесь не было разногласий с Бухариным. Но все понимали, что резкой границы

между кулаком и середняком нет, и спорщики под одними и теми же словами понимают разные вещи. Как не расставляй слова «середняк», «крестьянство», «зажиточные», «бедняки», «кулаки», а все упирается в конкретные меры, которые нужно осуществлять в сложившейся критической экономической ситуации. Сталин был за продолжение и усиление нажима на крестьянство. Бухарин — против: «Наши экстраординарные меры (необходимые) идейно уже превратились, переросли в новую политическую линию, отличную от линии XV съезда...»^[304] — утверждал Бухарин, пытаясь отстоять свое право на ортодоксальность.

Бухарин показывает, что отказ от рынка выливается в новые колоссальные затраты на чиновничий аппарат, который будет выполнять работу рынка: «А в это же самое время „издержки аппарата“ и издержки по выкачке хлеба чрезвычайно росли, параллельно уничтожению рыночной формы связи. Накладные расходы на каждый пуд собираемого хлеба гигантски возрастали...»^[305] Но без бюрократии нельзя организовать государственное регулирование рынка, которое Бухарин считал необходимым.

Понимая, что Сталин уже убедил в своей правоте большинство ЦК, Бухарин все же искал примирения на основе прежних официальных решений: «Сколько раз нужно сказать, что мы за индустриализацию, что мы за взятые темпы, что мы за представленный план?»^[306] «Заметки экономиста» были забыты, Бухарин был готов отступить и дальше: «Сколько раз нужно сказать, что мы за колхозы, что мы за совхозы, что мы за великую реконструкцию, что мы за решительную борьбу против кулака, чтобы перестали на нас возводить поклепы?»^[307]

Экономическая ситуация поставила партию перед выбором, но Бухарин надеялся, что еще есть возможность усидеть на двух стульях: и сохранить рыночное развитие сельского хозяйства, и осуществить «великую реконструкцию». «Что нам нужно? Металл или хлеб? Вопрос нелепо так ставить. А когда я говорю: и металл, и хлеб, тогда мне заявляют: „это — эклектика“, „это — дуализм“, ...обязательно, что нужно: или металл или хлеб, иначе ты уваливаешь, иначе это фокусы»^[308]. Бухарин продолжал убеждать членов ЦК, что «дальнейший темп, такой, как мы взяли, а может быть, даже

большой, — мы можем развивать, но при определенных условиях, а именно только при том условии, если мы будем иметь налицо подъем сельского хозяйства как базы индустриализации и быстрый хозяйственный оборот между городом и деревней»^[309]. Оказывается, можно развивать промышленность еще быстрее, чем планируют Сталин и Куйбышев. Можно перекрыть самые смелые планы, но... Только при одном условии, которое и при нэповских «темпах» нельзя выполнить — быстрый подъем сельского хозяйства. Трудно сказать, действительно ли Бухарин тешил себя этими иллюзиями, или пытался «купить» членов ЦК с помощью демагогии, подобной сталинской. При той аудитории, с которой имели дело Сталин и Бухарин, демагогические приемы давали призрачную надежду на победу. Но решение уже было оговорено в аппаратных кулуарах и принято.

Партия поверила в сталинские обещания индустриального чуда. Но это могло дорого стоить Сталину, если его «большой скачок» провалится.

Бухарин вопрошал Сталина: «Ну хорошо: сегодня мы заготовили всеми способами нажима хлеб на один день, а завтра, послезавтра что будет? Что будет дальше? Нельзя же определять политику только на один день! Какой у вас длительный выход из положения?»^[310].

«Длительным выходом из положения» для Сталина были ускоренная индустриализация за счет коллективизированного крестьянства. Самостоятельное крестьянское хозяйство подлежало ликвидации, крестьяне должны были превратиться в работников коллективного предприятия, подчиненных вышестоящему руководству. Было принципиально важно, что колхоз, в отличие от крестьянской семьи, не сможет укрывать хлеб. Эта скрытая цель коллективизации не была замечена «правыми», но Бухарин чувствовал, что что-то здесь не так: «Если все спасение в колхозах, то откуда деньги на их механизацию?»^[311] Денег не было, не было и достаточного количества тракторов, чтобы одарить каждый колхоз хотя бы одним трактором. Колхозу предстояло стать не сельскохозяйственной фабрикой, а мануфактурой, полурабским хозяйством. Но именно оно позволяло государственному центру контролировать все хозяйство, все ресурсы.

Мастер остроумных фраз, Бухарин говорил: «Народное хозяйство не исполнительный секретарь. Ему не пригрозишь отдачей под суд, на

него не накричишь»^[312]. Но Сталин нашел способ отдать крестьянское хозяйство под суд. Под суд можно было отдать начальника деревни — председателя колхоза, или любого, кто ему не подчиняется. Близился страшный суд деревни. Ее победил город. Это значило, что в конечном итоге большинству крестьян предстояло стать горожанами.

Уроки НЭПа

При всей своей неустойчивости НЭП стал важным этапом в развитии не только нашей страны, но и человечества.

Россия первой в мире создала систему государственно-монополистического регулирования индустриального хозяйства, которую только десятилетие спустя, и учитывая российский опыт, воспримут такие развитые страны, как США и Германия. Россия стала опытным полигоном последующих реформ Рузвельта, Гитлера, Муссолини, Народного фронта и др. НЭП стал первой системой государственного регулирования индустриально-аграрной экономики в условиях мирного времени (до этого такое регулирование в Европе вводилось только в условиях войны). Однако варианты этого пути развития, как оказалось — магистрального в XX веке — могли быть разные (достаточно сравнить модели Гитлера и Рузвельта). Итоги Российской революции, победа в ней большевиков, во многом сузили спектр возможных альтернатив развития страны.

«Забежав вперед», опередив более развитые страны, нэповское общество неизбежно оказалось несовершенным, неустойчивым и противоречивым. Сохранение НЭПа не позволяло выйти за рамки периферийного капитализма. Перед страной стояла жестокая альтернатива: либо государственно-регулируемая индустриальная экономика должна была форсированно (а значит неорганично и разрушительно) преобразовать по своему подобию аграрный сектор общества, либо должен был произойти переход к более плюралистичной системе, в которой темпы индустриального развития определяются требованиями и возможностями аграрного развития.

Сталин добился движения по первому пути. Куда вел второй? В условиях нехватки у коммунистов грамотных кадров, эволюция

промышленности за пределы роста НЭПа была возможна только при условии изменения самой социально-политической системы, монополии на власть компартии. В сложившихся условиях это означало переход власти к коалиции правых коммунистов и спецов (социал-демократов, эсеров, либералов), возможно — с последующим политическим сдвигом вправо. Это означало постепенное вовлечение страны в мировой капиталистический рынок на правах периферийной страны.

Условно путь, альтернативный сталинскому, можно назвать «латиноамериканским», учитывая, как в Западном полушарии развивались подобные НЭПу эксперименты. Во второй половине XX в. импортзамещающая индустриализация осуществлялась в Латинской Америке, Азии и Африке. С помощью более развитых государств создавалась индустрия, способная обеспечить лишь некоторые нужды страны и достойно конкурировать на мировом рынке лишь в узком секторе. В этом случае страна встраивалась в мировое разделение труда уже как индустриально-аграрная держава, а не сырьевой придаток. Для коммунистической партии эти варианты не подходили. Индустриализация должна была быть проведена с опорой исключительно на собственные ресурсы, поставки техники из-за рубежа должны были быть оплачены до копейки. СССР не мог позволить себе оказаться в «неоплатном долгу» перед Западом.

Но в условиях мирового экономического кризиса даже низкие темпы накопления, которые обеспечивал НЭП, стали бы невозможными. Бухаринская альтернатива не давала реальных оснований надеяться на преодоление отсталости сельского хозяйства и легкой промышленности. В условиях стагнации СССР эволюционировал бы к положению страны с отсталым сельским хозяйством и среднеразвитой промышленностью. Примеров такой модели было немало в Латинской Америке.

Впрочем, к концу XX в. Россия добилась социально-экономических результатов, вполне сопоставимых с латиноамериканскими.

Крупные, относительно успешные латиноамериканские страны (Мексика, Чили, Бразилия, Аргентина, Венесуэла) провели модернизацию медленнее, чем СССР, но с гораздо меньшими жертвами. Не будем забывать, что Латинская Америка развивалась в

тепличных внешнеполитических условиях, вдали от военных бурь, потрясавших Старый Свет. И, что немаловажно не Латинская Америка прорубила человечеству дорогу в космос.

В наше время деградация индустриальной системы, созданной в советские времена, привела к возникновению чего-то очень напоминающего НЭП: бюрократия руководит рыночной экономикой, «крышуя» бизнес, «отстегивая» в свою пользу коррупционную ренту. Только в отличие от коммунистического режима, у элиты нет стремления к выходу из этого положения. У нее нет перспективных идей, зато есть право на роскошь, которое не позволяла себе коммунистическая элита, скованная идеологией социальной справедливости. Вместо ушедшего в лету крестьянского хозяйства теперь есть сырьевая труба и ВПК, позволяющий прикрываться ядерным зонтиком и торговать оружием. Вместо коммунистического будущего нам предлагают лозунг великой энергетической державы, то есть большого сырьевого придатка. Другой сценарий истории. Лучше ли он — скоро узнаем.

Очерк шестой

Зачем Сталин устроил голод?

Отстранив от власти талантливого экономиста Бухарина, Сталин резко повысил плановые показатели роста промышленности и одновременно развернул наступление на наиболее хозяйственные слои деревни. Эта политика подорвала сельское хозяйство и вызвала голод, в результате которого погибло более 10 миллионов человек. Поскольку Сталин известен как величайший злодей в истории, уничтожение этих миллионов было специально им запланировано, чтобы наказать крестьян и особенно украинцев за сопротивление коммунистическому режиму.

Правда, курс Сталина привел к возникновению передовой промышленности за четыре года. Таким образом, за эти деяния одни считают Сталина величайшим преступником, а другие — величайшим героем.

Каковы в действительности были мотивы политики Сталина во время Первой пятилетки? Можно ли было добиться быстрой индустриальной модернизации иначе? Каковы были результаты Первой пятилетки? Почему были такие большие жертвы голода. И сколько людей все-таки погибло от голодной смерти в это время?

Ставка Сталина

Разгромив правых, Сталин сделал ставку, от которой уже не мог отступить. Его напряженный план индустриализации должен был сработать, иначе — политический крах, а, учитывая нравы того времени — и гибель.

XVI партконференция 23–29 апреля 1929 г. приняла «оптимальный» план пятилетки. Все накопления НЭПа предполагалось разом «ухнуть» в Пятилетку. Так что если что-то «не сойдется», экономическая катастрофа неминуема.

Если за время НЭПа капиталовложения составили 26,5 млрд. руб., то теперь планировалось 64,6 млрд., при этом вложения в промышленность повышались значительно быстрее — с 4,4 млрд. до 16,4 млрд. руб. 78 % вложений в промышленность направлялись на производство средств производства, а не потребительской продукции. Это означало изъятие огромных средств из хозяйства, которые могли дать отдачу через несколько лет. Промышленная продукция должна была вырасти за пятилетку на 180 %, а производство средств производства — на 230 %. 16–18 % крестьянства должно было быть коллективизировано, а большинство крестьян, кому новая форма жизни не подходит, будет жить как раньше, и даже лучше. Производительность труда должна была вырасти на 110 %, зарплата — на 71 %, а доходы крестьян — на 67 %. Процветание виделось прямо за горизонтом — надо только поднапрячься. В результате, как обещала резолюция конференции, «по чугуну СССР с шестого места передвинется на третье место (после Германии и Соединенных Штатов), по каменному углю — с пятого места на четвертое (после Соединенных Штатов, Англии и Германии)»^[313]. Качество продукции при этом в расчет не принималось, партийную элиту завораживали цифры валовых показателей. Сельское хозяйство должно было расти на основе подъема индивидуального крестьянского хозяйства и «создания общественного земледелия, стоящего на уровне современной техники»^[314], то есть, говоря иными словами: количество колхозов не может превышать количество тракторов. Зачем объединять крестьян, если не для совместной эксплуатации техники. Сталин знал, что есть принципиально другие мотивы, но пока молчал. План представлял собой компромисс позиций Сталина и Бухарина. Но реальность 1929 г. заставит отказаться от компромиссов.

Снабжение городов должно было стать строго нормированным. Ни грамма продовольствия мимо задачи индустриального рывка.

В августе 1929 г. в СССР была введена карточная система. Вопреки всем данным ранее крестьянам гарантиям в июне 1929 г. принудительная продажа «излишков» была узаконена. Количество этих «излишков», изъятых государством, оценивается в 3,5 млн. т. в 1929 г.

Еще в июле нарком внешней и внутренней торговли А. Микоян писал Г. Орджоникидзе по поводу хороших видов на урожай: «И

страну выведем из затруднений, и наших правых друзей оставим в дураках». Но взять выращенный хлеб оказалось непросто. И в сентябре тот же Микоян писал Молотову: «Все говорят об августовских хороших заготовках, умалчивая о начале сентября, когда всюду, где я был, произошло падение заготовок»^[315]. Как и следовало ожидать — крестьянин не отдавал хлеб.

Сталин решил, что больше ждать нельзя. 7 ноября он выступил со статьей «Год великого перелома», в которой утверждал, что «оптимальный вариант пятилетки... превратился на деле в минимальный вариант пятилетки», что удалось достичь коренного перелома «в развитии земледелия от мелкого и отсталого индивидуального хозяйства к крупному и передовому коллективному земледелию... в недрах самого крестьянства..., несмотря на отчаянное противодействие всех и всяких темных сил, от кулаков и попов до филистеров и правых оппортунистов»^[316].

Эти оптимистические строки не раскрывали смысла происходящего. В секретных письмах и директивах Сталин предлагал снимать с должности и предавать суду председателей колхозов, продающих хлеб на сторону. В этом и заключалась необходимость коллективизации для осуществления напряженных планов индустриализации — создать послушную систему управления каждым крестьянином, получить возможность брать весь хлеб, оставляя крестьянину лишь минимум.

Пленум ЦК 10–17 ноября сделал новый шаг в ускорении индустриального скачка и коллективизации, темп которой превзошел «самые оптимистические проектировки»^[317]. Из этого следовало, что и остальные цифры пятилетки можно пересматривать во все более оптимистическом духе. Теперь уже признавалось, что можно создавать колхоз безо всякой техники. Для обслуживания нескольких колхозов создавались машинно-тракторные станции (МТС). Благодаря этому колхозники превращались в батраков государства, технически полностью зависимых от государственной структуры. И не только технически.

«Первая пятилетка» — это план. Но то, что хозяйство в 1929–1932 гг. развивалось по плану — это миф. Руководство страны поощряло нарушение плана в сторону увеличения, что в итоге порождало хаос.

На это обратил внимание Р. Конквест: «Целью было „перевыполнение“, и премию получал директор, который даст 120 % нормы. Но, если он добивался такого перевыполнения, то где он брал сырье? Оно, очевидно, могло быть добыто только за счет других отраслей промышленности. Такой метод, строго говоря, вряд ли может быть назван плановой экономикой».^[318]

Одни отрасли вырывались вперед, за ними не успевали другие. Директора бесчисленных строек конкурировали в борьбе за ресурсы. Они разбазаривались, торопливое строительство при постоянной нехватке квалифицированных рабочих и инженеров приводило к авариям. Эти катастрофы объяснялись «вредительством буржуазных специалистов» и тайных контрреволюционеров. Если одни руководители производства отпраплялись на скамью подсудимых, то другие получали премии и повышения за способность в кратчайшие сроки построить «гиганты индустрии», даже если для них еще не были построены смежные производства. Чем был вызван этот отказ от планомерного развития? Во-первых, Сталин понимал, что у государства нет средств для одновременной модернизации всех отраслей, и «оптимальный» план в этом отношении был уступкой бухаринской «эклектике», призывам наступать сразу во всех направлениях. Задачей этого периода было наращивание приоритетных отраслей под видом фронтального «подъема промышленности», выявление тех кадров, которые способны добиваться выполнения даже самых абсурдных задач. Главное внимание (финансирование, снабжение и т. д.) оказывалось 50–60 ударным стройкам. Для них же осуществлялся массивный ввоз машин из-за рубежа. Во-вторых, уже выступление Сталина 7 ноября 1929 г. показывает: что-то кардинально изменилось. И дело не только в тайных замыслах Сталина — он вынужден был бросить «до лучших времен» часть строек, чтобы спасти важнейшие. Около 40 % капиталовложений в 1930 г. пришлось заморозить в незавершенном строительстве.

Что случилось? Индустриализация требовала огромных затрат и на ввоз техники, и на поддержание минимального жизненного уровня рабочих, занятых как на самих стройках, так и на добыче сырья для них. Вроде бы берегли каждый рубль, а вдруг — такое распыление средств.

Сталин, который диктовал плановые цифры, вдруг требует пересмотра их в сторону резкого увеличения, но при этом часть показателей воспринимаются всерьез, а часть — нет. Обычно, это связывают с волюнтаризмом и произволом вождя, человека недалекого и авантюристичного. Однако в другие годы Сталин не проявлял подобного авантюризма. При решении этой проблемы исследователи обычно упускают то обстоятельство, что в капиталистическом мире как раз в это время разразился кризис перепроизводства, Великая депрессия. Конъюнктура мирового рынка резко ухудшилась. Ресурсы резко подешевели. Этого не могли предугадать ни Сталин, ни советские плановики. Все расчеты, на которые опирался Сталин, рухнули. Страшные пророчества Троцкого о том, что строительство социализма обусловлено состоянием мирового рынка, оказались суровой правдой. Перед Сталиным встала простая альтернатива: или провал, фактическая капитуляция перед правыми, либо продвижение ускоренными темпами через критическую экономическую полосу, форсирование экспорта и, следовательно, — наступления на крестьян, строительство лишь части запланированных объектов, чтобы можно было предъявить партии хоть какие-то осязаемые успехи и заложить хотя бы основу дальнейшего промышленного роста. Но и для этого следовало резко увеличить поставки хлеба государству.

Кто устроил «перегибы»

Известно, что Сталин признал: в ходе коллективизации были «перегибы». Уж очень она была радикальной, наломали дров. Сталин отмежеввался от «перегибов», и сталинисты принялись искать других виноватых. Антисталинисты не доверяют Сталину. Как опытный преступник он специально все организовал, а себе придумал алиби. Мол, я против «перегибов» выступал.

В декабре 1929 г. план коллективизации был пересмотрен и предусматривал вовлечение в колхозы 34 % хозяйств к весне 1930 г. Были намечены 300 районов сплошной коллективизации с посевной площадью 12 млн. га. Нормы ноябрьского пленума 1929 г. перекрывались вдвое. Но и эти предложения Наркомзема показались Сталину недостаточными, темпы коллективизации были увеличены. Основную массу крестьян предполагалось загнать в колхозы уже за первую пятилетку. 5 января было принято постановление ЦК, которое ставило задачу: «коллективизация... зерновых районов может быть в основном закончена осенью 1931 г. или, во всяком случае, весной 1932 г.»^[319] Низовое партийно-государственное руководство бросилось выполнять новые директивы. Тут или пан, или пропал. А сверху подстегивали. 10 февраля 1930 г. Сталин публично торопил «товарищей свердловцев» с коллективизацией, чтобы кулаки не успели «растранижить» свое имущество. «Против „растраниживания“ кулацкого имущества есть только одно средство — усилить работу по коллективизации в районах без сплошной коллективизации»^[320]. Даже расставаясь с самостоятельностью, крестьяне наносили создававшимся колхозам удары, «пуская по ветру» свою собственность. Особенно тяжелые, длительные последствия имел массовый убой скота. Производство мяса на душу населения еще в 1940 г. составляло 15–20 кг. в год (в 1913 г. — 29 кг.).

Для того, чтобы заставить крестьян превратиться в колхозников, государство прибегло к испытанному во время Гражданской войны средству — «раскулачиванию». При этом под раскулачивание часто попадали не только зажиточные крестьяне, но и середняки и даже бедняки, которых в этом случае называли «подкулачниками». Государство осознавало экономические издержки раскулачивания, но политический успех — разгром крестьянской «верхушки» был важнее. Экономике предполагалось помочь, используя «кулаков» в качестве рабской рабочей силы. Массы «раскулаченных» направлялись на «стройки пятилетки».

Естественно, что наступление на крестьянство вызывало сопротивление, выливавшееся в волнения и террористические акты. Размах движения был грандиозным. Секретарь Центрально-черноземного обкома И. Варейкис сообщал: «В отдельных местах

толпы выступающих достигали двух и более тысяч человек... Масса вооружалась вилами, топорами, кольями, в отдельных случаях обрезками и охотничьими ружьями»^[321]. Только в 1930 г. произошло более 1300 волнений, в который приняло участие более 2,5 миллионов человек. Это — огромная масса. Если бы из нее удалось сформировать армию, то власть большевиков рухнула бы. Но этого не произошло.

По мнению Н. А. Ивницкого, события января-февраля 1930 г. означали «начало гражданской войны, спровоцированной советским партийно-государственным руководством»^[322]. Но в том-то и дело, что гражданская война не началась. Гражданская война — это раскол общества на две и более частей, каждая из которых имеет собственное руководство, руководящее вооруженной борьбой против других частей общества. Можно говорить о расколе общества в 1930 г., но никакого общего руководства, которое продержалось бы хотя бы эти критические месяцы, восставшие не имели. Налицо были все предпосылки гражданской войны кроме одного. «Нам вождей не доставало».

Конечно, волнения быстро и жестоко подавлялись. Под пулями гибли тысячи крестьян. Поэтому на тысячи волнений приходились десятки восстаний. Но ни одно из них не продержалось долго — ничего подобного, как во времена Махно и Антонова, не случилось. В этом есть некоторая загадка — при большем размахе волнений гражданская война не разразилась. Почему десятки восстаний, которые не удавалось подавить сразу, все же не смогли разрастись? Смысл раскулачивания как раз и состоял в массовом уничтожении крестьянского актива, всех, кто имел опыт и волевые качества для организации партизанского движения. Сталин бил на опережение, создав условия для того, чтобы деревенские маргиналы и коммунисты вырезали или выгоняли из деревни крестьянскую «верхушку».

В условиях высокой социальной мобильности 1917–1929 гг., когда представители правящей элиты имели многочисленных родственников и знакомых в низах общества, недовольство, вызванное коллективизацией, было особенно опасно. На это прямо указывает одна из крестьянских листовок того времени: «А тем временем эти царьки натравляют класс на класс, а сами в мутной воде грязь ловят, да насилием в коллективизацию заводят. Но не придется ярмо надеть на крестьян обратно, потому что все крестьянство в одной атмосфере

задыхается, а также и наши дети в Красной армии понимают, что их ждет дома голод, холод, безработица, коллектив, т. е. панщина»^[323].

Чтобы избежать социального взрыва, руководство ВКП(б) решило временно отступить в борьбе с крестьянством, санкционировав знаменитую статью Сталина «Головокружение от успехов» от 5 марта 1930 г. Эта статья и последовавшее за ним постановление ЦК были использованы для укрепления авторитета верхов партии, разоблачивших «перегибы» на местах: «ЦК считает, что все эти искривления являются теперь основным тормозом дальнейшего роста колхозного движения и прямой помощью нашим классовым врагам»^[324]. Крестьяне волной двинулись из колхозов, которые накануне письма Сталина охватывали 56 % крестьян СССР. Летом в колхозах осталось 23,6 % крестьян.

Через несколько месяцев все эти «злоупотребления» были возобновлены. Да и в своей статье Сталин давал понять, что в деле коллективизации наметилась лишь передышка — генсек призывал «закрепить достигнутые успехи и планомерно использовать их для дальнейшего продвижения вперед»^[325]. Движение не заставило себя ждать, возобновившись через несколько месяцев.

Интересно, что и в наши дни встречаются наивные авторы, которые всерьез воспринимают критику Сталиным силовых методов коллективизации. Мол, Сталин ждал, пока крестьяне придут в колхозы добром, а злые коммунисты гнали их туда силой. Из этой сказочной схемы можно выводить миф о Сталине как враге коммунизма. Ю. Жуков утверждает, что «Сталину пришлось срочно корректировать обозначившийся курс, не только не отвечавший его взглядам, слишком левый, явно утопичный, но и не соответствовавший реальным условиям»^[326]. Вот оно как. Не углядел Сталин — несколько месяцев как обозначилась тенденция утопическая, а он только по весне спохватился. А с чего пошла тенденция-то? Оказывается, в 1929 г. «возродились прежние утопические воззрения, подогреваемые статьями Зиновьева и Ларина надежды, что результатом первой пятилетки станет создание экономической базы социализма, а второй — коммунизма»^[327]. Вот она, беда-то откуда пришла. Зиновьев и Ларин, статьи пишут, подогревают надежды на построение социализма в ближайшее время (напомним, Сталин их как раз критиковал за то, что они отрицали возможность построить социализм в одной стране).

А вот Сталина, бедного, тогда никто не читал. Ни его статьи о «годе великого перелома», где Вождь и провозгласил «слишком левую утопическую тенденцию», ни его указаний о наращивании плановых показателей. И только в марте 1930 г. Сталин «вдруг» обнаружил, что этот курс не соответствует реальным условиям (хотя правые уклонисты ему об этом уже давно сообщили). Статью написал, одернул кого надо. И... продолжил проводить «утопическую тенденцию».

Наступление на крестьянство было возобновлено уже в конце 1930 г. — «стройкам пятилетки» нужен был хлеб — он шел в растущие города и на экспорт, в обмен на оборудование.

Сталинская группировка чередовала репрессии и уступки, чтобы снизить накал борьбы, перегруппировать силы и нанести новый удар. В этом Сталин использовал опыт НЭПа. Каждое из таких отступлений сменялось движением к бюрократическому идеалу — абсолютно централизованному индустриальному обществу, в котором все социальные процессы планируются и управляются из единого центра.

«Перегибы» и жестокости, сопровождавшие коллективизацию, стали логичным результатом избранного Сталиным стратегического курса. При этом сам Сталин воспринимал «перегибы» как неприятные издержки, пытался регулировать нажим на крестьянство, чтобы не вызвать социальный взрыв, но и от курса на форсированную коллективизацию отказаться уже не мог.

Организованный голод?

Все, что происходило в СССР, было организовано Сталиным. Все происходило под его контролем. В этом восприятии Сталина как сверхчеловека радикальные антисталинисты вполне сходятся со сталинистами. Раз случился голод, значит он был специально организован.

В 1930–1932 гг. партия столкнулась с крупнейшим после 1921 г. социальным кризисом. Система существовала на пределе социальных возможностей. Страну захлестнули не только организованные, но и

стихийные социальные перемещения, вызванные «великой реконструкцией».

Миллионные массы двигались из деревни в города, из одних городов — в другие, на стройки пятилетки, в ссылки и концлагеря, обратно домой или в более безопасные места. Между переписями 1926 и 1939 гг. городское население выросло на 18,5 млн. человек (на 62,5 %), причем только за 1931–1932 гг. — на 18,5 %^[328]. По образному выражению Н. Верта, «на какое-то время советское общество превратилось в гигантский „табор кочевников“, стало „обществом зыбучих песков“. В деревне общественные структуры и традиционный уклад были полностью уничтожены. Одновременно оформлялось новое городское население, представленное бурно растущим рабочим классом, почти полностью состоящим из уклоняющихся от коллективизации вчерашних крестьян, новой технической интеллигенцией, сформированной из рабочих и крестьян-выдвиженцев, бурно разросшейся бюрократической прослойкой, ... и, наконец, властными структурами с еще довольно хрупкой, не сложившейся иерархией чинов, привилегий и высоких должностей»^[329].

Количество «ртов» увеличивалось, рабочих рук на селе — сокращалось. Даже полу-голодный паек еле обеспечивал нужды горожан.

В 1930 и 1932 гг. происходили волнения в городах: в Новороссийске, Киеве, Одессе, Борисове, Ивановской области. А это уже недалеко от Москвы. Сталин ответил на бунты не только силой. Была введена новая система распределения по карточкам, где наилучшее снабжение предоставлялось чиновникам и рабочим столиц, а также наиболее важных производств и «ударникам». Люди бежали из деревни в города. В этих условиях, чтобы избежать социального взрыва, Сталин запрещает несанкционированное перемещение по стране. Вводится новое «крепостное право», которое должно стабилизировать эту ситуацию.

Политика ускоренного создания индустриального общества и разрушения традиционного общества вела к тому, что миллионы людей меняли свою классовую принадлежность и образ жизни. На какое-то время они превращались во взрывоопасную деклассированную массу. Эти люди пытались устроиться в новой

жизни, но получалось это далеко не сразу. Маргинальные массы стремились сделать карьеру в партийных и государственных органах, а для этого нужно было освободить места от «старых кадров», не поддерживавших «великий перелом». Болезненность «перелома» вызывала массовое недовольство, иногда — отчаяние сотен тысяч и миллионов людей. Это в любой момент могло вызвать широкомасштабный социальный взрыв, переворот и новую гражданскую войну.

* * *

В 1932 г. урожай был низким. Казалось, неурожай, вызванный засухой и отчасти — саботажем крестьянства, не желавшего работать «на колхоз», то есть на государство, мог служить основанием для снижения объема заготовок. Но тут система колхозов показала свою безжалостную силу — их председатели вынуждены были отдать столько хлеба, сколько от них требовали. В 1928–1932 гг. урожайность упала с 8 до 7 ц. с га (валовой сбор зерна упал с 733 млн ц. до 699 млн ц.). А заготовки в 1928–1935 гг. выросли с 11,5 млн. тонн зерна до 26 млн. тонн. У крестьян не оставалось запасов «на черный день». 1931–1932 гг. были неурожайными. Запасы зерна у крестьян упали с 50 млн. т. до 33 млн. т. в 1931 г. и 37 млн. т. в 1932 г. ^[330] В 1932 г. заготовки были снижены в сравнении с 1931 г. всего на 13 % и составили 1181,8 млн. пудов. Зато в 1933 г. заготовки резко выросли до 1444,5 млн. пудов. Планы экспорта и снабжения растущих городов не подлежали пересмотру. Именно этот нажим на крестьян в 1932–1933 гг. вызвал голод в ряде регионов страны.

Чудовищный голод — результат выбора сталинской группы, который мы должны правильно оценить. Либо — сколько-нибудь успешное завершение индустриального рывка, либо нехватка ресурсов и полный экономический распад, гигантская незавершенка, памятник бессмысленному распылению труда. И, конечно, крах Сталина. Для того, чтобы закончить рывок, достроить хоть что-то, Сталину нужны были еще ресурсы, и он безжалостно забрал их у крестьян. Вопреки распространенному мифу, не найдено доказательств, что Сталин

«устроил» голод, чтобы замучить побольше народу. Думаю, и не будет найдено.

Сколько жертв?

Сталин убил 40 миллионов человек. В среднем по несколько тысяч в день убивал. Иногда отдыхал, конечно, поэтому в остальное время приходилось перерабатывать — тысяч по десять-двадцать в день морить. Вот, взять, голод. Все хорошо продумал. Выделил наиболее антикоммунистические народы — украинцев и казахов, и стал морить. Чтобы знали! Так 10 миллионов украинцев и уморил.

— А почему именно 10?

— Для ровного счета.

— А почему именно украинцев?

— Да Вы, как я погляжу, шовинист. Или коммунист?

Важно понять, сколько примерно людей погибло от голода. Гибель даже одного человека — это трагедия. Но голод часто встречается на страницах мировой истории. А тут — нечто беспрецедентное.

Оценочные данные умерших от голода разнообразны — от 2 до 12 миллионов^[331]. Первые оценки масштабов голода, сделанные в СССР еще в 70-е гг., исходили из демографических потерь^[332]. Но «исчезнувшее» население — это не только умершие, но и уехавшие из пострадавших районов, и не родившиеся, потому что в тяжелую годину родители решили подождать. Оценить количество людей, покинувших голодающие регионы сложно, так как они часто скрывались от властей. Сталин понимал, что масса беженцев из голодающих районов может вызвать непредсказуемые последствия для его политики, и зона бедствия была, насколько возможно, блокирована. Но люди все равно нелегально просачивались. К началу марта 1933 г. было задержано 219,5 тысяч человек пробравшихся из голодающих районов, из которых были возвращено 186,6 тысяч^[333].

В 1927–1931 гг. средняя смертность в СССР составляла 2,7 млн. человек, а в 1932–1933 гг. — 4 млн., что составляет прибавку 2,8 млн. за два года. К ним В. В. Цаплин предлагает прибавить и 1 млн.

незарегистрированных смертей^[334]. Но это предложение трудно признать обоснованным по двум причинам. Во-первых, почему именно миллион, а во-вторых, какая-то часть смертей не регистрировалась и в прежние годы.

В литературе высказывалась критика достоверности статистики смертности, но она может относиться и к оценке смертности в предыдущие годы.

Не любое повышение смертности происходит за счет именно смерти от голодного истощения. Значительная часть повышения смертности пришлась на болезни, которые могли быть связаны с плохим питанием, а не на голодную смерть непосредственно. Так, например, в 1992–1994 гг. смертность выросла с 12,2 до 15,7 человек на 1000 населения. Но это не значит, что это произошло в результате голода.

Для понимания проблемы также важно сравнить уровень смертности в СССР в 30-е гг. и в России в середине XIX века, в той Российской империи, которая является идеалом для значительной части нынешних критиков сталинизма. В 1933 г. на 1000 человек умерло по архивным данным 40,6 человек, по данным ЦСУ 1964 г. — 42,6 человек. Это примерно столько же, как в начале правления Александра II (53 человека в городе и 39 — в деревне). Советские статистические данные оспариваются. Впрочем, статистика смертности в русской и украинской деревне середины XIX в. тоже может быть неполной. Средняя Азия и Кавказ по понятным причинам в российскую статистику не попали. В 1932 г. смертность составила 20,2-27,7 чел. на тысячу, а в 1934 г. — 18,1-23,7. Для сравнения — в лучшие годы Российской империи смертность составила 27 чел. на тысячу в городе и 32 чел. на тысячу в деревне^[335]. Это хуже, чем даже в отнюдь неблагоприятные 1932 и 1934 гг. Таким образом голод 1932–1933 гг. — это катастрофический провал в вялотекущую голодовку времен российской империи. Уже в 1934 г. ситуация со смертностью в СССР стала лучше, чем в Российской империи.

На основе сводок ОГПУ по Украине за период 1 декабря 1932 г. — 15 апреля 1933 г. украинские специалисты оценивают количество погибших в 2420100 человек^[336]. Сюда необходимо добавить людей, скончавшихся до и после этого периода. Однако, данные ОГПУ (тем более, в интерпретации современных авторов) — тоже оценочные, так как его аппарат не мог зафиксировать больше умерших, чем ЗАГСы. Для этого пришлось бы бросить все остальные дела. А вот данные ЗАГСов позволяют нам ближе всего подойти к объективной оценке потерь от голода.

Даже по мнению украинского исследователя С. В. Кульчицкого, «нельзя не видеть, что статистические органы должным образом выполняли свой профессиональный долг, фиксируя из месяца в месяц потрясающие показатели смертности»^[337].

ЗАГСы флегматично фиксировали смертность весь период голода. Если считать смертность 1931 г. «фоновой», то превышение количества умерших в 1932–1933 гг. составляет 1489,1 тысяч. В 1931 г., до начала голода на Украине умерло 514,7 тысяч человек, в 1932 г., когда голод только начинался — 668,2 тысяч (максимальные месячные показатели смертности в мае-июле — более 50 тысяч). В 1933 г. официально зарегистрированная смертность составила 1850,3 тысяч. Уже в феврале смертность достигла 60,6 тысяч, в марте — 135,8 тысяч, в июне — 361,1 тысяч, после чего стала падать. В октябре 1933 г. она вернулась к «фоновому» уровню 42,8 тысяч^[338]. Есть данные, что ЗАГСы в разгар голода фиксировали не всех умерших. Но каково количество неучтенных смертей? Ведь в целом ЗАГСы зафиксировали беспрецедентный всплеск смертности. Это уже само по себе свидетельствует о том, что у руководства страны не было установки «спрятать» трагедию даже от самого себя. Занижение уровня смертности могло быть вызвано понятной местной инициативой — немного приукрасить ситуацию перед центром.

Неясно также, какое количество умерших скончались именно от голода, а не по другим причинам, связанным с ухудшением социальной ситуации.

Количество жертв может быть несколько меньше (не все умерли именно голодной смертью), и несколько больше (возможен некоторый недоучет в ЗАГСах). Объективная оценка жертв, привязанная к данным ЗАГСов (превышение над «фоновыми показателями» 1489

тысяч человек), таким образом, находится в коридоре 1–2 миллионов, а не 3–5 миллионов, как «принято считать»^[339].

* * *

В публицистике и среди официальных лиц (особенно Украины) более распространены такие оценки: «Если бы не было массового повстанческого движения 20-х гг., Москва не организовала бы уничтожения в 1932–1933 гг. 10 миллионов крестьян...»^[340] — говорит о трагедии украинского селянства глава ассоциации наследников голодомора Л. Г. Лукьяненко. Наследники жертв вовлечены в пропагандистскую кампанию, организаторы которой не заинтересованы в поиске реальных причин и масштабов трагедии. На Украине почти официальной стала точка зрения, в соответствии с которой Сталин специально устроил голод, чтобы сломить свобододлюбивый дух украинского народа (вариации на тему — казахского народа, уральского казачества, поволжского крестьянства). Мы увидим, что подобные штампы попали и в официальные документы ПАСЕ. Правда, к 1932 г. активное сопротивление крестьян коллективизации уже было сломлено. Пропагандистское построение о том, что «Москва» стремилась покарать украинцев за повстанчество начала 20-х гг. опровергается просто — от голода пострадали и те районы, где повстанчество в 20-е гг. было скромным (Казахстан), а вот Тамбовщина, прославившееся Антоновщиной, пострадало меньше, чем Казахстан. У голодомора и повстанчества общая причина. Государство стремилось получить максимум хлеба в производящих регионах. В 20-е гг. это вызывало вооруженное сопротивление, а в 30-е гг. сопротивление было сломлено, государство вырвало хлеб у обессиленного населения для своих нужд, и разразился голод.

Нет доказательств того, что какие-то действия власти были направлены специально против украинцев. Среди пострадавших регионов — и российские Воронежская, Курская, Свердловская, Челябинская, Обско-Иртышская области, Азово-черноморский и Северный края, Поволжье, Северный Кавказ и Казахстан.

Исследовав данные ЗАГСов Поволжья о смерти от голода (также частичные), В. В. Кондрашин оценил их в 365722 человека (с учетом неполноты статистики жертв может быть несколько больше)^[341].

В Казахстане демографические потери составляют около 2 млн. человек^[342]. Но при этом значительная часть — это откочевавшее население. Казахстанские авторы подчеркивают, что большинство демографических потерь — это именно погибшие, а не откочевавшие^[343]. Так ли это? В 1932–1933 гг. из Казахстана откочевало около 400 тыс. семей (это как раз примерно 2 млн. человек)^[344]. Но откочевки начались уже в 1928 г. Зимой 1929–1930 г. только из Зайсанского района ушло в Синцзян 2460 семей^[345]. Сколько людей погибло при таких перекочевках, установить уже нельзя. Кто-то погиб во время тяжелых зимних переходов, кто-то — в сражениях раздиравшего Синцзян «Дунганского мятежа», кто-то — нашел новую родину или вернулся в СССР, когда минула суровая пора голода.

В любом случае, только часть откочевавших погибла в пути, так что речь может идти о сотнях тысяч погибших.

Таким образом, на Украине непосредственно от голода погибло 1–2 миллиона человек, а в других регионах (Поволжье, Северный Кавказ, Сибирь, Казахстан) потери могут исчисляться сотнями тысяч людей в каждом. Таким образом, количество жертв находится в «коридоре» 2–3 миллиона человек.

Ради чего?

Итак, ради чего сталинская группа решилась на скачек, вызвавший напряжение всех сил страны и бедствие голода? Удалось ли «построить промышленность» как говорят одни, или все было впустую. Как утверждают другие?

В условиях новой разрухи Сталин решил объявить об окончании рывка в светлое будущее. Выступая на пленуме ЦК и ЦКК 7 января 1933 г., он заявил, что пятилетка выполнена досрочно за четыре года и четыре месяца, и что «в результате успешного проведения пятилетки мы уже выполнили в основном ее главную задачу — подведение базы

новой современной техники под промышленность, транспорт, сельское хозяйство. Стоит ли после этого подхлестывать и подгонять страну? Ясно, что нет в этом теперь необходимости»^[346].

Фактические итоги «досрочно выполненной» пятилетки были гораздо скромнее сталинских замыслов 1930 г. Оптимальный план 1929 г. был выполнен по производству нефти и газа, торфа, паровозов, сельхозмашин. По производству электроэнергии, чугуна, стали, проката, добычи угля, железной руды не был выполнен даже отправной план 1929 г.^[347] Производство тракторов только-только дотянуло до него. К планам 1930 г. не удалось даже приблизиться. «Спецы» оказались правы в оценках реальных возможностей роста. Но только, вопреки оптимизму правых коммунистов, выяснилось, что для достижения этих результатов в реальных условиях 1929–1933 гг. были необходимы гораздо большие ресурсы.

Разумеется, отечественная промышленность возникла не во время Первой пятилетки. Промышленное развитие началось еще при царе. Но во время двух первых пятилеток модернизация действительно продвинулась вперед в области энергетики, металлургии, машиностроения, автомобиле- и авиастроения, электротехники. То, что заложила Первая пятилетка, доделывали во время Второй. Но без первой Вторая была бы невозможна. Большое значение в условиях 30-х гг. имело создание современного военно-промышленного комплекса.

Можно ли было добиться создания новой индустриальной базы без таких жертв? Задним числом можно все подсчитать, оценить. Только при этом нужно заранее учесть Великую депрессию, начавшуюся в самом начале реализации сталинского плана.

Вина Сталина не в том, что он сознательно стремился уничтожить как можно больше крестьян, а в холодном равнодушии к жизни нынешних людей, если ставка — будущий экономических успех. Сталин в этом отношении был подобен капиталистическим менеджерам в США и Западной Европе, которые в это же время безжалостно увольняли миллионы людей, обрекая их на голод.

Очерк седьмой

Мифы Большого террора

Разразившийся в 30-е гг. массовый террор кажется одним из наиболее иррациональных событий современной истории. Он так неразрывно связан с именем Иосифа Сталина, что иногда кажется: причина события — исключительно в злой воле лидера ВКП(б). «В конечном счете весь характер террора определялся личными и политическими побуждениями Сталина,» — пишет Р. Конквест [348]. Однако личные склонности генсека демонстрировали в 20-е гг. скорее умеренность. По словам того же Р. Конквеста «небывалым в истории способом Сталин вел свой „государственный переворот по чайной ложке“ и дошел до величайшей бойни, все еще производя впечатление некоторой умеренности» [349]. Все это воспринимается публикой как результат дьявольского расчета «вождя».

Демонизаторы советской истории одновременно рисуют образ Сталина, который с одной стороны все спланировал заранее, превратил историю в триллер, написанный по собственному сценарию, а с другой стороны — был параноиком, неадекватной личностью.

Что-то здесь не так. Версия кровавого маньяка, который руководил страной столько лет, не вяжется с характером его жертв. Вроде бы это — невинные овечки, которые шли на бойню в соответствии с демоническим замыслом маньяка. Но ведь мы знаем этих людей в совершенно другом амплуа — революционеров, заговорщиков, военных, готовых сражаться за свое дело, за свои идеи. Это — не чета нынешним политикам, которые меняют партии как перчатки и озабочены прибылью, которую можно получить за подпись или голос. Но революционеры должны хотя бы попытаться бороться за свои принципы, которые топтал Сталин. Они признались, что боролись против Сталина. А нас убеждают: нет, неправда, они ничего такого не делали, маньяк Сталин убил их просто так...

Начнем с очевидных фактов. «Большой скачок» индустриализации и коллективизации вызвали массовое недовольство

(в том числе и недовольство партийных кадров).

В 1929–1932 гг. ситуация в стране была поистине революционной. Не хватало только «субъективного фактора», выступления организации революционеров (или «контрреволюционеров», выражаясь языком большевиков). В условиях тоталитарной однопартийности ВКП(б) стала единственным каналом «обратной связи» в государственном организме и потому испытывала на себе сильное давление со стороны внепартийных социальных слоев, которые отстаивали свои интересы по партийным каналам. Разные партийцы неизбежно становились проводниками разных интересов — партия теряла монолитность.

В партии существовало множество бюрократических кланов и групп. Партийцы группировались и по взглядам, которые после разгрома оппозиций и уклонов не высказывались публично, и по принципу «кто чей выдвиженец», «кто с кем служил» и «кто под чьим началом работает».

Группировки бюрократии пользовались известной автономией. «В 30-е гг. он (Наркомат тяжелой промышленности — А. Ш.) превратился в одно из самых мощных и влиятельных ведомств, способных заявлять и отстаивать свои интересы. Значительное место среди этих интересов занимали претензии работников наркомата на относительную самостоятельность, их стремление обезопасить себя от натиска партийно-государственных контролеров и карательных органов»^[350], — пишет О. Хлевнюк.

Сталин стремился сохранить строгую монолитность партии, не останавливаясь перед репрессиями, и в то же время нес ответственность за провалы 1930–1933 гг. Все это не могло не сказаться на настроениях партийцев. Но оппозиция не могла сложиться в легальную группировку, и в этом, как это ни парадоксально, заключалась особая опасность для правящей олигархии — Сталин и его сторонники не знали, кто в действительности находится на их стороне, а кто готов внезапно выступить против. При этом количество последних под влиянием трудностей 1930–1933 гг. могло только увеличиваться, и происходило это в структуре, идеально приспособленной, подобно всякой сверхцентрализованной структуре, для дворцовых переворотов. Бывшие оппозиционеры продолжали сохранять связи с влиятельными партийными функционерами, работать «выносными мозгами»

влиятельных чиновников. Для смены курса было необходимо лишь сменить узкую правящую группу.

Если Сталин был рациональным человеком, он должен был опасаться заговора. Но это еще не доказывает, что серьезный заговор против Сталина существовал. Впрочем, у нас есть много лежащих на поверхности свидетельств этого заговора, которые не принято считать правдой, потому что они действительно перемешаны с ложью. Речь идет о материалах процессов 30-х гг. Отношение к этому историческому источнику определяет картину истории страны времен Сталина.

Реальность и тенденция следствия

По одной версии вызов диктатуре бросали героические единицы, и лишь узкий круг безвластных интеллектуалов отваживался скептически относиться к Сталину и его режиму. А Сталин уничтожал преданных ему людей в параноидальном угаре. По другой версии в СССР в 20-30-е гг. существовало развитое и относительно дееспособное политическое подполье. Обе версии уходят корнями в официальные трактовки советского периода разного времени, и на этом основании эмоционально отрицают правомерность выводов друг друга.

Подход к событиям 30-х гг., который можно назвать юридическим, опирается на установки XX съезда КПСС и отрицает заметное сопротивление сталинизму. Суть его хорошо видна на примере определения, сделанного Комитетом партийного контроля при ЦК КПСС, КГБ СССР и Институтом марксизма-ленинизма по итогам проверки 1988 г. дела «троцкистско-зиновьевского центра»: «Установлено, таким образом, что после 1927 г. бывшие троцкисты и зиновьевцы организованной борьбы с партией не проводили...»^[351] Под борьбой с партией имеется в виду борьба с партийным руководством. Доступные сейчас документы показывают, что как минимум в 1928–1932 гг. такая борьба велась. Так, например, сторонник Зиновьева сообщал ему о ситуации в Ленинграде в

середине 1928 г.: «Листовки троцкистов читают охотно, знают, кто их распространяет, но не выдают, стараются скрыть, и в то же время заявляют, что в листовках много правильного, но идти за троцкистами погодим».^[352] Троцкисты действуют активно, а зиновьевцы выжидают, сохраняя организационно-информационные связи со своим лидером. В 1932 г. представители бухаринской и зиновьевской групп «попались» на распространении откровенно антисталинского письма Рютина — обширной антисталинской платформы. Позднее Сталин стал подозревать, что платформа была составлена не Рютиным, а Бухариным, и стала проектом программы объединенной антисталинской оппозиции^[353].

Вроде бы, речь идет о невинных шалостях. Но в конкретной обстановке 30-х гг. для Сталина был крайне опасен сам факт существования организованных нелегальных групп, оказывающих воздействие на партийную элиту, предполагающих иную политическую линию. Если в условиях плюрализма «теневой кабинет» борется за власть с помощью более или менее открытых методов, и его влияние в стране известно властям, то тоталитарный режим не только лишает оппозицию возможностей открытой борьбы, но и оставляет правящую группировку в полном неведении относительно реального влияния как правителя, так и его врагов. Именно так и воспринимало ситуацию сталинское окружение: «Вы же поймите, в каком положении Сталин оказался! Эдакие могиканы — Троцкий, Зиновьев, Каменев...» — утверждал Л. Каганович, — «Видите, дорогой мой, иметь в условиях нашего окружения капиталистического столько правительств на свободе. Ведь они все были членами правительства. Троцкистское правительство было, зиновьевское правительство было, рыковское правительство было»^[354]. Конечно, каждое из этих правительств не имело реальной власти. Но только пока партийные лидеры «второго эшелона» поддерживали Сталина. Между тем в партии росли симпатии к оппозиции, олицетворявшей эволюционную бюрократическую альтернативу, фактический отказ от форсированного создания сверхцентрализованного планового государственно-индустриального общества, переход власти от монолитной правящей группы к кланам партийной бюрократии (как это фактически произошло в 50-60-е гг.).

Политическая биография большевиков не дает никаких оснований для того, чтобы согласиться с гипотезой О. Лациса о том, что «не недостаток ума, а избыток благородства помешал российским революционным интеллигентам вовремя понять и убрать Кобу»^[355]. Свои резоны имеет и мнение Л. Фейхтвангера: «Большинство этих обвиняемых были в первую очередь конспираторами, революционерами; всю свою жизнь они были страстными бунтовщиками и сторонниками переворота — в этом было их призвание»^[356].

Конечно, с позиций сегодняшнего дня нельзя утверждать, что сталинские обвинения «доказаны в суде». Но также нельзя на этом основании считать несуществующим антисталинское сопротивление с участием вождей идейных течений 20-х гг. Юридический подход искусственно расчленяет историю 20-х и 30-х гг. Мощные политические потоки, разбуженные Российской революцией, внезапно «исчезают», партия превращается в монолит, во главе которого стоит кровожадный маньяк, уничтожающий ради собственного удовольствия и мелкой мести пассивных невинных «барашков» (в недавнем прошлом — неуступчивых, полных идей и амбиций революционеров).

Юристы невиновны в возникновении этого подхода, они делают свое дело, устанавливают чистоту доказательств вины в суде. Нечисто доказано — значит не доказано. Но чисто юридические аргументы для историка недостаточны. Неправовые методы следствия в средние века не позволяют отрицать возможность существования в то время заговоров. Исторический подход требует критического анализа всех доступных источников, сравнения их достоверности с учетом информации, выходящий за рамки следственного «дела».

Юридический подход игнорирует социальную среду, реальное обострение социального противоборства, оцененное Сталиным как «обострение классовой борьбы». Ещё Бухарин возражал: какое может быть обострение классовой борьбы, когда капитализм разгромлен? Но сегодня правомерно поставить и другой вопрос: а как его может не быть, когда взбаламучены миллионные человеческие массы?

Стратегия Сталина — наиболее последовательное и грубое проведение марксистского социально-экономического централизма — могла осуществиться только через преодоление сопротивления всех социальных слоев, насильственной трансформации всех структур

страны в единую монолитную вертикаль власти. Все должно было сопротивляться этому процессу — личность крестьянина и чиновника, горизонтальные общественные связи, сохранившиеся с начала века, все классы, характер которых болезненно изменялся, и, наконец, сама правящая бюрократия. Потому что в финале начавшегося социального процесса сжатия власти она должна стать послушным инструментом узкой олигархии. Вся классовая мощь бюрократии должна была сосредоточиться в центре абсолютной власти, что противоречило интересам каждого слоя бюрократии в отдельности. К тому же такая перестройка порождала многомиллионные маргинальные массы, часть которых спланивалась вокруг олигархии в противостоянии более широким правящим слоям, а часть с надеждой ждала крушения большевистского режима.

Сколько бы инакомыслящие не каялись в ошибках, но в стране не произошло ничего, что могло бы убедить их в успехе сталинской альтернативы. Подпольная оппозиция сохранялась и ждала удобного случая, чтобы остановить сталинскую альтернативу и отстранить от власти ее лидера. В условиях авторитарного и тем более тоталитарного режима это называется заговором.

Как отделить реальность от вымысла ОГПУ? Б. В. Ананьич и В. М. Панеях, исследовавшие «академическое дело» 1929–1930 гг., считают, что оно представляет собой фальсификацию с вкраплениями достоверных сведений^[357]. Вкрапления истины — самое интересное в процессах 30-х гг. Эти вкрапления — информация о реальной политической борьбе.

Н. Н. Покровский предложил использовать для анализа документов процессов 30-х гг. методику Я. С. Лурье, предложенную для анализа средневековых процессов: в тенденциозном источнике достоверно то, что противоречит тенденции, и не достоверно — что ей соответствует^[358]. К этому правилу необходимо дополнение. Реальность может и соответствовать тенденции следствия, но мы имеем право утверждать это, если имеем еще какие-то источники, подтверждающие «тенденциозный» факт.

Что считать «тенденцией» следствия в «делах» 30-х гг.? Инакомыслие подследственных? Их отрицательное отношение к коммунистическому режиму? Наличие антибольшевистских организаций? Готовность поддержать интервенцию? Вредительство?

Наличие оппозиционной организации — вопрос толкования. Организацией можно называть и кружок инакомыслящих, и разветвленную партию. Это просто разные организации.

Верхушки айсберга

Внутрипартийная оппозиция могла действовать в режиме «теневого кабинета», ожидая, когда влиятельные региональные и военные руководители отстранят Сталина от власти и создадут более терпимый партийных режим. Насколько такая угроза сталинскому режиму была серьезной?

В 1932 г. Сталин столкнулся с фактом обсуждения прежде лояльными партийными работниками необходимости его смещения. 19–22 ноября 1932 г. кандидат в члены ЦК М. Савельев сообщил Сталину о беседах своего знакомого Н. Никольского с наркомом снабжения РСФСР Н. Эйсмонт. Среди прочего Эйсмонт сказал (в интерпретации Савельева): «Вот мы завтра поедем с Толмачевым к А. П. Смирнову, и я знаю, что первая фраза, которой он нас встретит, будет: „и как это во всей стране не найдется человека, который мог бы „его“ убрать“»^[359]. Смирнов — бывший нарком земледелия, видный «правый уклонист», отстраненный от власти, оказывается, ведет антисоветские беседы с влиятельными чиновниками, которые внешне вполне лояльны Сталину. И это — лишь один пример, «верхушки айсберга».

Постепенно пропаганда «не разоружившая оппозиционеров» проникла в сознание партийно-государственной элиты. К декабрю 1934 г. Сталин узнал об оппозиционных настроениях лишь некоторых прежде послушных аппаратчиков: Сырцова, Ломинадзе, Эйсмонта, Толмачёва, части делегатов XVII съезда партии, в том числе весьма влиятельных. Айсберг внутрипартийной оппозиции появлялся над водой то тут, то там множеством «верхушек».

Одна из загадок, вокруг которой не прекращаются споры — была ли антисталинская оппозиция на XVII съезде ВКП(б) в феврале 1934 г. Внешне это был съезд «победителей», славословивших Сталина. Но в 1937–1938 гг. большинство делегатов XVII съезда будет уничтожено.

Что такого Сталин знал о кулуарах съезда? О чем думал он, когда, получив в подарок от тульской делегации ружье с оптическим прицелом, «шутя» смотрел через него в зал? Один из немногих выживших делегатов съезда В. Верховых в 1960 г. дал показания Комиссии партийного контроля, расследовавшей события 30-х гг.: «В беседе с Косиором последний мне сказал: некоторые из нас говорили с Кировым, чтобы он дал согласие стать Генеральным секретарем. Киров отказался, сказав: надо подождать, все уладится»^[360].

По утверждению О. Г. Шатуновской, сотрудницы комиссии Президиума ЦК под председательством Н. Шверника, которая расследовала события 30-х гг., беседе Косиора и Кирова предшествовало прошедшее на квартире Орджоникидзе (в его отсутствие) совещание недовольных делегатов съезда, среди которых были такие влиятельные фигуры, как Косиор, Эйхе, Шеболдаев^[361].

Биограф Кирова А. Кирилина отрицает достоверность этих сведений, несмотря на то, что их подтвердил еще один гость съезда: «Спустя четверть века бывшие делегаты XVII съезда обменялись своими впечатлениями по вопросу: выдвигали или не выдвигали Кирова на должность генсека. Итог „да“ — два голоса, „нет“ — два голоса... Полагаю, что нет»^[362]. Такое голосование, в котором решающий голос остается за А. Кирилиной, выглядит странно. Два человека оказались свидетелями негласных обсуждений, и нет ничего удивительного в том, что большинство делегатов об этом слыхом не слыхивали. Не убедительно и возражение Кирилиной о том, что никто не участвовал в совещании лично. Еще бы. На такое совещание не пускали кого попало, а после террора 1937–1938 г. были уничтожены все сколько-нибудь нелояльные партийные боссы. К тому же нельзя согласиться, что свидетельство Верховых сделало «с чужих рук» — ведь ему о разговоре сообщил его непосредственный участник, а возможно и инициатор. Кирилина удивлена, почему показания были даны в 1960 г., а не в 1957 г. Это легко объяснимо — в 1957 г. еще не было ясно, чем может кончиться готовность давать такие показания — исход борьбы за власть в Кремле не был ясен.

К тому же есть еще один важный свидетель. Уже во второй половине века выживший в сталинских лагерях Н. Оганесов рассказал Молотову, что во время съезда их собрал первый секретарь Азово-Черноморского крайкома Б. Шеболдаев: «вот он собрал человек

восемь-десять делегатов», включая первого секретаря Казахского крайкома Л. Мирзояна^[363]. Судя по всему, это уже другое совещание — ключевых фигур, кроме Шеболдаева, здесь нет. В перерыве съезда они переговорили с Кировым: «Старики поговаривают о том, чтобы возвратиться к завещанию Ленина и реализовать его... Народ поговаривает, что хорошо было бы выдвинуть тебя на пост генерального секретаря»^[364]. Оганесов продолжает: «И он нас высмеял, изругал: Что вы глупости говорите, какой я генеральный»^[365]. Молотов подтвердил, что Киров рассказал об этом Сталину^[366]. Сталин получил новые данные о том, что среди влиятельных партийных чиновников, появились десятки и сотни людей, стремившихся его «убрать». Судя по последующему вниманию НКВД к Азово-Черноморскому краю, Киров мог сообщить Сталину о беседе с Шеболдаевым. Об оппозиционных настроениях Косиора Сталин догадался в 1938 г.

Таким образом вывод А. Кирилиной, «что все разговоры о тайном совещании, о замене Кирова Сталиным являются мистификацией»^[367], нельзя признать обоснованным. Решающим для биографа Кирова является не «очная ставка» источников, а такое вполне логичное соображение: «Вряд ли можно поверить, что именно Киров был той фигурой, которая могла стать, по мнению делегатов, антиподом Сталина на посту генсека. Масштаб не тот»^[368].

Это верно. Но если недовольные партбоссы додумались совещаться по этому вопросу с Кировым, то им могло «хватить ума» взять власть самим. Киров был очевидно неспособен руководить самостоятельно, как Ленин, Сталин, Троцкий. Также потом соратники Сталина думали о Хрущеве, ставя его во главе партии. Хорош для «коллективного руководства». Для единоличного лидерства — «масштаб не тот».

По мнению В. Молотова, «Киров... теоретиком не был, и не претендовал... О том, чтобы ему идейно разбить Троцкого, Зиновьева, Каменева, об этом и говорить нечего!»^[369]. В случае подобной смены лидера могло быть облегчено и возвращение к власти оппозиционных вождей, когда выяснилось бы, что без соответствующей квалификации провинциальным руководителям не удастся справиться с «масштабом».

Разговор оппозиционеров с Кировым, человеком, который не участвовал в совещании, был делом рискованным. Но Косиор, Шеболдаев и другие «старрики» тоже когда-то договаривались между собой. Получается, что инициаторы новой оппозиции не решились выдвинуть себя кандидатами в генсеки. Сначала попробуем уломать «кронпринца», а уж если не выйдет, то чем хуже Косиор или Шеболдаев?

Доступные нам данные позволяют утверждать, что Сталин имел основания считать: влиятельные чиновники и бывшие оппозиционеры активно контактируют друг с другом, и пропаганда оппозиционеров имеет успех. И это происходило в абсолютистско-тоталитарной системе, идеально приспособленной для переворота. Для изменения курса, вызывающего широкое недовольство, достаточно отстранить от власти или уничтожить всего несколько руководителей.

Антисталинский заговор: контуры реальности

Предпринимались ли шаги к осуществлению антисталинского переворота? Исследование этой проблемы было скомпрометировано методами сталинской фемиды и последующими их разоблачениями. После XX съезда КПСС считалось, что все показания и признания об антисталинском заговоре были получены под пытками и абсолютно недостоверны. С 1994 г. обсуждение проблемы антисталинского заговора возобновилось и историками, критически относящимися к Сталину [\[370\]](#). Не утруждая себя разбором доказательств и аргументов, сталинисты начала XXI века категорически утверждают: все обвинения сталинской фемиды верны — заговорщики собирались не просто свергнуть Сталина, а расчленить страну, отдать ее куски другим государствам и капиталистам. Они устраивали аварии на заводах и отравляли скот, чтобы сделать жизнь хуже.

Приверженцы юридического подхода утверждают: внутри страны Сталину никто не угрожал. Ведь они не оставили после себя документов, проектов конституций, как, скажем, декабристы или

петрашевцы. Но декабристы успели выйти на Сенатскую площадь «в свой назначенный час». Однако могли и не успеть. Александр I получал предупреждения о заговоре, но не принял мер. А если бы принял, мы бы судили о заговорщиках по их признаниям и проектам конституций. В XX веке обвиняемые в заговоре признавались в преступлениях, но в большинстве своем не писали тайных проектов. Это было не нужно. Свои идеи они с исчерпывающей полнотой сформулировали в 20-е гг.

Можно ли понять, стали ли опальные лидеры большевизма лояльными Сталину после очередных покаяний 1933 г., или они стремились при первой возможности вернуться в политику? Можно понять, что на самом деле думали опальные большевики в 1934 г. Можно. Лидеры идейных течений 20-х гг. не переставали писать и в 30-е гг. Их мысли были заняты противоестественными условиями политической борьбы в условиях сталинской диктатуры. И даже если речь шла «о другом», сквозь строки проступала трагическая судьба оппозиции «без программных документов».

Незадолго до ареста Л. Каменев по долгу службы в издательстве «Академия» писал предисловие к сборнику, посвященному заговору Катилины в древнем Риме. Он считает, что это — «революционное движение», «последняя попытка сопротивления республиканских элементов» наступлению цезаризма. «Они не оставили истории никаких свидетельств о своей программе, своих планах и замыслах. Сохранились только свидетельства смертельных врагов движения... Обесчещенные врага, сведение социально-политического движения к размерам уголовного преступления — такова была цель обоих (выражавших официальную точку зрения Цицерона и Салюстия — А. Ш.). Задача удалась... Катилина и его сообщники вошли в историю как устрашающий образец политических авантюристов, готовых ради низменных личных целей, опираясь на отребье человечества, предать на поток и разграбление основы человеческого общежития. Обычная участь разгромленного революционного движения»^[371]. Сталинское словечко «отребье» Каменев приводит почти в это же время, когда пишет о советском обществе, но в другом контексте — повторяя штампы сталинской пропаганды^[372]. Употребляя современные пропагандизмы в статье о Древнем Риме, Каменев подчеркивал ее эзопов язык. Слово «отребье» будет звучать и на процессах, где

Каменева и других участников «разгромленного революционного движения» будут обвинять в стремлении «предать на поток и разграбление основы человеческого общежития», во вредительстве небывалых масштабов.

Но, даже читая «прокурорские речи Цицерона» (еще одна аналогия Каменева), можно реконструировать цели движения Катилины. Аналогии Каменева могут иметь для нас и методологическую ценность — в XXI в. пора исследовать события 30-х гг. без груза идеологических пристрастий XX века. Как дело Катилины или царевича Алексея.

О взглядах лидеров внутрипартийной оппозиции XX в. мы знаем гораздо больше, чем о Катиле. Знаем мы и то, что их критическое отношение к сталинской системе мало изменилось в первой половине 30-х гг. Так, «разоружившийся перед партией» троцкист Х. Раковский сразу после ареста, еще до того, как согласился клеветать на себя, говорил о своих взглядах: «пролетарская диктатура превратилась в государство сословное»^[373]. Может ли настоящий большевик не бороться против сословного государства?

* * *

На процессах 30-х гг. говорилось об обширных связях Троцкого в СССР. Были ли эти связи реальностью? Например, Троцкий отрицал, что знал своего «связника» Райха, упоминавшегося на процессах. Современные исследования показывают, что Райх был в контакте с Троцким и, следовательно, Троцкий скрывал реальные контакты с большевиками, оставшимися в СССР^[374].

Сегодня мы знаем о контактах оппозиционеров с Троцким даже больше, чем сталинское следствие.

Следствию не удалось установить, что И. Смирнов в 1931 г., во время заграничной командировки встречался с сыном Троцкого Л. Седовым и обсуждал взаимодействие его группы с Троцким. Контакты продолжились в 1932 г., во время поездки за границу Э. Гольцмана, который передал Седову письмо Смирнова о переговорах между группами троцкистов, зиновьевцев и Ломинадзе-

Стэна о создании блока. Седов утверждал, что он получил сообщение о переговорах между блоком левых (троцкистами и зиновьевцами) и правыми: слепковцами и рютинцами^[375].

Троцкий оставался фактором политической жизни СССР. Между тем взгляды Троцкого в начале 30-х гг. заметно менялись. Иначе после сдвигов первой пятилетки и быть не могло. Еще в 1930 г. Троцкий заявил об индустриализации: «разгон взят не по силам»^[376].

В марте 1930 г., во время сталинского отступления на поле коллективизации, Троцкий, естественно, возложил на сталинскую фракцию ответственность за провал: «Все, что проповедовалось годами против оппозиции, якобы не признававшей этого — о „смычке“, о необходимости правильной политики по отношению к крестьянству, вдруг оказалось забыто, или, вернее, превращено в свою противоположность... Как уже не раз бывало в истории хвостизм превратился в свою противоположность — в авантюризм»^[377].

Это означало, что разногласия Троцкого с правой оппозицией перед лицом сталинского скачка становились второстепенными.

Главным было противоречие сталинского режима и всех остальных течений большевизма: абсолютный централизм, тоталитаризм и монолитность власти против внутрипартийного плюрализма и умеренного авторитаризма.

Троцкий из эмиграции наиболее откровенно формулировал задачу: необходимо «отделение здорового от больного, очистка от мусора и грязи»^[378] в бюрократических коридорах. Это требование вряд ли могло понравиться партийным бонзам, настроенным антисталински. Но они были согласны с троцкистами в «программе-минимум»: необходимо «выполнить последний настойчивый совет Ленина — убрать Сталина»^[379]. В этом контексте требование Троцкого звучит как чисто политическое. Но после того, как требование «убрать Сталина» будет повторяться оппозиционными группами, Сталин станет трактовать его как террористический призыв.

Троцкий относился к терактам в СССР также, как большевики к эсеровскому террору начала века — с сочувствием. Это — симптом разложения режима, приближения революции. Но «сами по себе террористические акты меньше всего способны опрокинуть бонапартистскую олигархию»^[380].

В октябре 1933 г. Троцкий отказывается от борьбы за изменение партийного режима легальным политическим путем: «Для устранения правящей клики не осталось никаких нормальных, „конституционных“ путей. Заставить бюрократию передать власть в руки пролетарского авангарда можно только силой»^[381]. Это означало начало подготовки антисталинской революции или переворота. При этом революция не должна была сломать «социалистические элементы хозяйства» и структуры «диктатуры пролетариата», которые, по мнению Троцкого, все еще сохранялись в СССР наряду с бюрократической диктатурой. Троцкий не мог рассчитывать на поддержку партбоссов, и снова надеялся на перемены, связанные с мировыми потрясениями: «Как и в странах фашизма, толчок к революционному движению советских рабочих дадут, вероятно, внешние события»^[382], — говорилось в документах IV Интернационала, организованного Троцким. Из подобных высказываний (а возможно — и более откровенных обсуждений троцкистов в узком кругу) Сталин сделал вывод, что Троцкий готов приложить руку к этому поражению.

На следствии перед процессом 1938 г. Бухарин утверждал: «Радек мне говорил, что Троцкий считает основным шансом прихода блока к власти поражение СССР в войне с Германией и Японией и предлагает после этого поражения отдать Германии Украину, а Японии — Дальний Восток. Радек мне сообщил об этом в 1934 г. ...»^[383] Что это, выдумка или интерпретация? Если интерпретация, то о чем говорили Троцкий и его сторонники, а потом Радек и Бухарин? Для того, чтобы понять логику обсуждений в оппозиционных и эмигрантских коммунистических кругах, достаточно вспомнить об опыте большевиков 1917–1918 гг. и спорах 20-х гг. Если Сталин потерпит поражение в войне, то это приведет к его падению и возвращению к власти большевистской или лево-социалистической коалиции. Для укрепления новой власти, как и в 1918 г., придется заключить с немцами (а теперь еще и с японцами) «похабный мир», придется предоставить самостоятельность Украине и фактически отдать ее немцам. А потом, укрепившись, вызвав в Германии революцию, вернуть все упущенное с прибытком. Это уже проходили. Противники Сталина могли говорить о вынужденных мерах в случае поражения (это вполне соответствует открытой позиции Троцкого). Сталин заставил Бухарина и других подсудимых признавать, что они желали

делать уступки врагам СССР. Но даже на процессе Бухарин говорил (в явном противоречии с тенденцией следствия): «мы рассчитывали, что немцев надуем и это требование не выполним»^[384]. Здесь тоже видны отголоски реальных бесед, соответствующих большевистской тактике времен революции.

Когда готовились процессы над противниками Сталина, из всего многообразия оппозиционных бесед «сценаристы» выбирали то, что в наибольшей степени компрометировало оппозиционеров. Но в копилке политического опыта большевиков был не только Брестский мир, но и Октябрьский переворот. К тому же в ЦК была группа людей, готовая выступить против Сталина. Но только при условии, если будет гарантия: за выступление против Сталина не арестуют в зале заседания. А для этого нужно взять зал под свою охрану.

Политический заговор нуждается для осуществления своих целей в силовом рычаге. Есть немало оснований считать, что и в РККА были «генералы» (даже не «сто прапорщиков»), обсуждавшие политические вопросы и надеявшиеся вмешаться в политическую борьбу. «Весь тридцать шестой год я прожила в Ленинграде..., — вспоминала жена одного из арестованных военачальников Л. Брик. — И в это время я, чем дальше, тем больше, замечала, что по вечерам к Примакову приходили военные, запирались в его кабинете и сидели там допоздна. Может быть, они действительно собирались свалить тирана»^[385]. Здесь необходимо напомнить, что закрытые встречи партийцев во внеслужебной обстановке строжайше не рекомендовались и воспринимались как фракционность. И тем не менее военные шли на риск, проводили такие встречи. Значит, и темы обсуждения были нелегальны.

Вспоминая об отношении сталинцев к военным, Каганович говорил: «Что многие из них носили у себя в портфеле жезл Наполеона — это несомненно. Тухачевский был, по всем данным, бонапартистских настроений. Способный человек. Мог претендовать»^[386].

Систематическая подготовка Большого террора началась с момента убийства Кирова 1 декабря 1934 г. Не вдаваясь здесь в действительные обстоятельства убийства Кирова, напомним, что бытуют три версии этого события: действовал одиночка, убийство было организовано Сталиным или оппозицией. На сегодняшний день нет убедительных доказательств, что убийство стало результатом заговора. Но современники этого не знали, и подозрение пало на «левых экстремистов», то есть на зиновьевскую группу, которая продолжала вести пропагандистскую работу в Ленинграде. Сталин либо воспользовался ситуацией, либо, на что указывает множество обстоятельств, сделал вывод, что началась охота на него и сталинцев в руководстве. И решил, что пора действовать решительно^[387].

До 1 декабря 1934 г. Сталин был готов терпеть оппозиционные разговоры при условии, что они будут происходить в узком кругу. Но вот кто-то стал расчищать с помощью террора дорогу к власти оппонентам Сталина. И Сталин решил, что ждать больше нельзя — началось широкомасштабное расследование контактов оппозиционеров. Теперь связь коммуниста с оппозиционером считалась преступной. И это «преступление» было массовым.

* * *

Сегодня обсуждается существование различных группировок, которые в это время представляли угрозу для Сталина и его ближайших соратников в середине 30-х гг.:

1. Левые радикалы (в том числе сторонники Троцкого и Зиновьева), преимущественно молодежь. Некоторые леваки мечтали о повторении подвигов «Народной воли».

2. Коммунистические идеологи, обсуждающие различные тактические способы устранения сталинской группы и восстановления внутрипартийной «демократии».

3. Внепартийные интеллектуалы — «спецы», бывшие члены оппозиционных партий.

4. Партийные «бароны», недовольные сталинским централизмом и волюнтаризмом, разочарованные первыми итогами реализации

сталинской стратегии и возмущенные репрессивным наступлением НКВД.

5. Недовольные военные руководители^[388].

Связи между всеми этими группами неустойчивы, стратегические цели — различны. Но их объединяет одна общая тактическая цель — устранение сталинской олигархии.

Ход сталинских расследований в 1934–1937 гг. показывает, что убийство Кирова до некоторой степени дезориентировало Сталина. Он сосредоточил внимание на бывших оппозиционерах, в то время как угроза исходила с другой стороны. Отсюда — и сталинское недовольство Ягодой, несмотря на то, что он успешно справился с подготовкой процесса Каменева-Зиновьева. Весной 1937 г. Сталин узнает нечто, что заставляет его «отказаться от планомерности» следствия 1934–1936 гг.

Сталин действует так, будто действительно столкнулся с серьезной угрозой переворота. Развернулись аресты партноменклатуры, которая не была причастна к оппозициям. А затем разразилось «дело военных». Сталин будто внезапно узнал о партийно-военном заговоре, причем из источника, которому доверял. Не случайно, что события развернулись в преддверии планового июньского пленума ЦК. Именно он мог придать легитимность смене руководства.

Почему признались военные?

Импульс террору придало «дело военных». В мае начались аресты в военной верхушке СССР. Сталин шел на большой риск, затронув военную касту. Если заговора не было, то он просто провоцировал его своими репрессиями против «генералов». Но самое удивительное в этой истории даже не это, а то, как быстро мужественные полководцы признавались в страшных и позорных преступлениях.

26 мая, всего через четыре дня после ареста, Тухачевский признал, что с 1932 г. участвует в заговоре и шпионит на Германию. Что так быстро?

Дочь Тухачевского утверждает, что маршал согласился подписать показания, когда следователь привел к нему ее, 13 летнюю, и обещал истязать девочку. Тухачевский ответил: «Уведите ее. Я все подпишу»^[389]. Через две недели Тухачевский предстанет перед судом своих коллег. Тут бы и рассказать, какой угрозой были вырваны абсурдные показания. Это заявление гарантировало бы и безопасность дочери, и позорный провал следствия, крушение всего обвинения. Но нет. Об этом Тухачевский молчит, показания на суде подтверждает.

Генерал НКВД А. Орлов, сбежавший от Сталина, рассказывает, что уже в феврале 1937 г. был проинформирован родственником, что военные собираются арестовать Сталина. Если информатор Орлова З. Кацнельсон или сам Орлов не выдумали эту историю^[395], судьба Сталина висела на волоске. Версия Орлова, конечно, не является исчерпывающим доказательством существования заговора. Однако она предлагает рабочую гипотезу, которая объясняет множество фактов, необъяснимых с точки зрения юридического подхода (в том числе и неизвестных Орлову). В. Роговин считает, что есть основания считать свидетельство Орлова достоверным: «Генералы отнюдь не стремились к установлению в СССР военной диктатуры. Они хотели восстановить большевистский режим и поэтому выбрали такой мотив свержения Сталина, который мог перетянуть на их сторону большинство ЦК»^[396].

Но подготовка военно-политического переворота требовала вовлечения большого числа людей. Если Сталин мог заручиться свидетельствами влиятельных участников оппозиционных консультаций, то поведение арестованных военных получает простое объяснение: поняв, что заговор раскрыт, они встали перед выбором — расстрел за подготовку государственного переворота или сделка со Сталиным.

Кто мог выдать заговорщиков. Кто-то из военных, вовлеченных в заговор и осознавших, что после устранения Сталина власть может перейти «не в те руки»? Или кто-то из высокопоставленных партийных аппаратчиков, с которым велись консультации о проведении пленума, посвященного снятию Сталина с должности? Интересный эпизод: Л. Рудинкина, жена авиаконструктора А. Яковлева, выросшая в семье Я. Рудзутака, вспоминала, что в 1937 г. однажды случайно услышала беседу с критикой Сталина, в которой участвовали Рудзутак, Микоян и военные^[397]. Микоян пережил террор,

а весенние аресты высокопоставленных партийцев начались с Рудзутака. Впрочем, у Сталина могло быть и несколько авторитетных информаторов.

* * *

На процессе 11 июня Якир, Тухачевский, Корк и Фельдман произнесли развернутые речи. Все признали вину. Генерал Д. Волкогонов писал в 90-е гг.: «Едва ли кто из членов суда верил, что перед ними сидят „заговорщики и шпионы“. Думаю, что и у Тухачевского и его сотоварищей могла где-то шевельнуться надежда: ведь суд, состоящий из людей, с которыми двадцать лет служили под одними знаменами, должен прислушаться если не к зову справедливости, то хотя бы к традициям боевого товарищества... Но совесть в то время предельно скупно использовала свой вечный шанс. Остался он невостребованным и на этот раз»^[398]. Этот весьма распространенный среди «шестидесятников» взгляд на вещи был бы хоть сколько-нибудь оправдан, если бы Тухачевский и сотоварищи пытались доказывать свою невиновность в государственных преступлениях. Но они признавали свою вину в предательстве (хотя в разных формах и в разной мере). Если бы в бытность Волкогонова заместителем начальника Главпура в первой половине 80-х гг. группа офицеров признала свою вину в подготовке переворота (в том числе и на суде), что подсказала бы ему совесть политработника? В 1937 г. ситуация была еще более определенной. В заговоре обвинялись люди, которые реально могли совершить переворот, у которых были основания стремиться к изменению курса, которые и прежде вели «опасные разговоры» на эту тему. Они были воспитаны эпохой революционных переворотов и мятежей. Судьи имели и личные основания недолюбливать подсудимых, так что признания ложились на подготовленную почву. Почему бы Буденному не считать Тухачевского бонапартистом?

Конечно, если бы Тухачевский утверждал, что признания были выбиты или достигнуты шантажом, то судьи могли усомниться, потребовать дополнительных проверок. Чтобы как-то обосновать свою

версию, Волкогонов даже делает сенсационное заявление о том, что «обвиняемые не подтверждали данных на предварительном следствии показаний». Поскольку Волкогонов не хочет привести конкретных показаний, которые обвиняемые «не подтверждали», то у него получается, будто все кроме Примакова, заявили о своей невиновности: «В своем последнем слове Тухачевский, Якир, Корк, Уборевич убежденно говорили о своей преданности Родине, народу, армии, особенно подчеркивали свою полную лояльность „товарищу Сталину“». Просили снисхождения за возможные ошибки и промахи в работе.

Диссонансом на суде прозвучало последнее слово Примакова. Он полностью подтвердил официальное обвинение, заявив, что „всех заговорщиков объединило знамя Троцкого и их приверженность фашизму“»^[399]. Фельдман и Корк также каялись безо всяких оговорок. Что касается Тухачевского, Уборевича и Якира, они тоже признавали свою вину в заговоре, отрицая только некоторые эпизоды обвинения. Как и в письме Якира Сталину, все они теперь унижались перед вождем. Но снисхождения просили не за ошибки, а за предательство.

Частичное признание вины симптоматично. Якир и Уборевич каялись в заговоре, но категорически отрицали участие в шпионаже, а Уборевич — еще и во вредительстве. Якир участие во вредительстве вообще-то не отрицал, но на конкретные вопросы Блюхера отвечал путано и неконкретно. Да и Тухачевский, который сначала признал шпионаж, на суде уклончиво отвечал, что не знает, можно ли это считать шпионажем. Ведь речь шла о служебных контактах с немецкими офицерами. Пришлось даже подправлять стенограмму его выступления, подставляя к слову «генеральный штаб» (имелся в виду советский) слово «японский». Фельдман также убеждал суд, что если что-то и сообщил лишнего иностранцам, то это «пустяковые сведения».

Если невиновны полностью, то возможно два типа поведения: все отрицать в надежде разоблачить провокацию следствия перед товарищами по оружию, либо все признавать, надеясь заслужить этим себе жизнь. Промежуточные варианты возможны, если люди считают себя частично виновными, и в надежде на жизнь готовы покаяться. Тогда «тенденция следствия» расходится с показаниями, но впечатления невиновности все равно не получается.

Если вынести за скобки гипотезы, мы можем констатировать: признания военных на суде не могут быть объяснены только физическими пытками и угрозой родственникам. Либо обвиняемые — патологические трусы (не решились опровергнуть клевету даже на суде), либо были действительно замешаны в заговоре.

События апреля-июня 1937 г. не вытекают непосредственно из планомерной работы по уничтожению троцкистов и зиновьевцев, которой был посвящен февральско-мартовский пленум ЦК 1937 г. Весной-летом Сталин действовал так, будто парировал внезапно обнаруженную смертельную опасность.

Чтобы обеспечить свою стратегию монолитной власти, Сталин до апреля 1937 г. методично проводил свою «антитеррористическую операцию», которая должна была завершиться выкорчевыванием фракций и разрушением бюрократических кланов (прежде всего Ленинградского, Азово-Черноморского, некоторых отраслевых). Однако массовое уничтожение руководящих и военных кадров для этого не требовалось. Враждебные силы были идентифицированы и взяты на прицел: бывшие оппозиционеры, лидеры нескольких партийных кланов.

И вдруг где-то в апреле 1937 г. узнает, что он окружен влиятельными заговорщиками со всех сторон.

Внезапная «угроза с тыла» доказала Сталину и его ближайшему окружению: оппозиционное движение организуется гораздо быстрее и шире, чем казалось. Даже «неправовые» методы расследования НКВД не позволяют разоблачить врагов, обступающих со всех сторон сталинскую олигархию. Самосохранение власти и стратегии диктовало единственный выход — тотальный социальный террор, кровавая чистка всех потенциально опасных социальных групп, удары не по конкретным целям, а по площадям. Погибнут тысячи невинных, но и заговорщики не выживут.

Отсюда — и продолжение широкомасштабной чистки офицерского корпуса после того, как было уничтожено «ядро заговора».

Уничтожение тысяч военных породило устойчивую версию: репрессии подорвали обороноспособность страны настолько, что обеспечили успехи Гитлера в 1941 г. Бывший подчиненный Тухачевского А. И. Тодорский утверждал: «Наши тяжелые неудачи начального периода Великой Отечественной войны с неисчислимыми людскими и территориальными потерями явились в значительной мере результатом этих репрессий Сталина...» ^[400] Эта позиция стала хрестоматийной. Но сегодня уже не бесспорной.

По словам Ворошилова в 20-х — первой половине 30-х гг. из армии было уволено 47 тыс. офицеров, причем 5 тыс. — за причастность к оппозициям. В 1937–1938 г. было «вычищено» по данным Ворошилова около 40 тысяч. Уточнение этой цифры дает 37 тыс. уволенных из РККА в 1937–1938 гг., из которых по политическим мотивам уволено 29 тыс. офицеров. Арестовано было до 8 тыс., а расстреляно — до 5 тыс. К 1941 г. 13 тыс. офицеров были восстановлены в армии. Всего в это время в РККА служило 580 тыс. офицеров^[401].

Расстрел тысяч людей — это трагедия. Но стала ли она причиной трагедии 1941 г. Чистка офицерского состава не может не дезорганизовать армию. Но дезорганизация произошла в 1937–1938 гг. и может объяснить, скажем, неудачные действия Дальневосточной армии во главе с Блюхером у оз. Хасан^[402]. Но уже в 1939 г. боевые действия на р. Халхин-Гол были успешными.

Количество уволенных составляло менее 2,5 % офицерского состава накануне войны. Низкое качество подготовки офицерского состава объяснялось не столько этими увольнениями, сколько массовым притоком новых кадров в связи с ростом численности армии, отсутствием возможности «обстрелять» офицеров в условиях боевых действий (лишь незначительный процент участвовал в боевых действиях в Испании, на Дальнем востоке и в Финляндии, причем большинство «фронтовиков» осталось служить и в 1941 г.). Значительная часть вычищенных офицеров относится к комиссарскому, а не командному составу. С началом войны эта потеря легко восполнилась за счет партийных работников.

Основной удар сталинских чисток был нанесен по высшему командному составу. Из 837 человек, имевших в 1935 г. персональные

воинские звания (от полковника и выше) было арестовано 720 чел. Из 16 командармов и маршалов уцелели четверо. Особенно ярко потери среди командного состава иллюстрирует число погибших маршалов — 3 из 5. Маршалы — хороший пример, и может быть рассмотрен кратко. Насколько их гибель подорвала обороноспособность Красной армии? Можно спорить о военных способностях Тухачевского. Битву за Варшаву в 1920 г. он проиграл и потом всю жизнь доказывал, что в этом виноват кто угодно, кроме него. Но Блюхер был арестован после фактического поражения под Хасаном. Ему предъявлялись обвинения в излишних репрессиях против командного состава (террор в армии на Дальнем Востоке действительно проводился при участии Блюхера). Возможно, лишь гибель командарма в застенках НКВД спасла его от позора разделить «славу» Ежова и, может быть, выступить с ним на одном процессе.

Не боялся Сталин избавиться и от маршала Егорова. Можно согласиться с мнением, что в натуре Егорова «было больше от чиновника, чем от полководца». Проанализировав его боевой путь, Б. Соколов пишет: «Сомневаюсь, что Александр Ильич оказался бы на высоте в годы Великой Отечественной войны»^[403]. Такие же сомнения можно высказать и о военачальниках рангом ниже, таких как Дыбенко, например.

Чистка 1937–1938 гг. открыла дорогу генерации Жукова. Разумеется, эта генерация славна не только победами, но и поражениями. Но трудно привести убедительные доказательства, что Тухачевский, Якир, Уборевич, Егоров и др., военное искусство которых было сформировано в гражданской войне, могли победить какую-либо иностранную армию. Единственную в своей жизни внешнюю войну — с Польшей — они проиграли. Дыбенко потерпел поражение еще и в столкновении с немцами под Нарвой в 1918 г., а Блюхер не смог выполнить боевую задачу в конфликте с японцами — взять спорные высоты, не вступая на территорию Манчжурии.

Так что последствия репрессий 1937–1938 гг. для обороноспособности страны были не больше, чем у репрессий после разгрома восстания декабристов.

Удары по площадям

В 1937–1938 гг. Сталин и его подручные убивали сотни тысяч людей, подчиняясь своим садистским и параноидальным побуждениям. Рациональных мотивов их действий не было. Судьба жертв сталинизма не зависела от их поведения. В показаниях осужденных нет ни слова правды, поскольку все они написаны под диктовку следователей.

Противоположная версия: Сталин добился уничтожения реальных врагов. Но враги с вредительскими целями оговорили честных людей, которых тоже пришлось репрессировать. В органы НКВД тоже пробрались вредители, которые осуждали неповинных людей. Сталин не несет за это ответственность.

Решившись нанести «удары по площадям», Сталин вынужден был отказаться от многих своих старых планов. Задача разгрома целых блоков правящей элиты означала, что какое-то время некому будет управлять хозяйством страны (в условиях бюрократизации экономики это означало паралич). Чистка «зараженных» кадров армии, дипломатии, Коминтерна и разведки означала, что во внешней политике теперь придется вести себя гораздо осторожнее. СССР был вынужден значительно ослабить свое вмешательство в Испании. Начался глубокий кризис политики Народного фронта — союзники коммунистов социалисты увидели в действиях Сталина признаки фашизма. «Имидж» СССР в среде западноевропейских интеллектуалов серьезно пострадал. Но внутривнутриполитические ставки Сталина были важнее всех этих потерь. У него оставался единственный шанс провести свою стратегию — уничтожить все, что могло оказывать сопротивление тотальной управляемости из центра.

Разгром военных обеспечил Сталину достаточный перевес сил для разгрома партийных кланов. Попытки сопротивления и протеста уже не имели под собой «материальной силы» и пресекались.

Партийных аппаратчиков, связанных с ними представителей интеллектуальной элиты и просто случайных людей сотнями тысяч ставили к стенке и отправляли на гибель в лагеря. Решая задачу политического выживания и сохранения своей стратегии, Сталин запустил машину террора, и теперь она работала по своим внутренним

законам. Исполнители указаний — тоже люди со своими мелкими мещанскими целями, карьерными интересами и мстительностью. Теперь участники миллионов мелких конфликтов были вооружены смертельным оружием доноса. Работники НКВД наслаждались правом казнить и миловать (которое похоронит и многих из них). Чистка развивалась как эпидемия по каналам распространения слухов, дружеских и родственных связей. Арест брата, старого товарища или человека, с которым раньше делился информацией, означал смертельную угрозу. Страх атомизировал элиту общества, связи обрывались, общение прекращалось, каждый чиновник теперь был связан только с вышестоящим начальником (официально) и со Сталиным, которому всегда можно было написать донос на начальника.

Решившись на массовый террор Сталин приступил к систематическому разгрому кланов, независимо от того, были ли у него прежде претензии к их лидерам. В регионы выезжали комиссии во главе с кем-нибудь из членов Политбюро. Эти карательные экспедиции тщательно охранялись — к возможности сопротивления относились серьезно. Прибыв на место, представитель Вождя проводит пленум обкома, на котором снимал с постов прошлое руководство, арестовывая его практически поголовно. Удары по региональным штабам приходилось наносить несколько раз, прежде чем Сталин приходил к выводу, что они стали вполне послушными.

* * *

Большой террор не был иррациональной вакханалией убийств, в его основе лежала своя логика. Часто приходится слышать, что Сталин создал архаичное общество. Отнюдь, он вполне созвучен эпохе. И дело не только в Освенциме и Хиросиме. Сталин методами террора продолжал дело индустриальной модернизации. Ему нужна была государственная машина, в которой детали беспрекословно следуют инструкции, а не рассуждают. Кадры партии и государства должны были превратиться в стандартные инструменты, лишённые собственной воли. Малейшее отклонение от стандарта ведет к

отбраковке детали. И не в отставку, где опальные чиновники могут плести нити заговоров, а на уничтожение — в лагеря или под расстрел.

Новые административные кадры выдвигались из среды тех кругов, против которых велась борьба, поэтому машина репрессий должна была уничтожить несколько слоев руководителей, прежде чем кланы могли считаться ликвидированными. «Погромив» руководителей, принадлежавших к клану арестованного «барона», их нужно было кем-то заменить. Так, разгромив Воронежский обком, Андреев докладывал Сталину, что новый первый секретарь (переброшенный с орловщины и таким образом оторванный от собственного клана) пока работает один, подбирает людей, которых потом «изберут» в обком. Откуда взять этих новых людей? Но есть тысячи партийцев, которые были исключены из партии предыдущим руководством. Несколько месяцев, а то и лет эти люди находились между жизнью и смертью. На ком-то было политическое клеймо, кто-то был виновен в «моральном разложении» или злоупотреблениях. Часть исключенных подавала апелляции. Эти люди были настроены враждебно к «разоблаченному» местному руководству, оторваны от бюрократических кланов. Из этих маргинальных коммунистов можно было сформировать новое руководство. Но в случае чего, вскорости и расстрелять не оправдавших доверие. Несмотря на отсутствие подготовки и знаний, массы низовых партработников (кто пережил чистку) перемещались на несколько ступенек вверх по бюрократической лестнице. Обязанные террору своей головокружительной карьерой, эти люди станут верной опорой Вождя. Хорошим кадровым резервом считались работники НКВД. Но пока у них было много работы.

Решившись на разгром бюрократических кланов, Сталин не забыл и «маленького человека». Все социальные группы, в которых зрело недовольство, делились на живых и мертвых — на потенциальных Николаевых и верных Сталину Николаенко.

«Николаенко — это рядовой член партии, — говорил Сталин. — Она — обыкновенный „маленький человек“. Целый год она подавала сигналы о неблагополучии в партийной организации в Киеве, разоблачала семейственность, мещанско-обывательский подход к работникам ... засилье троцкистских вредителей. От нее отмахивались, как от назойливой мухи. Наконец, чтобы отбиться от

нее, взяли и исключили ее из партии...»^[404] Сталин направил массы рядовых «Николаенко» против партийной элиты, и таким образом ослабил недовольство правящим центром. Миллионы людей на массовых митингах требовали расстрела «шпионов и убийц», и большинство — вполне искренне. Доносительство стало повальным. Объяснением всех житейских проблем стали происки «врагов». Это позволяло превратить миллионы потенциальных Николаевых в Николаенко, направить гнев недовольных с центральной олигархии на региональную бюрократию.

И в начале XXI в. сталинисты, современные «Николаенко», продолжают верить, что целью Сталина было извести «зажравшуюся», «разложившуюся» номенклатуру. Но это — просто еще один миф. Сталин заменил людей, но не стал менять систему, воспроизводящую «разложение». В силе остались и номенклатурные привилегии, и всевластие чиновника над «маленькими людьми».

* * *

Важный «шестидесятнический» миф — ненависть Сталина к интеллигенции. Он подтверждается судьбами одних деятелей культуры, но тут же опровергается биографиями других, которым повезло больше. Это требует объяснения. На примере «дела Кольцова» мы увидим, что всегда можно найти политическую причину гибели того или иного мастера слова.

Сталин внимательно следил за ходом мыслей партийных интеллигентов и уничтожал всех, кого подозревал в оппозиционных взглядах.

Были уничтожены выдающийся режиссер, идейный коммунист В. Мейерхольд, писатели и поэты, критиковавшие Вождя даже с помощью намеков (например, Б. Пильняк и О. Мендельштам), ведущий коммунистический журналист М. Кольцов и т. п. Их погубило стремление активно участвовать в политической жизни. Они не вписались в модель, начертанную в 1937 г.

Творчества непартийной интеллигенции, не участвовавшей в идейной борьбе, Сталин не опасался — сохранил жизнь выдающимся

русским литераторам А. Ахматовой, М. Зощенко и М. Булгакову, далеким от коммунистических взглядов.

Сталинисты сегодня уже признают, что террор ударил и по невиновным людям (в этом отношении сталинисты менее догматичны, чем те «шестидесятники», которые отрицают рациональные политические мотивы в поведении Сталина). Почему же их кумир допустил такое количество «щепок» при «рубке леса»? Виноваты плохие исполнители и сами «заговорщики», которые вредительски оклеветали невиновных. Этот миф о хорошем царе легко опровергается. Решения о массовом терроре исходили от Политбюро. После июня 1937 г. Сталина и его соратников вообще не интересовал вопрос персональной виновности жертв террора. Они решали средствами террора социальные задачи, и за вину отдельных людей должны были ответить целые социальные группы. Как во времена Гражданской войны.

Сталин наметил несколько социальных «площадей», которым предстояло превратиться в «выжженную землю». 2 июля 1937 г. Политбюро направило секретарям обкомов, крайкомов, ЦК республиканских компартий телеграмму: «Замечено, что большая часть бывших кулаков и уголовников, высланных одно время из разных областей в северные и сибирские районы, а потом по истечению срока высылки, вернувшись в свои области, — являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений, как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых отраслях промышленности.

ЦК ВКП(б) предлагает всем секретарям областных и краевых организаций и всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки, а остальные менее активные, но все же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД»^[405].

Летом 1938 г. Сталин считал, что социальная программа террора выполнена, монолитная модель общества была реализована настолько, насколько это было возможно. Это не значит, что Сталин после 1938 г.

сделался политическим вегетарианцем. Просто теперь репрессии могли быть более «точечными».

Наш отец Лаврентий Берия

Героем сталинистов-державников в последние годы стал Лаврентий Берия. Это забавно, так как во времена СССР сталинисты как раз оправдывали Сталина, списывая на Берия злоупотребления эпохи. Но от ненависти до любви — один шаг. И теперь прежде оклеветанный Лаврентий Павлович предстает в сталинистских книжках гениальным управленцем, единственным государственным в окружении Сталина, наследником его гения, защитником власти советов от партноменклатуры и прочая, и прочая. Украшением к портрету несостоявшегося «спасителя СССР» является «бериевская реабилитация». Законность была восстановлена, все, кого арестовали неправильно, Берия освободил.

22 августа 1938 г. первым заместителем Ежова был назначен Л. Берия. 5 сентября 1938 г. был арестован следователь Ушаков, добившийся показаний от генералов в 1937 г. Его избивали, после чего он стал жаловаться, косвенно апеллируя к Ежову: «Не расставаясь мысленно и сердцем с Николаем Ивановичем, я заявил, ссылаясь на его же указания, что бить надо тоже умеючи, на что Яролянц цинично ответил: „Это тебе не Москва, мы тебя убьем, если не дашь показания“.»^[406] Ушаков быстро дал показания о злоупотреблениях Ежова. 15 ноября было запрещено рассмотрение дел на «тройках». 17 ноября вышло постановление СНК и ЦК «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия»: «Массовые операции по разгрому и выкорчевыванию вражеских элементов, проведенные органами НКВД в 1937–1938 гг., при упрощенном ведении следствия и суда не могли не привести к ряду крупнейших недостатков и извращений в работе органов НКВД и Прокуратуры». «Работники НКВД настолько отвыкли от кропотливой, систематической агентурно-осведомительской работы и так вошли во вкус упрощенного порядка производства дел, что до самого последнего времени возбуждают вопросы о предоставлении им

так называемых „лимитов“ для производства массовых арестов». Глубоко укоренился «упрощенный порядок расследования, при котором, как правило, следователь ограничивается получением от обвиняемого признания своей вины и совершенно не заботится о подкреплении этого признания необходимыми документальными данными», нередко «показания арестованного записываются следователями в виде заметок, а затем, спустя продолжительное время ... составляется общий протокол, причем совершенно не выполняется требование ... о дословной, по возможности, фиксации показаний арестованного. Очень часто протокол допроса не составляется до тех пор, пока арестованный не признается в совершенных им преступлениях»^[407]. Постановление запрещало массовые операции по арестам и выселению, а сами аресты предписывалось осуществлять в соответствии с Конституцией страны только по постановлению суда или с санкции прокурора. 25 ноября от должности наркома внутренних дел был освобожден Ежов. В 1940 г. его расстреляют. «Большая чистка» закончилась. Разумеется, сделано это было не по инициативе Берия, а по решению Сталина. Берия должен был осуществить сталинскую реабилитацию. Впрочем, этим делом занималось не только ведомство Берия. Документы, касающиеся «восстановления законности» готовили канцелярии Маленкова и Вышинского.

Вышинский 1 февраля 1939 г. докладывал Сталину и Молотову о разоблачении группы чекистов, уличенных в том, что они встали «на путь подлогов и фабрикация фиктивных дел»^[408]. Теперь его волновало и то, что «условия содержания заключенных являются неудовлетворительными, а в отдельных случаях совершенно нетерпимыми»^[409]. Нужно заботиться о рабочем скоте, иначе его постигнет мор. А ведь это тоже — «вредительство».

В 1939 г. было освобождено более 327 тыс. заключенных. У части из них окончились сроки. Часть дел была пересмотрена. Пересмотром дел занимались НКВД, Прокуратура, судебная система. Параметры пересмотра определял Сталин по проектам Маленкова. Но поклонники и поклонницы Л. Берия приписывают славу именно ему, формируя новый мифический образ.

Е. А. Прудникова провела примерные прикидки количества реабилитированных «при Берия». В первом квартале 1940 г. из 53778 человек в порядке реабилитации было освобождено 16448 человек.

Если эта пропорция и эти темпы реабилитации сохранялись весь период 1939 г. — первой половины 1941 г., то получается 170–180 тысяч человек^[410], (здесь очевидна склонность к завышению — 16448 помножить на 10 кварталов = 164480, а не 170–180 тысяч). Правда, темпы и пропорции могли меняться. В 1939 г., когда реабилитация началась, многие решения могли приниматься тем же волевым порядком, как и решения об арестах — без «тщательного исследования» дела (Прудникова полагает, что «бериевская» реабилитация сопровождалась новым тщательным расследованием дел, раз уж ее проводит такой замечательный человек, как Берия). По мере приближения столкновения с Германией процесс реабилитации должен был тормозиться, тем более, что в мае 1941 г. прошли новые аресты высокопоставленных военных. Так что прикидки очень условны, хотя и можно говорить о десятках тысяч людей.

Сталинистка Е. А. Прудникова исходит из того, что «действительно невинные жертвы „ежовщины“ были освобождены»^[411]. Как говорится, у нас зря не сажают. Только нужно оговорить, кто такие «невинные» жертвы. Это такие балбесы, которые ничего не видели и не слышали, не говорили в жизни ни слова критики, были всегда всем довольны и смотрели на любое вышестоящее лицо с обожанием. Перенося логику сталинских следователей на конец XX века, Прудникова считает, что нужно было и во время Перестройки «пересажать фрондирующих болтунов»^[412] (а это значит — добрую половину населения, включая и саму Прудникову, которая то и дело не соглашается с руководством страны по разным вопросам).

С этой, ультра-сталинистской точки зрения даже Берия — разгильдяй, который выпустил многих «болтунов». Даже Сталин, Маленков, Вышинский и Берия, проводившие реабилитацию 1939–1941 гг., были более прагматичны, чем их нынешние поклонники.

А как быть с невинными жертвами самого Берия? Невинными в том смысле, что за умеренную фронду им приписали вредительство и шпионаж. Или мы вслед за Прудниковой поверим, что при Берия уже не избивали заключенных, а как только узнавали о мерах физического воздействия на подсудимых, тут же пересматривали дело?

Это можно проверить. Недавно были опубликованы материалы дела М. Кольцова. Эта публикация позволяет поставить многие точки

над і в бериевском мифе и в то же время лишний раз убедиться в шаткости юридического мифа «шестидесятников».

Публикаторы дела Кольцова утверждают: «В протоколах нет НИ ОДНОГО слова, которое могло бы дополнить творческую биографию выдающегося журналиста и писателя... Но Кольцов не просто пишет под диктовку малограмотного следователя. Он старается побольше оговорить знакомых ему людей и прежде всего самого себя»^[413]. Да уж, «выдающийся писатель»... Просто подонок какой-то. Здесь догматичные антисталинисты подыгрывают сталинистам с их мифом о том, что в арестах невиновных людей 1937–1938 гг. виноваты оклеветавшие их заговорщики. Но стоит начать читать протоколы, и оба мифа рушатся.

Слов, характеризующих реальную жизнь писателя до ареста, в протоколах показаний Кольцова больше, чем «тенденции следствия». Кольцов, отдадим ему должное, не оговаривал людей совсем уж просто так. Эта «тактика поведения обвиняемого» в 1938–1939 гг. была бы абсурдной — ведь уже прошли судебные процессы, которые трудно превзойти по масштабам злодеяний, приписанных обвиняемым. Кого Кольцов хотел удивить, признавшись в «мелком шпионаже»? Читая тексты признаний Кольцова, мы видим его первоначальную попытку ограничить квалификацию дела антисоветской пропагандой, «фрондирующей болтовней». Раз уж следователи знают об этих разговорах, важно, чтобы его за них и посадили. Во всяком случае, можно надеяться, что за это не расстреляют.

Показания этого этапа следствия — интереснейший материал для исследования литературной и журналистской среды 30-х гг. — с ее интригами, подсиживаниями, разговорами в курилках. Очень много интересного и не имеющего отношения к «тенденции следствия» (и вообще к делу) Кольцов сообщает о международном писательском левом сообществе. Нужно только выносить за скобки «тенденцию следствия», когда невинные в целом разговоры трактуются как «антипартийные и антисоветские»^[414]. Кольцов утверждает, что в этих беседах писательской фронды участвовали И. Эренбург и Р. Кармен. Почему бы нет? Но они не будут арестованы. «Тенденция следствия» тянется в другую сторону. Кольцов контактировал с зарубежными журналистами. Важно представить эти разговоры как выдачу важной

информации, шпионаж. Кольцов — важная фигура, отвечающая за связи с влиятельной левой писательской средой Западной Европы, которая играла важную роль в политике Народного фронта, и теперь недовольна ее пересмотром и террором в СССР. Кольцов дает следователю компромат и на эти круги. Одновременно Кольцов мог контактировать с троцкистами в Испании. И, наконец, что особенно важно, он вел фрондирующие разговоры с наркомом иностранных дел М. Литвиновым, под которого как раз в это время активно «копают» в связи с пересмотром внешней политики СССР. В этом, вероятно, и состоял основной мотив ареста Кольцова — стартовая точка дела Литвинова. 31 мая 1939 г. Кольцов дает подробные показания о заговоре в НКВД во главе с Литвиновым^[415]. Процесс над франкофилом и евреем Литвиновым в случае необходимости может произвести хорошее впечатление на Германию, если в сложной дипломатической игре середины 1939 г. будет взят курс на сближение с немцами.

Почему Кольцов стал признаваться в шпионаже и топить не своих коллег-журналистов (о фронде которых у НКВД и так было много показаний), а так вовремя — именно Литвинова? Под давлением «изобличающих доказательств» следователя? В деле нет их признаков. В рассказах о неосторожных высказываниях Литвинова в принципе нет ничего невероятного. Но заметно, что откровенность Кольцова стимулируется физически. Проще говоря, весной 1939 г., в самый разгар «бериевской законности», Кольцова банально бьют.

Об этом подсудимый прямо и заявил суду на процессе над ним 1 февраля 1940 г.: «Все предъявленные ему обвинения им самим вымышлены в течении 5-месячных избиений и издевательств над ним... Отдельные страницы и отдельные моменты являются реальными»^[416].

Официально развернута борьба с физическими методами воздействия на заключенных. Тут бы суду и разобраться, проверить, наказать виновных следователей. Но, оказывается, никакая законность судей не интересует. Посовещавшись, судьи в тот же день вынесли смертный приговор. Было много работы — своей очереди в коридоре ждал Мейерхольд.

Международная обстановка изменилась, показательный процесс над Литвиновым и франкофилами не понадобился. Нужно было

просто избавиться от отработанного материала. Не выпускать же Кольцова, который может порассказать, какими методами выбивают показания уже бериевские следователи.

Ни Сталин, ни Берия и не думали следовать «конституционным нормам», которые всегда воспринимали как муляж. Творцы системы ушли в историю, а муляж продолжает питать иллюзии наивных сталинистов.

Размеры мартиролога

Количество жертв террора колоссально. По данным КГБ СССР в 1930–1953 гг. репрессиям подверглись 3778234 человека, из которых 786098 было расстреляно, а остальные направлены в лагеря — гигантские рабовладельческие хозяйства системы ГУЛАГ^[417]. В 1937–1938 гг. за государственные преступления было арестовано 1344923 человек, из которых 681692 были расстреляны. Оставалось таким образом 663231 человек, то есть около трети заключенных 1938 г. Во время войны, когда более миллиона заключенных было досрочно освобождено и отправлено на фронт, процент «политических» возрос до 59,2 % (на конец декабря 1945 г.)^[418] — «контрреволюционеры» попадали на фронт в виде исключения.

В 1937–1938 гг. в лагерях умерло 115922 заключенных^[419]. Всего в 1934–1947 гг. в лагерях умерло 962,1 тыс. чел., из которых более половины — во время войны^[420]. Если принять, что половина умерших — «политические» (учитывая их более тяжелое положение, чем у «чистых уголовников»), то с учетом смертности в тюрьмах (примерно треть от числа умерших в лагерях), продолжения гибели заключенных в 1948–1953 гг. (около 165 тысяч, из которых часть была арестована уже после войны)^[421], получается, что из арестованных в 1937–1938 гг. по политическим статьям в заключении погибло более 300 тысяч человек.

Таким образом, можно говорить примерно о миллионе погибших в результате «Большого террора».

Это были жертвы на алтарь абсолютного централизма. Имели ли они какой-то смысл кроме сохранения у власти сталинской олигархии?

«Мы обязаны 37-му году тем, что у нас во время войны не было пятой колонны»,^[422] — считал Молотов. Это мнение распространено сегодня не только среди открытых сталинистов, но и среди вполне респектабельных державников. Подтекст: террор обеспечил победу в войне. Но, во-первых, «пятая колонна» ни в одной из противостоящих Гитлеру стран не смогла нанести серьезного урона своему государству^[423]. А во-вторых «пятая колонна» в СССР существовала. Например, немцам удалось создать подполье в блокированном Ленинграде^[424]. Так что Молотов в этом вопросе был далек от истины.

Сталина и Молотова всерьез волновал не удар «пятой колонны» в тыл армии и не вредительство в тылу, а опасность смены власти. Террор обезопасил Сталина от такой угрозы.

В условиях тоталитарного режима более действенного средства, чем террор, нельзя было и придумать. Уничтожая сотни тысяч людей, преданных идее коммунизма, Сталин мог преследовать цели устранения элиты, саботирующей его курс и представлявшей потенциальную опасность или (и) разгрома реально складывающегося заговора с целью устранения вождя и изменения курса. Сталин действовал вполне рационально как охранитель системы, как последовательный сторонник преобразования страны в индустриальное общество, управляемое из единого центра. Но те, кто видят в этом полное оправдание Сталина, должны задать себе вопрос: хотели бы они жить в это время и смогли бы они в 1937–1938 гг. остаться на свободе со своей страстью порассуждать о политике.

В 30-е гг. у Сталина были серьезные основания опасаться за свою власть и за продолжение избранного им стратегического курса. Победа оппозиции, восстановление внутривластного плюрализма вели к разложению режима, а затем — и к либерализации общества. Подобный процесс в 50-80-е гг. происходил в таких разных странах, как Испания, Португалия, Польша, Югославия и др.

В борьбе с такой перспективой Сталин считал возможным не дожидаться появления бесспорных доказательств вины своих противников, и как деспоты прошлых веков, уничтожал подозреваемых. При этом ему было важно значительно преувеличить их вину, чтобы предотвратить сочувствие

оппозиции со стороны обездоленных народных масс. В отличие от деспотов традиционного общества, Сталин обладал огромной мощью индустриальной машины, в том числе — и машины уничтожения людей. Он мог «бить по площадям», и потому цена победы его стратегии исчисляется сотнями тысяч жизней.

Очерк восьмой

Так когда же СССР вступил во Вторую мировую войну?

Если верить учебникам, СССР вступил во Вторую мировую войну 22 июня 1941 г., потому что на него напала Германия. Но если верить мифотворцам, то Сталин стремился заключить союз с Гитлером, изо всех сил подталкивал его к началу войны, вовлек СССР во Вторую мировую войну уже в 1939 г. и договорился с Гитлером о разделе мира. Два «родственных» тоталитарных режима по идее должны действовать совместно, а их ссора 22 июня 1941 г. — историческое недоразумение.

Попробуем разобраться: как и почему началось сближение Германии и СССР в 1939 г., какие цели преследовал Сталин в своей внешней политике и участвовал ли СССР в войне Германии с Великобританией, Францией, Польшей, Нидерландами, Бельгией и Норвегией, то есть в начальном этапе Второй мировой войны?

По расчету или по любви? Хроника дипломатической игры

Бывший советский разведчик, а затем английский писатель В. Суворов в 1989 г. шокировал западного, а затем и российского читателя утверждением: Сталин начал Вторую мировую войну, сознательно спровоцировав ее пактом с Гитлером. Если бы не публицистическая заостренность этого вывода, в нем не было особенной новизны. Пакт Молотова-Риббентропа давно был компроматом на Сталина. Но лидеры Великобритании и Франции тоже заключили пакт с Гитлером и Муссолини в Мюнхене. Остается, однако, важный вопрос: Сталин пошел на сближение с Гитлером под давлением обстоятельств, или он стремился к союзу с Германией и планировал это сближение как желательное, как часть своего дьявольского плана?

Авторы, которые считают, что «Москва проявила инициативу в постановке вопроса о создании новой политической основы для взаимоотношений СССР и Германии»^[425], ссылаются на довольно поздние документы, относящиеся к маю 1939 г. Разумеется, и прежде в «верхах» обсуждался вопрос о том, какие выгоды и уступки получит СССР, если будут нормализованы отношения с Германией. О союзнических отношениях речь не шла. В 1933–1938 гг. отношения двух стран были хуже некуда.

На каждый шаг к сближению или прочь от него, предпринятый советской и германской стороной, можно найти такой же симметричный. Внешняя политика в своем ежедневном режиме напоминает замысловатый танец. Стороны сходятся и расходятся, делают шаги навстречу и в сторону, затем церемонно удаляются. Но идеологически важно провозгласить — «кто первый начал». Если немцы — то политика Сталина прагматична. Он уступил «приставаниям» Гитлера. Если инициативу проявил Сталин — он преступник, пособник Гитлера в развязывании Второй мировой войны и даже ее инициатор.

Немецкая исследовательница И. Фляйшхауэр пишет: «Большинство немецких авторов как прежде, так и теперь, при описании обстоятельств возникновения пакта высказывают мнение, что Сталин, с относительным постоянством искавший договоренности с национал-социалистами, с осени 1938 г., оправившись от потрясения, вызванного Мюнхенским соглашением, настолько интенсифицировал свои попытки к сближению с Германией, что Гитлеру, готовившему летом 1939 г. вторжение в Польшу, оставалось лишь откликнуться на неоднократные предложения, чтобы заключить столь желанный для советской стороны договор»^[426]. Идеологический подтекст этой позиции немецких авторов понятен.

История «дипломатического танца» 1939 г. подробно исследована^[427]. Раз уж так важно обнаружить первую инициативу, дадим хронике событий:

Декабрь 1937 г. — Геринг пригласил советского посла Я. Сурица и в ходе беседы сказал: «Я являюсь сторонником развития экономических отношений с СССР, и как руководитель хозяйства

понимаю их значение»^[428]. Они побеседовали о германском хозяйственном плане, а затем Геринг заговорил о вопросах внешней политики, заветах Бисмарка не воевать с Россией и ошибке Вильгельма II, который эти заветы нарушил.

30 сентября 1938 г. — Мюнхенский пакт между Германией, Италией, Великобританией и Францией о разделе Чехословакии. Обсуждается такое же решение других международных проблем от Испании до Украины. СССР оказался во внешнеполитической изоляции, перед лицом враждебной Европы. Политика «коллективной безопасности» провалилась.

16 декабря — на рабочей встрече, посвященной рутинному продлению советско-германского торгового договора, заведующий восточно-европейской референтурой политико-экономического отдела МИД Германии Шнурре сообщил заместителю советского торгпреда Скосыреву, что Германия готова предоставить кредит СССР в обмен на расширение советского экспорта сырья. Эти предложения стали точкой отсчета советско-германского сближения — пока неустойчивого и ничем не гарантированного. Германская кредитная инициатива была экономически выгодна и вызвала отклик. Договорились, что 30 января в Москву отправится небольшая делегация во главе с Шнурре. Советская сторона даже подготовила список того, что было бы полезно для СССР закупить в Германии на этот кредит.

12 января 1939 г. на новогоднем приеме глав дипломатических миссий Гитлер внезапно подошел к советскому послу А. Мерекалову, «спросил о жите в Берлине, о семье, о поездке в Москву, подчеркнул, что ему известно о моем визите к Шуленбургу в Москве, пожелал успеха и попрощался»^[429]. Такого прежде не бывало. Расположение фюрера к советскому послу вызвало фурор в дипломатическом корпусе: что бы это значило!? Но такую демонстрацию Гитлер считал максимумом публичной огласки своих намерений. На большее Гитлер не мог пойти без ответного выражения симпатии с советской стороны. А их не было. Поэтому когда сообщения о поездке Шнурре просочились в мировую печать, Риббентроп запретил визит, переговоры сорвались, что на некоторое время убедило Сталина в

несерьезности экономических намерений немцев (о «политической основе» речи еще не шло).

8 марта Гитлер объявил своему ближайшему окружению о намерении сначала разделаться с Западом, а уже потом с СССР.

10 марта на XVIII съезде ВКП (б) Сталин выступил с отчетным докладом, где изложил картину мировой борьбы: «Поджигатели войны» стравливают СССР и Германию, стремясь «загрести жар чужими руками», то есть сдерживать агрессора ценой жертв со стороны СССР, а самим оставаться в безопасности. Конечно, СССР, верный своей политике «коллективной безопасности», по-прежнему готов помогать жертвам агрессии, но только при условии, что это будут делать и страны Запада. Сталин считает, что сторонники умиротворения в Англии и Франции не хотели бы мешать «Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны глубоко увязнуть в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, — выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, в „интересах мира“, и продиктовать ослабленным участникам войны свои условия. И дешево, и мило!»^[430]. Вторжение в СССР будет началом конца Гитлера, Запад использует его в своих интересах и выкинет на помойку истории.

Никаких призывов к сближению с нацистами в речи нет, есть лишь попытка отвратить их от атаки против СССР. Есть анализ намерений Гитлера, которые были бы выгодны Сталину. Есть намерение «закрепить» антизападные намерения фюрера, о которых ходили лишь слухи. Есть попытка стравить «империалистов».

15 марта — оккупация Чехии Германией. Мюнхенские соглашения нарушены.

31 марта премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен предоставил Польше гарантии вступления Великобритании в войну, если страна подвергнется «прямой или косвенной агрессии».

Гитлер в 1939 г. планировал соединить в единое целое территории, населенные немцами. Для этого нужно было отнять часть польской территории между двумя частями Германии и присоединить Данциг. Польша не была на это согласна, так как Германия обещала компенсацию за счет СССР, но в будущем. А территориальные уступки требовала прямо сейчас. В этих условиях Польша предпочла гарантии со стороны Великобритании и Франции. Гитлер запланировал нападение на Польшу в конце августа. Но он опасался войны на два фронта и стремился договориться либо со старшими союзниками Польши, либо о нейтралитете с СССР.

Великобритания и Франция надеялись избежать втягивания в войну, аналогичную Первой мировой. Для этого нужно было направить агрессию Германии на восток. Но германская экспансия должна была быть контролируемой, направленной против СССР. Великобритания и Франция не желали отдавать восток Европы в безраздельное распоряжение Гитлера, чтобы это не привело к его неуправляемому усилению. В этих условиях Польша должна была играть роль инструмента «Антанты» на востоке Европы. В то же время Великобритания не исключала возможности договориться с Германией за счет Польши. Но Гитлер не мог согласиться на соглашение с Великобританией на условиях Чемберлена.

СССР стремился избежать военного столкновения с Германией, поддерживаемой Великобританией, Францией и Италией (что вытекало из мюнхенской политики). Для этого было необходимо либо договориться с Великобританией, Францией, Польшей и по возможности Румынией о совместных военных действиях против агрессора, либо договориться с Германией, направить ее агрессию против Великобритании и Франции.

Несмотря на то, что Великобритания предпочитала сближение с Германией, а не СССР, СССР — с Францией, а не Германией, а Германия — с Великобританией, а не СССР, но сближение постепенно шло в другом направлении. Все три силы стремились запугать партнера переговорами с его соперником и таким образом добиться уступок от него. Эти контакты, начинавшиеся по инициативе

чиновников среднего звена, создавали возможности, которые только 11–19 августа 1939 г. привели к решению Сталина согласиться на инициативы Гитлера по сближению.

1 апреля пала Испанская республика, что означало крах политики «Народного фронта», тесно связанной с политикой «коллективной безопасности».

1 апреля Гитлер обрушился в своей публичной речи на тех, кто «таскает каштаны из огня» чужими руками. Это было повторение образа из речи Сталина, но только в переводах на западноевропейские языки. Сталин осуждал тех, кто любит загребать жар чужими руками. Имелись в виду англичане и французы. Эту мысль доложили Гитлеру, и он решил использовать сталинский пассаж для шантажа Запада.

15 апреля со ссылкой на речь Сталина на съезде (тогда ее никто не воспринимал как призыв к дружбе с Гитлером) англичане предложили СССР также дать гарантии Польше.

17 апреля СССР выдвинул контрпредложение: «Англия, Франция и СССР заключают между собой соглашение сроком на 5-10 лет со взаимным обязательством оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств». Такая же помощь должна быть оказана «восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств»^[431].

17 апреля советский посол А. Мерекалов посетил статс-секретаря Германского МИД (первого заместителя Риббентропа) Э. Вайцекера. Повод был вполне приличный: после захвата Чехословакии остался неурегулированный вопрос о советских военных заказах, которые были размещены на чешских заводах «Шкода». Теперь заводы стали немецкими. Будут ли немцы выполнять работу, за которую уплачены деньги? Вайцекер ответил, что сейчас не лучший политический климат для решения подобных вопросов, но стороны высказались за улучшение отношений в будущем. По мнению немецкой

исследовательницы И. Фляйшхауэр Вайцекер к этому времени уже проникся идеями Шнурре. Из его записи беседы «видно, что разговор умело направлял статс-секретарь, и что психологическое состояние Вайцекера побудило придать этой беседе характер политического прорыва»^[432]. Немецкий исследователь делает вывод: «откровения Вайцекера в самом деле представляли собой первый официальный шаг по сближению с СССР»^[433].

3 мая — Нарком иностранных дел СССР М. Литвинов подал в отставку. Сталину был нужен нарком иностранных дел, менее склонный к сотрудничеству с Францией. После отставки Литвинова в НКВД произведены аресты (вспомним, что этот «след» выбивали и из Кольцова). В. Молотов совместил посты председателя Совнаркома и наркома иностранных дел. Замена Литвинова на Молотова была выбором Сталина в пользу большей свободы рук в маневрировании между Западом и Германией. СССР продолжал искать возможность заключить пакт с Великобританией и Францией, но из-за жесткости Молотова и его перегруженности другими делами переговоры не шли легче. Сталин надеялся, что Молотов будет более напорист в давлении на партнеров, чем Литвинов, и эта надежда оправдалась. Напористость Молотова быстрее привела к закономерному результату — переговоры зашли в тупик. С обходительным Литвиновым движение в этом направлении шло бы медленнее.

5 мая к К. Шнурре зашел советник советского посольства Г. Астахов (опять по поводу «Шкоды» — немцы заявили о готовности выполнить советский заказ), и речь пошла о переменах в советском Наркомате иностранных дел. Шнурре докладывал: «Астахов коснулся смещения Литвинова и попытался, не задавая прямых вопросов, узнать, приведет ли это событие к изменению нашей позиции в отношении Советского Союза»^[434].

Беседы Астахова и Шнурре стали более частыми. Теперь было что обсудить — и «Шкоду», и большую политику. 17 мая Шнурре докладывал: «Астахов подробно объяснил, что в вопросах международной политики между Советской Россией и Германией нет противоречий и поэтому нет никаких причин для трений между двумя странами»^[435].

20 мая Молотов сказал германскому послу В. Шуленбургу, что для сближения двух стран отсутствует политическая основа (вернув немцам реплику Вайцзекера). В Берлине фразу сочли «загадочной».

23 мая на совещании военные заявили Гитлеру, что в случае одновременной войны с Великобританией, Францией и СССР Германия проиграет.

26 мая Шуленбург получил указание активизировать контакты с Молотовым.

27 мая Великобритания и Франция ответили на советские предложения, согласившись на идею военного союза. Это охладило Москву к «немецкой игре». Казалось, что уже удалось напугать партнеров по «коллективной безопасности».

28 июня Шуленбург упомянул в разговоре с Молотовым, что сближение между странами одобряет сам Гитлер. Молотов сказал Шуленбургу, что похоже на то, будто Германия ведет с СССР политическую игру под предлогом хозяйственных переговоров. В Кремле помнили провал январской миссии Шнурре. Теперь руководители СССР требовали — экономические выгоды вперед. Молотов рассказывал об этой встрече: «У меня был недавно Шуленбург и тоже говорил о желательности улучшения отношений. Но ничего конкретного или внятного не захотел предложить»^[436].

29 июня Гитлер решил: «Русские должны быть информированы о том, что из их позиции мы сделали вывод, что они ставят вопрос о продолжении будущих переговоров в зависимость от принятия нами основ наших с ними экономических обсуждений в том их виде, как они были сформулированы в январе. Поскольку эта основа для нас является неприемлемой, мы в настоящее время не заинтересованы в возобновление экономических переговоров с Россией»^[437]. Гитлер, по словам Вайцзекера, «опасался, что из Москвы под громкий смех последует отказ»^[438], если предложить им сближение. «Сближение» кончилось, не начавшись. Однако этот этап «принюхивания» имел

большое значение. Были созданы каналы, по которым можно было практически немедленно возобновить переговоры, не привлекая внимание «мировой общественности».

6-7 июня руководители Великобритании и Франции приняли за основу советский проект договора. Можно было начинать переговоры. Молотов пригласил прибыть на переговоры своих коллег Чемберлена и Даладье. Ради Гитлера они легко проделывали подобное путешествие. На худой конец хватило бы министров иностранных дел. Но Лондон и Париж ответили, что переговоры будут вести всего лишь послы.

Стало известно, что Польша «быть четвертым не хочет, не желая давать аргументы Гитлеру»^[439]. Отказ Польши участвовать в соглашении исключал переброску советских войск к месту вероятной агрессии в начале будущей войны. В случае разгрома Польши СССР мог оказаться втянутым в войну на востоке Европы один на один с Германией. Как показал более поздний опыт германо-польской войны, Великобритания и Франция не были намерены оказывать восточному союзнику активную поддержку.

19 мая Чемберлен заявил в парламенте, что «скорее подаст в отставку, чем заключит союз с Советами»^[440]. 8 июня Галифакс заявил в парламенте, что Великобритания готова к переговорам и с Германией.

14 июня в Москву прибыл У. Стрэнг, начальник Центрально-европейского бюро МИД Великобритании, который был направлен как эксперт в помощь послу У. Сидсу. Но Стрэнг, представлявший Форрин оффис, выглядел как глава делегации. Так он и воспринимался Кремлем. Такой низкий уровень представителя британского МИД оскорблял советскую сторону и убеждал в несерьезности намерений Великобритании.

12 июля Чемберлен признал, что СССР готов заключить договор. Это была проблема — договорились слишком быстро, так и не напугав переговорами Гитлера.

9 июля Молотов внес советское определение «косвенной агрессии». Это такая ситуация, при которой государство — «жертва» «соглашается под угрозой силы со стороны другой державы или без такой угрозы» произвести действие «которое влечет за собой использование территории и сил этого государства для агрессии против него или против одной из договаривающихся сторон»^[441]. Слова «косвенная агрессия» были взяты из английских гарантий Польше. Под косвенной агрессией понималось то, что Гитлер проделал с Чехией — он не напал на эту страну, а заставил ее капитулировать под угрозой нападения и спровоцировал отделение Словакии. Казалось бы, со стороны англичан не должно было последовать возражений по поводу термина «косвенная агрессия». Но определение Молотова было слишком широким и давало возможность оккупировать любую восточноевропейскую страну под предлогом германской угрозы. Однако для советских руководителей было важно, чтобы Прибалтийские государства не стали сателлитами Германии и не были использованы в качестве плацдарма для вторжения. Переговоры зашли в тупик. В телеграмме своим полпредам в Париже и Лондоне Молотов назвал партнеров по переговорам «жуликами и мошенниками» и сделал пессимистический вывод: «Видимо, толку от всех этих бесконечных переговоров не будет»^[442].

18 июля Молотов дал команду возобновить консультации с немцами о заключении хозяйственного соглашения.

21 июля прибывший в Лондон на заседание Международного комитета по делам беженцев сотрудник Геринга Х. Вольтат был приглашен на консультации с советником Чемберлена Г. Вильсоном и министром торговли Р. Хадсоном. План Вильсона, изложенный им Вольтату и германскому послу Дирксену 3 августа, предполагал заключение германо-британского пакта о ненападении, который поглощал бы систему гарантий, данную Великобританией странам Восточной Европы. Сферы интересов двух стран в Европе разграничивались бы, причем за Гитлером признавалась бы гегемония в Восточной и Юго-Восточной Европе. Предусматривались также соглашения об уровнях вооружений, урегулировании колониальных претензий Германии и предоставление ей крупного кредита. Вильсон

считал, что «соглашение должно быть заключено между Германией и Англией; в случае, если было бы сочтено желательным, можно было бы, конечно, привлечь к нему Италию и Францию». Мюнхенский состав, новые горизонты. Когда Вольтат поинтересовался, насколько эти идеи разделяет Чемберлен, Вильсон предложил немецкому гостю пройти в соседний кабинет и получить подтверждение у самого премьера. Не имея полномочий на переговоры на столь высоком уровне, Вольтат отказался, но все услышанное передал в посольство и по начальству^[443].

22 июля было заявлено о возобновлении советско-германских экономических переговоров.

23 июля англичане и французы согласились на советское предложение одновременно вести переговоры по политическому соглашению и по военным вопросам. Разработку конкретного плана совместных военных действий против Германии Молотов считал более важным вопросом, чем даже определение «косвенной агрессии». Если удастся согласовать план удара по Германии, то ее вторжение в Прибалтику вряд ли состоится.

В конце июля Шнурре получил инструкции вышестоящего начальства встретиться с советскими представителями и возобновить консультации об улучшении советско-германских отношений. Шнурре пригласил пообедать Астахова (в связи с отъездом Мерекалова он стал поверенным в делах СССР в Германии) и заместителя советского торгового представителя Е. Бабарина (представитель в это время тоже отдыхал). В неформальной обстановке ресторана Шнурре обрисовал этапы возможного сближения двух стран: возобновление экономического сотрудничества путем заключения кредитного и торгового договоров, затем «нормализация и улучшение политических отношений», включающая участие официальных лиц в культурных мероприятиях друг друга, затем заключение договора между двумя странами либо возвращение к договору о нейтралитете 1926 г., то есть к «раппальским» временам. Шнурре сформулировал принцип, который затем будут повторять его начальники: «во всем районе от Черного моря до Балтийского моря и Дальнего Востока нет, по моему мнению,

неразрешимых внешнеполитических проблем между нашими странами»^[444]. К тому же, развивал свою мысль Шнурре, «есть один общий элемент в идеологии Италии, Германии и Советского Союза: противостояние капиталистическим демократиям... Коммунизм в Германии искоренен... Сталин отложил на неопределенный срок мировую революцию»^[445]. Советские собеседники дипломатично не стали возражать. Они тоже не знали сталинских неопределенных сроков. Согласившись с необходимостью улучшения отношений, советские дипломаты уточнили, что из-за прежнего недоверия «ждать можно только постепенного изменения»^[446]. Убеждая свое начальство в выгодности этой ситуации, Астахов предлагал «втянуть немцев в далеко идущие переговоры», чтобы «сохранять козырь, которым можно было бы в случае необходимости воспользоваться»^[447]. Сначала Молотов осторожничал, телеграфировав Астахову: «Ограничившись выслушиванием заявлений Шнурре и обещанием, что передадите их в Москву, Вы поступили правильно». Но получить «козырь» в игре с Западом, а одновременно выторговать экономические выгоды у Германии было соблазнительно. И Молотов, посоветовавшись со Сталиным, отправил новую телеграмму Астахову: «Между СССР и Германией, конечно, при улучшении экономических отношений, могут улучшиться и политические отношения. В этом смысле Шнурре, вообще говоря, прав... Если теперь немцы искренне меняют вехи и действительно хотят улучшить политические отношения с СССР, то они обязаны сказать нам, как они представляют конкретно это улучшение... Дело зависит здесь целиком от немцев. Всякое улучшение политических отношений между двумя странами мы, конечно же, приветствовали бы»^[448]. Руководители СССР не питали симпатий к нацизму, но готовы были относиться к Германии также, как к своим ненадежным партнерам на Западе Европы.

Астахова принял Риббентроп. Германский министр поставил перед советским представителем альтернативу: «Если Москва займет отрицательную позицию, мы будем знать, что происходит и как нам действовать. Если случится обратное, то от Балтийского до Черного моря не будет проблем, которые мы совместно не сможем разрешить между собой»^[449].

5 августа миссия союзников не торопясь села на пароход (не самолетом же лететь) и прибыла в СССР 11 августа. Куда торопиться. Состав военной делегации также не впечатлил советскую сторону, которая выставила на переговоры наркома обороны Ворошилова. Французов представлял бригадный генерал Ж. Думенк. Английскую делегацию возглавил адъютант короля и начальник военно-морской базы в Портсмуте адмирал Р. Дракс, человек весьма далекий от вопросов стратегии, но зато резко критически настроенный в отношении СССР. Маршал авиации Ч. Барнет должен был компенсировать некомпетентность Дракса, но он мало что понимал в сухопутных операциях. Британская делегация получила инструкцию продвигаться медленно, пропуская вперед политические переговоры, и давать как можно меньше информации. Думенку рекомендовали действовать по обстоятельствам в контакте с англичанами, но тоже больше слушать, чем сообщать.

Военные переговоры в Москве, которые, как казалось Молотову, могли бы вытянуть из тупика политические переговоры с союзниками, зашли в тупик из-за проблемы прохода войск через Польшу. Как и в случае с политическими переговорами, в центре внимания оказался чехословацкий опыт. В 1938 г. СССР был готов оказать помощь жертве агрессии, но Красная армия не могла пройти на поле боя. Тогда Польша была частью прогерманской коалиции. Может быть, теперь все будет иначе? Нет, поляки твердо встали на защиту своих границ против СССР. Польский главнокомандующий Э. Рыдз-Смиглы заявил: «независимо от последствий, ни одного дюйма польской территории никогда не будет разрешено занять русским войскам»^[450]. «Военное совещание вскоре провалилось из-за отказа Польши и Румынии пропустить русские войска, — с печалью вспоминает У. Черчилль, — Позиция Польши была такова: „С немцами мы рискуем потерять свободу, а с русскими — нашу душу“»^[451] (фраза маршала Рыдз-Смиглы). Ситуация с Польшей была крайне опасна для СССР. Следовала простая комбинация: Германия нападает на Польшу, наносит ей поражение. Великобритания, Франция и СССР объявляют войну Германии. После этого французы и англичане топчутся у германской оборонительной линии Зигфрида, а основные сражения развертываются на восточном фронте. После всех комбинаций умиротворения такая стратегическая ловушка представлялась

наиболее вероятной. Собственно, Польша через месяц как раз в нее и попала.

11 августа Сталин, обсудив сложившуюся ситуацию на Политбюро, дал добро на усиление контактов с Германией. Ему нужно было стимулировать таким образом западных партнеров. Пусть союзники знают, что им следует торопиться.

14 августа Астахов сообщил Шнурре, что Молотов согласен обсудить и улучшение отношений, и даже судьбу Польши. Астахов сообщил, что «упор в его инструкциях сделан на слове „постепенно“»^[452].

15 августа посол Шуленбург получил инструкцию Риббентропа предложить советской стороне принять в ближайшее время визит крупного руководителя Германии. Это предложение следовало зачитать Молотову, но не отдавать в руки. Если дело сорвется, противник не должен получить бумаг.

Выслушав это предложение, Молотов согласился, что быстрота в этом вопросе нужна.

17 августа Молотов заявил Шуленбургу: «Советское правительство принимает к сведению заявление германского правительства о его действительном желании улучшить политические отношения между Германией и СССР...» Но дальше следовало перечисление прошлых обид. Однако «раз уж теперь германское правительство меняет свою прежнюю политику», то оно должно сначала доказать серьезность своих намерений и заключить экономические договоры: выделение Советскому Союзу кредита в 200 миллионов марок на семь лет (в 1946 г. о нем никто и не вспомнит), поставки ценного оборудования. Сначала — договоры, потом — все остальное. А вот следующим шагом можно заключить пакт о ненападении или подтвердить старый договор о нейтралитете 1926 г. И, наконец, самое вкусное: «с одновременным подписанием протокола, который определит интересы подписывающихся сторон в том или ином вопросе внешней политики и который явится неотъемлемой частью пакта»^[453]. В этом протоколе можно оговорить

все, вплоть до отношения к Польше, ради чего немцы и городили весь огород. До запланированного германского нападения на Польшу оставалось менее двух недель. Но о разделе сфер влияния и секретности протокола речь не шла.

Несмотря на прохладный и высокомерный тон советского заявления, лед продолжал таять. Молотов был доволен предложением немцев прислать не мелкого чиновника, как англичане, а министра.

Сам министр тут же послал Шуленбурга к Молотову снова, на этот раз — с проектом пакта, простым до примитивности: «Германское государство и СССР обязуются ни при каких обстоятельствах не прибегать к войне и воздерживаться от всякого насилия в отношении друг друга». Второй пункт предусматривал немедленное вступление в действие пакта и его долгую жизнь — 25 лет. СССР и Германия не должны были воевать до 1964 г. В специальном протоколе (о секретности речь не шла) Риббентроп предлагал провести «согласование сфер интересов на Балтике, проблемы прибалтийских государств»^[454] и т. д. Так впервые из уст Риббентропа прозвучала тема «разграничения сфер интересов» (формула, заимствованная у Г. Вильсона). Но пока совершенно неконкретно.

Явившись к Молотову, Шуленбург получил очередной ответ: если экономические соглашения будут подписаны сегодня, то Риббентроп может приехать через неделю — 26 или 27 августа. Это было поздно для немцев — как раз на эти дни они планировали напасть на Польшу. К тому же Молотова удивил по дилетантски составленный проект пакта. Советские государственные деятели, которые уже далеко ушли от революционной юности, привыкли работать более солидно. Они предложили немцам взять за основу один из уже заключенных пактов и составить проект как положено, с несколькими статьями, принятыми дипломатическим оборотами. На предложение Шуленбурга передвинуть сроки визита Риббетропа «Молотов возразил, что пока даже первая ступень — завершение экономических переговоров — не пройдена»^[455]. Было часа три дня 19 августа 1939 г.

Прошло полчаса, и Шуленбурга вызвали к Молотову опять. Явно что-то произошло. Оказывается, после встречи с послом Молотов имел возможность сделать доклад «советскому правительству». Вероятно, речь идет не только о Сталине, но о Политбюро, с членами которого Сталин обсуждал новую ситуацию: западные партнеры продолжают

играть в умиротворение и водить СССР за нос, а нацисты предлагают прочный мир и почти союз. Далее тянуть невозможно, вот-вот нацистская Германия нападет на Польшу. Пора как-то определяться.

На второй встрече с Молотовым 19 августа Шуленбург получил проект пакта о ненападении, составленный по всем правилам дипломатической науки. Одного только там не было — обычного для «литвиновских» пактов указания, что документ теряет силу в случае агрессии одной из сторон против третьего государства^[456]. Сталин и Молотов прекрасно понимали, зачем Гитлеру пакт. Но они знали также, что Великобритания и Франция толкали Гитлера на восток, что они сдали Гитлеру своего союзника Чехословакию, и что Польша еще недавно обсуждала совместные действия с Германией против СССР.

Тем же вечером советские дипломаты получили команду не тормозить экономические переговоры.

В ночь на 20 августа торгово-кредитное соглашение было подписано. СССР получал 200 миллионов марок, на которые мог покупать германское оборудование, а долги гасить поставками сырья и продовольствия.

20 августа Гитлер, рискуя своим престижем, направил Сталину личное послание, чтобы подтолкнуть нового партнера принять Риббентропа 22 или 23 августа. В своем письме Гитлер принимал советский проект пакта и предупреждал коллегу о близящемся столкновении Германии и Польши — времени оставалось мало.

Если бы Сталин отверг сближение, в запасе у Гитлера был другой вариант внешнеполитической стратегии.

«21 августа Лондону было предложено принять 23 августа для переговоров Геринга, а Москве — Риббетропа для подписания пакта о ненападении. И СССР, и Англия ответили согласием!»^[457], — пишет историк В. И. Мельтюхов. Гитлер выбрал СССР, отменив полет Геринга 22 августа (в Лондоне об этой неприятности стало известно лишь после подписания советско-германского пакта).

Получив письмо Гитлера, Сталин отдал команду Ворошилову, и тот 21 августа зачитал западным военным миссиям заявление, в котором говорилось, что переговоры могут быть возобновлены, как

только будет решен вопрос о пропуске войск через территорию Польши и Румынии.

Поскольку Польша своим несогласием на проход войск заблокировала военные переговоры в Москве, заключение англо-франко-советского союза в ближайшее время стало невозможным.

21 августа Сталин поблагодарил Гитлера за письмо, выразил надежду, что пакт станет «поворотным пунктом в улучшении политических отношений между нашими странами» и согласился на прибытие Риббентропа 23 августа. Этому дню суждено было стать историческим.

Когда Гитлер узнал, что Риббентроп может ехать в Москву 23 августа, он воскликнул: «Это стопроцентная победа! И хотя я никогда этого не делаю, теперь я выпью бутылку шампанского!»^[458]

Гитлер говорил 22 августа, что теперь боится только одного, что «в последний момент какая-нибудь сволочь предложит план посредничества»^[459]. Имелся в виду Чемберлен.

Если рассмотреть историю дипломатической игры конца 1938 г. — 1939 г. «пошагово», то очевидно, что три европейских центра — Германия, СССР и «Антанта» — оказались на равном удалении друг от друга. Каждая из сторон пыталась решить свои задачи, используя одну из сторон против другой. Расчет англичан строился на том, что Гитлер может договориться с Великобританией и не может с СССР. Расчет французов — на том, что Сталин может договориться с Великобританией и Францией, но не с Гитлером. Расчет Гитлера делался на то, что Запад не решится на войну, и поэтому важнее договоренность со Сталиным. Если в конце 1938 г. — первой половине 1939 г. предложения немецких чиновников начать сближение с СССР не получали достаточного хода, то в июле Германия стала упорно добиваться заключения советско-германского пакта. Расчет Сталина строился на противоречиях между двумя группами империалистов. Заключить соглашение можно с теми, кто больше даст для СССР. Сталин прекрасно знал, какова альтернатива советско-германскому пакту. Англо-германский пакт.

Как делить Европу?

Пакт Молотова-Риббентропа не красит политическую биографию Сталина. Гитлер — враг человечества, а Сталин делит с ним Европу. Нехорошо. Идеальное событие для мифотворчества. Сталин, стало быть, является сообщником Гитлера в развязывании Второй мировой войны. Даже в учебниках сейчас можно прочитать, что секретные протоколы предусматривали раздел Польши между Германией и СССР, захват Советским Союзом стран Прибалтики. Однако эта версия нуждается, мягко говоря, в уточнении.

23 августа, прилетев в Москву, Риббентроп встретил прохладный прием, но на очень высоком уровне. В переговорах участвовал лично Сталин, который не поддерживал разговоры о «духе братства» двух народов, а деловито торговался.

Советская сторона приняла немецкие поправки к проекту пакта, кроме помпезной преамбулы о дружбе.

В окончательном виде пакт предусматривал:

«Обе Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга, как отдельно, так и совместно с другими державами».

«В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, Другая договаривающаяся сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу». Немцы поправили советский проект так, чтобы было неважно, кто стал инициатором войны.

Статья 3 предусматривала взаимные консультации по вопросам, представляющим взаимный интерес. Статья 4 фактически аннулировала Антикоминтерновский пакт: «Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны»^[460]. После этого Антикоминтерновский пакт пришлось заменять Тройственным пактом, который был заключен в 1940 г. Но и военная конвенция СССР с Великобританией и Францией стала невозможной.

Статья 5 предусматривала комиссии для урегулирования споров и разногласий. По настоянию немцев была вписана формулировка о «дружественном» обмене мнениями. По предложению немцев договор заключался на 10 лет и должен был вступить в действие немедленно. Как видим, ничего криминального. Этот пакт был ратифицирован, вступил в силу и имел юридические последствия — до 22 июня 1941 г.

Затем стороны занялись разделом сфер влияния. Риббентроп предложил линию к западу от линии Керзона (объявленную в 1919 г. границу этнической Польши), за которую германские войска не намерены заходить в случае войны. Территория восточнее этой линии была признана сферой интересов СССР. Риббентроп предложил СССР распоряжаться судьбой Финляндии и Бессарабии. Прибалтику было решено поделить на сферы интересов: Эстонию (наиболее опасное направление возможного удара по Ленинграду) — Советскому Союзу, Литву — Германии. По поводу Латвии разгорелся спор. Риббентроп пытался «отбить» в немецкую сферу влияния Либаву и Виндаву, но эти порты были нужны Советскому Союзу, и Сталин знал, что соглашение Гитлеру дороже, чем два порта и вся Латвия в придачу. И так советская сфера влияния была меньше, чем владения Российской империи. Гитлер не стал упрячиться и отдал Латвию, сообщив свое решение Риббентропу в Москву.

Впрочем, если бы Сталин настаивал на других требованиях, Гитлер был готов уступать «вплоть до Константинополя и проливов»^[461].

Секретный протокол предусматривал:

«1. В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих прибалтийским государствам (Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве), северная граница Литвы будет являться чертой, разделяющей сферы влияния Германии и СССР. В этой связи заинтересованность Литвы в районе Вильно признана обеими сторонами»^[462]. Из этой фразы следует, что речь не идет о ликвидации государственности перечисленных стран.

«2. В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих Польскому государству, сферы влияния Германии и СССР будут разграничены примерно по линии рек Нарев, Висла и Сан.

Вопрос о том, желательно ли в интересах обеих Сторон сохранение независимости Польского государства, и о границах такого государства будет окончательно решен лишь ходом будущих политических событий.

В любом случае оба Правительства разрешат этот вопрос путем дружеского согласия»^[463]. И здесь еще не говорится о полной ликвидации Польского государства.

Уступки Германии на Балканах ограничивались возвращением СССР Бессарабии, которую он и так считал незаконно оккупированной Румынией.

«3. Касательно Юго-Восточной Европы Советская сторона указала на свою заинтересованность в Бессарабии. Германская сторона ясно заявила о полной политической незаинтересованности в этих территориях»^[464].

После подписания документов с плеч участников переговоров свалилась гора — срыв встречи означал бы стратегический провал для обеих сторон. Разговор пошел гораздо дружелюбнее.

В ходе беседы с Риббентропом «Сталин и Молотов враждебно комментировали манеру поведения британской военной миссии в Москве, которая так и не высказала советскому правительству, чего же она в действительности хочет». Риббентроп, поддержав ценную для него антианглийскую тему, сказал, что «Англия слаба и хочет, чтобы другие поддерживали ее высокомерные претензии на мировое господство». «Господин Сталин живо согласился с этим... Англия еще господствует в мире... благодаря глупости других стран, которые всегда давали себя обманывать. Смешно, например, что всего несколько сотен британцев правят Индией... Сталин далее выразил мнение, что Англия, несмотря на слабость, будет вести войну ловко и упрямо»^[465].

Беседуя с Риббентропом, Сталин казал, что «есть предел его терпению в отношении японских провокаций. Если Япония хочет войны, она может ее получить»^[466]. Это был сигнал для Токио, и там он был услышан, тем более, что вкупе с разгромом 6 японской армии под Халхин-Голом слова Сталина звучали особенно убедительно. Допустившее операцию командование Квантунской армии было смещено.

Риббентроп заявил, что «Антикоминтерновский пакт был в общем-то направлен не против Советского Союза, а против западных демократий». Он даже пошутил: «Сталин еще присоединится к Антикоминтерновскому пакту»^[467]. Это был зондаж. Через год такая возможность будет обсуждаться более серьезно.

Важную роль играли и тосты на банкете по поводу успешного проведения мероприятия. Сталин сказал: «Я знаю, как сильно германская нация любит своего вождя, и поэтому мне хочется выпить за его здоровье»^[468]. Молотов и Риббентроп пили за Сталина, причем советский премьер специально подчеркнул, что нынешнее изменение международной обстановки началось с речи Сталина на съезде, «которую в Германии правильно поняли»^[469]. Молотов затем развивал эту мысль: «т. Сталин бил в самую точку, разоблачая происки западноевропейских политиков, стремящихся столкнуть лбами Германию и Советский Союз»^[470]. Теперь, когда дело было сделано, можно было в порядке восхваления Вождя таким образом интерпретировать пассаж сталинской речи о межимпериалистических противоречиях. Во время беседы Сталин показал Риббентропу, что прекрасно осведомлен о германо-британских переговорах. Когда министр упомянул об очередном зондаже англичан, Сталин произнес: «речь, видимо, идет о письме Чемберлена, которое посол Гендерсон 23 августа вручил в Оберзальцберге фюреру»^[471].

* * *

Советско-германский пакт о ненападении, известный как пакт Молотова-Риббентропа, был подписан в ночь на 24 августа 1939 г. (официальной датой его подписания считается день начала переговоров 23 августа).

Эта дата стала одной из рубежных в мировой истории, и споры о Пакте разделяют историков, да и образованных людей вообще идеологическими барьерами. Для одних Пакт — необходимая мера защиты страны от гитлеровского нападения: «Советско-германский договор о ненападении содействовал укреплению безопасности не только у западных границ СССР, но привел к стабилизации обстановки

и на восточных рубежах страны»^[472]. Намеренно цитирую монографию, которая вышла не в 1947 и не в 1977, а в 1997 году.

Для других Пакт — преступление, которое обрекло народы Европы на раздел между двумя тоталитарными режимами. По типичной оценке, высказанной С. З. Случем, пакт «предоставлял агрессору полную свободу действий», а в секретном протоколе «зафиксировал договоренность двух агрессивных государств о территориально-политическом переустройстве и разделе сфер интересов в Восточной Европе, первой жертвой которой и должна была стать Польша»^[473].

Подводя итог заключению пакта между СССР и Германией, Черчилль утверждает, что «только тоталитарный деспотизм в обеих странах мог решиться на такой одиозный противоестественный акт»^[474]. Политик здесь явно возобладал над историком, что часто случается в повествовании Черчилля. Он «забыл», что всего годом ранее государства Запада, которые Черчилль вовсе не считал тоталитарными и деспотичными, пошли в Мюнхене на еще более «одиозный и противоестественный акт».

Сегодня, в начале XXI века уже можно выйти из плена идеологических сражений середины столетия и взглянуть на предвоенный период более спокойным взглядом. Как мы судим о Наполеоновских войнах, которые не мешали развитию советско-французских отношений во второй половине XX века. Это было в прошлом веке. Спокойный взгляд поможет точнее оценить логику событий, что необходимо, дабы не повторять историю как новую трагедию.

Прежде всего возникает вопрос: предопределял ли Пакт раздел Восточной Европы? И. Фляйшхауэр с присущей ей научной дотошностью предлагает проводить «различие между законной заинтересованностью советской стороны в достижении (оборонительного) соглашения о ненападении с одной стороны, и фактическим вступлением в (наступательный по своим последствиям) союз с целью раздела (военными средствами) сфер политического влияния — с другой»^[475]. Если разделять эти понятия, то на первое Сталин согласился 19 августа (за четыре дня до подписания пакта), а на второе — уже после начала германо-польской войны, когда выяснилось, что Великобритания и Франция не оказали действенной

помощи союзной Польше, обрекая ее на разгром. Это была уже новая ситуация по сравнению с 23 августа. Заклучая пакт с Германией, Сталин должен был принимать в расчет разные возможности, которые вытекали из него. Могло состояться германо-польское соглашение под давлением Великобритании и Франции, новый Мюнхен уже с участием СССР. После нападения Германии на Польшу могло начаться эффективное наступление на западном фронте в момент нападения немцев на Польшу, которое оттянуло бы силы Гитлера на запад и спасло поляков от быстрого разгрома. Каждый из этих вариантов был выгоднее СССР, чем ситуация июля и тем более марта 1939 г., и она совершенно не исключалась Пактом.

Исходя из многовариантности событий, М. И. Мельтюхов считает: «Что касается секретного протокола к советско-германскому пакту, то этот документ также носит достаточно аморфный характер. В нем не зафиксированы какие-либо антипольские соглашения сторон... Как видим, все „антипольское“ содержание документа состоит из бесконечных оговорок — „если бы, да кабы“ и абстрактных понятий „сферы интересов“, „территориально-политическое переустройство“. В любом случае никаких реальных территориальных изменений или оккупации „сфер интересов“ советско-германский договор не предусматривал»^[476]. Это, конечно, неверно. Антипольские соглашения зафиксированы хотя бы тем, что по территории Польши проводились разграничительные линии. Но можно согласиться с М. И. Мельтюховым, что в неконкретности — принципиальное отличие советско-германского пакта от мюнхенского. Но понятие «сфера интересов» означало использование СССР методов колониальной дипломатии, привычных для Великобритании, Франции и Германии. Верно, что Пакт оставлял Гитлеру возможность как для военных, так и для «мюнхенских» решений. Но все эти решения (в том числе и те, что могли быть предприняты вместе с СССР и Великобританией) являлись антипольскими. Пакт закрывал возможность германо-польского сближения за счет СССР. Но этим он делал неизбежным сокращение территории Речи Посполитой, «территориально-политическое переустройство», которое никак не соответствовало ее интересам.

Пытаясь защитить СССР от обвинений в агрессивных намерениях, В. Я. Сиполс утверждает: «ни на какую сферу интересов в

Польше СССР не претендовал»^[477]. Вот тебе раз! Но это же прямо записано в протоколе. По версии В. Я. Сиполса, Сталин был вынужден принять нацистские формулировки, потому что не было времени их переделывать. Как мы видели, участникам переговоров хватило времени не только на то, чтобы согласовать многочисленные формулировки, но и чтобы основательно поторговаться по поводу сфер интересов, на которые «не претендовал» СССР.

С самого начала существования большевистской диктатуры она, как и всякая бюрократическая диктатура, была озабочена расширением своей «сферы влияния», даже если эта сфера распространялась на формально независимую Монголию или территорию Китая или Испании, занятую ненадежными союзниками. В этом отношении СССР отличался от Великобритании меньшим размахом, а от Германии — меньшим цинизмом. Но и то, и другое постепенно приходило по мере роста военно-индустриальной мощи коммунистической бюрократии. Пакт позволил СССР войти в круг «великих держав», распоряжавшихся судьбами Европы.

Была ли альтернатива Пакту, и в чем она конкретно заключалась? Альтернативы в истории есть практически всегда. Но не все они ведут к лучшим последствиям.

Советские державники настаивают на безальтернативности пакта. Либерально-западническая литература доказывает возможность продолжения переговоров об англо-франко-советском союзе. Как мы видели, успех этих переговоров был невозможен в дни, оставшиеся до намеченного Гитлером нападения на Польшу. Чемберлен по сути заблокировал сближение с СССР.

М. И. Семиряга предлагает целых три альтернативы Пакту. Первый путь: затягивание переговоров с Германией при продолжении переговоров с англичанами и французами. Мы видели, что это было чревато прежде всего англо-германской договоренностью или вовлечением СССР в германо-польское столкновение без возможности оказать Польше эффективную помощь в первые дни войны (а затем это вталкивало СССР в описанную выше стратегическую ловушку). Второй путь: если Великобритания, Франция и Польша так и не пошли бы на разумный компромисс с СССР, все же заключить договор с Германией, включив в него право аннулировать договор в случае агрессии Германии против третьей страны. Но при чем тут «если».

Польша свою позицию менять не собиралась. Следовательно — предлагаются переговоры с Германией на неприемлемых для нее условиях (зачем Гитлеру пакт, который будет разорван 1 сентября). Это — тот же первый путь «затягивания». Оба первых пути выводят на третий путь — ни с кем договоров не заключать. В этом случае, по мнению М. И. Семиряги, «Советский Союз сохранял бы подлинно нейтральный статус, выигрывая максимально возможное время для лучшей подготовки к будущей неизбежной войне»^[478]. Эта логика поразительно напоминает оправдания советских идеологов по поводу Пакта. Он помогал оттягивать войну. Только вариант Семиряги очевидно слабее, поскольку оставляет широкие возможности для антисоветского англо-германского сближения за счет СССР, нового Мюнхена и с разворотом всей силы германской агрессии на восток. Впрочем, сам М. И. Семиряга перечеркивает все свои три альтернативы Пакту таким заявлением: «Конечно, рассчитывать на подобные альтернативные решения можно было только в случае уверенности в том, что Германия при отсутствии договора с СССР не нападет на Польшу»^[479]. Очевидно, что никто таких гарантий дать не мог. Но если бы Германия не напала на Польшу, она могла договориться с Западом, что для СССР было бы не лучше. Таким образом, рассуждения М. И. Семиряги в поддержку «альтернатив» скорее убеждают в оправданности Пакта.

Альтернатива подписанию пакта была. Но, как мы видели, это было не заключение англо-франко-советского союза. До нападения Германии на Польшу шансов на это не было. А после нападения СССР было невыгодно вступать в войну, которая начинается с поражения одного из союзников. СССР мог остаться нейтральным и не принять участия в разделе Польши. Это означало возвращение к внешнеполитической ситуации 1927–1933 гг. и конца 1938 г., уход в глухую оборону в ожидании, когда столкновение «империалистических хищников» приведет к революциям. Но в первые годы войны ничего, способствующего революциям, не происходило. Поэтому стратегия «глухой обороны» была весьма рискованной. Выбор времени удара по СССР оставался за противником. Момент начала советско-германской войны удалось бы отодвинуть на несколько лет — пока Гитлер не расправится с Францией и Великобританией. А затем СССР остался бы один на один

с объединенной Гитлером фашистской Европой и Японией, опирающейся на ресурсы Китая и Индии.

Сталин предпочел другой вариант, вытекавший из традиционной европейской политики — участие в разделах, усиление своих стратегических позиций перед будущим столкновением. Специфика XX века заключалась в том, что борьба велась не просто за польское или даже французское наследство, а за наследство глобального рынка и глобальной системы колониального господства европейских держав. Судьба всего мира была ставкой в борьбе нескольких бюрократий, усилившихся в результате выхода индустриального общества на государственно-монополистический уровень развития.

* * *

Предопределял ли Пакт начало войны в Европе?

И Муссолини, и Вайцзекер, и Шуленбург считали, что пакт поможет достичь нового Мюнхена. Теперь-то англичане станут сговорчивее. И полякам не на что надеяться. По свидетельству Вайцзекера, после пакта даже Гитлер «полагает, что поляки уступят, и снова говорит о поэтапном решении. После первого этапа, считает он, англичане откажут полякам в поддержке»^[480]. Но фашистские руководители недооценивали самоуверенности польских политиков. Посол в Париже Ю. Лукаевич утверждал: «не немцы, а поляки ворвутся вглубь Германии в первые же дни войны!»^[481].

Современные авторы не перестают спорить об ответственности СССР за начало войны. Но очень часто высказывания авторов больше говорят о них, чем о ситуации 1939 г. Утверждения о том, что «СССР стремился предотвратить Вторую мировую войну»^[482] столь же продиктованы идеологией авторов, как и утверждение, будто «Сталин начал Вторую мировую войну»^[483]. Первое утверждение совершенно игнорирует коммунистическую идеологию, которой был лично привержен Сталин. Для него война между империалистами была положительным фактором, так как ослабляла противника. Важно, чтобы СССР не был втянут в войну до тех пор, пока империалисты не ослабят друг друга. Уже на XVIII съезде преспокойно говорилось, что

новая мировая война уже идет. В то же время Сталин (в отличие от Чемберлена) отлично понимал опасность гитлеровской экспансии, и предпочитал до августа 1939 г. сдерживать ее всеми возможными методами, включая силовые. Когда действия героев Мюнхена показали Сталину, что предотвратить захват Гитлером Польши не удастся, лидер СССР предпочел отгородиться от гитлеровской экспансии хотя бы на время. А будет за пределами его сферы влияния война или нет — дело Гитлера и Чемберлена. Гитлер и Чемберлен предпочли войну, что не огорчило Сталина, хотя он и не был инициатором этого их решения. Нужно было вырабатывать свою стратегию в условиях неизбежной перспективы столкновения с Гитлером.

Великобритания и Германия продолжали искать мира с Германией не только после Пакта Молотова-Риббентропа, но и после того, как 3 сентября объявили войну Германии. Этим объясняется обман ими польских союзников. Обещав, что вот-вот начнется англо-французское наступление, которое сокрушит Германию, французы ограничились маневрами и укрылись за линией Мажино. Французы и англичане слишком ценили жизни своих соотечественников, чтобы подвергать их опасности.

Удар в спину или освободительный поход?

Мы знаем, что 17 сентября СССР вмешался в германо-польскую войну. Поляки отражали удар гитлеровской агрессии, а Красная армия ударила в тыл войску польскому. Именно это предопределило победу Гитлера. Совершился «четвертый раздел Польши».

На это отвечают: Ничего страшного. Все в порядке вещей. Никакой агрессии СССР против Польши не было. Бал «освободительный поход», сиречь «миротворческая операция».

Однако Сталин придавал большое внимание тому, чтобы при этом не вмешаться во Вторую мировую войну. Более того, немцы не были уверены в том, что советское вторжение в Польшу состоится, так как оно не было прямо предусмотрено Пактом Молотова-Риббентропа, а только подразумевалось.

3 сентября Риббентроп приказал Шуленбургу сообщить Молотову: «понятно, что по военным соображениям нам придется затем действовать против тех польских военных сил, которые к тому времени будут находиться на польских территориях, входящих в русскую сферу влияния». Было важно выяснить, «не посчитает ли Советский Союз желательным, чтобы русская армия выступила в настоящий момент против польских сил в русской сфере влияния и, со своей стороны, оккупировала эту территорию»^[484]. Для Германии удар СССР по Польше в первую неделю войны был крайне важен. Это могло втянуть СССР в войну против Великобритании и Франции, а одновременно лишить Польшу надежд на длительное сопротивление. В условиях советского вторжения союзники не станут атаковать линию Зигфрида, и в крайнем случае можно будет быстро перебросить части вермахта из Польши на запад, уступив русским честь штурмовать Варшаву. Риббентроп еще не знал, что союзники Польши и так не предпримут попыток помочь ей, и Германии нечего бояться.

Однако Сталин не торопился получить свой кусок Речи Посполитой и воссоединить таким образом Белоруссию и Украину.

7 сентября в беседе с деятелями Коминтерна Сталин охарактеризовал начавшееся столкновение как войну двух групп империалистических держав. О Польше Сталин говорил как о фашистском государстве, которое ничем не лучше напавшей на него Германии. Отсюда вывод: «Что плохого было бы, что если бы в результате разгрома Польши мы бы распространили социалистическую систему на новые территории и население». Коминтерновцам предстояло активизировать борьбу против западных правительств, но быть готовыми в свое время усилить борьбу и с нацистами. «Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга... Гитлер, сам того не подозревая, расстраивает и подрывает капиталистическую систему»^[485].

Чтобы не втянуться в войну двух блоков на стороне Германии, Сталин решил пока выжидать, ссылаясь на неготовность советской армии: «Красная армия рассчитывала на несколько недель, которые теперь сократились до нескольких дней»^[486], — объяснял Молотов Шуленбургу промедление с вводом советских войск в «сферу интересов СССР». В действительности с введением 1 сентября закона о всеобщей воинской повинности СССР мог проводить

неограниченную мобилизацию. 6 сентября в западных военных округах было призвано 2,6 миллиона человек. Сосредоточение советских войск было назначено на 11 сентября.

Пока не было ясности с позицией СССР, германское командование рассматривало вариант создания в советской сфере влияния марионеточного украинского государства с помощью ОУН.

В СССР тоже собирались разыграть украинскую карту (вместе с белорусской), причем в обидном для Германии ключе. Молотов говорил Шуленбургу: советское правительство намеревается заявить, «что Польша разваливается на куски и что вследствие этого Советский Союз должен прийти на помощь украинцам и белорусам, которым „угрожает“ Германия. Этот предлог представит интервенцию Советского Союза благовидной в глазах масс и даст возможность Советскому Союзу не выглядеть агрессором»^[487]. Получалось, что СССР все же считает Германию агрессором. Под давлением немцев утверждение об угрозе с их стороны пришлось заменить пацифистским тезисом об угрозе войны для мирного населения Украины и Белоруссии.

Когда все было готово для удара с востока, 14 сентября «Правда» выступила с программной статьей о причинах поражения Польши, где разоблачала угнетательскую политику польского руководства в отношении национальных меньшинств. И вывод: «Многонациональное государство, не скрепленное узами дружбы и равенства населяющих ее народов, а наоборот, основанное на угнетении и неравноправии национальных меньшинств, не может представлять крепкой военной силы»^[488].

Впоследствии официальная пропаганда объявит последнюю советско-польскую войну «мирным освободительным походом». Но в войсках, которые готовились к «мирному походу» никаких иллюзий не было — предстояла «революционная, справедливая война»^[489].

16 сентября немецкие клещи замкнулись у Бреста, Польша потерпела поражение. В это же время было заключено советско-японское соглашение об урегулировании пограничного спора на Халхин-Голе. Теперь Сталин решил, что настал час получить «свою часть» Речи Посполитой. 17 сентября армия СССР перешла границу. Польскому послу в Москве была вручена нота с официальным объяснением советских действий: «Варшава как столица Польши не

существует больше. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что польское государство и его правительство фактически перестали существовать». В действительности правительство продолжало жить и работать в Коломые близ румынской границы. Использовались аргументы, введенные в дипломатический оборот Чемберленом после распада Чехословакии. Если государство распалось, то и договоры с ним не действуют: «Тем самым прекратили свое действие договора, заключенные между СССР и Польшей». Это был главный тезис, ради которого нужно было сообщать об «исчезновении» польского правительства. Далее вступали в силу ключевые для советской внешнеполитической пропаганды мотивы безопасности: «Предоставленная самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, советское правительство не может более нейтрально относиться к этим фактам». Это означало, что СССР выходил из режима нейтралитета, то есть, по сути, вступал в войну. «Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, остались беззащитными». «В виду такой обстановки советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии». Это был важный поворот в советской идеологии, который стал новым этапом в длительной эволюции от интернациональных к национальным приоритетам. Если раньше СССР планировал «освободить» и «защищать» все народы, то теперь — только те, которые уже имели свои территориальные образования в составе СССР. Этот акцент не вписывается в миф о том, что Сталин стремился прежде всего восстановить, Российскую империю. Сталину важно взять населенную украинцами Галицию, которая не входила в Российскую империю, но он с легкостью откажется от собственно польских земель, которые прежде были частью Российской империи. Сталин не стал от этого большим националистом, а руководствовался прагматическими соображениями. Разделенные народы являются

источниками конфликтов. Так что их лучше освободить целиком (в чем полякам предстоит убедиться в 1944–1945 гг.). В 1939 г. идеологический переход происходил постепенно, тем более, что часть территорий, населенных преимущественно поляками, оставалась в советской сфере влияния: «Одновременно советское правительство намерено принять все меры к тому, чтобы выволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность зажить мирной жизнью»^[490].

Выступая по радио, Молотов рассуждал еще резче: «Польские правящие круги обанкротились... население Польши брошено его незадачливыми руководителями на произвол судьбы»^[491].

В Польшу входила советская группировка в 617 тыс. солдат и 4736 танков. Затем она была увеличена до 2,4 миллиона человек при 6096 танках. Такая армия могла противостоять не только полякам, но, в случае чего — и немцам.

«Политическое и военное руководство Польши никак не ожидало открытого военного вмешательства СССР»^[492]. Некоторое время даже было непонятно, на чьей стороне собираются действовать советские войска — танковые колонны шли походным порядком, танкисты сидели на башнях с открытыми люками, приветствовали население.

Рыдз-Смиглы отдал приказ: «Советы вторглись. Приказываю осуществить отход в Румынию и Венгрию кратчайшими путями. С Советами боевых действий не вести, только в случае попытки с их стороны разоружения наших частей. Задача для Варшавы и Модлина, которые должны защищаться от немцев, без изменений. Части, к расположению которых подошли Советы, должны вести с ними переговоры с целью выхода гарнизонов в Румынию или Венгрию»^[493].

Генерал В. Андерс считал, что Красная армия ударила, «когда мы могли бы еще сопротивляться некоторое время и дать союзникам возможность ударить на открытые границы Германии». Эта точка зрения стала в Польше практически официальной. Отвечая ее сторонникам российский историк М. И. Мельтюхов пишет: «Особенно „убедительно“ звучат утверждения относительно намерений западных союзников Польши, которые палец о палец не ударили, чтобы помочь ей даже тогда, когда Войско польское еще представляло собой значительную силу, что уже говорить о середине сентября, когда польский фронт рухнул?... К 17 сентября вермахт не только разгромил

основные группировки Войска польского, но и окружил практически все боеспособные части... Конечно, не вступи в Польшу Красная армия, немцам потребовалось бы какое-то время для занятия ее восточных воеводств, но никакого реального устойчивого фронта там возникнуть не могло»^[494], — считает М. И. Мельтюхов.

Могли ли поляки устоять? В итоге, конечно нет. Но фронт на юго-западе страны, который замыслил Рыдз-Смиглы, могли бы создать. Это имело бы большое значение, если бы союзники все же ударили по немцам. Но, как сегодня известно, они не собирались этого делать. Поэтому Польша была обречена в любом случае.

Но в сентябре 1939 г. польское руководство не знало об обреченности своей борьбы. Поэтому советский удар окончательно разрушил обманчивые надежды на длительное сопротивление, и вызвал такую горечь у непосредственных участников событий.

Дальнейшее сопротивление Польши стало бессмысленным. Поздно вечером 17 сентября польское правительство покинуло страну.

Белорусский и Украинский фронты, охватывая территорию востока Речи Посполитой с севера и юга, встретили несоизмеримо меньшее, чем немцы, сопротивление слабых польских сил, еще оставшихся в этом регионе. Группа «Полесье» предпочла уклониться от столкновения и ушла на Запад. Там — настоящая, хотя и безнадежная, война. Здесь — непонятно что, и тоже без шансов на успех.

Лишь в нескольких местах произошли серьезные столкновения — под Вильно, Гродно, Кожан-Городком, Красне, Сутковице (где красным противостоял генерал В. Андерс — будущий командующий союзной СССР польской армией, сражавшейся на стороне англичан). Львов оказался под ударом двух армий — немецкой и советской. Между ними обнаружилось явное соперничество. Дошло до того, что советские войска 19 сентября оказались под перекрестным огнем поляков и немцев. Немцы объяснили это недоразумением. 20 сентября немецкое командование отдало приказ отвести войска от Львова, находившегося в советской сфере влияния, но немецкие офицеры до последнего уговаривали поляков: «Если сдадите Львов нам — останетесь в Европе, если сдадитесь большевикам — станете навсегда Азией»^[495].

В городе Брест, хотя он находился в советской сфере, но который заняли немцы, при смене немецких войск на советские был проведен парад этих двух армий.

Украинское и белорусское население, недовольное политикой польской власти, массами выходило на улицы, демонстрируя радость по поводу прихода Красной армии. Часть жителей, конечно, не радовалась, но с протестом не выходила. 20 сентября при штурме Гродно местное население помогало советским войскам.

19 сентября было опубликовано советско-германское коммюнике, в котором СССР вынужден был поставить свои вооруженные силы на одну доску с вермахтом: «Задача этих войск... заключается в том, чтобы восстановить в Польше порядок и спокойствие, нарушенное распадом собственного государства, и помочь населению Польши переустроить условия своего государственного существования»^[496]. Четвертый раздел Польши, одним словом. Но Сталин хотел бы провести раздел не собственно Польши, а многонациональной Речи Посполитой — отделить районы, населенные поляками, от районов, населенных белорусами и украинцами. Об этом 19 сентября был проинформирован Шуленбург. 25 сентября Сталин лично объяснил Шуленбургу свои мотивы. Раздел собственно польского населения может вызвать трения между СССР и Германией. Поэтому можно обменять польскую часть советской сферы влияния до Вислы на Литву.

Сталин умолчал о других мотивах. Не претендуя на захват части Польши, Сталин искусно уклонялся от обвинения в агрессии. Агрессию совершила Германия, а СССР просто взял под защиту народы, большая часть которых проживает в СССР. На поляков Советский Союз не покушается. Никакого угнетения. Первоначальное включение части Польши в советскую сферу влияния было нужно Сталину на случай, если события привели бы к сохранению Польши в урезанных границах. Тогда это государство было бы зависимо и от Германии, и от СССР. Теперь такая необходимость отпала, и Гитлер мог получить лавры покорителя Польши в полном объеме и со всеми вытекающими из этого международными последствиями. Расчет Сталина оказался верным. Страны Запада предпочли не считать СССР агрессором.

28 сентября Варшава пала. В этот день Германия и СССР заключили договор о дружбе и границах. Стороны провозглашали стремление обеспечить «мир и порядок», «мирное сосуществование народов» и делили Речь Посполитую по новой линии. Приехавший в Москву Риббентроп встретил более теплый прием, чем раньше, но торговались по-прежнему долго. Камнем преткновения стали районы Сувалок, нижнего течения реки Сан и Августовские леса. Немцам был нужен лес и нефтепромыслы. Сталин ссылаясь на то, что территории «обещаны украинцам». В конце концов договорились разрезать спорный район Августовских лесов пополам. Но граница в этом месте получалась очень замысловатой. Поскольку оккупированные в 1920 г. Польшей литовские территории Виленского края теперь передавались Литве, решили отрезать небольшой кусочек литовской территории в пользу Германии для спрямления границы. Позднее, когда покровителем Литвы стал СССР, советская дипломатия изо всех сил оттягивала выполнение этого обещания, чтобы не ранить национальные чувства литовцев. В 1941 г. СССР удалось снять этот вопрос, выкупив «спорную» литовскую территорию. А в сентябре 1939 г. вся Литва «по обмену» попала в советскую сферу влияния.

Договор исключал вмешательство третьих стран в решение судьбы Польши. Это касалось прежде всего Великобритании и Франции, которые все еще «воевали» на стороне Польши, правда, почти не производя выстрелов. 29 сентября было опубликовано совместное заявление советского и германского правительств, которое еще теснее привязывало СССР к Германии в противостоянии странам Запада: «ликвидация настоящей войны между Германией с одной стороны и Англией и Францией с другой стороны, отвечала бы интересам всех народов». Если усилия Германии и СССР уговорить Запад пойти на мировую не удадутся, то «будет установлен факт, что Англия и Франция несут ответственность за продолжение войны...»^[497]

Результаты советско-польской войны 1939 г. и советско-германского «Договора о дружбе и границе» живут до сих пор — в границах объединенных Белоруссии, Украины и Литвы. Юридических оснований для отмены этих результатов нет — они были подтверждены соглашениями, заключенными после Второй мировой

войны. Итоги Второй мировой списали все грехи победителей и их наследников, которыми являются бывшие республики СССР.

* * *

Когда дело было сделано, Молотов выступил 31 сентября на сессии Верховного совета СССР: «оказалось достаточно короткого удара по Польше сперва со стороны германской армии, а затем — Красной армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора, жившего за счет угнетения непольских национальностей»^[498]. Таким образом, Молотов признал ответственность Красной армии за разрушение Польского государства. Не удивительно, что СССР постепенно смещался от равноудаленного положения относительно двух воюющих коалиций к германской стороне.

Молотов разъяснил советским людям: «за последние несколько месяцев такие понятия как „агрессия“, „агрессор“ получили новое конкретное содержание, приобрели новый смысл. Не трудно догадаться, что теперь мы не можем пользоваться этими понятиями в том же смысле, как, скажем, 3–4 месяца тому назад. Теперь, если говорить о великих державах Европы, Германия находится в положении государства, стремящегося к скорейшему окончанию войны и к миру, а Англия и Франция, вчера еще ратовавшие против агрессии, стоят за продолжение войны и против заключения мира. Роли, как видите, меняются»^[499].

«Диалектические» рассуждения Молотова легко объяснимы — под старое определение агрессора легко попадал СССР. Действительно, можно ли считать Советский Союз агрессором? И была ли вообще война? Эти вопросы вызывают споры до сих пор.

В. Сиполс поддерживает традиционную для КПСС точку зрения о том, что имело место просто «освобождение украинских и белорусских земель, захваченных Польшей в 1920 г.»^[500] Слово «освобождение» применительно к этим событиям является чисто идеологическим рудиментом эпохи Второй мировой войны. Никакой дополнительной свободы жители «освобожденных» территорий не

получили, они перешли из ведения одного авторитарного государства в ведение другого — тоталитарного. Политический гнет стал сильнее, национальный — несколько ослаб. Нечто подобное произошло и в 1920 г., когда Польша получила свою долю при разделе Российской империи. Большинство границ, существовавших с древнейших времен и донныне, были нарисованы силой оружия. Слово «освобождение» в силовых акциях подобного рода символизирует торжество того или иного принципа, который разделяет «освобождающий». Если раньше Красная армия понимала под «освобождением» прежде всего свержение капиталистической системы, то затем в идеологии возобладал национальный принцип. Территории «освобождаются» в пользу Советского Союза потому, что там живут «единокровные» жители.

В 1944–1945 гг. понятие «освобождение» снова станет интернациональным (вплоть до освобождения немцев Красной армией). Для Сталина это было делом принципа.

Противоположную «державной», но также идеологически обусловленную точку зрения отстаивают те авторы, которые утверждают, что с сентября 1939 г. СССР участвовал во Второй мировой войне на стороне Германии. Если бы основанием для такого вывода было бы участие СССР в германо-польской войне, то в их утверждении были бы свои резоны, но участие СССР в войне пришлось бы считать прекратившимся с разгромом Польши. Ведь война шла де факто, а не де юре. Великобритания и Франция не сочли, что СССР вступил в их войну с Германией в сентябре 1939 г. Поэтому для подтверждения этой идеологической концепции нужно доказать, что СССР был участником войны и в 1940 г. Здесь у сторонников «военной версии» с фактами гораздо сложнее. Они предлагают считать СССР участником войны уже в связи с тем, что он осуществлял «помощь» Германии, выразившуюся прежде всего в торговле^[501]. Но тогда участниками войны придется немедленно объявить Швецию (на стороне Германии), Финляндию (сначала на стороне Великобритании, а затем Германии уже с начала 1941 г.), США и почти все страны Латинской Америки (на стороне Великобритании). Все они вели торговлю с воюющими сторонами, оказывали ту или иную военно-техническую поддержку, хотя и не направляли своих солдат на войну и не разрывали дипломатических отношений с врагом своего друга.

Участие в войне фиксируется либо юридически (объявление войны), либо путем открытого участия войск в военных действиях. Остальное — схоластика.

СССР нанес удар по Польскому государству тогда, когда его гибель уже была предрешена. В итоге раздела Польского государства в состав СССР вошли территории, населенные преимущественно украинцами и белорусами. Великобритания и Франция не расценили действия СССР как вмешательство в их войну с Германией. Если оставаться на почве исторической науки, СССР вступил в мировую войну 22 июня 1941 г.

Очерк девятый

Советско-финляндская война: провал или победа?

Раньше нам рассказывали, что в ноябре 1939 г. на советско-финляндской границе начался конфликт, спровоцированный реакционными кругами Финляндии. Финские реакционеры угрожали Ленинграду и вообще планировали создать «Великую Финляндию» до Белого моря. Советскому Союзу этот конфликт был вовсе не нужен, так что, прорвав финскую линию Маннергейма, победоносный СССР ограничился тем, что отодвинул границу от Ленинграда.

Теперь, когда мы знаем «всю правду», на место старого мифа пришел новый: Сталин в своем стремлении восстановить Российскую империю собирался захватить Финляндию, но героическая финская армия нанесла сокрушительное поражение Красной Армии, показав всему миру ее низкую боеспособность.

Чего добивался Сталин?

Попробуем разобраться, почему возник конфликт, какие цели преследовал Сталин, с чем связаны неудачи Красной армии на первом этапе войны и кому досталась конечная победа?

Финляндия оставалась последним прибалтийским государством, отнесенным к сфере влияния СССР, с которым не удалось заключить пакт о «взаимопомощи». До советско-германского пакта СССР рассматривал Финляндию как опасный плацдарм, с которого может быть совершено нападение на Ленинград. Взятие Ленинграда — огромная опасность для СССР в целом^[502]. В 1940 г., разбирая итоги войны с Финляндией, Сталин вернулся к этой теме. Противник может «прорваться к Ленинграду, занять его и образовать там, скажем, буржуазное правительство, белогвардейское, — это значит дать довольно серьезную базу для гражданской войны внутри страны

против Советской власти»^[503]. Учитывая, что Ленинград находился всего в 32 км. от границы с Финляндией, в случае высадки в этой стране сильного экспедиционного корпуса другой державы такая перспектива не казалась Сталину фантастической.

По мнению Т. Вихавайнена, «в Москве при анализе внешней политики не замечали склонности малых стран к нейтралитету»^[504]. Какая близорукость Москвы! Но опыт европейской войны показал, что нейтралитет малых стран не является препятствием для германской агрессии. Так что опасения СССР по поводу прохода войск противника через нейтральные страны были вполне оправданы. Сама по себе Финляндия, конечно, не угрожала Ленинграду, и у нее не было сил, чтобы осуществить мечты национал-радикалов о «Великой Финляндии». Но страна была идеальным плацдармом для удара по «Северной столице» в случае войны с Германией, Великобританией или Францией.

5 марта 1939 г. Литвинов предложил правительству Финляндии сдать в аренду на 30 лет острова Гогланд, Лавансаари, Сейскари, Тьюторсаари для наблюдательных пунктов на подступах к Ленинграду. 8 марта финны отвергли это предложение, но переговоры продолжались.

Советско-германский пакт и европейская война изменили ситуацию. Советские требования стали тяжелее, а финляндское руководство осознало, что придется пойти на некоторые уступки. Из всех прибалтийских стран Финляндию оставили «на закуску». 5 октября Молотов пригласил финского посла и предложил делегации Финляндии прибыть в Москву для переговоров «по некоторым конкретным вопросам политического характера»^[505]. Финны ответили не сразу, и это вызвало раздражение в Москве. Советский посол В. Деревянский говорил министру иностранных дел Финляндии Э. Эркко: «Финляндия отнеслась к предложению иначе, не так, как Прибалтика, и это может пагубно сказаться на ходе событий»^[506].

В СССР перед переговорами готовили разные варианты требований к Финляндии. Предполагалось отодвинуть границу от Ленинграда вдвое дальше, до линии Местерярви — Коневец, передать под контроль СССР ряд стратегически важных островов, в том числе Ханко, где планировалось создать базу. Это позволило бы полностью контролировать вход в Финский залив. «Программа максимум»

отодвигала границу еще дальше, почти до Выборга, и предполагала передачу СССР района Петсамо, отрезая Финляндию от Северного ледовитого океана. В обмен СССР был готов предоставить малонаселенные районы Карелии. Эти изменения должны были, как и в случае со странами Прибалтики, стать результатом договора о взаимопомощи. В Выборгскую губернию вводились бы советские войска. Это значило, что финны теряли свою линию долгосрочных укреплений, и в любой момент Красная армия могла бы свободно войти в Хельсинки.

Для начала финское руководство во главе с премьер-министром А. Каяндером и главнокомандующим К. Маннергеймом (в его честь финская линия укреплений стала называться линией Маннергейма) решило тянуть время. На создание советских баз на своей территории Финляндия не соглашалась, но была готова откорректировать границу за соответствующую компенсацию в Карелии, и даже предоставить СССР острова Сейскари, Лавансаари и Тютяrsaари, в крайнем случае еще Суурсаари. Понятно, что корректировка границы, допустимая для Финляндии, не должна была затронуть линию Маннергейма (финны были готовы демонтировать лишь ее передовую часть). В Москву отправились финские министры В. Таннер и Ю. Паасикиви. 12 октября начались переговоры. Сталин быстро понял, что торг с финнами возможен лишь на основе «программы минимум». Отодвинуть границу предполагалось по скромной линии Липпола — Койвисто, которая затрагивала лишь часть «линии Маннергейма» у Финского залива. В это время советская сторона требовала разоружения укреплений по обе стороны новой границы. Этот опасный пункт мог стать предметом торга, но до его подробного обсуждения дело не дошло.

Финская делегация не соглашалась на серьезные уступки и отказывалась заключать договор о взаимопомощи, ссылаясь на нейтралитет своей страны. Да и зачем нужен такой договор, когда существует советско-финляндский пакт о ненападении, а СССР заметно улучшил свои отношения с Германией. Сталин ответил: «с Германией у нас теперь хорошие отношения, но все в этом мире может измениться»^[507]. Советский диктатор вовсе не питал иллюзий по поводу перспектив дружбы с немецким диктатором. СССР согласился снять требование договора о взаимопомощи, что, впрочем, не сделало

финнов уступчивее: «Финляндия не может пойти на перенос границы в той мере, в какой предлагает Советский Союз, поскольку в результате этого положение и безопасность самой Финляндии могут быть поставлены под угрозу»^[508]. 13 ноября, когда переговоры окончательно зашли в тупик, Паасикиви и Таннер заявили об отбытии назад в Финляндию. Время было выиграно. Казалось, что под зиму Советский Союз не решится вторгнуться в северную страну.

Уступки Сталина на переговорах, его отход от первоначальных требований до условий, учитывающих безопасность Финляндии, причем в самый канун войны с финнами, ставит перед нами вопрос: какие цели преследовал Сталин в этом регионе? Приведем две крайние точки зрения современных авторов. С. Беляев рассуждает: «Вернемся к тому, были ли целями войны советизация Финляндии или изменение северо-западных границ. Видимо, последнее, потому что если бы речь шла о советизации, то вряд ли бы Сталин остановился»^[509]. Мы еще увидим, в каких условиях «остановился» Сталин.

Шла ли речь о советизации Финляндии? Проблема несколько сложнее. У Сталина были в запасе разные варианты создания коммунистических режимов. Сталин мог планировать провести в ближайший год в Финляндии: а) советизацию и включение в СССР (как это случится в другими странами Прибалтики в 1940 г.), либо б) коренное социальное переустройство с сохранением формальных признаков независимости и политического плюрализма. Этот метод, применявшийся после Второй мировой войны в Восточной Европе, получит название «Народная демократия». По существу она станет авторитарной модификацией концепции «Народного фронта».

Противоположный С. Беляеву взгляд на цели Сталина в отношении Финляндии излагает М. Семиряга. Он считает, что для определения характера войны против Финляндии, «не обязательно анализировать переговоры осени 1939 г. Для этого нужно просто знать общую концепцию мирового коммунистического движения Коминтерна и сталинскую концепцию — великодержавные претензии на те регионы, которые раньше входили в состав Российской империи... А цели были — присоединить в целом всю Финляндию. И ни к чему разговоры о 35 километрах до Ленинграда, 25 километрах до Ленинграда...»^[510]. Тут читатель на мгновение застывает в недоумении. Концепция Коминтерна, которую, конечно, нужно знать,

существенно менялась со временем. Но все же, если бы Сталин держал в голове только интересы «мирового коммунистического движения», ему не следовало торговаться из-за километров границы. Все равно все потом достанется коммунистам. И войну вести не следует — агрессивная война подрывает авторитет коммунистического движения. Нужно было засылать в Финляндию революционеров и поднимать восстания. Правда, упомянутая М. Семирягой «общая концепция» Коминтерна плохо стыкуется с великодержавными претензиями на территорию Российской империи. Ведь Коминтерн занимался распространением «коммунистической заразы» в мировом масштабе. К тому же мы уже видели, что Сталин в 1939 г. выстраивал западную границу СССР, мягко говоря, не совсем в соответствии с границами Российской империи. Если верить М. Семиряге, то ради восстановления Российской империи Сталин был бы рад обнажить меч войны. Но торговаться из-за километров опять глупо — все достанется Российской империи. А Сталин — нате — торговался, теряя драгоценное время, оставшееся до зимы. Может быть, дело в том, что Сталин, подобно Гитлеру в Судетах, планировал сначала бескровно занять «линию Маннергейма»? Сначала да. А потом — уступил. Только кусочек хотел прихватить. И по поводу Койвистовского «угла», задевающего линию, был готов торговаться, лишь бы не сорвать переговоры.

Да, Сталин верил, что рано или поздно коммунистическая система охватит весь мир. И был готов этому содействовать. Но прежде всего — укрепляя СССР. Укреплять СССР Сталин стремился, держа в уме опасность удара на севере (по Ленинграду) и на юге (по Украине), после чего вся оборона Красной армии оказалась бы в клещах. Границы Российской империи были важны для Сталина и как естественные оборонительные рубежи, и по дипломатическим причинам. Это позволяло апеллировать к историческим правам в диалоге с Западом. Когда позволят обстоятельства, после Второй мировой войны Сталин захватит пол-Европы, но оформит новые режимы не как советские. Кстати, Финляндия не станет даже «народной демократией».

И это при том, что в 1945 г. и СССР, и западные союзники рассматривали Финляндию в одном ряду с Венгрией, Румынией и Болгарией (в отличие от Италии и Греции), то есть как страну,

оказавшуюся в советской сфере влияния как политически, так и экономически^[511]. Еще в 1947–1948 гг. Жданов предлагал финским коммунистам восточноевропейскую тактику прихода к власти^[512]. Но Сталин оценивал ситуацию прагматично и не был одержим идеей включить Финляндию в состав СССР. Если в 1939 г. ему нужен был щит против стран Запада, то после Второй мировой войны — буферная зона на севере Европы. Так что Финляндии удалось сохранить свой общественный строй.

«Великодержавные интересы» для Сталина были все-таки вторичными в сравнении с интересами борьбы за мировое влияние. Да и «угрозы Ленинграду» в 1948 г. уже не было.

В 1939 г. Сталин действовал не по железному плану, а в зависимости от того, что позволяет получить соотношение сил в Европе. Ситуация позволила разместить базы в Прибалтике. Если бы страны Прибалтики отказались, их ждало бы вторжение. Но территориальных претензий к ним нет — от Эстонии до Ленинграда не так близко, как от Финляндии. Мотив обеспечения безопасности северного фланга СССР являлся для Сталина приоритетным в осенних переговорах с Финляндией. Иначе он потребовал бы всю линию Маннергейма и прервал переговоры уже в октябре, как только финны отвергли бы максимальные претензии СССР. Поскольку Финляндия не пошла даже на минимальные на уступки, в дело вступил вариант «народной демократии» — более жесткий, чем в отношении уступчивых прибалтов, но более умеренный, чем советизация. Если бы Финляндия была захвачена, провел бы Куусинен советизацию? Это стало бы возможно после разгрома Великобритании и Франции. А осенью 1939 г. Сталин еще не знал, чем кончится война на Западе, и вопрос о судьбе Прибалтики был открыт. Также, как и вопрос о судьбе Финляндии даже в случае ее поражения в войне. Одного Сталин не мог допустить — чтобы финны, «послав» СССР, остались безнаказанными. Потому что сразу вслед за этим изменилось бы отношение к советской мощи в Прибалтике. А это для Сталина было недопустимо в любом случае.

Сталин волей-неволей должен был пойти на блицкриг в канун зимы. А когда блицкриг не удался, продолжать войну до хоть какого-нибудь победного конца, вернувшись к значительно увеличенным требованиям «программы максимум» переговоров 1939 г. Как мы

увидим, в 1940 г. Сталин очень кстати вспомнил о границах Российской империи XVIII в. Но именно в 1940 г., а не осенью 1939 г. История для Сталина была служанкой политики. «Великодержавные претензии» были шире границ Российской империи.

Легендарная линия

Красная армия вторглась в Финляндию без объявления войны, но колоссальное превосходство сил ей не помогло. Финская армия остановила советские войска на линии Маннергейма, показав, какие русские плохие вояки. В одном мифе эта линия — неприступна, в другом — так себе, кучки дотов среди холмов. Но остается вопрос: а почему о ней не подумали заранее?

26 ноября 1939 г. на советско-финской границе, в районе с. Майнила произошло несколько артиллерийских выстрелов. СССР обвинил Финляндию в обстреле его территории. Финское правительство заявило, что готово провести объективное расследование инцидента. Финны считали, что стреляли советские орудия, и, как мы сейчас знаем, были правы. Но тогда проверить это не удалось, так как 30 ноября советские войска вторглись в Финляндию на пяти основных направлениях. На севере советская 104 дивизия оккупировали район Петсамо. Южнее от района Кандалакши 177 дивизия двинулась на Кеми. Еще южнее 9 армия наступала на Оулу (Улеборг). Заняв эти два порта в Ботническом заливе, советская армия рассекла бы Финляндию надвое. К северу от Ладоги 8 армия выдвигалась в тыл линии Маннергейма. И, наконец, на главном направлении 7 армия должна была прорвать линию Маннергейма и войти в Хельсинки. На все-провсе отводилось две недели. Это была стратегия маневренной войны, знакомая советским генералам по опыту гражданской и только что прошедшей советско-польской войн.

Сталин рассчитывал быстро справиться с Финляндией, и поэтому направил против нее относительно небольшие силы, меньше чем против Польши. В частях РККА, сосредоточенных на границе с Финляндией, было 400 тыс. человек. К началу войны Финляндия

располагала до 500 тыс. обученных бойцов, из которых под ружьем было 265 тыс. Первоначальное соотношение численности войск было всего 1:1,6 в пользу красной армии. Лишь позднее было достигнуто тройное превосходство в численности. Превосходство по артиллерии было 5 к 1, по танкам 7,5 к 1, по боевым самолетам 10 к 1.

Итак, агрессия СССР против Финляндии состоялась. В Москве недоуменно пожимали плечами: какая агрессия? Против кого? 2 декабря «Правда» сообщила, что по данным «радиоперехвата» в городе Териоки (у самой границы) «по соглашению представителей ряда левых партий и восставших финских солдат образовалось новое правительство Финляндии — Народное правительство Финляндской демократической республики»^[513]. Вот так — в Финляндии идет гражданская война. Наши войска действуют в союзе с демократами. В тот же день председатель нового правительства — в прежней жизни член ЦК ВКП(б) и секретарь Исполкома Коминтерна О. Куусинен — тут же установил с СССР дипломатические отношения и заключил с «великим соседом» договор о взаимопомощи. Когда 4 декабря шведский посланник Винтер предложил Молотову посредничество в переговорах с финнами, предсовнаркома выразил недоумение. Какое посредничество? У нас с финнами договор. Взаимопомощь. Что касается прежнего правительства, то оно «направилось в неизвестном направлении»^[514]. Как в свое время польское. Когда выяснится, что правительство Финляндии, которое с началом войны возглавил Р. Рюти, никуда из Хельсинки не делось, в советской пропаганде финское сопротивление стали называть «белофинским», чтобы подчеркнуть: Красная армия действует на стороне красных финнов. Была даже создана дивизия «красных» финнов (из советских граждан и эмигрантов коммунистов), но участия в военных действиях это парадное соединение не принимало. Равно как и никакой реальной власти марионеточное правительство Куусинена не имело.

Казалось, что маленькая Финляндия не сможет устоять против натиска одной из мощнейших армий мира. «На начальной стадии войны в финской армии действительно наблюдалось снижение морального духа»^[515], — сообщает финский историк О. Маннинен.

6-12 декабря войска 7 армии вышли к «линии Маннергейма» и уперлись в нее. Взять сходу цепь долговременных укреплений было невозможно. Неужели советское командование не знало о линии Маннергейма? Е. А. Балашов утверждает, что «к одному из мифов „линии Маннергейма“ относится измышление, что советская разведка якобы не располагала сведениями о техническом состоянии финских оборонительных позиций, либо располагала ложными сведениями, умаляющими количество и мощность огневых точек финнов. Документы, которые мы приводим ниже, говорят об обратном»^[516]. Ниже приводится подробная карта финских укреплений, изданная в СССР в 1936 г. Историк Я. Кишкурно, также внимательно изучивший советскую карту укреплений, все же настаивает: «советские стратеги составляли свои планы, пользуясь неполной информацией о системе финской обороны»^[517]. В чем же дело? Если внимательно посмотреть на карту, в районе Вяйсянена укреплений не значится. А они там были. Советская разведка не заметила, что летом 1939 г. брешь в «линии Маннергейма» была закрыта новыми ДОТами. И это имело решающее значение. 6 декабря 24 дивизия под командованием П. Вещева, двигаясь в авангарде 7 армии повернула на Вяйсянен и там «попала в засаду». Вещев погиб. Что за засада в центре «линии Маннергейма»? Я. Кишкурно разгадывает загадку Вяйсянена так: «Красная армия не собиралась прорывать линию Маннергейма. Весь план строился на обходе оборонительной позиции финнов у Вяйсянена и выходе в тыл группировке врага... Так как разгром финнов предполагался именно на перешейке, то и в Приладожье, и на Севере Красная Армия совершенно не была подготовлена к активным наступательным действиям, что в дальнейшем и показала действительность»^[518]. Остается добавить, что войска, действовавшие севернее Ладоги, должны были «растачить» резервы финнов (чтобы те не смогли «заткнуть» узкую брешь) и отрезать Финляндию от помощи извне.

Внезапно столкнувшись с необходимостью штурмовать линию без подготовки, Красная армия омыла ее своей кровью. 17–21 декабря 7 армия под командованием К. Мерецкова штурмовала линию, но неудачно. Задержка с генеральным штурмом на десять дней подтверждает, что сначала он не планировался. На поле боя осталось несколько десятков подбитых танков. Значительное превосходство

РККА в танках и авиации не только на «линии Маннергейма», но и в условиях пересеченной местности Карелии и Карельского перешейка вообще играло незначительную роль.

Историки не перестают спорить, насколько «линия Маннергейма» была сильна. В качестве эталона берут линии Мажино и Зигфрида на франко-германской границе. Но тут возникает сложность. Сами эти две линии очень разные, линия Зигфрида не была достроена в соответствии с планом. И потом — эти две линии никто не штурмовал. Они остались памятниками неиспользованных возможностей. Поэтому нельзя утверждать, что «линия Маннергейма» — несерьезное препятствие, потому что она уступает двум классическим образцам. И насколько принципиально уступает?

Упомянув о том, что в течение длительного времени советская армия находилась в огневом соприкосновении лишь с 55 ДОТаами «линии Маннергейма», Е. А. Балашов делает вывод: «Решающим фактором сдерживания сил наступающего противника выступала, следовательно, не крепостная мощь, а сила духа обороняющихся»^[519]. При всем уважении к силе духа обороняющихся, Е. А. Балашов не привел никаких доводов в пользу того, что сильный дух помог бы им выстоять в чистом поле. После взятия линии своего имени Маннергейм пал тем же духом (без сомнения, сильным) и пришел к выводу о необходимости скорейшего заключения мира — отнюдь нелегкого. Подсчет количества ДОТов, с которыми армия противника пришла в соприкосновение, мало чем помогает нам для определения силы всего укрепления — ведь прорывать-то нужно линию на всю глубину.

Не менее загадочны комментарии с другой стороны границы. О. Маннинен, доказывая относительную слабость линии (и, следовательно, дополнительное превосходство финской армии), напоминает, что финны «завершили оборудование 101 бронированного оборонительного сооружения... Для сравнения укажем, что лишь несколько более протяженная и часто упоминаемая „линия Мажино“ на границе с Германией насчитывала 5800 бетонированных огневых точек»^[520]. Почему-то автор решил подтвердить свою мысль сравнением количества разных «точек» — бронированных и бетонированных. К тому же, «лишь несколько более протяженная» линия Мажино была длиннее более, чем в два раза.

По количеству ДОТов «линия Маннергейма» (1–2 ДОТ на километр, при 3–4 в местах наибольшей концентрации) заметно уступает «линии Мажино» (14 ДОТ на километр) и «линии Зигфрида» (32 ДОТ на километр). Но на Карельском перешейке была не нужна такая же насыщенность ДОТами, как в относительно равнинном регионе к югу от Арденн, где пролегла германо-французская граница. «Сила линии Маннергейма, ее высокие оборонительные возможности заключались не в количестве ДОТ, а в развитой, хорошо примененной к местности системе полевой фортификации, усиленной местами бетонными сооружениями, также в полевой выучке и стойкости финских солдат»^[521], — комментирует эти цифры И. И. Сейдин. Пространство перед укреплениями было хорошо пристреляно финнами. Местность была холмистой, пересеченной озерами и реками, и потому была труднопроходимой для техники.

Спор о соотношении линий Маннергейма и Мажино начался уже в апреле 1940 г., и шел он тогда между Сталиным и Мерецковым: «Если сравним линию Мажино с линией Маннергейма, то мы встретим небольшую разницу. Там, в основном, крупные сооружения прикрыты мелкими железобетонными точками. В Финляндии... бетонные сооружения прикрываются деревоземляными сооружениями, но почти той же прочности.

Сталин: Там линия беспрерывная, а у финнов узлы имеются.

Мерецков: Линия Маннергейма не хуже, а может быть и лучше, так как местность Финляндии позволяет создавать сильную оборону с системой узлов.

Сталин: У Мажино развиты подземные сооружения»^[522]. Мерецкову важно оправдаться, Сталину — подготовить прорыв других западноевропейских линий. Но аргументы Мерецкова тоже не лишены оснований.

Комментируя споры по поводу прочности линии Маннергейма, А. М. Носков пишет: «если одни из историков путем гиперболизации финской обороны стремятся как-то объяснить срыв первоначальных планов наступления и понесенные при этом потери, то другие — истолковать свои успехи (имеются в виду финские авторы, хотя в последние годы российские авторы не отстают от финских в уничтожении линии Маннергейма — А. Ш.) чистым превосходством

„человеческого духа и просвещенного руководства“ над „грубой материальной силой“»^[523].

Если линия Маннергейма оказалась для советской армии тяжелым препятствием, не следует ли из этого, что союзники не могли взять «линию Зигфрида»? Ведь именно так французы и англичане оправдывали свое предательство поляков. Нельзя забывать, что сентябрь в Германии — это не декабрь в Финляндии. «Линия Зигфрида» не была расположена в сложной для действия танков холмистой местности. Союзники могли основательно подготовиться к ее прорыву, сосредоточив в решающем пункте подавляющую огневую мощь (что в феврале 1940 г. сделал на Карельском перешейке Мерецков). Даже начав массированный обстрел «линии Зигфрида», французы заставили бы немцев снять часть сил с польского фронта, что могло изменить весь ход европейской войны. Но союзники не стали стрелять.

* * *

После неудачи первого штурма «линии Маннергейма» нужно было готовиться к сложной операции прорыва. Попытка обойти линию севернее Ладожского озера и через Карелию не удалась. Финны лучше знали эту территорию, быстрее передвигались и лучше маскировались среди холмов и озер. О финских снайперах и лыжниках ходили легенды. В целом система подготовки финских солдат показала свои явные преимущества по сравнению с советской. Финские отряды действовали в значительной степени как партизаны, имели большую автономию. Красная армия проявила все недостатки регулярной армии, была скована в движениях.

Советские дивизии двигались колоннами по немногочисленным пригодным для прохода техники дорогам. «Дороги проходили по нескончаемым, непроглядным лесам, через болота или возвышенности. Такая местность часто не позволяла выставить охрану на флангах»^[524], — рассказывает О. Маннинен. Финны, обходя советские колонны с флангов, рассекали их в нескольких местах. Так были разгромлено несколько советских дивизий. Наиболее тяжелым

было поражение 9 армии под Суомуссалми 27 декабря — 7 января, когда были разгромлены сразу две дивизии.

Ударили морозы, снег завалил Карельский перешеек. Советские солдаты гибли от холода и обморожений, так как прибывавшие в Карелию части не были достаточно обеспечены теплым обмундированием — к зимней войне не готовились, рассчитывая на блицкриг (не говоря о том, что вся война была импровизацией Сталина).

В итоге боев декабря — января силы нескольких дивизий попали в окружение. Сталина раздражало, что окруженцы не пробивались из «котлов». Он бросил упрек командующему 9 армией В. Чуйкову: «телеграммы шлете — партии Ленина-Сталина — герои сидят, окружены... Каждый попавший в окружение считается героем.

Чуйков: Пробиться не удалось.

Сталин: Пробиваться не хотели»^[525]. В этом диалоге — грозное предвестие Великой Отечественной войны.

Поскольку всеобщая воинская повинность в СССР была еще только введена, солдаты были подготовлены плохо. Тоталитарный режим, вопреки распространенному стереотипу, не способствовал укреплению дисциплины. Участники апрельского совещания при ЦК ВКП(б), где подводились итоги финской кампании, говорили о «слабой дисциплине на поле боя у красноармейцев»^[526]. С разгильдяйством Сталину не удалось справиться и до Великой Отечественной войны.

Наполеоновские планы

Осенью 1939 г. Гитлер и Сталин демонстрировали агрессивность, а Великобритания и Франция выглядели оплотом мира и демократии. Как демократы, они не могли не поддержать Финляндию словом и делом. Которая фактически была их союзником. Намек все о том же — СССР участвует во Второй мировой войне.

В начале 1940 г., «заскучав» за «линией Мажино» французский премьер Деладье начал строить планы, навеянные приключениями императоров Наполеонов...

В это время Финляндия, подвергшаяся агрессии, стала символом сопротивления деспотическим державам. В результате побед моральный дух финской армии заметно вырос, а у красноармейцев началась «финнобоязнь». В страну направились добровольцы со всей Европы. Великобритания и Франция поддерживали Финляндию оружием и продовольствием.

14 декабря 1939 г. Лига наций объявила СССР агрессором и исключила его из своего состава. При принятии этого решения, как говорили в кулуарах Лиги, «храбрость наций возростала прямо пропорционально удаленности их местонахождения от Финляндии»^[527]. Но решающее слово в агонизировавшей Лиге принадлежало Великобритании и Франции. Неужели они отошли от прежней циничной политики 30-х гг. и решили бескорыстно заступиться за жертву агрессии? У. Черчилль пытается представить дело именно так: «Чувство негодования против Советского правительства... разгорелось ярким пламенем... Несмотря на уже начавшуюся всемирную войну, повсюду проявлялось большое желание помочь финнам... Но для доставки военного снаряжения и добровольцев в Финляндию существовал только один путь. Порт Нарвик с его горной железной дорогой к шведским железным рудникам приобретал новое моральное, если не стратегическое значение»^[528]. Вот такая мораль с географией. Упоминание шведских рудников показывает, что норвежский (а не финский) Нарвик волновал англичан куда больше, чем судьба Финляндии.

Корни англо-французского интереса к Финляндии лежали в Швеции, где находились рудники, без которых не могла работать военная промышленность Германии. Летом руда транспортировалась по Ботническому заливу, недоступному для союзников, а зимой — в территориальных водах нейтральной Норвегии через ее порт Нарвик. Захватив Нарвик, а желательнее и сами рудники, союзники наносили бы Германии тяжелейший удар. Вот она, бескровная война. Небольшие десанты вдали от «линии Зигфрида» — и Гитлер запросит мир. Поэтому союзники отнеслись к Финляндии с поразительным (если вспомнить судьбу Испании и Чехословакии) благородством.

В своих «благородных побуждениях» помочь финнам союзники приступили к планированию высадки в Скандинавии. Черчилль, словно забыв о первоначальных моральных мотивах, цинично

констатирует: «Если бы Нарвик стал своего рода союзной базой снабжения финнов, несомненно, было бы нетрудно помешать немецким кораблям грузиться там рудой и беспрепятственно плыть по коридору (норвежских нейтральных вод — А. Ш.) в Германию»^[529]. Помощь Финляндии была лишь поводом для того, чтобы обойти норвежский и шведский нейтралитет.

19 декабря Даладье предложил направить союзный экспедиционный корпус в Финляндию через Норвегию и Швецию. Очевидно, что если бы союзные войска высадились с согласия скандинавов в Нарвике, с поставками шведской руды в Германию было бы покончено. Так что, узнав о намерениях союзников, Гитлер стал готовить высадку в Норвегии.

Как считает Б. Лиддел Гарт, «Гитлер, хотя и был неразборчив в средствах, предпочел бы сохранить нейтралитет Норвегии и не планировать вторжение в нее, однако, очевидные признаки готовящихся враждебных действий союзников в этом районе спровоцировали его на подготовку этого шага»^[530].

Скандинавы не давали добровольного согласия на прибытие англо-французских войск, понимая, что для них будет означать высадка союзников, а затем и немцев (которые так просто не отдадут руду). Столкнувшись с заверением шведов, что они будут защищаться силой против любых войск, которые вступят на их землю, союзники сначала отступили, и стали обсуждать возможность десанта в финском Петсамо. Но мысль генерала Гамелена, разработывавшего этот план, все время возвращалась к главному — одновременно нужно захватить Нарвик, после чего распространить операцию на Швецию. Теперь было решено не требовать согласия Норвегии и Швеции, потому что по уставу Лиги наций не требовалось разрешения на транзит войск для оказания помощи жертве агрессии (это как раз та статья устава, которой в 1938–1939 г. не давали воспользоваться СССР). Для высадки на севере планировалось привлечь 3–4 дивизии, укомплектованные солдатами, которые могут вести войну в северных широтах. Когда такие дивизии понадобятся в Норвегии в апреле 1940 г., выяснится, что среди всех частей британской армии «не было ни одной, способной продвигаться по местности, покрытой толстым снежным покровом»^[531]. Тем более не было их у теплолюбивых

французов. Да и вряд ли 13–17 тыс. человек могли изменить ход Зимней войны, в которую были вовлечены сотни тысяч бойцов.

Между тем Даладье в своих планах превзошел самого Наполеона. Он отдал указание готовить вторжение на Кавказ. Планировалось подвергнуть бомбардировке бакинские нефтепромыслы. Понятно, почему — бакинская нефть шла немцам. Но Гитлер получал нефть также из Румынии. И это предусмотрено — Франция должна была заручиться поддержкой Турции, ввести свой флот в Черное море, после чего на сторону антигерманской и антисоветской коалиции перейдет Румыния. Затем южная армия вторжения могла бы двигаться «навстречу армиям, наступающим из Скандинавии и Финляндии на Москву»^[532].

Пока антигерманская коалиция была связана противостоянием с Германией, авантюра Даладье могла вылиться в попытку повторить Крымскую войну, разумеется — без надежд на наступление на Москву. Ссылка на это наступление нужна была, чтобы увязать захват Дарданелл с войной в Финляндии.

Англичане горячо поддержали этот план. Начальник генерального штаба Э. Айронсайд, который всего несколько месяцев назад равнодушно отнесся к мольбам поляков о помощи, заявил: «На мой взгляд, мы сможем оказать эффективную помощь Финляндии лишь в том случае, если атакуем Россию по возможности с большего количества направлений и, что особенно важно, нанесем удар по Баку...»^[533] Что может быть важнее Баку для помощи Финляндии? Только шведская руда. 3 февраля 1940 г. началась подготовка к бомбардировке Баку.

5 февраля Высший военный совет союзников обсуждал возможность высадки в финском Петсамо. Но это опасно — Петсамо уже занят Красной армией. Не мудрствуя лукаво, союзники решили все-таки высаживаться и в Нарвике, и в Петсамо. Операция была запланирована на 15–21 марта.

Маннергейм, сначала понадеявшийся на помощь союзников, узнав подробности, понял, что до Хельсинки союзники могут и не прийти.

Граница Петра Великого

Финское руководство во главе с премьером Рюти осознавало, что весной долго продержаться не удастся. Поэтому, когда шведское правительство, обеспокоенное приближением войны к рубежам королевства, выступило с инициативой посредничества, в январе 1940 г. начались консультации — сначала с послом СССР в Швеции А. Коллонтай.

В январе 1940 г. Сталин решил вернуться к скромным задачам — взять не всю Финляндию, а отодвинуть границу от Ленинграда и установить контроль над Финским заливом. «Вождь народов» не был расположен окончательно ссориться с «Антантой», потому что в этом случае СССР автоматически оказался бы в прогерманской коалиции. А у Сталина были другие планы. 5 февраля Коллонтай встретила в Стокгольме с министром иностранных дел Финляндии Таннером.

Но прежде, чем приступать к открытым переговорам, нужно было восстановить престиж советского оружия. Северо-Западный фронт под командованием С. Тимошенко стал готовить прорыв линии. 11 февраля начался массированный обстрел финских укреплений. 13 февраля 7-ая армия вклинилась в них и 16 февраля прорвала «линию Маннергейма». К 19 февраля линия была прорвана на всю глубину. Если раньше морозы мешали советскому наступлению, то теперь Мерецков мог бросить пехоту и даже танки в обход Выборга по льду Финского залива. В Карелии советские войска также пришли в движение и стали осторожно вытеснять финнов с позиций, деблокируя окруженные части РККА.

12 марта советские войска ворвались в Выборг. Это значило, что через несколько дней может пасть Хельсинки, и сопротивление даже в случае прихода союзников будет продолжаться только в центральной Финляндии. А без немедленной помощи союзников советские войска получали возможность вскоре отрезать финские войска от внешнего мира, что предопределило бы их поражение уже к середине года. По мнению О. Маннинена, «со второй половины февраля стала очевидной безнадежность борьбы, поражение представлялось необратимым»^[534].

Несмотря на угрозу высадки союзников, время работало на СССР, поскольку против почти миллионной армии Северо-западного фронта

союзники могли бы только обороняться вместе с остатками финских войск.

Союзники убеждали Финляндию, что если она продержится еще чуть-чуть, то вот-вот придут 100 тысяч англо-французских солдат. Ну, в крайнем случае, 50 тысяч. На самом деле планировалось послать около 12–13 тысяч — как раз столько, сколько нужно для удержания Нарвика. Но было важно, чтобы финны держались, потому что иначе будет утерян повод для захвата Нарвика.

Тем временем стало ясно, что советские требования ужесточились. Теперь СССР требовал границу Петра Великого, которая была проведена его Ништадским миром с Швецией в 1721 г. Это значило, что предстоит отдать Выборг и ладожское побережье с Сортавалой (сегодняшняя граница с Финляндией на Карельском перешейке как раз — почти Ништадская). Не снимал СССР и требование аренды Ханко. Это было больше, чем программа-максимум октября 1939 г., но на этот раз речь не шла об угрозе независимости Финляндии, по крайней мере в ближайшее время.

Во время переговоров о мире в Москве Паасикиви напомнил, что Петр выплатил шведам компенсацию за приобретаемые по Ништадскому миру земли. На это Молотов ответил: «Пишите письмо Петру Великому. Если он прикажет, то мы заплатим компенсацию»^[535].

Мирное соглашение было заключено в ночь на 13 марта 1940 г.

В ноябре 1940 г. выяснится, что Сталин не считает финляндский вопрос «решенным», но теперь на его пути будет стоять господствующая в Скандинавии Германия.

Безвозвратные потери советской армии в войне составили более 126 тысяч человек, а финнов — более 22 тысяч (не считая умерших от ран и болезней). Это была пятая часть личного состава финской армии. Журналист Д. Элдрайдж, наблюдавший войну с финской стороны, писал: «В течение трех месяцев Красная армия стала совершенно иной, чем та колеблющаяся масса, которая сначала вторглась в Финляндию»^[536]. Эта перемена объясняется и тем, что армия училась, и тем, что на фронт перебрасывались более боеспособные части во главе с опытными офицерами и генералами. И то, и другое означало, что нельзя было судить о боеспособности советской армии применительно к 1941 г. по неудачам конца 1939 г. Гитлер этого не

понял. Для него война против Финляндии стала еще одним аргументом в пользу блицкрига на востоке. Между тем почти миллион советских солдат и офицеров получил суровый боевой опыт. Уникальный опыт. «Прорыв „линии Маннергейма“ — это первый пример прорыва долговременной оборонительной полосы»^[537].

Подводя итоги кампании на совещании при ЦК ВКП(б) 17 апреля 1940 г., Сталин задался вопросом: «Правильно ли поступило правительство и партия (читай, я, Сталин — А. Ш.), что объявили войну Финляндии?»^[538] Сталин «запомнил», что напал на Финляндию без объявления войны. Вопрос, конечно, риторический. Когда еще решать вопрос с Финляндией, возможным плацдармом для удара по СССР, как не сейчас, когда «там, на западе, три самых больших державы вцепились друг другу в горло...»^[539] Обычная военно-дипломатическая практика прошлых веков. Сталин мог упрекнуть себя («партию и правительство») лишь за то, что промедлил до зимы.

Но Красная армия не выполнила поставленных задач? Почему? Сталин объясняет офицерам, что хитро подшутил над ними — поставил завышенные цели, дабы они могли выполнить необходимое. А так, даже великий учитель «Петр I воевал 21 год, чтобы отбить у Швеции всю Финляндию», а получил то же, что и Сталин, да и то за вычетом Ханко^[540]. Так оправдавшись за авантюру по захвату всей Финляндии, которой якобы не было вовсе, Сталин стал разбирать недостатки РККА. Командные кадры недостаточно перестроились, над ними продолжает довлеть «культ традиции и опыта гражданской войны»^[541].

Но, несмотря на недостатки, Красная армия одержала новую победу, причем европейского масштаба: «Мы победили не только финнов, мы победили еще их европейских учителей — немецкую оборонительную технику победили, английскую оборонительную технику победили, французскую оборонительную технику победили»^[542]. Особенно важно для Сталина, что побеждена именно оборонительная, а не наступательная техника. Ведь наступать должна Красная армия. Сталин считал, что впечатлил Запад — ведь РККА сделала то, что не делал еще никто — взяла линию современных долговременных укреплений, да еще зимой. Но и Гитлер, и его западные противники впечатлены не были, считая, что если русских

остановили даже финны, то уж армии великих держав без большого труда разобьют Красную армию.

Задачи, поставленные в начале войны 1939–1940 гг. выполнены не были. Финляндия сохранила свою независимость, а престиж СССР был подорван. Некоторые комментаторы даже утверждают, что «Красная армия проиграла финскую войну»^[543]. Тем не менее, прежде чем приписывать Финляндии победу, следует ознакомиться с мнением Маннергейма. По поводу мира с СССР он сообщил соотечественникам следующее: «суровый мир, уступивший Советам почти все поля брани, политые вашей кровью во имя всего того, что для вас дорого и свято»^[544]. Если речь идет не о партизанской войне, то победителем считается тот, за кем остается поле сражения. П. Б. Липатов считает, что «если бы не приказ — Красная Армия не остановилась бы за Выборгом (на момент перемирия бои шли в Выборге — А. Ш.), а пошла, не считаясь с потерями, до шведской границы, и дальше... В конце концов, советские войска дошли до Эльбы»^[545]. Насчет шведской границы — вряд ли (памятуя опыт Суомуссалми), но после взятия линии Маннергейма военных препятствий для занятия Хельсинки не было. Почему же Сталин пошел на перемирие, не взяв Хельсинки? Очевидно, что оснований панически бояться экспедиционного корпуса союзников у него не было — к высадке готовились слишком малые силы. Тем не менее, опасения по поводу вмешательства союзников у Сталина были, и это заметили даже немцы. Шуленбург сообщал Риббентропу: «в течение некоторого времени нами наблюдалась явно неблагоприятная по отношению к нам перемена со стороны советского правительства». Дело в том, что «советское правительство боится быть вовлеченным Антантой в большую войну... Мне казалось, что неожиданное завершение финской войны произошло по тем же соображениям»^[546]. Даже после завершения войны с Финляндией отношение СССР к Германии какое-то время оставалось прохладным. Только после вторжения Германии в Норвегию, которое окончательно сняло вопрос о возможности продвижения «Антанты» в направлении СССР, советско-германские отношения потеплели.

Сталин не желал столкнуться с англичанами и французами в центральной Финляндии. Это срывало все военно-дипломатические планы сохранения нейтралитета до той поры, когда можно вмешаться в

наивыгодных условиях. Прямой конфликт с антигерманской коалицией лишал Сталина свободы маневра, привязывал СССР к Германии. А этого вождь не хотел.

О. Вехвилайнен считает, что Зимняя война «являлась частью второй мировой войны, и ее следует рассматривать в контексте начального периода войны»^[547]. Поскольку финский исследователь понимает под начальным периодом Второй мировой европейскую войну между Германией и антигерманской коалицией, его точка зрения выглядит еще менее логичной, чем утверждение о кратковременном вмешательстве СССР в мировую войну в сентябре 1939 г.

Великобритания и Франция могли напасть на СССР, но не сделали этого. Финляндия также не вступила в войну с Германией, и вскоре стала ее союзником. Так что в 1939–1940 гг. параллельно развивались события двух разных войн. В этом нет ничего необычного. Также и Северная война, которая закончилась Ништадским миром, шла одновременно с войной за Испанское наследство. И это тоже были две разные войны в Европе.

Итак, война была вызвана стремлением Сталина укрепить северный фланг СССР в грядущем военном столкновении в Европе. Просчеты разведки привели к срыву первого наступления на Финляндию, что имело для РККА крайне тяжелые последствия — взять линию Маннергейма зимой было почти невозможно. Попытка обойти линию Маннергейма привела к поражениям. Однако в феврале-марте 1940 г. РККА одержала решающую победу, что позволило СССР заключить мир на выгодных для него условиях. Таким образом объективно СССР выиграл войну, хотя и не достиг первоначально поставленных целей в связи с сопротивлением финских войск и нарастающим международным противодействием политике СССР.

Очерк десятый

Маски Сталина

После смерти исторической личности ее образ продолжает жить, воздействовать на общество. Люди продолжают «общаться» с «великими», соотносить свое поведение с опытом истории. Жизнь человека во многом зависит от того, какой исторический миф преобладает в его сознании, и насколько он близок к реальности. Это определяет представление о должном и ложном.

Фигура Сталина — одна из центральных в историческом сознании наших соотечественников. Сталин при всей своей конкретной историчности — это образ, который корнями своими уходит в ветхозаветный пласт нашей культуры, где миссия народа оправдывает любые жестокости его царя, направленные на ее осуществление. Во многом именно этот культурно-исторический пласт определял и оправдывал поведение Сталина и в его собственных глазах, и в глазах его сторонников — современных ему и современных нам. Ветхозаветный царь, будь то Давид, Иван Грозный или Сталин, не жалеет ничего и никого в защите избранного народа и его миссии.

Но наша культура и наше историческое сознание не ограничиваются ветхозаветной традицией. Они включают и новозаветное миропонимание, и славянские эпосы, и влияние западного индивидуализма, и пласт социалистической культуры от Герцена и Маркса до Стругацких и Горбачева. Наше историческое мировосприятие многообразно. Многолики и исторические образы, включая Сталина. Сегодня он продолжает действовать в нашей культуре через множество противостоящих друг другу образов. И чаще всего мнения о Сталине больше характеризуют говорящего, чем самого Сталина.

В начале 90-х гг. он был чем-то вроде земного воплощения Сатаны. В начале XXI века опросы фиксируют, что в современном обществе примерно равно количество людей, относящихся к Сталину «скорее положительно» и «скорее отрицательно».

Общественное сознание отличается определенной «упругостью». Если что-то безудержно расхваливают, человек ищет «компромат»,

если кого-то поливают грязью — читателю интересны «смягчающие обстоятельства». В этом отношении человеческое мышление — на стороне науки, для которой истина важнее идеологической «позиции». Напор антисталинской агитации вызвал к жизни массовый запрос на книги, защищающие Сталина от клеветы.

Но если наука ищет «золотую середину», то публицистика пытается «раскачать лодку» сознания. Если Сталин в чем-то виноват — то он — величайший злодей всех времен и народов. Если какие-то обвинения в адрес Сталина не подтвердились — то он оклеветанный ангел во плоти. Крайности сходятся, рынок требует больше крика, чтобы никто не расслышал спокойный голос искателей истины.

Четыре Сталина

Кампания «очернения» Сталина приобрела такие масштабы, что даже среди вполне добросовестных историков все чаще встречаются «умеренные сталинисты». Что уж говорить о публицистике. Другое дело — сталинисты идеологические, не желающие вникать в те детали исторической ткани, которые не укладываются в образ безгрешного вождя. Такие сталинисты в действительности мало отличаются от зашоренных критиков Сталина.

Кредо сталинистов выразил публицист С. Кара-Мурза: «Я почти уверен, что все сегодня в душе понимают, что в конце 20-х гг. сталинизм, при всех его видимых уже тогда ужасах, оказался с точки зрения судьбы России (СССР) лучшим выбором — и потому подавляющая масса народа сделала именно этот выбор»^[548]. Творчество публициста С. Кара-Мурзы — классический пример современного легендарного эпоса. Здесь есть все необходимое для мифотворчества. С одной стороны — и выборочный реализм, оценки, в целом соответствующие достижениям исторической науки — если они подтверждают схему. С другой стороны — игнорирование всего, что не вписывается в схему мифа, домыслы, которые заполняют пробелы, возникшие на месте «ненужной реальности», и многочисленные неточности, вытекающие из вольного обращения с фактами^[549]. Имела стратегия индустриализации конца 20-х — 30-х гг.

рациональные основания и мотивы? Имела. Был это выбор «подавляющей массы»? Нет. Не было никакого выбора, потому что массу никто не спрашивал. История не сохранила упоминаний о референдуме, на котором «подавляющая масса» крестьян одобрила политику ВКП(б) 1929–1933 гг. Зато много свидетельств обратного. И жертвы, вызванные этим выбором, слишком велики, чтобы все (!) согласились в С. Кара-Мурзой, что этот выбор был лучшим. Среди специалистов преобладают противоположные оценки. Вот, например: сталинский выбор «определил низкий материальный уровень жизни общества на все годы существования советской власти»^[550], — пишет исследовательница продовольственного снабжения 20-30-х гг. Е. А. Осокина. В этом выводе тоже угадываются признаки мифотворчества (на что указывает лукавое слово «низкий» — низкий в сравнении с чем?). Вопреки легенде С. Кара-Мурзы, «все в душе» разделяют самые разные мифы. Историческая «душа» народа расколота мифотворцами. Носители противостоящих мифов не хотят слышать друг друга, игнорируют аргументы друг друга, подвергая современное историческое сознание шизофреническому распадению на изолированные кусочки.

Между антисталинским и сталинистским мифами, как между двумя «лагерями» идет позиционная борьба. Каждая сторона пытается приписать себе победу в борьбе за умы. Но борьба-то идет не за умы, а за сердца, на уровне эмоций. Увы, даже профессиональные исследователи склоняются к тому, чтобы мотивировать свою позицию на уровне эмоций: «Гнусное существо. Был хром и болезнен. Левая рука не разгибалась и сохла. Часто простужался — значит, был потлив. Его империя (моя родина): кровь, вонь, марши, миллионы лопат, штыков, поток речей и океаны трупов»^[551], — резюмирует Б. С. Илизаров свою попытку нарисовать психологический портрет Сталина. Увы, это резюме лучше характеризует самого Б. С. Илизарова, чем Сталина и его эпоху. Такие характеристики, помноженные на телевизионный формат сериала Сванидзе, только усиливают сталинистские настроения. Чем больше грязи льется на Сталина, тем большее отторжение у читателя и зрителя это вызывает, тем сильнее сомнения: ну не может человек быть настолько ужасен, ведь было и что-то хорошее...

Для одних Сталин — грозный восстановитель империи, для других — параноик, маньяк разрушения, для третьих — враг коммунистической идеи и т. д. Мифы толпятся на экране и на книжных полках магазинов. Но это столпотворение только кажется хаотичным. Образы Сталина можно разделить на положительные и отрицательные, коммунистические (левые) и антикоммунистические (правые). Получается четыре основных мифа: правый сталинизм, характерный для державников (Сталин возродил «нормальный порядок», Российскую империю, разгромил революционеров, сепаратистов и внешних врагов, повел страну дальше по пути прогресса); левый сталинизм (Сталин — верный ученик Маркса и Ленина, создатель социализма, разгромивший антисоветские заговоры и фашизм), правый антисталинизм, характерный для либералов и сторонников «белой идеи» (Сталин — создатель тоталитарной империи, где все люди по сути стали «зэками», убийца до 100 миллионов людей), левый антисталинизм, характерный для троцкистов и «детей XX съезда» (Сталин — враг дела Ленина, предатель, погубивший революцию и революционеров). Все мнения о Сталине не сводятся к этим четырем, но в большинстве своем представляют их варианты, иногда даже очень экзотические. Как мы увидим, есть даже мнение, что Сталин хотел ввести демократию по западному образцу (либеральный вариант право-сталинистского мифа).

Наверное, сторонники всех этих мифов очень удивились бы, если бы им сообщили, что их точки зрения вполне совместимы и представляют лишь части общей картины. Но просто каждый миф — это отобранная под схему часть истины.

Разгромил ли Сталин тот большевизм, который победил в России в 1917 г.? В значительной степени. Стремился ли Сталин воплотить в жизнь коммунистические идеалы Маркса и Ленина? В значительной степени. Было ли советское общество при Сталине тоталитарным? В значительной степени. Продвинулось ли общество при Сталине по пути индустриального прогресса? В значительной степени.

Практически все нынешние мифы о Сталине уходят корнями в споры 20-х гг. Противники большевизма считали планы коммунистического общества чистой утопией. Следовательно, рано или поздно движение к утопии, социализму должно было провалиться, а страна — вернуться назад, к «нормальному» состоянию — либо к аналогу Российской империи, либо к буржуазной республике.

Эту мысль наиболее ясно выразил эмигрантский публицист Николай Устрялов. Он уже в 1920–1921 гг. высказал идею о том, что логикой вещей, как и во время Французской революции, большевизм будет эволюционировать от радикального революционного якобинизма к режиму, опирающемуся на нормальные буржуазные отношения и твердый правовой порядок. Началось термидорианское «перерождение большевизма», создание новой бюрократии, буржуазии и аристократии. Советская система — это «редиска. Извне красная, внутри — белая»^[552].

Устрялов приветствовал такую перспективу, называя себя национал-большевиком и ожидая, что «термидор» превратит Россию в сильную державу.

Устрялов рассматривал коммунизм односторонне, для него эта идея была просто синонимом уравнительной утопии. Он не увидел в марксистском коммунизме другой его стороны — стремления к созданию общества, работающего по единому плану, строжайшего экономического централизма. Новую иерархию, державную мощь, угнетение создавал не «термидор», не отход от коммунистических принципов, а последовательный централизм марксистско-ленинской идеи. То, что Устрялов, а затем и Троцкий принимали за «белое», в действительности было проявлением «красного».

Для большевиков «термидор» был страшным предсказанием. Участники антисталинской оппозиции с ужасом фиксировали признаки «перерождения» партии, официально приверженной идеалам социальной справедливости.

Перспектива «термидора» по мнению многих наблюдателей действительно реализовалась в сталинизме. Соответственно,

одобрительный взгляд на сталинский «термидор» приводит правых сталинистов к устряловской точке зрения, а критический взгляд левых антисталинистов на «термидор», «перерождение» развивает аргументы Троцкого (в своем взгляде на Сталина именно за Троцким шли и Хрущев, и либеральные коммунисты-«шестидесятники»). Но, с другой стороны, многие наблюдатели считают, что никакого «термидора», отката назад не произошло, и при Сталине возникло принципиально новое общество. Левые сталинисты относятся к нему положительно, а правые антисталинисты обличают как «империю зла».

Чтобы соотнести четыре основных образа Сталина с известной науке исторической реальностью, необходимо определиться по ряду вопросов:

1. Был ли «термидор» и что под ним понимать?
2. Какое общество образовалось в СССР за время правления Сталина?
3. К чему в действительности стремился Сталин и его противники в партии?

Что построили при Сталине?

Представители разных историософских школ не могут договориться о том, что же было построено в СССР. Для одних СССР — «реальный социализм», для других — тоталитаризм, для третьих — этап развития российской цивилизации, для четвертых — государственный капитализм, для пятых — этократическое (бюрократическое) индустриальное общество. Думаю, спорщиков вполне можно усадить за стол переговоров. Все эти точки зрения совместимы, поскольку разногласия в значительной степени носят терминологический и эмоциональный характер.

Идея «реального социализма» исходит из того, что в СССР марксистская концепция социалистического (коммунистического) общества была реализована настолько, насколько это вообще было возможно. То есть «реальный социализм» — это не капитализм, так как капитализм не может существовать без господства частной собственности. Сторонники концепции «реального социализма»

доказывают, что в СССР не было также эксплуатации и эксплуататорских классов, с чем представители других идейных течений (в том числе и левые по взглядам) никак не соглашались, указывая на бюрократический класс. Этот интересный спор будет длиться еще долго, и здесь мы остановимся на очевидном факте — в СССР существовала господствующая элита, но ее господство обеспечивалось не частной собственностью, а государственной, что определило качественные отличия советского общества от классических капиталистических обществ.

Часть социалистов (в том числе марксистов) считает, что суть капитализма — не в частной собственности буржуазии, что бюрократия в целом тоже может быть частным собственником, и поэтому в СССР был особенный государственный тип капитализма. Но если это и капитализм, то уж очень особенный. Место биржи занимает Госплан, вместо акций — приказ о назначении на должность, вместо безработицы и перепроизводства — дефицит ресурсов и рабочей силы. Уж очень много различий как с «реальным капитализмом», так и с заявленным проектом социализма, то есть с теми критериями социализма, о которых писали социалистические теоретики, включая К. Маркса и В. Ленина. Ни тебе безденежного товарообмена, ни отмирания государства, ни бесклассового общества.

Итак, «реальный социализм» («государственный капитализм») — это такое общество, которое имеет некоторые черты сходства как с идеей социализма, так и с реальностью капитализма, точнее — индустриального общества. От социализма «реальный социализм» унаследовал запрет частной собственности, плановое хозяйство, социальную «программу-минимум» — бесплатное образование, медицинскую помощь, поддержку слабых групп населения (стариков, инвалидов и др.). Кроме отказа от частной собственности (или ограничения ее распространения, как в некоторых «братских» странах) такое «социальное государство» существует и на Западе. «Реальный социализм» обеспечил решение ряда задач, которые в соответствии с марксистской теорией должен был решить капитализм. Прежде всего, речь идет о переходе от аграрного общества к индустриальному.

Когда советское общество стало индустриальным и таким образом приобрело частичное сходство с капиталистическими индустриальными обществами?

Индустриальное общество отличается от предыдущего (аграрного, традиционного) множеством показателей — и более высокой производительностью труда, и урбанизацией (переселением жителей из деревни в город), но все эти показатели вытекают из самого характера деятельности, который преобладает при индустриализме. Эта деятельность основана на специализации и стандартизации (одно без другого невозможно). Именно так организована работа фабрики, именно это обеспечивает высокую производительность труда, концентрацию производства в городах и переток туда населения.

В СССР были все социальные ниши, необходимые для функционирования индустриальной системы, но у нас и на Западе эти ниши иногда занимали разные структуры (частный собственник — чиновник, биржа — Госплан и т. д.), а иногда — общие: (наемный рабочий, школьный учитель, инженер). В этом отношении советское общество можно описать формулой «индустриальное общество минус развитая частная собственность плюс социальное государство и государственное управление хозяйством».

Таким образом, «развитый социализм» и «государственный капитализм» — это общество, которое находится от капитализма столь же далеко, как и от теоретической модели социализма. Но мы знаем, что оно основано на трех китах: индустриализм, государственное управление экономикой, социальное государство.

Роль государства в СССР была более велика, чем в других моделях индустриального общества. Ближе других к СССР подошла в этом отношении нацистская Германия, что дало почву для развития теории тоталитаризма. Эта теория создавалась в 50-е гг. Х. Арндт и З. Бжезинским как идеологическое оружие против СССР, она подчеркивала общность государственных систем Советского Союза и нацистской Германии. Советские авторы не оставались в долгу, доказывая, что нацизм имеет много общего с государственно-монополистическим капитализмом США. Обе стороны оказались правы, потому что всегда можно найти что-то общее и различное^[553]. Но этот спор показал, что «тоталитаризм», то есть тотальное, полное управление обществом из единого центра — это характеристика, которую можно встретить в любом индустриальном обществе — ведь на фабрике администрация стремится к тотальному управлению своим

персоналом. Когда советские люди, привыкшие к перекурам и разгильдяйству в «тоталитарном» СССР, в 90-е гг. нанимались на западную или японскую фирму, нередко их поражали тоталитарные порядки, царившие там: визит в туалет с разрешения начальника, запрет на частные разговоры в рабочее время, постоянное наблюдение менеджера за тем, что делает работник и т. д.

Итак, элементы тоталитаризма при желании можно найти в любом обществе. Тоталитарный режим — нечто иное. Это — открытое стремление власти контролировать все стороны жизни общества (неофициальный контроль за частной жизнью граждан существует и на Западе). Правда, при всем стремлении сталинской системы к контролю над умами населения, эта власть никогда не была тотальной. Даже при Сталине сохранялись и расходившееся с официальной идеологией религиозное мировоззрение, и незамеченные НКВД критические разговоры, и так и не подавленная полностью «аполитичная» культурная жизнь.

Следовательно, термин тоталитаризм правомерно употреблять только в конкретно-историческом значении — как стремление власти к тотальному управлению общественной жизнью. При Сталине такой тоталитаризм был, все замеченные неподконтрольные общественные группы уничтожались. При Хрущеве, когда допускались различные общественные течения и существенные оттенки политических взглядов — уже нет. Общество перешло от тоталитарного к более мягкому — авторитарному состоянию^[554].

Таким образом, на некоторых этапах жизни советского общества ему были присущи черты тоталитаризма, но не они определяют логику развития советского общества на протяжении всей его истории.

Тоталитаризм является вполне органичной «надстройкой» над индустриальной системой, когда все общество превращается в единую фабрику под руководством одной администрации. Но западные элиты предпочли более мягкую систему согласования интересов между тоталитарно организованными фирмами, бизнес-группами и бюрократическими кланами, которая и известна как капитализм. Столкнувшись с кровавыми издержками тоталитаризма, коммунистическая бюрократия также предпочла перейти к более гибким формам господства. И этот отход от тоталитаризма позволил советскому обществу завершить переход к индустриальному обществу.

Индустриальная модернизация началась еще в Российской империи и завершилась к началу 60-х гг. XX века, когда большинство населения РСФСР стало жить в городах^[555]. Но решающий этап пришелся на правление Сталина, точнее — на 30-е гг. Тогда именно сталинская система с жестокостью, не уступавшей рыцарям первоначального накопления, сконцентрировала ресурсы, необходимые для построения промышленной базы, на которой дальше достраивалась индустриальная система советского общества.

Экстренный, форсированный характер модернизации вызвал огромные жертвы, которые могут восприниматься как неоправданные. Тем более, что стремительность модернизации привела и к растраниживанию ресурсов, разрушениям в сфере сельского хозяйства. Образовавшаяся в результате система оказалась недостаточно гибкой, страдавшей множеством социальных болезней, которые сказывались на развитии советского общества всю его историю. Эти «минусы» очевидны.

Но нельзя не замечать и другого — эволюционный путь модернизации в XX веке привел большинство стран мира (особенно за пределами Европы) к модели зависимого капитализма, к искусственному закреплению отставания «Третьего мира» от «Первого». Так что проблема «издержек прогресса» неоднозначна.

Одно несомненно — в 30-е годы страна перешла качественную грань своего развития, прошла гораздо больший путь, чем Франция во времена якобинцев и термидорианцев. Если «термидор» — это откат к прошлому, то СССР уходил от прошлого необратимо. Если «термидор» — вытеснение революционного наследия признаками «нормального», общемирового развития, то его элементы были неизбежны. Хоть и своей дорогой, СССР шел по общему пути индустриальной модернизации. СССР не стал ни воплощением идеалов социализма, ни «империей зла». Он стал своеобразным вариантом индустриального общества. И своеобразие это вытекало из трех источников — культурного наследия народов России, социалистического проекта и того направления, которое придали ему Ленин и Сталин.

Демократ? Конституционалист? Государственник? Коммунист?

Своеобразие советского общества, советской культуры (в отличие от других авторитарных индустриальных обществ) — в его мессианской идеологии, основанной на ценностях народовластия и социальной справедливости.

Противники Сталина из лагеря Троцкого понимали, что социализм, однородное общество без эксплуататоров, не может существовать без демократии, и обвиняли Сталина в том, что он подавил демократию в угоду бюрократической касте. Но при этом и сами троцкисты не были демократами, так как требовали демократии только для избранных, для сторонников коммунистических идей.

Уничтожил ли Сталин демократический дух большевизма и был ли вообще большевизм демократическим движением? Если Сталин изменил большевизму (а не большевикам), то можно говорить о политическом «термидоре» с последующим переходом к «империи» (по аналогии с Наполеоном).

Мы видели выше, что большевики-оппозиционеры видели «перерождение» партийной элиты в росте имущественных привилегий и ликвидации демократии. Это взаимосвязано, так как отсутствие демократии обеспечивает бесконтрольность бюрократической касты и закрепление ее привилегий.

Собственно, привилегии правящего слоя появились уже во время «военного коммунизма» и получили свое развитие во время НЭПа. Эти отклонения от принципов социальной справедливости не идут, конечно, ни в какое сравнение со злоупотреблениями нынешней пост-коммунистической элиты, но и они возмущали идейный коммунистов. Однако понятно, что имущественное расслоение было неизбежно в условиях иерархического общества, установленного большевиками еще до того, как Сталин победил в борьбе за власть. Тот, кто определяет принципы распределения материальных благ, заранее простимулирован, чтобы использовать это право себе во благо. И тогда остается две возможности: чистить государственный аппарат от наиболее зарвавшихся чиновников или менять систему, отбирая у чиновников их широкие права — саму возможность злоупотреблять.

Сколько бы Троцкий и его сторонники ни говорили об отрыве руководителей от масс, иерархичности и авторитарности социально-политической системы, они вовсе не собирались предоставить «мелкобуржуазному» народу право решать куда следует двигаться

стране. Вполне очевидно, что и в 1923 г., когда у власти стояли будущие «троцкисты», СССР уже был авторитарным государством. «Демократия» для коммунистов, за которую выступал Троцкий — это права для «своих», для проверенных коммунистов, а не демократия и равноправие для всех жителей. «Новая аристократия» и «новая бюрократия», о которых писал Устрялов — партийно-государственное чиновничество, позднее известное как номенклатура — возникло в огне гражданской войны, а не во времена правления Сталина. Так что «перерождение» 30-х гг. — это лишь естественное продолжение тех процессов, которые были запущены победой большевиков в Великой Российской революции. «Термидор» как создание новой классовой иерархии начался уже в 1917–1918 гг.

* * *

Сталин не прочь был противопоставить ветеранам большевизма народ, массу рядовых тружеников. Сталин то и дело в своих речах апеллировал к воле народа. Например: «Вот видите, на какие вышки нас народ поставил»; «Руководители приходят и уходят, а народ остается. Только народ бессмертен. Все остальное — преходяще. Поэтому надо уметь дорожить доверием народа»^[556]. Значит ли это, что он был демократом? «Демократизм» Сталина совершенно абстрактен. Народ — это некое целое, волю которого знает Сталин. Вождь может возвысить человека из низов, «поставить на вышку», а может и «дать вышку», стереть в порошок. Это понимание, конечно, очень далеко от демократии в любом ее варианте.

Демократия, народовластие предполагает, что рядовые граждане имеют возможность участвовать в выработке решений, которые их касаются. Подобные принципы закладывались в основу Советов. Но большевики уже в 1918 г. заменили власть Советов «советской властью» — неограниченной властью советского правительства и коммунистического руководства. И эта замена прямо вытекала из социально-экономического централизма марксистов. Если общество должно управляться по единому плану, то на местах можно принимать только малозначительные решения, соответствующие центральным

директивам. Если все будут действовать кто во что горазд, в соответствии со своими представлениями, никакой планомерности не получится. В этом Троцкий и Сталин были вполне согласны.

Платой за централизм и плановость стал отказ от демократии и равноправия. В этом ограниченном смысле «термидор» состоялся, и не мог не состояться. Сам марксистский идеал, в котором искусственно соединялись и демократия, и равноправие, и централизм, и подчинение всех работников плану — при столкновении с жизнью должен был расщепиться на составляющие. Либо воля центра, либо самоуправление работников. Коммунистам предстояло сделать выбор, и уже в 1918 г. большевики его сделали — централизм был важнее для них, чем демократия. Это и было начало политического «термидора», уход от изложенных в работах Маркса и раннего Ленина («Государство и революция») идеалов «государства не в полном смысле слова», в котором уже нет отдельной от общества армии, репрессивной системы, иерархии облегченных властью чиновников. Этот поворот произошел уже тогда, когда Ленин, Троцкий, Сталин, Каменев, Зиновьев и Бухарин вместе руководили республикой.

«Перерождение» революционных движений неизбежно уже потому, что их планы осуществимы лишь частично. Люди, которых поток революции вынес на общественную вершину во имя бескомпромиссного разрыва с прошлым России, должны были теперь как-то управлять завоеванной страной, которая за короткий срок просто не могла существенно измениться в своей социальной психологии. Радикалы расселись по жердочкам пирамиды управления и вернулись к обычной жизни с ее текучкой, бытовыми проблемами и интересами. Решение радикальных, масштабных задач пришлось разделить на множество маленьких тактических шагов. Это требовало новых людей, но вызывало раздражение у миллионов солдат и офицеров революции, привыкших рубить гордые узлы истории. Троцкий писал о судьбе революции: «после беспримерного напряжения сил, надежд и иллюзий наступил длительный период усталости, упадка и прямого разочарования в результатах переворота»^[557]. Эти горькие слова во многом справедливы. И все же Троцкий недооценил энергию идей. Раз попробовав менять жизнь, творить историю, даже уставший от революционных бурь человек не отказывается до конца от своей мечты. Он продолжает действовать,

может быть иначе, но ради той же мечты о лучшем будущем. Отлив революционной энергии масс не ослабил борьбу в правящей элите по поводу путей развития страны.

История устроена как ниппель — общество никогда не возвращается просто назад. Всегда появляется что-то новое. Россия первой ступила на путь создания социального государства. Уже немало. Но страна и ее лидеры стремились к большему — к созданию мощной индустриальной державы, организованной совершенно по-новому, как рациональная производственная фабрика.

Сталин продолжал идти путем Ленина и Маркса, реализуя идеал централизованного общества, где все трудятся по единому плану. Неизвестно, могли ли представители других течений большевизма ближе подвинуть общество к этому «коммунистическому идеалу», по мере надобности перекраивая фасад советской «демократии».

* * *

Но может быть Сталин был тайным врагом марксизма и демократом? Эта точка зрения становится все более модной среди правых сталинистов. Здесь парадоксальным образом смыкаются хрущевский и устряловский мифы: Сталин уничтожил коммунистов — значит был врагом коммунизма — значит боролся против коммунизма за возвращение на «путь мировой цивилизации», благополучно проложенный странами Запада. Оказывается, Сталин тайно мечтал о демократии и политическим плюрализме.

Реальный Сталин тут, конечно, ни при чем. Просто сталинизм тоже хочет быть респектабельным и цивилизованным. Для этого достаточно поверить Сталину на слово — он ведь столько говорил хорошего о демократии. Конституцию новую принял, «демократическую».

Первым эту версию высказал Н. Бухарин — в отчаянии перед смертью. Пытаясь уговорить Сталина сохранить ему жизнь, Бухарин в письме из тюрьмы пытался доказать «Кобе», что их взгляды не так уж расходились. Бухарин ищет оправдания кровавой чистке в подготовке «перехода к демократии»^[558]. Сталин, как известно, отнесся к этой

концепции равнодушно, не стал брать ее на вооружение. А вот правым сталинистам она понравилась, так как позволяет примирить со Сталиным хотя бы часть «шестидесятников». Мол, Сталин и Бухарин делали одно дело, да только вот левые экстремисты — троцкисты им помешали, стравили их.

Историк Ю. Н. Жуков внес ценный вклад в исследование закулисной борьбы 30-х гг., в защите Сталина от надуманных обвинений. Но вот настало время надуманных оправданий. Ю. Н. Жуков рассказывает нам о сталинской конституции как о реальном высшем законе страны, рассчитанном на многопартийность. Сталин, оказывается, демократ, который стремился предать власть в стране парламенту, избранному на альтернативной основе. Просто несостоявшийся Горбачев.

Формальная сторона конституционной реформы 1936 г. такова: Сталин выступил за отмену многоступенчатой системы выборов, которая отличала советы от парламентов, и настаивал на введении тайных выборов.

Со времен гражданской войны советы были лишены реальной власти, в их руках оставались некоторые социальные и хозяйственные вопросы, которые чиновники исполкомов должны были согласовывать с партийными органами и структурами центрального государственного управления. Советы играли роль фасада коммунистического режима и органов централизованного государственного управления. Соответственно, изменение этого фасада было делом формальным. В 1935 г. Сталин принял решение провести конституционную реформу. О реальных мотивах этого решения мы поговорим ниже.

Когда Сталин дал указание секретарю ЦИК А. Енукидзе заняться подготовкой проекта новой конституции, он сначала даже не понял, что от него требуется. Зачем перестраивать фасад? Он не понял мотивов Сталина. Не понял их и историк Ю. Н. Жуков. У него вопрос об изменении порядка выборов этих депутатов становится решающей проблемой политической борьбы после убийства Кирова. «Сталин воспользовался в своих интересах первым же случайно представившимся предлогом — убийством Кирова (хороша первая попавшаяся случайность! — А. Ш.) — совсем не для того, чтобы расправиться с рудиментарной оппозицией». Кто бы спорил. Конечно не для этого — через оппозицию он выходил на более широкие круги

бюрократии. Нет, это Ю. Н. Жуков тоже считает неважным по сравнению с более принципиальным вопросом: «Он прибег к крайним мерам, не применявшимся прежде к столь высоким по положению членам партии только для того (! — А. Ш.), чтобы заставить членов ЦК поддержать его новый курс. Отказаться от старой избирательной системы, а заодно и кардинально изменить конституцию»^[559]. Вот она, тайна сталинского террора. Разгромить коммунистические кадры, чтобы конституцию изменить. Гора трупов рождает мышь. Конституцию поменяли, даже тайное голосование в СССР позднее ввели. И что?

Но Ю. Н. Жуков нашел «доказательство» далеко идущих планов Сталина по насаждению демократии. Среди подготовительных материалов конституционной реформы Ю. Н. Жуков обнаружил проект бюллетеня для голосования, где написаны две фамилии. Это значит, что Сталин не исключал: можно было провести выборы из двух одинаковых кандидатов — преданных партии, коммунистической идее и лично товарищу Сталину. Что же, любопытный факт. После Второй мировой войны в странах народной демократии Сталин даже многопартийность допускал — при условии преданности картонных многопартийных депутатов режиму «народной демократии».

Как это иногда бывает с некоторыми историками, архивная находка вызывает переворот в их сознании, когда все остальное знание, «выработанное человечеством», перестает иметь для него значение. По легенде Ю. Жукова, Сталин превращается в предтечу Горбачева, который намерен устроить альтернативные выборы^[560], чтобы народ проголосовал против догматичных коммунистов в пользу демократичных, «перестроившихся», или вообще каких-то загадочных «новых сил»^[561]. Но в 1937 г. коммунисты были не те, что в перестройку, более бдительные. Левые экстремисты, некое «широкое руководство», вопреки воле Сталина развернули террор, поубивали тех правых партийцев, на которых мог опереться Сталин в своей демократической реформе. Насилу вождь с этими экстремистами справился. Никак, весь 1937 год в «Форосе» просидел, а потом его оттуда Берия спас и супостатов урыл. Как это часто бывало в древности и средневековье, миф лепится по кальке более поздних событий. Получается кровавое большевистское ГКЧП, боровшееся против доброго демократического Сталина...

Только все это не выдерживает критики. Начнем с того, что Сталин в политике появился не в 1934 году, и уже хорошо показал, как относился к демократии и политическому плюрализму.

За десять лет до убийства Кирова Сталин ясно объяснил, чем отличается его взгляд на этот вопрос от троцкистского: «Большевизм не может принять противопоставления партии партийному аппарату»^[562]. Чистка аппарата не значит его разрушение и подчинение советам. Сталин действует во имя укрепления монолитности государственно-партийной машины. Именно в этом ключевое отличие его подхода от других направлений большевизма: «Троцкизм есть недоверие к большевистской партийности, к ее монолитности... Троцкизм в области организационной есть теория сожительства революционеров и оппортунистов, их группировок и группировочек в недрах единой партии»^[563]. А нам рассказывают о сталинской приверженности альтернативным выборам. Сталин предпочитал тщательно отбирать преданные и подготовленные кадры. А доброхоты из числа нынешних устряловцев приписывают ему намерение отдать власть на поток и разграбление случайных людей — лишь бы извести «большевистскую заразу». Правда, непонятно, почему при тайном голосовании массы проголосуют именно против неугодных Сталину коммунистов и именно за его ставленников. Ведь не эсеров же собирался Сталин привести к власти?

В 1930 г. даже невинные беседы меньшевиков на квартире у Суханова кончились для тысяч «спецов» «проверочно-мордобойной работой» (слова Сталина)^[564]. Если бы Сталин и разрешил выборы из двух кандидатов, то только — из двух хорошо проверенных, лояльных партии. А это значит, что «конституционная реформа» в любом случае была для Сталина муляжом.

Сталин все-таки победил своих врагов в 1937–1938 гг., и мог ввести те порядки, которые считал нужными. И где искомая Ю. Жуковым и Ю. Мухиным демократия? Хорошо, дальше была война. Но затем Сталин снова победил своих врагов, расширил границы. И опять никакой демократии.

Сталин свернул даже осторожные эксперименты с ограниченной «народной демократией» в Восточной Европе. Может быть, на этот раз происки американцев не позволили Сталину ввести демократию по

западному образцу? Но тогда почему «происки коммунистов» не заставили американцев отменить многопартийность?

А потому, что многопартийность, работоспособный парламент и смена президентов на выборах — это система, которая удачно обеспечивает интересы западной элиты. Сталин опирался на совсем иную правящую элиту (уже победив все фракции и уклоны), и конституцию воспринимал как внешнеполитический фасад.

* * *

Так зачем Сталину понадобилось в это время менять конституцию?

Сталин вообще был мастером рисовать фасады для западной элиты. Это было важно в условиях наметившегося сближения в Францией. Например, на встрече 28 июня 1935 г. с французским писателем Р. Ролланом, большим другом советского народа, Сталину пришлось давать объяснения по поводу репрессий, начавшихся после гибели Кирова, в том числе — по поводу ужесточения наказаний для малолетних, что могло использоваться для шантажа против Зиновьева, имевшего детей этого возраста. Сталин рассказал Роллану, что «этот декрет имеет чисто педагогическое значение. Мы хотели утратить им не столько хулиганствующих детей, сколько организаторов хулиганства среди детей»^[565]. Странная логика. Почему «организаторы хулиганства» должны так бояться, что детей-хулиганов расстреляют? Стороны явно изъясняются эзоповым языком. Роллан дал понять, что западные друзья СССР не смогут оправдывать репрессии против детей «врагов народа», а Сталин — что не намерен расстреливать детей, если «организаторы хулиганства» не будут толкать их на радикальные действия (месть за репрессированных родителей, например).

Р. Роллан-то был не так прост. Он участвовал в сложной политической игре, в которой западные деятели культуры пытались опереться на Сталина в борьбе против Гитлера^[566]. Так что нужно было кивать Сталину в ответ на любые, даже откровенно несостоятельные объяснения «вождя», и продолжать, ссылаясь на международную обстановку, рекомендовать «максимум мягкости к

врагам» (выражение Сталина)^[567]. Но в условиях сближения с Францией Сталин был заинтересован в улучшении имиджа СССР. Что могло работать на него лучше, чем принятие конституции, соответствующей западным стандартам парламентаризма.

Нужно было показать западным партнерам привычный для них фасад, безо всех этих советских штучек, которые были символами «мировой революции» в 1917–1923 гг. Советы действительно были принципиально новыми органами власти, но только тогда, когда были властью. А властью они не были уже с 1918–1919 гг., когда партийные и силовые структуры большевиков развернули чистки советов и затем полностью подчинили их большинство решениям партийных структур. В 1934–1935 гг. только очень наивный человек мог считать, что власть в СССР зависит от структуры избрания фасадных депутатов. Но в наше время усилиями Ю. Н. Жукова миф о «сталинской конституции» получил второе рождение.

* * *

Ю. Н. Жуков спутал цели Сталина с его тактическими шагами. Вся теория Ю. Н. Жукова строится на совпадении во времени ряда событий: конституционная реформа, изменение во внешней политике, в идеологии Коминтерна, нарастание репрессий. Где причины, а где следствия?

Здесь устряловский миф вновь смыкается с троцкистским. Представители обоих течений уверены — Сталин оборотился из коммуниста в державника. Если очистить эти теории от несостоятельных «демократических» фасадов, то как раз и получится, что Сталин — борец против коммунизма за возрождение Российской империи.

Разногласия касаются только дат. Сталинистка Е. А. Прудникова считает, что Сталин служил «Великой Российской империи, которая после 1917 г. возродилась под именем Советского Союза...»^[568] Ю. Н. Жуков называет более конкретную дату поворота от коммунистического курса к державному: между 23 декабря 1934 г., когда было опубликовано сообщение об отсутствии оснований для

привлечения Зиновьева и Каменева к уголовной ответственности, и сообщением 16 января 1935 г. об их причастности к убийству Кирова — родился «сталинизм», понимаемый как «решительный отказ от ориентации на мировую революцию, провозглашение приоритетной защиту национальных интересов СССР и требования закрепить все это в конституции страны. Словом — ничем не прикрытый этатизм»^[569]. И здесь Ю. Н. Жуков не может без конституции. Конституция для Сталина, это, конечно, как устав для солдата...

Но если серьезно, то определенное изменение курса Сталина в декабре 1934 г. действительно произошло. Насколько оно было серьезным, принципиальным и долгосрочным? Родился ли в это время «сталинизм-этатизм».

Упоминание «раскрутки» дела Зиновьева и Каменева ближе к делу. Хотя очевидно, что Сталин определил направление следствия в первые дни после убийства Кирова. Просто до января 1935 г. важно было не спугнуть «подозреваемых».

Важные политические решения Сталин принял в первые дни после убийства Кирова. Они касались двух тем — обвинения недобитых групп левой оппозиции в организации убийства Кирова (выше мы говорили о смысле этой операции) и переориентации линии Коминтерна (о чем мы подробнее поговорим ниже).

В остальном трактовка «сталинизма» Ю. Н. Жуковым — хороший пример право-сталинистского, державного мифа. Утверждается, что до 1935 года в СССР не было политики этатизма (то есть укрепления государства?!). А вот после 1935 года по версии нео-устряловцев, напротив, Сталин стал заботиться исключительно о национальных интересах СССР, отказавшись от экспансии вдали от своих границ. А что тогда Советский Союз делал в Испании? Я уж не говорю о глобальной политике Сталина после Второй мировой войны, которая привела к созданию «социалистического лагеря» от Индокитая до Германии. Изменились формы международного коммунистического движения и внешней политики СССР, но Советский Союз и после 1935 г. оставался мотором мировых перемен, носителем глобального проекта, альтернативного капитализму и национальной замкнутости.

На примере взглядов сталинистов-державников хорошо видно, как устроен миф. Из реальности вырывается какой-то элемент, соответствующий идеологической тенденции, например: Сталин

заботился о национальных интересах СССР. А еще: в декабре 1934 г. произошло изменение стратегии Коминтерна. Но при этом игнорируется хорошо известный факт — в 1935 г. Коминтерн вернулся к политике, которую он уже проводил в Венгрии в 1919 г., в Германии в 1923 г. и в Китае в 1924–1927 гг., в том числе тогда, когда Коминтерном руководил Зиновьев.

Мифотворцы, возводя в абсолют нужные им факты, игнорируют все остальные стороны политики руководящей группы ВКП(б). И получается картина, которая «замазывает» не отдельные штрихи, а целые блоки исторической реальности. Коммунисты укрепляли государственность (то есть проводили политику этатизма) со времен гражданской войны. Не случайно основателем советского государства считается Ленин. Уже в 1923 г. коммунистическое руководство осознало, что «мировая революция» пока не удалась, что следует проводить свою политику в мире более гибко.

Черты сталинской идеологии, которые нео-устряловцы возводят в степень принципиальных изменений, присутствовали в речах «вождя» и до 1935 г. — и ссылки на конституционные права, и уверения, что СССР не вмешивается в дела других стран, и, конечно, неустанная защита интересов и границ СССР. В качестве примера приведем фрагмент выступления Сталина на XVI съезде ВКП(б) в 1930 г.: «Им, оказывается, не нравится советский строй. Но нам также не нравится капиталистический строй. Не нравится, что десятки миллионов безработных вынуждены у них голодать и нищенствовать, тогда как маленькая кучка капиталистов владеет миллиардными богатствами. Но раз мы уже согласились не вмешиваться во внутренние дела других стран, не ясно ли, что не стоит обращаться к этому вопросу? Коллективизация, борьба с кулачеством, борьба с вредителями, антирелигиозная пропаганда и т. п. представляют неотъемлемое право рабочих и крестьян СССР, закрепленное нашей конституцией. Конституцию СССР мы должны и будем выполнять со всей последовательностью...

Наша политика есть политика мира и усиления торговых связей со всеми странами... Ее же результатом является присоединение СССР к пакту Келлога... Наконец, результатом этой политики является тот факт, что нам удалось отстоять мир, не дав врагам вовлечь себя в

конфликты... Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому»^[570].

Вот вам сталинский патриотизм и «этатизм» до 1934 г. Все эти положения остались в силе и после 1934 г.

* * *

Смысл изменения курса конца 1934 г. был скромнее. Продолжая борьбу за превращение правящей элиты СССР в монолит, Сталин одновременно вел внешнеполитическое маневрирование, которое должно было укрепить позиции Советского Союза в Европе.

И до, и после 1935 г. СССР противостоял Западу, но играл на противоречиях капиталистических стран. С 1933 г., после прихода к власти Гитлера, Сталину и бывшей Антанте нужны были противовесы этой новой реальности. Отсюда — начавшееся между ними сближение, получившее название «политика коллективной безопасности».

Никакой «этатизм» здесь ни при чем. Это было продолжение прежней большевистской внешней политики в новых условиях. Но «коллективная безопасность» вошла в противоречие с курсом Коминтерна, который с 1927 г. проводился Сталиным, и он после некоторых колебаний вернулся к политике середины 20-х гг.

Логика «коллективной безопасности» требовала сближения с Францией. Но в начале 30-х гг. коммунисты выступали как непримиримая оппозиция буржуазному режиму, что плохо вязалось с новой политикой международных союзов СССР. К тому же Сталину требовалось усилить позиции коммунистов как рычага воздействия на западных партнеров. А для этого коммунисты должны были поступиться своей бескомпромиссностью и пойти на сближение с другими левыми партиями.

Казалось бы, следовало приказать французским коммунистам пойти на сближение с социал-демократами, создать сильный левый блок и провести к власти свое правительство. Именно такое поведение считают вполне естественным «шестидесятники», и упрекают Сталина в том, что он не приказал коммунистам вступить в союз с социал-

демократами в Германии, что облегчило победу Гитлера. Правда, при этом не учитывается, что социал-демократы и сами не жаждали союза с коммунистами.

По мнению нео-устряловцев, Сталина удерживали от сближения с Западом левые экстремисты в партии, для которых союз с «Антантой» был неприемлем. В действительности, Сталин и сам имел основания опасаться сближения с социал-демократами. Оно было связано со значительными политическими издержками.

Старая бескомпромиссная линия позволяла коммунистам быть самыми решительными критиками капитализма, но положение их в политической жизни стран Европы оставалось маргинальным. В лево-центристской коалиции («Народном фронте») коммунисты стали бы более влиятельной партией. Но коммунисты могли войти в коалицию только в качестве младших партнеров социал-демократов, подчиняясь решениям «оппортунистов». Если коммунисты пойдут на идеологическое сближение с социал-демократами, есть риск, что они превратятся в глазах масс лишь в левое крыло социалистического движения. Если заметная разница между социалистами и коммунистами исчезнет, если возникнет подозрение, что и коммунисты признают «буржуазные» режимы, то они лишатся поддержки наиболее радикальных масс. Опыт Сталина, особенно провал союза с гоминьданом в Китае, показывал, что политика союзов — дело рискованное^[571]. Отсюда — неприятие этой политики Сталиным в конце 20-х — начале 30-х гг. Даже в середине 1934 г. в диалоге с Димитровым Сталин (а не «левые экстремисты») возражал против сближения с социал-демократами^[572].

Чтобы пойти на политический риск, связанный с новой политикой союзов, нужно быть уверенным, что взамен появится ощутимый выигрыш, превосходящий потери. Такую уверенность стали внушать успехи политики «Народного фронта» во Франции осенью 1934 г. Но до декабря 1934 г. она оставалась локальным экспериментом.

Никакой «переход к этатизму» и «отказ от мировой революции» тут был ни при чем. В споре левых и правых членов руководства Коминтерна решался прагматический вопрос: каким образом усилить влияние коммунистического движения в СССР в мире и нанести поражение фашизму.

Анализ архивов Коминтерна показывает, что окончательное решение вопроса о переходе к более «правой» политике Коминтерна Сталин принял в первых числах декабря 1934 г., то есть в связи с убийством Кирова^[573].

Решение о корректировке внешней политики позволяло Сталину не только усилить сопротивление фашистской угрозе и усилить позиции коммунистов во Франции и Испании (что как раз соответствовало также задачам коммунистической экспансии), но и решительно отмежеваться от идей левой оппозиции, на физическое уничтожение которой Сталин решился в связи с убийством Кирова. Отсюда — хронологическое совпадение начала «антитеррористического» расследования против левых, одобрения эксперимента с «Народным фронтом» во Франции и начала подготовки новой конституции, соответствующей вкусам западных партнеров Сталина. Желая произвести положительное впечатление на новых партнеров — французскую и британскую элиты, социал-демократов и испанских республиканцев, Сталин с легкостью поменял конституционный муляж, приняв Конституцию 1936 г. и даже проведя «свободные выборы» 1937 г., ничего не изменившие в системе власти. Зато это произвело впечатление на некоторых наивных западных интеллектуалов и на Бухарина, готового хвататься за любую соломинку в надежде на демократизацию. Впрочем, уже в 1938 г. Большой террор развеял любые иллюзии, а Сталин разочаровался в своем «эпохальном» внешнеполитическом повороте.

* * *

Нет никаких документов, которые свидетельствуют об отказе Сталина от цели победы коммунизма в мировом масштабе. Просто он и до, и после 1934 года отождествлял успехи коммунистического движения и успехи СССР. Поэтому бессмысленны попытки определить, до каких пор Сталин был коммунистом, а когда стал патриотом и служителем Российской империи.

Сталин, конечно, всегда был государственным деятелем (этатистом). Он способствовал укреплению государства. Но не Российской империи, а

нового, «советского» государства. Сталин разъяснил, что считал нужным унаследовать у старой России, а от чего отказаться. Коммунистам досталась в наследство «громкая страна, крестьянская по своему составу, с некоторыми очагами промышленности, точками, где мерцают, теплятся зачатки культуры, а по преимуществу средневековые... Русские цари сделали много плохого. Они грабили и порабощали народ. Они вели войны и захватывали территории в интересах помещиков. Но они сделали одно хорошее дело — сколотили огромное государство — до Камчатки. Мы получили в наследство это государство»^[574].

СССР — это не только территория, но и новый социальный строй. Сталин считал нужным сохранить первое и гордился, что коммунисты сумели существенно изменить второе. Советская эпоха — это этап в истории страны. Российская империя — другой этап, который закончился в 1917 г. Не меньше, но и не больше.

Сталин с начала XX века и до самой смерти был коммунистом и потому — патриотом СССР. Его маневрирование между более умеренной и более наступательной внешней политикой было подчинено цели создания монолитной мировой коммунистической системы с единым центром. И центр этот был в Кремле, а ядром системы был СССР.

В одних условиях Сталин считал более целесообразной политикой конфронтацию с «буржуазными» институтами стран Запада, в других, как во время «Народного фронта» — использование их. Но не это определяло направление его политики. Первичной была ситуация внутри СССР. Когда наращивание репрессий в СССР поставило под угрозу «Народный фронт», это не остановило Сталина.

Инициаторы Народного фронта еще пытались спасти положение, понимая, сколь сокрушительными будут последствия террора для их дела: «Московский процесс для меня — терзание, — писал Р. Роллан о суде над своим другом Бухариным и другими большевиками, — ... резонанс этого события во всем мире, особенно во Франции и Америке, будет катастрофическим». Он предлагал «друзьям СССР» направить Сталину закрытое письмо, в котором попытаться заставить его задуматься, «какие плачевные последствия для Народного фронта, для сотрудничества коммунистической и социалистической партий, для совместной защиты Испании будет иметь решение,

приговаривающее осужденных к смертной казни»^[575]. Современные исследователи констатируют, что «варварство репрессий заставило отшатнуться либералов и социалистов»,^[576] и это несомненно в отношении лидеров социалистического интернационала. О. Бауэр сокрушался: «Обвинения на московских процессах подорвали доверие к Советской России»^[577]. Блюма и Гильфердинга московские судебные процессы повергли в шок^[578].

Сталин не уступил, уничтожение «крыльев» партии было важнее для него, чем политика Народного фронта. Фасад рухнул, стало ясно, что конституция в СССР — только пустая скорлупа.

К этому времени Сталин убедился, что Франция — ненадежный союзник, а в 1939 г. Сталин и вовсе отказался от «Народного фронта», и от «коллективной безопасности», и это не изменило характер режима, не сделало Сталина большим или меньшим этатистом. Ибо весь период своего пребывания у власти он был и этатистом, и коммунистом, но никогда не был ни демократом, ни апологетом Российской империи.

Был ли Сталин сексуальным маньяком?

События 1935 г. — благодатная тема для мифов. Приказал Сталин другу Авелю Енукидзе поправить конституцию, а тот не сразу понял задачу — и вот уже Ю. Н. Жуков делает из секретаря президиума ЦИК СССР А. Енукидзе нестигаемого левака, который готов всем пожертвовать ради сохранения старой системы советов. Но роль фанатика левого коммунизма плохо подходит к Енукидзе. Разоблачение его в 1935 г. было связано со злоупотреблениями служебным положением.

Неприятности Енукидзе начались не из-за конституции, а после того, как Сталин решил сделать Кремль своей зоной безопасного существования, навести порядок за его стенами. После выстрела в Смольном Сталин мог опасаться повторения трагедии в Москве и не хотел стать следующей жертвой.

Адмирал И. Исаков рассказывал: «По-моему, это было вскоре после убийства Кирова... В тот раз, о котором я хочу рассказать, ужин

происходил в одной из нижних комнат. Довольно узкий зал, сравнительно небольшой, заставленный со всех сторон книжными шкафами. А к этому залу от кабинета, где мы заседали, вели довольно длинные переходы с несколькими поворотами. На всех этих переходах, на каждом повороте стояли часовые — не часовые, а дежурные офицеры НКВД. Помню, после заседания пришли мы в этот зал, и, еще не сядя за стол, Сталин вдруг сказал: „Заметили, сколько их там стоит? Идешь каждый раз по коридору и думаешь: „Кто из них? Если вот этот, то будет стрелять в спину, а если завернешь за угол, то следующий будет стрелять в лицо. Вот так идешь мимо них по коридору и думаешь...“»[579]

С ума можно сойти, а не то что страной руководить. Для начала Сталин решил расчистить себе жизненное пространство в Кремле. Было организовано так называемое «кремлевское дело», арестованы около 110 человек. 27 июня 30 ведущих подсудимых предстали перед военной коллегией НКВД. Из них 10 обвиняемых признались, что слышали антисоветские разговоры, а шестеро, включая брата Каменева — в террористических намерениях.

Енукидзе был управляющим делами советской администрации, главным кремлевским завхозом. Он отвечал за то, что принял часть обвиняемых на работу. Это называлось «политическое ротозейство». 3 марта 1935 г. он был освобожден от должности. Сначала заслуженного руководителя собирались отправить руководить Закавказьем. Но это назначение Енукидзе вскоре отменили, так как при расследовании его деятельности вскрылись факты «морального разложения». Енукидзе был исключен из ЦК и отправился работать начальником треста в Харькове.

Разбирательство показало, что главный номенклатурный хозяйственник погряз в чисто материальных злоупотреблениях. Обладая неограниченными возможностями распределять элитные блага от жилья до продовольствия, Енукидзе по версии следствия использовал их для того, чтобы покупать любовь молодых девушек. Енукидзе не отрицал обвинения, ему было очень стыдно[580].

Может быть, моральное разложение Енукидзе — выдумка следователей? Вот, что писала о нем родственница Сталина М. А. Сванидзе: «Авель, несомненно, сидя на такой должности, колоссально влиял на н(аш) быт в течение 17 лет после революции.

Будучи сам развратен и сластолюбив — он смрадил все вокруг себя — и ему доставляло наслаждение сводничество, разлад семьи, возвращение девочек. Имея в своих руках все блага жизни, ...он использовал все это для личных грязных целей, покупая женщин и девушек»^[581].

Сталин, до которого доходили слухи о моральных прегрешениях Енукидзе, некоторое время не решался заняться их проверкой — все-таки Авель был старым другом. «Кремлевское дело» позволило разрубить этот гордиев узел, и Сталин был доволен, что дело так или иначе разрешилось. Он спросил М. Сванидзе, довольна ли она, что «Авель понес наказание» и улыбнулся^[582].

Б. С. Илизаров делает из этого неожиданный вывод: «Это, без сомнения, делалось с согласия Кобы, а не за его спиной. Убежден, что помимо этого и Авель и Коба в свое время по-мужски сошлись на любви к юным, скорее даже — чересчур юным особам. Теперь, когда мы проследили некую тенденцию в интимной жизни Сталина, нетрудно поверить в то, что Авель поставлял девочек не только безымянным „нужным людям“, но и другу молодости Кобе»^[583]. «Без сомнения», «убежден», «нетрудно поверить». А где доказательства? Есть некая ирония судьбы в том, что нынешние исследователи грязного белья Сталина основывают свои выводы не на доказательствах, а на внутреннем «убеждении» и «вере», лишенной сомнений, как в свое время некоторые сталинские следователи.

Что же, рассмотрим «некую тенденцию», прослеженную Б. С. Илизаровым. Она состоит из трех эпизодов.

1. Слухи о том, что в юности у молодого Джугашвили вне брака родилась дочь.

2. Утверждения о сожительстве Сталина в ссылке с малолетней Лидией Перелыгиной, которая родила от него сына.

3. История знакомства Сталина со своей будущей женой Надеждой Аллилуевой.

В тенденцию не вписываются другие слухи о личной жизни Сталина, которые Б. Илизаров перечисляет бегло — без доказательств и без подробностей: С. Петровская, М. Кузакова, П. Онуфриева. Были эти романы или нет, но перечисленные дамы не столь юны, как это нужно для конструируемой Б. С. Илизаровым «тенденции».

Какие доказательства имеются по трем случаям «педофилии»?

В 1899 г. Иосиф Джугашвили был отчислен из семинарии по неясной причине — то ли неуспеваемость (формальная версия), то ли революционная деятельность (официальная версия советских времен), то ли почему то. В 1938 г. в архиве Сталина отложилось письмо от родственницы 18-летней Прасковьи Михайловской. Прасковья считала себя родственницей Сталина, пыталась добиться встречи с ним и исчезла (была арестована?). Неплохо для романтической гипотезы. Юный семинарист, первая любовь, наверное юная девушка. Но даже если у них и родился ребенок (что пока тоже нельзя считать доказанным), при чем тут Енукидзе с его «девочками»?

Сестры Перельгины были квартирными хозяйками Сталина во время ссылки в Сибири. В 1956 г... когда новое руководство КПСС усиленно искало компромат на Сталина, сотрудникам КГБ удалось убедить Перельгину показать, что квартирант ее совратил, и она родила от него в 1913 г. сына, который вскоре умер. Правда, Сталин появился в этих местах в 1914 г. Но в этом году Перельгина родила еще одного сына, которого признал своим местный крестьянин, женившийся на девушке. Напомним, что в традиционном обществе брачный возраст 12–16 лет вполне нормален (вспомним шекспировскую Джульетту). Б. С. Илизаров пытается найти подтверждения любовной связи Перельгиной и Сталина: ссыльный конфликтовал с местным жандармом (из-за приставания к девушке?). Станный аргумент — для конфликта ссыльного с охранником могли быть и более очевидные причины. К тому же жандарма заменили. Вероятно, претензии жандарма к Сталину были неубедительны для его начальства. Еще Сталин угощал девушек рыбой. И что? Перельгина знала, каким было белье Сталина (естественно — она его обстирывала). В начале 50-х гг. Перельгина сетовала, что ей не дают пособия на многодетность. Так что в 1956 г. ее было легко заинтересовать в нужных показаниях. Благо, «подследственный» уже не мог ничего возразить. Вот из всего этого Б. С. Илизаров делает вывод, что Перельгина «делила постель» со Сталиным. Совершенно непонятно, почему после этого он критикует «литературных сплетников», распространивших «массу грязи»^[584].

В 1917 г. Сталин жил у революционера С. Аллилуева и познакомился с его дочерью, своей будущей женой — пятнадцатилетней Надеждой Аллилуевой. Общеизвестный факт.

Потом Надежда работала секретарем Сталина и в секретариате Совнаркома. Когда Надежде исполнилось 18 лет, они со Сталиным поженились. И что?

Поскольку новых доказательств его педофильской версии у Б. С. Илизарова нет, он заполняет десяток страниц намеками и психологическими реконструкциями, по ходу сообщает нам, что Иван Грозный имел «десяток официальных жен» (это такое «сравнительно-историческое» исследование, хотя количество жен несколько преувеличено), что Сталин в отличие от презираемых им революционеров-эмигрантов сидел «годами по деревенским избам, больше общаясь с женской частью трудового народа». Это «тонкая ирония».

Сексуальные исторические мифы — необходимое звено манипуляции сознанием. Массам мещан внушают: главная ставка в политической борьбе — не идеи, а чисто мещанские ценности — роскошь, бабы, возможность самоутвердиться. Так было всегда. Если кто-то призывает изменить общество, то на самом деле он или садист, или педофил, или жулик. Таков миф, таков автопортрет мещанского исторического сознания. К исторической реальности этот миф имеет косвенное отношение. Качество доказательств, как видим, оставляет желать лучшего.

В революционном движении было немало людей, которые руководствовались низменными инстинктами. Но именно в силу отсутствия идей, стратегического мышления, они были материалом, пушечным мясом истории. Направление исторического потока определяли люди, для которых идеи были важнее животных инстинктов.

Очерк одиннадцатый

Был ли Сталин убит?

Не так давно Галина Волчек пригласила группу историков на просмотр нового спектакля театра «Современник». На афише большими буквами: «Полет черной ласточки». Спектакль поставлен В. Агеевым по пьесе П. Хотьяновского и И. Гаручавы «Шинель Сталина». Авторы считают, что постановка пьесы — это «позиция театра». Исполнитель роли Сталина Игорь Кваша долго «разбирался в этой фигуре». Думает, что постиг ее сложность. Галина Волчек назвала спектакль «новой принципиально важной работой „Современника“». Пригласила историков. Мы даже думали, что потом спросит наше мнение.

Спектакль рассказывает о последних днях жизни Сталина — с 1 по 5 марта. По версии авторов за это время он успел обвенчаться с молоденькой дочерью врага народа, вспомнить всю свою жизнь (полностью подтвердив чуть ли не все интеллигентские мифы 60-х годов), разоблачить заговор Берия (или кого-то на него похожего), который хотел убить вождя при помощи шинели с радиоактивными пуговицами. В общем, насыщенную вел жизнь, содержательную.

В перерыве какая-то молоденькая работница театра спросила меня, как это соотносится с историей. Я ответил, что никак. По-моему, она удивилась. Милые люди, они живут в пост-модернистском мире, где реальность (историческая, социальная, даже географическая) не имеет никакого значения. Лишь бы кормили хорошо. А кормят неплохо — ведь замена истории пьяным бредом (подзаголовок названия спектакля: «Эпизоды истории под углом 40 градусов») — актуальная политическая задача, «позиция» не только театра, но и могучего культурного (или антикультурного) движения за разрушение рационального сознания и исторической памяти.

Этот спектакль — крайнее проявление более общей тенденции. История превращается в легенду, сказку, назидательную историю. В день смерти Сталина по ТВ выступает драматург Э. Радзинский с моноспектаклем о том, что Сталина убили. Вроде бы Берия. В ответ

расходятся тиражи сталинистских книжек — Сталина убил Хрущев. Вино отравил. Сюжет описан еще Шекспиром.

И никто не доказал, что вообще было само убийство. Но миф требует трагедии, а не драмы. Глядя на этот шабаш, невольно задумываешься — может быть и юная работница «Современника», и Кваша, который вроде как всерьез «разбирался» в истории, обманулись, и авторы пьесы просто пародировали наше время с его презрением к истории. Может быть, они преследовали благородные сатирические цели? Вот только зачем было историков приглашать? Надо было — публицистов, драматурга Радзинского... Но те не поняли бы юмора. Ведь даже исполнители замысла восприняли шутку всерьез. Ибо безграмотность стала хорошим тоном, а логика и интерес к истине воспринимаются как брюзжание зануд.

Расследователи смерти Сталина отдают предпочтение то одним свидетельствам, то другим. Поскольку они противоречат друг другу, конспирологам приходится обвинять кого-то во лжи. И этот кто-то как правило — Хрущев. Он и лицо заинтересованное (через четыре года победил в борьбе за власть — значит, заранее все просчитал), и неточности в его воспоминаниях есть. Остальные свидетели оказываются правы или нет постольку, поскольку их воспоминания соответствуют конструкции очередного мифотворца.

В действительности, память практически любого свидетеля — это не кинохроника. Мне доводилось собирать воспоминания о событиях десяти-двадцатилетней давности, и их сравнение с документами и другими свидетельствами показывает — человек может путать детали безо всякого злого умысла. Хотя, конечно, его заинтересованность должна учитываться — но только в каждом конкретном случае. Свидетели редко «всегда врут» и никогда не говорят только правду, когда вспоминают события много лет спустя.

Круг источников ограничен. Хрущев и дочь Сталина Светлана Аллилуева оставили мемуары. Есть воспоминания некоторых врачей, присутствовавших при агонии Сталина. 5 марта 1977 г. сотрудники для поручений («охранники») Сталина, ставшие свидетелями его смерти, собрались по инициативе одного из них и поделились воспоминаниями, которые были записаны. Более подробные воспоминания уже в 90-е гг. сотрудник для поручений П. Лозгачев дал

драматургу Э. Радзинскому^[585]. Эти воспоминания и мемуары Хрущева являются ключевыми, так как касаются собственно обстоятельств постигшего Сталина приступа, повлекшего смерть через несколько дней.

1 марта

1 марта — плохой день для самодержцев. Убили Александра II, задержали Николая II. В этот день фактически закончилось правление Сталина. Но как?

По воспоминаниям Хрущева Сталин 28 февраля смотрел в Кремле фильм с членами Президиума ЦК Берия, Хрущевым, Маленковым и Булганиным^[586].

Конспирологи тут же кричат «караул!»: после 17 февраля не зафиксировано посещение Сталиным рабочего места. «Хрущев врет. Зачем?»^[587]. Но невинную фразу Хрущева подтверждают и присутствовавшие на даче порученцы^[588]. Сталин не работал в кабинете в этот день — вот и объяснение, почему 28 февраля его появление в Кремле не было зафиксировано в журнале регистрации посетителей Сталина.

После фильма Сталин и его команда поехали ужинать на Ближнюю дачу. Сталин «был навеселе», «в хорошем расположении духа»^[589]. Но очень крепких напитков не было — несколько бутылок молодого вина «Маджари».

Утром 1 марта гости уехали. Порученцы считали, что гости разошлись в пятом часу, Хрущев — что в шестом.

Вечером следующего дня Маленков сообщил Хрущеву, что с дачи сообщили: «что-то произошло со Сталиным»^[590].

* * *

События в промежутке восстанавливают порученцы. На даче помимо Сталина остались «сотрудники для поручений при

И. В. Сталине» И. Хрусталева, А. Рыбин и В. Туков, помощник коменданта дачи П. Лозгачев, кастелянша М. Бутусова. Специально даю официальное название должности присутствующих. Конспирологи и драматурги называют их «охранниками», а они по должности — порученцы. Конечно, если бы кто-то напал на товарища Сталина с вилкой в руках — то и кастелянша Бутусова, женщина не молодая, но дородная, могла бы прикрыть его грудью, выполнив функцию охраны. Но все же охрана в собственном смысле слова находилась на внешних рубежах дома. Внутри дачи Сталина было охранять не от кого — все свои, люди проверенные.

Казалось бы, очевидные вещи приходится разъяснять. Но творцы сенсаций делают вид, что не понимают таких простых вещей. Потому что, если не называть присутствующих «охраной», — не получается сенсации.

А сенсация-то вот в чем. Порученцы вспоминают, что после завершения приема Сталин отпустил их отдыхать: «Ложитесь-ка вы все спать. Мне ничего не надо. И я тоже ложусь. Вы мне сегодня не понадобится». А раньше — не отпускал. Лозгачев утверждает, что указание Сталина передал им И. Хрусталева, который добавил: «Ну, ребята, никогда раньше такого распоряжения не было...»^[591]

Они такого распоряжения раньше не слышали. Это ли не подозрительно, что на старости лет Сталин стал более снисходителен к порученцам (и, кстати, менее активен).

Ю. Мухин с присущей ему прямоотой тут же заявляет: «Его охрана врет!»^[592] Не мог Сталин приказать охране спать на посту. Ну что Вы, что Вы, товарищ Мухин, спокойней. Ничего такого любимый вождь не приказывал — охрана дачи работает в прежнем режиме. Он отправил спать порученцев. Раньше, в 30-40-е гг. обстановка была такая, что всегда среди ночи могли быть поручения. Даже в 1950 г. — бушует Корейская война. А к 1953 г. обстановка стала стабильнее. Так что Сталин мог позволить порученцам расслабиться.

Добавим также, что порученцы Сталина не ходили по даче гуськом, пристально глядя друг за другом. Так что если бы они бодрствовали в дежурке, у каждого все равно была возможность отлучиться либо в туалет, либо для убийства.

Тут Э. Радзинский, как и положено драматургу, начинает нас интриговать: Лозгачев спит и не знает, «что делали ночью его

товарищи — к примеру, тот же Хрусталев»... [593]

Зря интригует. Мы уже все поняли: получается, что Хрусталев — коварный убийца. Он отправил порученцев спать, пробрался к спящему Сталину и что-то ему вколол (чтобы не было заметных следов). Сталин в этом случае должен был быть немедленно парализован. Стоило бы ему позвать на помощь, и порученцы проснулись бы, прибыли на место, арестовали злодея. После этого выпотрошить из него имена заказчиков было бы делом техники.

Если Хрусталев обманул коллег на счет распоряжения Сталина, то он уже просто не мог не действовать — ведь уже поздним утром 1 марта обман мог вскрыться — если Сталину что-то понадобится.

Таким образом, прочь недомолвки и намеки. Либо Сталин действительно послал охрану спать, либо Хрусталев — злоумышленник, и тогда именно он — убийца Сталина со шприцем в руках.

Сам шприц появился в этих легендах не случайно. Прежде чем записать и опубликовать свои воспоминания, порученцы какое-то время делились воспоминаниями в узком кругу, и дальше «сокровенное знание» расходилось по сети слухов, причудливо изменяясь. Теперь мы можем познакомиться с первоисточником. А. Рыбин вспоминает о последних минутах жизни Сталина 5 марта: «Сталину сделали какой-то сильнодействующий укол. От него тело вздрогнуло, зрачки расширились. И минут через пять наступила смерть. Оказывается, подобный укол, способный поднять или окончательно погубить больного, полагалось делать лишь после согласия близких родных. Но Светлану и Василия не спросили. Все решил Берия» [594]. В такой трактовке этот эпизод выглядит сравнительно невинно. Понятно, что ключевые решения должны были принимать не Светлана и Василий, а члены Президиума ЦК, от имени и по поручению которых действовал Берия. Но, развиваясь в устной традиции, это свидетельство за 60-70-е гг. трансформировалось в легенду — Берия убил Сталина с помощью шприца.

Затем уже, с легкой руки советолога А. Авторханова, который первым и стал реконструировать версию об убийстве Сталина на даче, Берия стал киллером. Почему Берия? Есть такой слух. А еще Берия очень коварен. Люди, воспитывавшиеся на легендах кремлевского двора 50-80-х гг., знают как отче наш, что более коварного и злобного

человека нет во всей вселенной. Раньше был Ричард III (если верить Шекспиру), но потом его превзошел Сталин, а Берия превзошел самого Сталина. Раз этот демон рядом был, то он — и убийца.

Сталинисты сегодня резонно возражают — нет никаких доказательств у Авторханова и его последователей. Берия рядом был не один. Потом уехал. К тому же он — верный сталинец и продолжатель дела Вождя. Поэтому убийца — Хрущев. Он — продолжатель неверный, разоблачил Сталина перед всем миром, в общем подлец. К тому же — убил замечательного Берия. Так что — он убийца и есть.

Каким образом видные политики, покинувшие дачу, могли пролезть затем назад через оцепление реальной охраны — остается неразъясненным.

Надо отдать должное сталинисту Ю. Мухину: побродив лабиринтами мысли Радзинского (о подозрительном поведении Хрусталева), он не стал доказывать, что Хрущев вколол Сталину смертельную инъекцию, а прямо так и написал: «на ужине в субботу Хрущев как-то исхитрился отравить Сталина... Тогда вопрос — в какое блюдо на столе он всыпал или влил яд? Думаю, что это было то самое молодое сухое вино...»^[595] А почему Хрущев? Да уж больно человек плохой. Как раньше Берия. А почему в вино? Да Сталин в юности стихи написал про то, как злые люди поэта отравили...

И ведь есть наивные люди, которых убеждает такая «логика». Но одно успокаивает: получается, что Хрусталева ни при чем, и вся история с подозрительным указанием Сталина отдыхать — ничего не доказывает.

Но тогда будет не интересно, а это — невыносимо для драматурга Э. Радзинского: «Мы никогда не узнаем, что же произошло ночью в запертых комнатах хозяина. Но есть только два варианта происшедшего: или Хозяин обезумел и действительно отдал приказ всем спать, по удивительному совпадению той же ночью с ним случился удар... или Хрусталева было кем-то приказано уложить спать своих подчиненных, чтобы остаться наедине с хозяином — ему, или кому-то еще неизвестному»^[596]. Эмоции по поводу «обезумевшего Сталина» — фирменный стиль Э. Радзинского. Это для сцены. Думаю, если бы Радзинский не услышал от Лозгачева «сенсационного сообщения» о спящих порученцах, фантазия драматурга подсказала бы

ему другой детективный ход — как Хрусталев мог убить Сталина. Мы уже говорили о том, что охрана сталинской дачи осталась на местах, а своих порученцев Сталин все-таки не боялся. Боялся бы — давно отправил с дачи. Домыслы с «неизвестным», который проник на дачу под прикрытием Хрусталева — это дань Авторханову, тем более, что дальше Э. Радзинский между прочим упоминает Берия. Тот, видимо, в этот момент как раз через забор перелезал. Только для осуществления такого плана нужно было бы усыпить всю охрану снаружи. Включая постового на улице (о нем — чуть ниже). Так что убивать Сталина должен был либо Хрусталев (можно — с кем то еще из порученцев), либо постовой на улице, рискуя, что его отсутствие обнаружит разводящий. Так что с «кем-то неизвестным» Радзинский перемудрил.

Итак, главный подозреваемый Э. Радзинского — Хрусталев. Тем более, что именно ему Берия приказал после смерти Сталина вызвать машину (явный признак того, что Хрусталев был завербован именно Берия). Вот только как Хрусталев отравил вождя народов? Авторханов предлагал шприц. Радзинский не может не согласиться — укол (на всякий случай Э. Радзинский ставит вопросительный знак, но другого варианта просто не находит).

Свершилось. Сталин уколот шприцем с ядом. Тут бы и помереть. Ан нет. Э. Радзинский помнит, что Распутина, о котором он писал другой триллер, не брали пули и яды. А тут сам Сталин. По законам жанра он должен ожить. И ожил...

* * *

Но при этом Радзинскому Лозгачев поведал, что Сталина обнаружил он, а Хрущеву они сообщили, что обнаружила Матрена. Матрена уверяла, что теперь Сталин уснул. Обмочился только. Прибывшим на дачу Маленкову, Хрущеву и Берия сбивчиво рассказали о ночном происшествии. Но теперь-то Сталин спит. Утром проснется, узнает, что тут толпились соратники, разглядывали его в неприглядном виде. Что-то еще решит с ними сделать. Нет, не надо его беспокоить. Не буди лихо, пока оно тихо...

Так что, прибыв на дачу и послушав рассказы о вечернем происшествии, «соратники» ночью вполне могли решить, что старик напился (может — добавил, кто его знает, что он делал все воскресенье), и не решились его беспокоить в таком состоянии. Охрана могла объяснять ситуацию сбивчиво, не убедительно — это они задним числом, все продумав, все разложили. А когда выяснилось, что все серьезно, пришлось подправлять версию ночных событий, чтобы скрыть собственное головотяпство.

* * *

По Лозгачеву в 8 часов (еще через пять часов) снова приехал Хрущев и сказал, что скоро будут врачи. Не обманул. Через полчаса — час врачи прибыли.

С 9 утра 2 марта до смерти Сталина в 21.50 5 марта у него было много посетителей. Толпились врачи и члены партийно-государственного руководства. Но медицина того времени (особенно такая коллективная) была уже бессильна. Может быть, она была бы бессильна даже вечером 1 марта. Но раз Сталина продержали без помощи лишние полсутки, это нужно было как-то объяснить. Появилась «официальная версия».

С. Аллилуева рассказывает, что ей сообщили — Сталина нашли в 3 ночи. Врач А. Мясников, услышавший «официальную» версию событий тогда же, утром 2 марта, уточняет — в 3 ночи Сталина видел охранник, посмотревший в замочную скважину — работающим^[607]. Таким образом, Светлана точно запомнила время 3 часа, но неточно — контекст. Сталина якобы нашли после 3 часов, поскольку в 3 его видели последний раз. Оба свидетеля вспоминают, что им сказали, много лет спустя, здесь могли наложиться разные детали. Охранник видел Сталина в ночь перед ударом. Но это не могло быть 3 ночи на 1 марта (еще шел ужин). А в 3 ночи на 2 марта больной Сталин уже был давно обнаружен. В это время как раз приехали визитеры. Видимо, это время и решили называть новым посетителям, чтобы не возникло подозрений в «преступной халатности» членов Президиума. Обеспокоившись неблагоприятным впечатлением, которое могло

произвести их ночное поведение, они договорились с порученцами считать, что Сталина обнаружили после трех ночи. То есть первого визита соратников (с признаками «преступной халатности») как бы не было.

Теперь всем участникам ночной драмы приходилось скрывать, что члены Президиума знали о случившемся еще поздним вечером 1 марта, а меры приняли только утром 2 марта. Не объяснив как следует положение, порученцы тоже проштрафились и теперь убеждали себя и других, что все с самого начала объясняли хорошо. Позднее, когда дело дошло до мемуаров, участники стали забывать искусственную «официальную версию» и вспоминали то, что было на самом деле, приукрашивая каждый свое поведение. Лозгачев вспомнил, как он увидел Сталина (хотя вошел уже, когда упавшего заметила Бутусова). Хрущев упирает на то, что сам он действовал своевременно, а охранники уверяют, что все излагали ясно и точно.

А ранним утром 4 марта стране и миру сообщили: «В ночь на 2 марта у товарища Сталина, когда он находился в Москве, в своей квартире, произошло кровоизлияние в мозг...»^[608] Чтобы вообще никаких слухов не возникло, даже дачу заменили на квартиру.

Мотивы

Мемуаристы в один голос указывают на деловую активность Берия, который вроде бы злорадствовал. Впрочем, здесь чувствуется тень последующих разоблачений Берия. Кроме психологических домыслов (всматривался в глаза Сталина, громко потребовал машину...) ничего здесь нет. Ничуть не убедительнее попытки поклонников Берия доказать, что он горевал о смерти Сталина. Источники те же, трактовки противоположные. Во всяком случае, Берия был уже вечером 1 марта проинформирован о ночном происшествии и действовал не лучше других, сначала предлагая «не тревожить товарища Сталина», а затем поддерживая «официальную версию». Ближний круг Сталина имел все основания желать его смерти (слишком многие члены этого круга не дожили до 1953 года). Но нет никаких фактов, которые свидетельствовали бы о том, что

Сталин был именно убит, а не оставлен без помощи, что привело к его смерти. Это все-таки разные статьи УК. Имеющиеся у нас факты дают основания полагать, что соратники и помощники допустили не «преступный умысел», а «преступную халатность».

* * *

Мотивы преступления вроде бы очевидны. Считается, что Сталин готовил замену прежнего поколения руководителей новым, выдвинувшимся во время войны. Правда, по другой версии, Сталин не доверял «военному поколению». В действительности, Сталин при подборе кадров руководствовался разными критериями. В 1952 г. на XIX съезде КПСС Сталин изменил устав партии. Вместо Политбюро был учрежден более широкий Президиум ЦК.

На пленуме ЦК Сталин подверг резкой критике Молотова и Микояна. Еще сказал, что собирается уходить — старый уже. Зал протестовал. Но это понятно — ритуал. Все помнили судьбу делегатов XVII съезда партии. Советологи гадают — что Сталин имел в виду? Проверял зал на лояльность? А какую реакцию он ожидал по мнению шестидесятников? Сталин действительно был стар, и рассуждения об этом — вполне естественны. Естественно и создание кадрового питомника в виде Президиума ЦК. Тем более, что Сталин тут же создал его узкое бюро без Молотова и Микояна, но с Берия, Хрущевым, Маленковым и Булганиным. Что же теперь, Молотова и Микояна подозревать в убийстве Сталина?

Еще в контексте смерти Сталина нельзя не вспомнить «дело врачей». Министерство государственной безопасности воспользовалось заявлением электрокардиолога о том, что кремлевские врачи неправильно лечили Жданова, и обвинило большинство медиков, врачевавших Сталина и других «вождей» в сознательном вредительстве. Большинство арестованных по «делу врачей» были евреями (хотя было и немало не-евреев). В январе 1953 г. в связи с «делом врачей» антиеврейская кампания, набиравшая силу в СССР, получила новый импульс.

Инициатива в раскрутке антисемитских дел исходила из ведомства Маленкова и преследовала целью установление контроля над органами безопасности (в связи с этими делами был арестован Министр госбезопасности Абакумов). Одновременно, но в связи с личными злоупотреблениями был снят с должности и уволен начальник охраны Сталина Власик.

«Дело врачей» имело и еще одно важное последствие. Сталин остался без медицинской помощи. И охрана не столь надежна (хотя замена Власика не означала увольнения старых «охранников» Сталина).

Почему Сталин это допустил? Очень подозрителен. То есть подразумевается, что Власика и врачей репрессировали просто так. А это «не совсем верно». Были и злоупотребления, и «спорное» лечение Жданова врачами. Пусть не из вредительских целей. Но качество медицинского обслуживания чиновными врачами было неважным... А дальше — как подать вопрос вождю.

Значило ли все это, что Маленков и примкнувшие к нему Берия, Хрущев и Булганин собирались изолировать Сталина для убийства? Не вижу доказательств. Изолировать своевольного вождя можно было для собственного спокойствия. Мало ли, какие идеи придут ему в голову.

Советские чиновники всегда вели борьбу за расширение своих полномочий, сферы контроля. Так была устроена эта система. В действиях Маленкова нет ничего, что выходило бы за рамки этих мотивов.

Вот такой известный контекст. Не вдаваясь сейчас подробнее в подоплеку дела врачей и антисемитской кампании, приходится констатировать, что дела эти сами по себе не доказывают, что соратники Сталина замыслили его убийство, а сам Сталин готовил новую массивную чистку. Вся история правления Сталина сопровождается «делами», но полномасштабная кровавая чистка аппарата случилась лишь в 1937–1938 гг. Обличения Молотова и Микояна касались вполне конкретных преступлений, и не бросали тень на «четверку» Берия, Хрущев, Маленков и Булганин. Так что сторонники версии о том, что Сталин на старости лет стремился не к покою, а к новым битвам, должны поискать какие-то новые аргументы.

Но им недосуг. Они уже приняли перспективу нового Большого террора за аксиому и рассуждают дальше: «И надвигавшийся террор

50-х годов ему нужен был, чтобы... Да, чтобы начать новую большую войну — войну с Западом. Последнюю войну, которая должна была окончательно сокрушить капитализм»^[609], — дописывает свой триллер Э. Радзинский. Доказательства? Ну, какой с драматурга спрос — нету никаких доказательств. Художественное чутье одно.

* * *

У «четверки» мог быть абстрактный мотив не желать Сталину долгих лет жизни. Это — судьба предшественников. Сегодня — фаворит, завтра — расстреляли. Но этот мотив слишком «общий», чтобы рисковать, вербовать Хрусталева на совершение теракта. То есть прямо подставлять голову под топор. Ради чего? Ситуация была под контролем, органы — в их руках. Значит, для трагического эпоса нужен мотив посерьезнее, чем постоянные опасения гнева вождя, которые преследовали членов «четверки» уже не одно десятилетие. Но это никак не доказывает, что они, прежде и потом не доверявшие друг другу, вдруг «сговорились и решились».

И мифотворцы берутся за конструирование супер-мотива, который бы заставил соратников Сталина действовать в стиле детектива. Антисталинистам проще — Сталин готовит второй, Самый Большой террор. Собирался вроде вывезти евреев в Биробиджан (при всей спорности этого слуха, это не является мотивом убийства Сталина при участии Маленкова, который сам антисемитскую кампанию и раскручивал), арестовать Молотова и Микояна (или от постов отстранить, или на кол посадить — домыслы, домыслы). И что? Что такое завтра грозит Маленкову и Хрущеву. Берия вроде бы могло напугать «менгрельское дело», которое, якобы, тянулось именно к нему. Но Маленков принимает ключевое участие в «затягивании времени» при оказании помощи Сталину, вместо того, чтобы приняться разоблачать «агентов Берии», замешанный в «подозрительных» ночных событиях 1 марта. А ему «менгрельское дело» не угрожает.

Более того, историк Ю. Н. Жуков, также придерживающийся державной тенденции, но все же в своих исследованиях событий 50-х

гг. не покидающий рамок науки, заключает: «События явно застали Г. М. Маленкова врасплох»^[610]. Мифотворцы не согласны? Пусть опровергнут аргументы Ю. Н. Жукова.

Как раз поведение Маленкова — камень преткновения тех, кто считает убийцами Хрущева и Берия. Маленков, контролировавший органы безопасности, не разоблачил заговор и вообще не увидел в событиях 28 февраля — 2 марта ничего особенно подозрительного. Из этого может следовать три вывода:

1. Ничего подозрительного не было, потому что не было никакого убийства, а было только четкое выполнение инструкции — Сталин не вызвал порученцев, они и не решились войти до глубокого вечера.

2. Маленков, как и все участники «четверки», тянет время.

3. Маленков, как и другие участники четверки — заказчик мифического «укола Хрусталева».

Таким образом, нужно придумать какой-то мотив, который бы заставил Маленкова, Берия, Хрущева и примкнувшего к ним Булганина не просто тихо наблюдать агонию Сталина, а сговориться и заказать его рискованное убийство. Что-то вроде радиоактивных пуговиц на шинель.

Сталинисты-устряловцы выдвигают версию, которая призвана подвести фундаментальную базу подо все их домыслы — Сталин готовил «увод партии от непосредственного управления государством...»^[611]. Можно подумать, что государством управляла «партия». Если бы Ю. Мухин поинтересовался, как управлялся СССР, он бы знал, что в Политбюро (позднее — Президиум) входили как раз высшие государственные руководители, люди, отвечавшие за крупнейшие участки работы по управлению страной. Только одно из этих направлений касалось собственно партийной организации, которая несла на себе ряд важных управленческих функций — подбор кадров, пропаганда и агитация, согласование ведомственных и территориальных интересов на местах. Эти задачи и в наше время, после крушения КПСС, приходится выполнять.

Напрасно устряловцы думают, что Маленков и Хрущев в 1952 г. могли опасаться снижения роли партии. Один отвечал за кадровую работу, другой — за Москву. Если бы Сталину пришло в голову даже восстановить Империю и поручить подбор кадров администрации Его Величества, то во главе этого дела вполне можно было бы поставить

именно Маленкова. Он — ничем не хуже других претендентов. Можно — и Хрущева, если найти ему замену на посту московского губернатора.

Кстати, Маленков в это время был гораздо большей грозой партийного аппарата, чем тот же Берия, которого устряловцы записывают в продолжатели «антипартийного» государственнического сталинского курса. Ведь именно Маленков готовил решения съезда, и на самом съезде критиковал партийные органы за ухудшение качественного состава партии, «отрыв партийных органов от масс» и превращение в «своеобразные административно-распорядительные учреждения»^[612]. Так что здесь у Сталина не было разногласий с соратниками.

Мифотворцы вообще сплошь и рядом путают форму и содержание. В СССР правила не вся партия (включая коммунистов у станка), а бюрократический аппарат. Сталин был сторонником коммунистических идей (в его, сталинском понимании), и потому не собирался кардинально менять идеологию, способы массовой мобилизации, подбора кадров. Вот эти способы и несли угрозу «четверке» (правда, в неопределенной перспективе).

Аргумент в пользу государственничества Сталина — он редко собирал Политбюро в последние годы жизни, не советуется с «партией». Но Сталин в 50-е гг. решал основные вопросы в узком кругу (а не только на официальных заседаниях Правительства или Политбюро), отдавая текучку на волю исполнителей. Так что вопрос о первенстве правительства или партийного органа был символическим. Раньше было Политбюро, теперь — Бюро Президиума ЦК.

Смысл реформы, предпринятой на XIX съезде КПСС заключался в том, что Сталин повышал авторитет более широкого круга руководителей, наделяя их новым статусом. Это, конечно, не могло нравиться «четверке», потому что в перспективе Сталин мог найти в обширном Президиуме новых фаворитов. Но, конечно, не так быстро, чтобы Маленков принялся тут же готовить «убийство».

Не понимая, как работала система управления в 50-е гг., сталинисты перебрасывают эту эпоху в привычные им времена Перестройки, и начинают искать сталинскую альтернативу событиям 80-90-х гг. (хотя это было уже другое общество, не то, чем был СССР в 1953 г.). Но у фантазии — свои законы. Тем забавнее, что в качестве

сталинской альтернативы Горбачеву сталинист-державник Ю. Мухин называет «устранение партноменклатуры от власти»^[613]. Горбачев и Сахаров получают в этом мифе истинными продолжателями дела Сталина, ведь Сахаров требовал, а Горбачев осуществил фактическое отстранение структур КПСС от власти. Но только у Горбачева получилось плохо, а у Сталина вышло бы здорово. Он бы номенклатуру еще и перебил. И отдал бы управление случайным людям. Вот бы все повеселились. Неисповедимы пути сталинистского сознания. Не хуже «полета черной ласточки».

Был ли Сталин сторонником замены марксистской идеологии какой-то державно-имперской? Да никоим образом. Достаточно прочитать его последние работы «Экономические проблемы социализма в СССР» и «Марксизм и вопросы языкознания», где Сталин азартно обсуждает проблемы марксистской политэкономии и философии, чтобы понять — Сталин был увлечен марксизмом, мыслил в марксистской системе координат и считал себя марксистским теоретиком и практиком.

* * *

Нет, что ни говори, не было у Маленкова, Берия и Хрущева явного мотива рисковать головой, чтобы организовывать убийство Сталина. Максимум, в чем их можно заподозрить — это сознательное «неоказание помощи». Раз Сталину самому стало плохо — тут можно и потянуть время. А там уж — как получится. Может Сталин и выживет, но после такого удара не сможет вернуться к полноценной активности...

Это, так сказать, максимум злого умысла. Но более вероятно более прозаическое объяснение — соратники сразу не поняли серьезность ситуации. А когда поняли, то пришлось делать вид, что действовали правильно, более оперативно. Для самооправдания и подправили время случившегося со Сталиным несчастья.

Наличие абстрактного, можно сказать — политологического — мотива еще не доказывает, что «четверка» тянула время

специально. Столь же вероятно, что, получив сбивчивый и даже отчасти успокаивающий доклад порученцев в три ночи, члены Президиума разъехались. Порученцы, собравшись с мыслями, изложили свои опасения вторично, после чего соратники уже действовали «как надо», да было поздно. Но пришлось прятать концы первого визита. Позднее, в мемуарах, прятать было уже особенно нечего, но все равно хотелось представить себя в более благоприятном свете, чем было на самом деле. Обнаружив нестыковки, мифотворцы стали городить из них версию убийства.

Вместо заключения

Без Вождя. Немного альтернативной истории

Когда мы оцениваем историческую личность, то невольно держим в голове альтернативные сценарии истории. Если бы Ленин прожил дольше... Если бы Сталин был свергнут в 1937 году... Самые распространенные сценарии (они же и самые наивные) — прямолинейны и однозначны. Многие «шестидесятники» уверены, что если бы удалось избавиться от Сталина в 20-е — середине 30-х гг., то страна добилась бы гораздо больших экономических успехов без жертв и разрушений, сочетала бы все достижения социализма, демократии и рынка, а в Европе воцарилась бы мир и процветание. Столь же «убедительны» и сценарии сталинистов, которые убеждены — проживи Сталин дольше (до ста лет?) или унаследуй его власть настоящий сталинист (на эту роль выдвигается Берия) — СССР жил бы и процветал без всяких кризисов, партноменклатуры и национальных конфликтов. В общем, стал бы раем на земле на веки вечные.

Эпоха «великих потрясений» 1917–1956 гг. завершилась во времена «оттепели», после перехода от тоталитаризма к более умеренному авторитарному режиму, с расширением роли правовых гарантий для личности, социальных групп, групп правящей элиты. Такой режим предполагает постепенный распад правящей элиты на все более влиятельные кланы, возрождение гражданского общества. Этот путь наша страна проделала в 50-80-е гг. Для сталинистов это — время крушения надежд. Хрущев «развалил все, что только можно», при Хрущеве «лишенная сильного управления экономика начинала разваливаться, а психологический удар, нанесенный XX съездом, надломил народ»^[614]. Вот этот «надломленный» народ и эта «разваливающаяся» экономика обеспечили во второй половине 50-х гг. резкий рост промышленного производства, массовое жилищное строительство, внедрение новых технологий, включая, скажем, газификацию и освоение космического пространства^[615]. Признакам «развала» несть числа.

Отказ от сталинской системы обеспечил расцвет советской культуры, не помешал продолжить индустриализацию, расширить сферу влияния СССР, но с меньшими, чем раньше, жертвами. Был ли период 1937–1956 гг. потерянным для страны? Как развивалась бы страна, если бы в 1934–1937 гг. Сталин был бы отстранен от власти?

Картина победы антисталинской оппозиции 30-х гг., которую рисуют авторы, симпатизирующие Сталину, мрачна: «Если бы они взяли власть — что бы было? Это мы тоже можем себе представить. Борьба группировок, свара у опустевшего трона, и, в лучшем случае приход нового диктатора, а в худшем — то, то мы имеем теперь, но с Гитлером у границ». И, наконец, самое страшное — приход к власти Троцкого, «вокруг которого сплотилось все, что было антисталинского в государстве»^[616]. Ну что, страшно?

Уверенность в том, что устранение Сталина привело бы к скачку сразу в 90-е гг., выглядит антиисторично. Задача модернизации и внешняя угроза достаточно спланивали общество, и только зрелость индустриальной системы, ее кризис могли привести к событиям, аналогичным Перестройке^[617]. Смена стадий общественного развития имеет свою логику^[618]. После смерти таких деятелей, как Петр I и Сталин борьба его наследников за власть не приводила к распаду страны и Смуте. «Свара у опустевшего трона» не мешала народу жить. То же самое — и при Хрущеве. Были и «свары», и культурный подъем, и освоение космоса, и мировое влияние СССР. Сталин, например, не имел баз на Кубе, у ворот США.

А вот при Сталине борьба за власть привела к гибели сотен тысяч людей и трагедии миллионов.

Что делать с Гитлером у границ? Позвольте, у каких границ? В 1937 г. Германия находилась в пределах границ, определенных Версальским договором. Сталин и Гитлер еще не поделили Восточную Европу, еще не создали советско-германскую границу.

Антисталинисты считают, что Сталин вел худшую из возможных внешнюю политику, сталинисты — что лучшую. Кто прав? Факт остается фактом — внешняя политика Сталина сталкивалась с провалами в 1938 и 1941 гг. Также приходится констатировать, что критики Сталина даже задним числом не предложили бесспорной альтернативы его внешней политике. Однако очевидно, что «свара у трона» не приводила к провалам внешней политики ни в 1953 г., ни в

1964 г., ни в 1982–1985 гг. А вот единоначалие Сталина связано со стратегическим просчетом в 1941 г.

И, наконец, «самое страшное» — Троцкий. Этот деятель внушает сталинистам священный ужас. Но, во-первых, нет никаких признаков сплочения антисталинских сил именно вокруг Троцкого. В случае прихода к власти коалиции большевистских вождей Троцкий оказался бы не в центре, а на левом фланге этой коалиции. При всем уважении к Троцкому, товарищи по партии оставили бы себе наиболее важные посты руководителей экономики, вооруженных сил и внешней политики. На долю Троцкого осталось бы какое-то одно направление деятельности, или удел влиятельного диссидента.

Шансы на возвращение к власти более умеренных лидеров партии были значительно реальнее, так как за ними стояли реальные интересы внутри страны. Даже по мнению Р. Конквеста, которого нельзя обвинить в стремлении к оправданию Сталина, «можно было представить себе ситуацию, при которой Киров, Куйбышев, Орджоникидзе сидели бы в Политбюро с Бухариным и Пятаковым, может быть, даже и Каменевым, осуществляя умеренную программу»^[619]. Такая перспектива не кажется столь уж неправдоподобной, если вспомнить, что в 50-е гг. режимы в Польше и Венгрии были возглавлены прежде репрессированными политиками. Учитывая разный интеллектуальный уровень лидеров оппозиции и членов Политбюро начала 30-х гг., можно допустить, что в случае отстранения от власти Сталина и одного-двух его ближайших сподвижников либо их гибели, новому руководству было бы трудно обойтись без видных оппозиционеров (тем более, что жизнь во многом подтвердила их правоту).

Напуганные террором, поправевшие лидеры партии могли, как в 1953 г., устранить с арены наиболее опасных «товарищей» (Сталина и его преданных соратников, потом, может быть и Троцкого). Но затем, из чувства самосохранения лидеры бюрократических кланов и фракций отказываются от практики уничтожения политических противников. Это произошло в СССР в 1957 г. Это вело к многообразию мнений в партии и в обществе. Сохранение левых коммунистов в руководстве привело бы также к самоуправлению на локальном уровне для рабочих и отчасти — крестьян. Правые

коммунисты санкционировали бы новый выход крестьян из колхозов, как это было в ряде стран Восточной Европы в 50-е гг.

При плюралистической политической системе необходим постоянный поиск компромисса социальных слоев и идеологических альтернатив. Каждый шаг требует длительных обсуждений. Развитие в этих условиях становится более эволюционным. Оно требует соответствующих кадров, возвращения в общественную жизнь «недобитых» спецов. В конечном итоге это означает возвращение к тому же латиноамериканскому пути, о котором мы говорили в связи с кризисом НЭПа, но только на более высоком уровне индустриального развития.

Победа оппозиции могла создать вариант социально-ориентированной экономики, а могла привести к дальнейшей либерализации, к настоящему «термидору», «обуржуазиванию» страны. А это возрождает разочарование и сопротивление под лозунгом «За что боролись?». Значит — сохраняется горячий материал социальной нестабильности, который Сталин сумел утилизировать и сделать горячим в топке модернизации.

Во внутренней борьбе Сталин опережал своих противников. Он не боялся случайно уничтожить тех, кто в реальности не решился бы на сопротивление ему. Столкнувшись с угрозой (реальной или потенциальной), вождь нанес «удары по площадям» и таким образом в корне ликвидировал опасность своей власти.

Трудно упрекнуть Сталина в том, что он боролся за самосохранение. Сталин имел основания опасаться заговора и верил, что выполняет свой долг, продолжая дело Маркса и Ленина. Он делал это в условиях, когда создание марксистско-ленинского «социализма» противоречило явно выраженным интересам многомиллионных социальных слоев, а не только давно разгромленной буржуазии. Сталин оказался идеальным орудием индустриальной централизации, которую вслед за своими учителями считал социализмом. И такой «социализм» он почти построил, насколько это было вообще возможно. Личная ответственность Сталина заключается в том, что он был готов положить на алтарь идеи всех, кто не был согласен с его пониманием будущего. В азарте борьбы он не согласился вовремя отступить, когда стало ясно, что цель не может быть достигнута иначе, как ценой сотен тысяч жизней.

Масштаб преступлений таких людей, как Сталин, Гитлер и Трумэн^[620], отличается, скажем, от Ивана Грозного, Торквемады и Марии Кровавой, не особенной жестокостью характера, а возможностями находящегося в их распоряжении аппарата. Индустриальное общество превосходит традиционное по своей мощи. В том числе в мощи уничтожения природы и людей. Это требует особенной ответственности. У Сталина ее не было, и поэтому он вошел в историю как один из величайших тиранов.

Свою борьбу с противостоящими центру меньшинствами Сталин оправдывал интересами большинства, всего общества. Но общество состоит из меньшинств, из отдельных социальных слоев и групп. «Общество», «общественные интересы» оказываются псевдонимом интересов узкой правящей группы, центра. Подавляя меньшинства ради интересов большинства, центр подавляет как раз большинство общества ради своего права управлять людьми как автоматами, манипулируя сознанием и уничтожая несогласных. Это стремление к управлению людьми как вещами, к превращению общества в послушную машину, эта готовность уничтожить людей, стоящих на пути монолитной властной воли, эти явления справедливо связываются со сталинской эпохой. Но они родились не со Сталиным и не умерли с ним. Они прикрывались разными масками: «народ», «вера», «империя», «держава», «нация», «коммунизм», «мировое сообщество». Будут и новые маски, и новые жертвы.

notes

Примечания

Архипов И. Л. Российская политическая элита в феврале 1917 г.
Психология надежды и отчаяния. СПб., 2000. С.27.

Блок А. А. Последние дни старого режима. Архив русской революции. М., 1991. Т.4. С.16.

Кобылин В. Анатомия измены. Император Николай II и Генерал-адъютант М. В. Алексеев. Истоки антимонархического заговора. СПб., 1998. С.172.

Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914–1919; Ломоносов Ю. В. Воспоминания о мартовской революции 1917 года. М., 1994. С.219.

Наумов А. Из уцелевших воспоминаний. Нью-Йорк, 1955. Т.2.
С.421.

Цит. по: Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1931. С.94.

А. И. Гучков рассказывает... «Вопросы истории». 1991. № 7–8.
С. 205–206.

Родзянко М. В. Крушение империи. Харьков, 1990. С.202.

Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. М., 1990. С.92.

Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль-сентябрь 1917 г. М., 1991. С.107.

См. Николаевский Б. И. Указ. соч.; Аврех А. Я. Масоны и революция. М., 1990. С. 12–67.

Берберова Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. // «Вопросы литературы». 1990. № 1.

Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. М., 1993. С.12.

Там же. С.13.

Там же.

Аврех А. Я. Указ. соч. С. 82–83.

Там же. С.86.

См. Николаевский Б. И. Указ. соч. С. 109–117.

Яковлев Н. Н. Указ. соч. С.274.

Николаевский Б. И. Указ. соч. С. 95–97.

Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 187–195.

Николаевский Б. И. Указ. соч. С.30.

Там же. С. 52–53.

Там же. С.38.

Мельгунов С. П. Указ. соч. С.187.

Цит по: Яковлев Н. Н. Указ. соч. С.274.

Николаевский Б. И. Указ. соч. С.66.

Там же. С.76, 79.

Там же. С.33.

Там же. С. 71–72, 89.

Там же. С.34.

Яковлев Н. Н. Указ. соч. С.252.

Там же. С.258.

Там же. С.253.

Николаевский Б. И. Указ. соч. С.70.

Аронсон Г. Масоны в русской политике. // Николаевский Б. И.
Русские масоны и революция. С.163.

Катков Г. М. Февральская революция. Париж, 1984. С.262.

Шиссер Г., Траупман Й. Русская рулетка. Немецкие деньги для русской революции. М., 2004. С.35.

Земан З., Шарлау В. Парвус — купец революции. Нью-Йорк, 1991. С.246.

Там же. С.278.

Там же. С.214.

Катков Г. М. Указ. соч. С.264.

Стариков Н. Кто убил Российскую империю? Главная тайна XX века. М., 2006. С.7.

Там же. С.181.

Февральская революция. 1917. Сборник документов и материалов.
М., 1996. С.110.

Родзянко М. В. Указ. соч. С.208.

Канун революции. Пг.,1918. С. 99–100.

Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра. Любовь и жизнь. М., 1998. С.528, 530.

Февральская революция. С.203.

Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. М., 1992, С.615.

Февральская революция. С.44.

Лейберов И. П., Рудаченков С. Д. Революция и хлеб. М., 1990.
С.18.

Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914–1919; Ломоносов Ю. В. Воспоминания о мартовской революции 1917 года. С.219.

Катков Г. М. Указ. соч. С.255.

Цит. по: Лейберов И. П., Рудаченков С. Д. указ. соч. С.18.

Суханов Н. Н. Записки о революции. М., 1991. Т. 1 С.49.

Пролетарская революция. 1923. Т.1. С. 283–284.

Архипов И. Л. Указ. соч. С.98.

Мейлунас А., Мироненко С. указ. соч. С.531.

Солженицын А. И Красное колесо. Узел III. Т.1. Вермонт-Париж, 1986. С.42, 111.

Февральская революция. С.35.

Там же. С.28.

Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 620.

Февральская революция. 1917. Сборник документов и материалов.
С.28.

Шульгин В. В. Дни. 1920. М.1990. С 173.

Радзинский Э. «Господи... спаси и усмири Россию». Николай II: жизнь и смерть. М., 1993. С. 206–207.

Ольденбург С. С. Указ. соч. С.621.

Ферро М. Николай II. М., 1991. С.221.

Февральская революция. С.53.

Там же. С.110.

Милюков П. Воспоминания. М., 1991. С.452.

Февральская революция. С.111.

Милюков П. Указ. соч. С.454.

Февральская революция. С.115.

Там же. С.113.

Кобылин В. Указ. соч. С.181.

Ольденбург С. С. Указ. соч. С.618.

Суханов Н. Н. Указ. соч. С.65.

Катков Г. М. Указ. соч. С.184.

Суханов Н. Н. Указ. соч. С. 55.

Там же. С.76.

Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 624.

Февральская революция. С.83.

Там же. С.118.

Суханов Н. Н. Указ. соч. С.96.

Шульгин В. В. Указ. соч. С.187.

Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 626.

Милюков П. Указ. соч. С 456.

См. Суханов Н. Н. Указ. соч. С.136.

Милюков П. С.457.

Ольденбург С. С. Указ. соч. С.630.

Там же. С.627.

Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914–1919; Ломоносов Ю. В. Воспоминания о мартовской революции 1917 года. С. 240–244, 249.

Там же. С.230.

Ольденбург С. С. Указ. соч. С.627.

Там же. С.621.

Суханов Н. Н. Указ. соч. С.145.

Архив новейшей истории России. Т. VII. М., 2001. С.385.

Суханов Н. Н. Указ. соч. С.151.

Цит. по: Архипов И. Л. Указ. соч. С.216.

Катков Г. М. Указ. соч. С.32.

Февральская революция. С.231.

Архив новейшей истории России. Т. VII. С.385.

Февральская революция. С.91, 141.

Милюков П. Указ. соч. С. 465.

Яковлев Н. Н. Указ. соч. С.15.

Гессен И. В. В двух веках. Жизненный отчет. Берлин, 1937.
С. 215–217.

Милюков П. Н. Воспоминания (1859–1917). Нью-Йорк. 1955. Т.2.
С. 332–333.

Милюков П. Н. История Второй русской революции. М., 2001.
С.96.

Аронсон Г. Указ. соч. С.166.

Аврех А. Я. Указ. соч. С.171.

Николаевский Б. И. Указ. соч. С.71.

Катков Г. М. Указ. соч. С.181.

Аврех А. Я. Указ. соч. С.151.

Там же. С.151.

Яковлев Н. Н. Указ. соч. С.16.

Цит. по: Яковлев Н. Н. Указ. соч. С.273.

Аврех А. Я. Указ. соч. С.339, 342.

Николаевский Б. И. Указ. соч. С.39.

Там же. С.72.

Яковлев Н. Н. Указ. соч. С.274.

Там же. С.274.

Старцев В. И. Революция и власть. М., 1978. С.204.

Ольденбург С. С. Указ. соч. С.627.

Там же. С.632.

Февральская революция. С. 132–133.

Суханов Н. Н. Указ. соч. С.152.

Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 629–633.

Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра. Любовь и жизнь. М., 1998. С.541.

Милюков П. Указ. соч. С.467.

Февральская революция. С.142.

Сикорский Е. А. Деньги на революцию. 1903–1920. Факты, версии, размышления. Смоленск, 2004. С.249.

Земан З., Шарлау В. Парвус — купец революции. Нью-Йорк, 1991. С.190.

Хереш Э. Купленная революция. Тайное дело Парвуса. М., 2005.
С.130.

Валентинов В. Малознакомый Ленин. Париж, 1972. С. 118–120.

Волкогонов Д. Ленин. М., 1994. Кн.1. С.109.

См. Ленин ПСС. Т.49. С.84, 106, 138, 153, 164, 302, 367.

Спиридович А. Большевизм: от зарождения до прихода к власти.
М., 2005. С.260.

Саттон Э. Уолл-стрит и большевицкая революция. М., 1998. С.60.

Земан З., Шарлау В. Указ. соч. С.263.

Пролетарская революция. 1923. № 9. С. 227–228.

Сикорский Е. А. Указ. соч. С. 330–331; Мельгунов С. П. Золотой немецкий ключ большевиков. Нью-Йорк, 1989. С.108; Никитин Б. Роковые годы. Париж, 1937. С. 117–130.

Хереш Э. Указ соч. С.203.

Там же. С.196.

Спиридович А. Указ. соч. С.307.

Шиссер Г., Траупман Й. Русская рулетка. Немецкие деньги для русской революции. М., 2004. С.108.

Примечания к: Спиридович А. Указ. соч. С.311.

Хереш Э. Указ соч. С.259.

Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914–1919; Ломоносов Ю. В. Воспоминания о мартовской революции 1917 года. С. 68–69.

Там же. С. 69–70, 77.

Там же. С. 80–81.

Там же. С.87.

Там же. С.85.

Рабинович А. Кровавые дни. М.1992. С.87.

Там же. С. 125–135.

См. Суханов Н. Н. Указ. соч. Т.2. С.281.

Злоказов Г. И. Меншеви́стско-эсеро́вский ВЦИК Советов в 1917 г. М., 1997. С. 42–43.

Сикорский Е. А. Указ. соч. С.286.

Подробнее см. Рабинович А. Указ. соч. С 159–160; Злоказов Г. И. Указ. соч. С.51, 54.

Невский В. И. Народные массы в Октябрьской революции. // «Работник просвещения». 1922. № 8. С.21.

Рабинович А. Указ. соч. С.175.

Церетели И. Г. Кризис власти. М., 1992. С. 152.

Раскольников Ф. Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. М., 1990.
С.133.

Никонов В. Молотов. Молодость. М., 2005. С.279.

Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л., 1956.
С.143.

Рабинович А. Указ. соч. С. 153–155, 164, 169–177.

Там же. С.59.

Там же. С.13.

Зиновьев Г. Ленин-Ульянов. Пг., 1917. С.56.

Суханов Н. Н. Указ. соч. Т2. 366-367.

Подробнее см. Шубин А. В. Социалисты в Российской революции. 1917–1921. // Карло Роселли и левые в Европе. М., 1999. С. 97–99.

См. Злоказов Г. И. Указ. соч. С. 72–76.

Там же. С.86.

Цит. по: Рабинович А. Указ. соч. С.211.

Там же. С.216.

Спиридович А. Указ. соч. С.334.

Церетели И. Г. Указ. соч. С. 201–203.

Шиссер Г., Траупман Й. Указ. соч. С. 137–141.

Там же. С. 137–139.

Саттон Э. Указ. соч. С. 90–91.

Там же. С. 91–92.

См. например, Ксенофонов И. Н. Мир, которого хотели и который ненавидели. Документальный репортаж. М., 1991; Фельштинский Ю. Крушение мировой революции. Брестский мир. Октябрь 1917 — ноябрь 1918. М., 1992.

Шиссер Г., Траупман Й. Указ. соч. С. 166–169.

Фельштинский Ю. Г. Как добывались деньги на революцию. // Вопросы истории. 1998. № 9. С.47.

Тайна Октябрьского переворота. Ленин и немецко-большевистский заговор. Документы, статьи, воспоминания. СПб., 2001. С.8.

Милосердов В. Сколько стоила Октябрьская революция? // Аргументы и факты. 1992. № 29–30. Телеведущая программы «Невидимый фронт» (канал «Столица») добавляет с детской непосредственностью: «миллиард марок в современном эквиваленте». Это для убедительности. Понятно, что журналистка может быть безграмотна в области истории. Но ведь она должна знать, что немецкой марки уже нет. Может, Ленину заплатили миллиард евро?

Трукан Г. А. Антибольшевистские правительства России. М., 2000. С.27.

Там же.

Ленин В. И. ПСС. Т.36. С.171.

Там же. С.176.

Там же. С.174.

Там же. С.196.

Там же. С.182.

Там же. С. 189–190.

Эти идеи характерны далеко не для всех социалистических учений. См.: Шубин А. В. Прудон и Маркс. Взгляд из XXI в. // Историческая наука на рубеже веков. М., 2001.

Об этой тенденции подробнее см.: Шубин А. В. Мир на краю бездны. От глобального кризиса к мировой войне. 1929–1941. М., 2004. С. 75–78.

Какурин Н. Е. Как сражалась революция. М., 1991. Т.2. С. 21–22.

Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С.366.

«Правда», 1.3.1919.

Неизвестная Россия. Век XX. Т.2. М., 1992. С. 265–267.

«Газета-Копейка», 15.5.1918.

«Правда», 18.10.1918.

Цит. по: Павлюченков С. А. Крестьянский Брест или предыстория большевистского НЭПа. М., 1996. С.104.

Ленин В. И. ПСС. Т.50. С.142.

Там же. С.143.

Там же. С.106.

Там же. С.165.

Цит. по: Голиков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн.1. М., 1986. С. 224–225.

Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927. М., 1996.
С.80.

Там же. С.81.

Архив русской революции. Т.12. С. 80–90.

См., например: Мельгунов С. П. Красный террор в России. М., 1990.

Деникин А. И. Очерки русской смуты: вооруженные силы юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 — март 1920. Минск, 2002. С.325.

Павлюченков С. А. Крестьянский Брест или предыстория большевистского НЭПа. М., 1996. С.106.

На анархистских базах укрывались бойцы Савинкова, но их было всего несколько десятков.

Содуль Ж. Записки о большевистской революции. М., 1990.
С. 233–234.

Анархисты. Документы и материалы. Т.2. 1917–1935. М., 1999.
С.231.

Подробнее см. Красная книга ВЧК. М., 1990; Шубин А. В. Анархия — мать порядка. М., 2005. С. 235–245.

Протоколы II съезда фронтовиков, повстанческих, рабочих и крестьянских Советов, отделов и подотделов. Гуляй-поле, 1919. С.25.

Савченко В. А. Двенадцать войн за Украину. Харьков, 2005. С.361.

«Путь к свободе», № 2, 1919.

Протоколы II съезда фронтовиков, повстанческих, рабочих и крестьянских Советов, отделов и подотделов. С. 30–31.

ЦДАГОУ. Ф.5. Оп.1. Д.153. Л.137–138.

Там же. Л.116–117.

АНТОНОВ-ОВСЕНКО В. А. Указ. соч. Т.4. С.331.

Подробнее см. Шубин А. В. Указ. соч. С. 182–207.

ЦДАГОУ. Ф.5. Оп.1. Д.351. Л.77.

Цит. по: Волковинский В. Н. Махно и его крах. М., 1991. С.133.

Кубанин М. Махновщина. Л., 1927. С.162.

Там же. С.186.

Антонов-Овсеенко В. А. Записки о Гражданской войне. М.-Л., 1932. Т.3. С.191.

Там же. Т.4. С.268.

Октябрьская революция, 1-е пятилетие. Харьков, 1922. С. 520–521.

См. Гончарок М. Век воли. Русский анархизм и евреи (XIX–XX вв.). Иерусалим, 1996. С. 53–54.

См. Шубин А. В. Указ. соч. С. 148–149.

Деникин А. И. Указ соч. С.325.

Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922).
Сборник документов в 4-х томах. М., 1978. С.56, 66, 71, 81, 477, 482–
483, 488.

Деникин А. И. Указ. соч. С.71.

Архив русской революции, Т.12. Берлин, 1923. С.91, 94.

Деникин А. И. Указ. соч. С.98.

Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. Документы.
М., 2003. С. 582–583.

Шульгин В. Дни. 1920 г. М., 1990. С. 291, 292, 295–296, 298.

Там же. С.298.

Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С.111.

Там же. С.118.

Там же.

Телицин В. Л. «Бессмысленный и беспощадный?..» Феномен крестьянского бунтарства 1917–1921 годов. М., 2003. С. 8–9.

Там же. С.46.

Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России: власть и массы.
М., 1997. С.110.

Подробнее см. Осипова Т. В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001. С. 301–305.

Там же. С.305.

Там же. С. 305–307.

Борисова З. А. Чапанная война в тылу Восточного фронта. // Краеведческие записки. Выпуск IX. Самара, 2000. С.129.

Там же.

Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922. Документы. М., 2002. С.99.

Там же. С.103.

Там же. С.105.

Борисова З. А. Указ. соч. С. 136–137.

Критику М. Бернштама см. также: Шубин А. В. Революционно-демократическое направление в Гражданской войне в России. // Происхождение и начальный этап гражданской войны. 1918 год. Ч. I. М., 1993. С. 82–83.

Осипова Т. В. Указ. соч. С.312.

Там же.

Телицин В. Л. Указ. соч. С.221.

Штырбул А. А. Анархистское движение в Сибири в первой четверти XX века. Омск, 1996; Партизанское и повстанческое движение в Причумышье (1918–1922 гг.). Барнаул, 1999.

Сенников Б. В. Тамбовское восстание 1918–1921 гг. и раскрестьянивание России 1929–1933 гг. М., 2004. С.8, 73.

Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. «Антоновщина». Документы и материалы. Тамбов, 1994.С.11–12.

Там же. С.64.

Там же. С. 80.

Там же. С.63.

Нуйкин А. Идеалы или интересы? По страницам газет и журналов. // Новый мир № 1. 1988. С.205.

270

РГАСПИ. Ф.323. Оп.2. Д.17. Л.1.

Ленин В. И. ПСС. Т.45. С.377.

Там же.

Там же. С.373.

Секушин В. И. Отторжение. НЭП командно-административная система. Ленинград. 1990. С. 24.

Цит. по: Секушин В. И. Указ. соч. С.67.

Шубин А. В. Вожди и заговорщики: политическая борьба в СССР в 1920-1930-е гг. М., 2004. С. 55–195.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.3. М., 1984. С.340.

Карр Э. Х. Русская Революция. М., 1990. С. 89.

Голанд Ю. Кризисы, разрушившие НЭП. М., 1991. С.21.

Цит. по: «Коммунист». 1989. № 8. С.85.

Россия нэповская. М., 2002. С.378.

Архив Троцкого. М., 1990. Т.1. С. 217–219.

Там же. Т. 2. С. 14.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.4. С.10.

Как ломали НЭП. М., 2000. Т.3. С.52.

Карр Э. Х. Указ. соч. С. 134–135, 138.

Голанд Ю. Указ. соч. С.72.

Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888–1938. М., 1988.
С.340.

Сталин И. Соч. Т.11. С.4.

Там же. С.5.

Советское руководство. Переписка. 1928–1941. С.38.

Бухарин Н. И. Избранные произведения. С. 191.

Индустриализация Советского Союза. Новые документы, новые факты, новые подходы. Ч.2. М., 1999. С.49.

Бухарин Н. И. Избранные сочинения. С.394.

Там же. С.397.

Там же. С.399.

Там же. С.404.

Там же. С.410.

Там же. С.414.

Там же. С.418.

Как ломали НЭП. Т.3. С.12.

Там же. С. 261–273.

Как ломали НЭП. Т.4. С.658.

Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма. С. 299.

Там же. С. 278.

Там же. С. 273.

Там же.

Там же. С. 273–274.

Там же. С. 275.

310

Там же. С.254.

Там же. С. 299.

Там же. С. 299.

КПСС в резолюциях... Т.4. С. 449–450.

Там же. С.456.

Письма И. В. Сталина В. М. Молотову 1925–1936 гг. С.83, 97.

Сталин И. Соч. Т.12. С.125.

КПСС в резолюциях... Т.5. С.8.

Конквест Р. Большой террор. Т.1. Рига, 1991. С.40.

КПСС в резолюциях... Т.5. С.73.

Сталин И. Соч. Т.12. С.188.

Цит по: Кооперативный план: иллюзии и действительность. М., 1995. С.46.

Кооперативный план: иллюзии и действительность. С.50.

Голоса истории. М., 1990. С.150.

КПСС в резолюциях... Т.5. С.103.

Сталин И. Соч. Т.12. С.192.

Жуков Ю. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М., 2003. С.27.

327

Там же.

См. Население России в XX в. Исторические очерки. Т.1. М., 2000. С. 225–230.

Верт Н. История советского государства. 1900–1991. М., 1994.
С.253.

Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия». М., 1998. С.115, 118.

Население России в XX в. Т.1. С. 270–276.

См. Урланис Б.Ц. Проблемы динамики населения СССР. М., 1974.
С.310.

Население России в XX в. С.266.

См. Цаплин В. В. Статистика жертв сталинизма. // Вопросы истории. № 4. 1989.

Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начала XX вв.). М., 2003. Т.1. С. 190–191; Население России в XX в. С. 267–268.

33-й: голод: народная книга — меморіал. Київ, 1991. С. 579–580.

Голод 1932–1933 років в Україні. Київ, 2003. С. 500–501.

Там же. С. 499–500.

С. В. Кульчицкий, противореча себе, также склонен значительно превышать количество жертв. Он считает, что верхняя граница оценки количества жертв — 4,5 миллионов (Указ. соч. С.503), что в разы превосходит данные ЗАГСов, которые сам Кульчицкий признал объективными. Так что цифра в 4 млн. жертв столь же идеологическая, как и 10 млн. С другой стороны, сторонник политики Сталина С. Г. Кара-Мурза называет цифру 640 тысяч, но не объясняет, из какой «статистики» ее взял.

Голодомор в Україні. 1932–1933 рр. Библиографічний показник.
Одеса-Львів. 2001. С.11.

Население России в XX в. С.274.

Там же. С.275.

См., например, Кузембайулы А., Эбил Е. История республики Казахстан. Астана, 1999. С.326.

Население России в XX в. С.267.

Петров В. И. Мятежное сердце Азии. М., 2003. С.330.

Сталин И. Соч. Т.13. С.185.

Индустриализация Советского Союза. Ч.2. С. 128–129.

Конквест Р. Большой террор. Рига, 1991. Т.1. С.97.

Там же. С.112.

Хлевнюк О. В. Сталин и Орджоникидзе. Конфликты в Политбюро в 30-е гг. М., 1993. С.141.

Реабилитация. Политические процессы 30-50-х гг. М., 1991.
С.190.

Сойма С. Запрещенный Сталин. М., 2005. С.58, 192.

Чуев Ф. Так говорил Каганович. Исповедь сталинского апостола. М., 1992. С.81, 138–140.

Лацис О. Р. Перелом. Опыт прочтения несекретных документов.
М., 1990. С.325.

Два взгляда из-за рубежа. Андре Жид. Возвращение из СССР.
Лион Фейхтвангер. Москва 1937. М., 1990. С. 240–241.

Ананьич Б. В., Панях В. М. Принудительно «соавторство» // In memoriam. М., СПб., 1995. С. 87–88.

См. Ананьич Б. В., Панях В. М. «Академическое дело» 1929–1931 гг. и средневековые политические процессы в России (сравнительная характеристика) // Россия в X–XVIII вв. Проблемы истории и источниковедения. М., 1995; Отечественная история. 1998. № 3. С. 144–145.

Неизвестная Россия. XX век. Т.1. М., 1992. С.75.

Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С.114.

«Литературная газета». 1990. 27 июня.

Кирилина А. Неизвестный Киров. СПб., М., 2001. С.313.

Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991.
С. 307–308.

Хрущев Н. Воспоминания. // Вопросы истории. 1990. № 3. С.77.

Сто сорок бесед с Молотовым. С.308.

Там же. С.478.

Кирилина А. Указ. соч. С.315.

Там же. С. 315–316.

Сто сорок бесед с Молотовым. С.478.

См.: Плимак Е. Г., Антонов В. С. Был ли заговор против Сталина? // Октябрь, 1994. № 3; Роговин В. 1937. М., 1996; Шубин А. 1937 год: загадка Большого террора. Антисталинский заговор действительно существовал? // «Солидарность». 1997, № 13.

371

РГАСПИ. Ф.323. Оп.1. Д.64. Л.1.

Там же. Л.6.

Роговин В. Указ. соч. С.37.

См. Роговин В. Партия расстрелянных. М., 1997. С. 83–84.

Там же. С. 311–313.

«Бюллетень оппозиции». 1930. № 9. С.2.

377

РГАСПИ. Ф.325. Оп.1. Д.571. Л.1.

«Бюллетень оппозиции». 1932. № 31. С.13.

Там же. 1932. № 27. С.6.

Троцкий Л. Что такое СССР и куда он идет. С.290.

«Бюллетень оппозиции». 1933. № 36–37. С.9.

Там же. 1938. № 66–67. С.15.

Судебный отчет по делу Антисоветского «право-троцкистского блока», рассмотренному Военной коллегией Верховного суда Союза ССР 2-13 марта 1938 г. М., 1938. С.15.

Там же. С.203.

Семенов Ю. Ненаписанные романы. М., 1990. С.183.

Чуев Ф. Так говорил Каганович. С.45.

Подробнее см. Шубин А. В. Вожди и заговорщики. Политическая борьба в СССР в 20-30-е гг. М., 2004. С. 271–287.

См. там же. С. 260–341.

Сувениров О. Ф. Трагедия РККА. 1937–1938. М., 1998. С.191.

Военные архивы России. 1993. 1 выпуск. С.43.

Радзинский Э. Сталин. М., 1997. С.399.

Кровавый маршал. Михаил Тухачевский. 1893–1937. СПб., 1997.
С.374.

Там же. С.96.

Там же. С.107.

Достоверность рассказа Орлова подтверждается рядом деталей, которые вряд ли могли быть ему известны иначе, как от Кацнельсона, но могут быть проверены в наше время. См. Плимак Е. Г., Антонов В. С. Тайна «заговора Тухачевского» (невостребованное сообщение советского разведчика). // Отечественная история. № 4. 1998. С.130, 136.

Роговин В. Указ. соч. С.433.

«Неизвестный АЭС». Документальный фильм. 2006.

Волкогонов Д. Сталин. М., 1996. Кн.1. С.539.

Там же. С.541.

Тодорский А. И. Маршал Тухачевский. М., 1963. С.5.

«Известия ЦК КПСС». 1990. № 1; Сувениров О. Ф. Трагедия РККА (1937–1938 гг.). М., 1998. С. 298–308.

См. Соколов Б. Истребленные маршалы. М., 2000. С. 50–63.

Там же. С.250.

Большевик. 1937. № 7. С. 24.

Первая публикация: «Труд». 4.6.1992.

Викторов Б. А. Без грифа «Секретно». Записки военного прокурора. М., 1990. С.229.

Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996. С. 213.

Советское руководство. Переписка. С.399.

Там же. С.389.

Прудникова Е. А. Неизвестный Берия. Преступления, которых не было. СПб., 2005. С. 166–168.

Там же. С.168.

Там же. С.167.

М. Ефимов. Дядя Миша (вместо предисловия). // Фрадкин В. Дело
Кольцова. М., 2002. С. 8–11.

Фрадкин В. Дело Кольцова. С. 77–94.

415

Там же. С.230.

Там же. С.325.

417

«Известия». 1990. 13 февраля.

Тряхов В. Н. ГУЛАГ и война. Жестокая правда документов. Пермь, 2005. С. 187, 399.

Население России в XX в. С. 316–319.

Социологические исследования. 1991. № 6. С. 14–15, 19.

Население России в XX в. Т.2. С. 183, 195.

Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 390–391.

Даже в Испании, где родился сам этот термин, переворот против республики произошел только в 1939 г., когда она агонизировала. Этот переворот совершили не агенты фашистов, а республиканцы, стремившиеся добиться почетных условий капитуляции.

См. например, Ломагин Н. Неизвестная блокада. СПб.,-М., Кн. 2.
С. 234–235.

Другая война. 1939–1945. М., 1996. С.40.

Фляйшхауэр И. Указ. соч. С.20.

Подробнее см: Шубин А. В. Мир на краю бездны. С. 320–346.

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки» 1923–1939. М., 2001. С.346.

Цит. по: Розанов Г. Л. Сталин — Гитлер. Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений, 1939–1941. М., 1991. С. 46–47.

430

Там же. С.570.

Документы внешней политики СССР. Т.22. Кн.1. С.283.

Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии 1938–1939. М., 1991. С.125.

433

Там же. С.127.

СССР-Германия 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. Вильнюс, 1989. С.13.

435

Там же. С.14.

Фляйшхауэр И. Указ. соч. С.220.

СССР-Германия 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях... С.19.

Фляйшхауэр И. Указ. соч. С.162.

Мельтюхов М. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М., 2001. С.189.

Цит. по: Фляйшхауэр И. Указ. соч. С.160.

Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937–1939. Т.2. М., 1981. С.133.

Там же. С.140.

См. Сиполс В. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной войны. 1939–1941. М., 1997. С. 58–59; Розанов Г. Розанов Г. Л. Сталин — Гитлер. Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений, 1939–1941. М., 1991. С. 56–57.

СССР-Германия 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях... С.21.

445

Там же. С.22, 24.

446

Там же. С.22.

Год кризиса. 1938–1939. М., 1990. Т.2. С. 139–140.

Там же. С.145.

СССР-Германия 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях... С.27.

Цит. по: Мельтюхов М. Советско-польские войны. С.194.

Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991. Кн.1. С.177.

СССР-Германия 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях... С.29.

Там же. С. 40–41.

Там же. С.44.

Там же. С. 46–47.

СССР-Германия.1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях... С.48.

Мельтюхов М. Советско-польские войны. С.195.

Цит. по: Фляйшхауэр И. Указ. соч. С.37.

Там же. С.43.

460

«Правда». 24.8.1939.

Цит. по: Фляйшхауэр И. Указ. соч. С.280.

СССР-Германия 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях... С.62.

Там же. С. 63–64.

Там же. С.64.

465

Там же. С.67.

466

Там же. С.65.

467

Там же. С.68.

Там же. С.69.

469

Там же.

470

«Правда». 1.9.1939.

471

Цит. по: Фляйшхауэр И. Указ. соч. С.315.

Сиполс В. Указ. соч. С.105.

Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. М., 1999. С.167.

Черчилль У. Указ. соч. С.179.

475

Фляйшхауэр И. Указ. соч. С.27.

Мельтюхов М. И. Указ. соч. С. 398–399.

477

Сиполс В. Указ. соч. С.102.

Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941. М., 1992. С.57.

479

Там же.

Цит. по: Сиполс В. Указ. соч. С.103.

Цит. по: Мельтюхов М. Советско-польские войны. С.193.

Сиполс В. Указ. соч. С.108.

Суворов В. «Ледокол». М., 1992.

СССР-Германия 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях... С.86.

1941 год. Документы. Кн.2. С.584.

Документы и материалы о советско-германских отношениях...
С.87.

487

Там же.

488

«Правда». 14.9.1939.

Невежин В. А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997. С.80.

490

«Правда», 18.9.1939.

491

Там же.

Невежин В. А. Указ. соч. С.78.

Катынь: Пленники необъявленной войны. Документы. М., 1997.
С.65.

Мельтюхов М. И. Указ. соч. С.404, 430.

495

Там же. С.322.

496

«Правда», 19.9.1939.

497

«Правда», 29.9.1939.

«Правда», 31.9.1939.

499

«Правда», 1.11.1939.

Сиполс В. Указ. соч. С.131.

С. З. Случ считает одним из оснований для того, чтобы считать СССР воюющей державой, предоставление Германии базы на Кольском полуострове (ликвидирована за ненадобностью в августе 1940 г.). Но предоставление базы не делает страну участником войны. Например, существование базы США на территории Кубы не означает, что последняя всегда воюет вместе с Америкой.

Подробнее см. Шубин А. В. Мир на краю бездны. С. 316–317.

Зимняя война 1939–1940. Кн.2. И. В. Сталин и финская кампания.
(Стенограмма совещания при ЦК ВКП (б)). М., 1999. С.272.

Зимняя война. Кн. 1. Политическая история. М., 1999. С.57.

Принимай нас, Суоми — красавица! «Освободительный» поход в Финляндию 1939–1940 гг. С-Пб., 2000. Ч.2. С.153.

Там же. С.154.

Цит. по: Зимняя война. Ч.1. С.122.

«Принимай нас...» С.157.

«Граниты финские, граниты вековые...» Мирная дискуссия о финской войне. // «Родина», № 12. 1995. С.35.

510

Там же. С.36.

Советский союз на международных конференциях периода Великой отечественной войны 1941–1945 гг. Т. VI. М., 1984. С. 308–309, 343, 383, 417.

Адибеков Г. М. Коминформ и послевоенная Европа. М., 1994.
С.132.

513

«Правда». 2.12.1939.

514

«Правда». 5.12.1939.

Зимняя война. Кн. 1. С.154.

Линия Маннергейма и система долговременной фортификации Финляндии 1919–1940 гг. С-Пб., 2002. С.36.

517

Там же. С.54.

Там же. С.58.

Там же. С.34.

Зимняя война. Кн.1. С.143.

«Принимай нас...» С.28.

Зимняя война. Кн.2. С.142.

Советско-финская война. Минск, 1999. С.32.

Зимняя война. Кн. 1. С.173.

Там же. Кн.2. С.105.

526

Там же. С.29.

Там же. Кн.1. С.238.

Черчилль У. Указ. соч. С.245.

Там же. С.246.

Liddel Hart B. H. History of the Second World War. L., 1973. P.54.

Черчилль У. Указ. соч. С.288.

Зимняя война. Кн.1. С.273.

Там же. С.273.

Там же. С.321.

Там же. С.348.

Советско-финская война. С.31.

Суворов В. Последняя республика. М., 1995 С.212.

Зимняя война. Кн.2. С.272.

539

Там же.

Там же. С.274.

Там же. С.278.

Зимняя война. Кн.2. С.282.

Линия Маннергейма... С.53.

Советско-финская война. С.439.

Липатов П. Б. Зимняя война. М., 1996. С.46.

СССР-Германия. 1939–1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. Вильнюс, 1989. С.46.

Зимняя война. Кн.1. С.371.

Кара-Мурза С. Советская цивилизация. М., 2002. Кн.1. С.435.

Примеров таких неточностей множество, приведу один. С. Кара-Мурза считает, что Сталин устроил уничтожение «социальной группы» «обиженных представителей номенклатуры» под влиянием испанского опыта. Какая в Испании была «обиженная номенклатура», одному С. Кара-Мурзе известно, но свидетельство ее наличия он находит такое: «троцкистская партия (ПОУМ) 1 мая 1937 г. подняла мятеж в Барселоне, в тылу республиканских войск, и открыла арагонский фронт, что сильно повлияло на исход войны» (Кара-Мурза С. Указ. соч. С.424). Здесь что ни слово, то «ляп». События в Барселоне начались не 1 мая, а 3 мая. Начались они с нападения коммунистов и каталонских националистов на анархо-синдикалистов, что привело к многодневным столкновениям. В этих условиях антисталинская партия ПОУМ примкнула к анархо-синдикалистам. ПОУМ не была «троцкистской» организацией — у нее были расхождения с Троцким. В барселонских событиях она играла второстепенную роль, так как пользовалась гораздо меньшим влиянием, чем анархо-синдикалисты. На Арагонском фронте у ПОУМ была только одна дивизия, но она, как и весь фронт, в это время не сдвинулась с места. Фронт остался стоять, где стоял. В 1938 г., когда командование фронтом перешло к противникам «троцкистов» и анархо-синдикалистов, Арагонский фронт был прорван франкистами. По иронии судьбы это произошло как раз после того, как армия была очищена от «троцкистов», то есть членов ПОУМ. О чем все это говорит? Прежде чем о чем-то писать, нужно ознакомиться с предметом. История — наука точная.

Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. М., 1998. С.236.

Илизаров Б. Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. М., 2003. С.462.

Устрялов Н. Национал-большевизм. М., 2003. С. 134–156.

Подробнее см. Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996. С.86; Шубин А. В. Мир на краю бездны. С. 146–156.

Тоталитаризм в Европе XX века. С. 479–488.

Население России в XX веке. Т.2. С.198.

Невежин В. А. Застольные речи Сталина. М., — СПб., 2003.
С.130, 135.

Троцкий Л. Что такое СССР? С.107.

Предсмертное письмо Бухарина. // Сойма С. Запрещенный Сталин. М., 2005. С.188.

Жуков Ю. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М., 2003. С.126.

Там же. С.309.

561

Там же.

Сталин И. Соч. Т.6. С.15.

Там же. С. 249–250.

Подробнее см.: Шубин А. В. Вожди и заговорщики. С. 216–248.

Беседа т. Сталина с Роменом Ролланом. // Сойма С. Указ. соч. С.320.

Подробнее см. Шубин А. В. Мир на краю бездны. С. 178–180.

Беседа т. Сталина с Роменом Ролланом. С.322.

Прудникова Е. А. Неизвестный Берия. Преступления, которых не было. С.469.

Жуков Ю. указ. соч. С. 113–114.

Сталин И. Политический отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП(б). 27 июня — 2 июля 1930 г. М., 1934. С. 55–58.

Подробнее см. Шубин А. В. Вожди и заговорщики. С. 133–138.

Коминтерн против фашизма. М., 1999. С. 326–328.

Подробнее см. Шубин А. В. Мир на краю бездны. С. 208–209.

Невежин В. А. Указ. соч. С.77, 148.

«Иностранная литература». 1988. № 4. С.166.

Макдермотт К., Агню Д. Коминтерн. История международного коммунизма от Ленина до Сталина. М., 2000. С.160.

577

Коминтерн против фашизма. С.39.

Справедливости ради отметим, что часть друзей СССР поддержала террор, а правительство Народного фронта в Испании даже включилось в гонения на «троцкистов». Союзники СССР питались надеждой, что Сталин будет защищать Европу от фашизма.

Симонов К. Глазами человека моего поколения. М., 1988. С. 422–423.

580

Советское руководство. Переписка. С.305.

Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива. М., 1993.
С.182.

582

Там же.

Илизаров Б. Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. М., 2003. С.343.

Там же. С.273, 315.

Радзинский Э. Сталин. М., 1997.

Хрущев Н. Воспоминания. М., 1997. С.263.

Мухин Ю. Убийство Сталина и Берия. М., 2003. С.381.

Радзинский Э. Указ. соч. С.612.

Хрущев Н. Указ. соч. С.263.

590

Там же.

Радзинский Э. Указ. соч. С.613.

Мухин Ю. Указ. соч. С.383.

Радзинский Э. Указ. соч. С.614.

Рыбин А. И. Рядом со Сталиным. М., 1992. С.51.

Мухин Ю. Указ. соч. С.679.

Радзинский Э. Указ. соч. С.618.

Мухин Ю. Указ. соч. С. 388–389.

Радзинский Э. Указ. соч. С.615.

Хрущев Н. Указ. соч. С.264.

Радзинский Э. Указ. соч. С.618.

601

Хрущев Н. Указ. соч. С.263.

Радзинский Э. Указ. соч. С.616.

Хрущев Н. Указ. соч. С.264.

Там же.

Радзинский Э. Указ. соч. С.617.

606

Там же.

Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М., 1990; Мухин Ю. Указ. соч. С. 392

«Правда», 4.3.1953.

Радзинский Э. Указ. соч. С.607.

Жуков Ю. Сталин: тайны власти. М., 2005. С.600.

Мухин Ю. Указ. соч. С.609.

Маленков Г. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального комитета ВКП(б). М., 1952. С. 24–32.

613

Мухин Ю. Указ. соч. С.673.

Прудникова Е. Указ. соч. С. 467–468.

Эти известные реалии опровергают сталинистский миф. Но, разумеется, хрущевское десятилетие не было исключительно временем процветания. Как и любой исторический период.

Колпакиди А., Прудникова Е. Двойной заговор. Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. М., 2000. С.427.

Подробнее о предпосылках Перестройки см. Шубин А. В. От «застоя» к реформам. СССР в 1977–1985 гг. М., 2001.

Подробнее см. Шубин А. В. «Ритмы истории. Периодическая теория общественного развития.» М., 1996.

Конквест Р. Указ. соч. Т.1. С.66.

В эту тройку американский президент попадает как рекордсмен по скорости массового уничтожения людей, преимущественно мирных — 240 тысяч за два дня во время атомных бомбардировок.

*

Прим. fb2: авторское дополнение от 06.05.2013:

В 2011 г. автор скорректировал свою точку зрения по этому вопросу.

Современный взгляд автора на тему финансирования большевиков в 1917 г. см. на странице <http://www.soviethistory.ru/news/a-21.html>

**

Прим. fb2: авторское дополнение текста от 11.2011.

После недавней публикации материалов следственного дела, которое велось против партии большевиков в 1917 г., выяснилось, что мемуары некоторых свидетелей содержат заведомо ложные утверждения. С учетом этого в своей новой книге о 1917 г., которая готовится к изданию, А. Шубин пересмотрел возможный «потолок» финансирования большевиков Ганецким, снизив его до нескольких десятков тысяч рублей.